

КОСТРОМСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНАЯ
И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ

АНДРЕЙ АНОХИН

КОСТРОМА В БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

ПОРТРЕТ ГОРОДА
ВРЕМЕН ПОСЛЕДНЕГО
ИМПЕРАТОРА

ГУБЕРНСКИЕ СВЕТОПИСЦЫ

КОСТРОМА
2013

УДК
ББК

Редакционная коллегия:

В. Г. Ковшиков, Н. В. Павличкова, Л. И. Сизинцева (отв. ред.), И. Х. Тлиф.

Кострома.....

ISBN 978-5-98295-062-8

Анохин А. Кострома в будни и праздники. Портрет города времен последнего императора. Губернские светописцы / А. А. Анохин ; ОГБУК «Костромской музей-заповедник». – Кострома : ООО «Костромаиздат», 2013. 281 с.

УК
ББК

Издание выпущено при содействии

На обложке: Русина ул. с Ильинской церковью. Нач. XX в.

© А.А. Анохин, текст, фотографии
© В.Г. Ковшиков, Н. В. Павличкова,
Л.И. Сизинцева, И.Х. Тлиф, идея, со-
ставление, редаKTура
© Л.И. Сизинцева. Об авторе этой кни-
ги
© ОГБУК «Костромской музей-
заповедник», фотографии
© Б.К. Коробов, фотографии
© И.Ю. Соглачаева, оформление
© ООО «Костромаиздат»

ISBN

Дорогие друзья!

Эта книга – о Костроме и костромичах рубежа XIX–XX веков. Её автор – историк и краевед Андрей Александрович Анохин (1951–2007). Он был уникальным знатоком истории старой костромской фотографии, которая стала не только иллюстрацией к тексту, но и персонажем этого живого рассказа.

Основываясь на воспоминаниях старожилов, статьях в старых газетах, архивных документах, автор воссоздаёт панораму жизни старого волжского города такой, какой она была сто лет тому назад, во всём её многообразии. В первой части книги повествование выстраивается в соответствии с течением календарного года, от Пасхи до Пасхи, от весны до весны, когда традиционные верования в согласии с природным круговоротом определяли праздники и будни.

Очерки, помещённые во второй части, помогают представить повседневную жизнь города и горожан с их насущными заботами, их трудом и досугом в деталях, до сей поры остававшихся неизвестными читателю.

Третья часть предлагает прогулки по исторической Костроме, маршруты которых охватывают город от центра до его окраин, знакомя с площадями, улицами, домами и, конечно, с людьми, которые всё это создавали.

Заключительные очерки посвящены фотографам-светописцам, чьим трудом и талантом были запечатлены и сохранились на стекле и плёнке подлинные картины нашего давнего прошлого.

Хочется выразить надежду, что это единственное в своём роде издание станет своеобразным мостиком, связующим поколения, позволив читателю и век спустя ощутить дыхание губернской Костромы.

С наилучшими пожеланиями,
губернатор Костромской области
Сергей Ситников

*Губернаторский спуск и церковь Бориса и Глеба.
Вид с Дебринской ул. Нач. XX в.*

*Кострома. Кремлёвский ансамбль. Фотограф Д. Пряничников.
1910-е гг.*

І ЧАСТЬ
КОСТРОМА
ОТ ПАСХИ ДО ПАСХИ

ВЕЛИКИЕ ХЛОПОТЫ ВЕЛИКОГО ПРАЗДНИКА

ПАСХАЛЬНАЯ ПАНОРАМА СТАРОГО ГОРОДА

О. Георгию Эдельштейну
и о. Андрею Логвинову
посвящается

Идет первая неделя после Пасхи – Светлая седмица. Для нас праздник закончился вместе с Христовым Воскресением, а для наших предков этот день был началом долгой и радостной Пасхальной недели. Вот как проводила её старая Кострома.

Строгая великопостная пора предоставляла благочестивым костромичам время для подготовки себя, жилищ, города к празднику праздников – Светлому Христову Воскресению. Скоро летели календарные недели. Правильная церковная жизнь обывателей шла традиционным порядком. Сотрудники учреждений, государственных и общественных, владельцы частных заведений вели хлопотливые приготовления к пасхальным дням. Составлялись и препровождались к начальству наградные списки. Одним служилым выходил очередной чин, другим – орденская или медальная награда, третьим – наградные деньги (в целый или половинный оклад). Городские власти готовили постановления о продолжительности и часах работы торговых заведений. Больше всего, пожалуй, прилагали старания к созданию торговых запасов содержатели лавок, магазинов, арендаторы торговых мест и полков.

*Кремлёвский склон весной.
Богоявленский и Успенский (справа) соборы.
Нач. XX в.*

По мере приближения праздника внутренняя жизнь общественных учреждений – комитетов, общин, братств, обществ – еще более оживлялась, хлопот прибывало. Испрашивались разрешения на право проведения сборов средств для помощи бедным жителям, заготавливались подписные листы, билеты на участие в благотворительных утрах, вечерах, концертах, печатались афиши.

Организаторами благотворительных движений в городе состояли по обыкновению лица женского полу: дамы и барышни из образованных культурных семей самого разного звания и положения. Они визитировали по домам состоятельных граждан, почтово сносились с имущими уроженцами костромичами, жителями за пределами губернии, призывая их к благовольному участию.

От такой деятельности накапливался некоторый капитал, шедший на закупку пасхальных подарков нуждающимся горожанам. В складе подарков для раздачи готовили провизию, промышленный товар, игрушки и сладости для детей. Во всех учебных заведениях города к Светлому празднику приготавливались старательно. В поднятом настроении шли репетиции спектаклей, сцен, живых картин. Приобретались призы для лотерей-аллегри (с немедленной выдачей приза). Оттачивали свое искусство чтецы-декламаторы, руководители церковных хоров – регенты – утомляли воспитанников частыми репетициями, добиваясь полной благозвучности пасхального репертуара.

Город, за зиму захламленный, остывший, согретый теперь весенним теплом, оттаивал, обновлялся, приобретал иной вид. Солнышко в великопостные дни растапливало сугробы и льды, погружая дороги и тротуары в гигантское море талых вод. Кое-где из снежных накопленных весна вытапливала кучи житейских отбросов разнообразного свойства, тайно устроенные обывателями на общественных участках. Виновники непристойных явлений отыскивались не всегда. Большинство домовладельцев к празднику старательно готовили свои жилища и дворовые территории, забывая, однако, об уличных участках напротив собственных владений. Надзор за состоянием городских улиц лежал на полицейских чинах. За несвоевременную уборку улиц нерадивых штрафовали, и дело мало-помалу сдвигалось с места – улицы празднично хорошили.

Накануне Страстной недели с утра до вечера город, казалось, приходил в высшую степень подвижности, предпраздничная горячка охватывала его целиком. Все спешили сделать запасы. Приказчики колониально-гастрономических лавок и магазинов не знали отдыха, шла лихая быстрая торговля. Пасхальный товар предлагался по самым удобным ценам – от крайне малых до обыкновенных при должном качестве. Хозяева мануфактурных, галантерейных, крас-

Пасхальная поздравительная открытка. Нач. XX в.

*Интерьер костромского Успенского собора.
Фотограф В.Н. Кларк. 1908 г.*

нотоварных дел кроме новозавезённых образцов открывали расширенные продажи вещей, прежде не имевших спроса, которые теперь, ради праздника, преподносили с «громадной» скидкой.

Такие пасхальные распродажи имели большой успех у малосостоятельной части обывателей, нарочно скопивших небольшие деньги для приобретения покупок в эти дни. Несколько дней шумел вербный базар, который особенно был важен для бедняков, составляющих скромный капитал от продажи праздничных распускающихся цветов. Вырученные деньги шли на покупку продовольствия к пасхальному столу и на некоторое время скрашивали положение их семей, влачивших скудное, убогое существование. Добрые, заботливые люди, помнящие о слабых, увечных, пребывающих в бедности согражданах, помещали в газетах обращения, призывая «не оставить вниманием беднейшую часть жителей, пришедших к великому празднику с черствым куском черного хлеба».

От Великого четверга Молочная гора обращалась в изумительно милый, живописный, кипящий торговыми страстями мир особого свойства. Весь уличный спуск горы составляли ряды торговых числом бессчётным. Крикливые бабы из заволжских слобод ловко торговали молоком, сметаной, творожным продуктом. Здесь же успешно раскупались тысячи яиц обычных, разноцветно раскрашенных и особо расписанных. Пристанская голытьба – зимогоры, до на-

чала навигации болтающиеся без дела, ожидали найма для доставки товара на дом.

И здесь, на Молочной горе, и в разбросанных по разным частям города пекарнях, куренях, кондитерских заведениях готовили разносортные куличи, вкусный, привлекательный, ароматный дух от которых поднимал предпраздничное настроение публики.

Сердечно, с особой радостью прихожане готовили храмы к богослужению. По доброму красивому обычаю заготавливалось хозяйство для иллюминирования церковных зданий. Звонари с добровольными помощниками очищали площадки и лестницы колоколен от птичьего помета, готовились к приёму любителей звона.

Отдохнувшие балаганы и развлекательные павильоны на площадях вновь одевались в яркие, нарядные вывески, завозился реквизит и обстановка. Владельцы их уже печатали в газетах подробные сообщения о предстоящих сенсационных программах и номерах. Театральные антрепренёры предлагали необыкновенную игру столичных трупп. Заезжие гастролёры, доки по части устройства «невиданных зрелищ», спешили анонсировать номера «мирового класса».

К Великому субботнему дню чистый город и горожане в лучших, светлых одеждах были готовы к встрече величайшего годового торжества из торжеств – Светлому празднику Пасхи. К полуночи городские храмы освещались иллюминацией.

Ученицы епархиального училища на Муравьёвке. Фотограф В. Карякин. Нач. XX в.

Спустя многие десятилетия свои детские впечатления о костромской и праздничной ночи В. В. Розанов, философ-земляк, описал так: «Бывало выбежишь на двор и обведёшь вокруг глазами: нет, всё черно в воздухе, ещё ни один огонёк не зажётся на колокольнях окрестных церквей! Переждёшь время – и опять выйдешь. – “Начинается”... Вот появились дватри-шесть-десять, больше, больше и больше огоньков, на высокой колокольне Покровской церкви; оглянешься назад – горит Козьмы и Дамиана церковь; направо – зажигается церковь Алексия Божия человека. И так хорошо станет на душе».

В качестве осветительных приборов для иллюминирования церквей и тогда, и позже использовались плитки разной формы из глины, фарфора, цемента, в которые заливалось специальное осветительное масло. Позже часть городских храмов украсили электрические гирлянды.

По окончании торжественного богослужения счастливые прихожане расходились по домам, неся к пасхальному столу освящённые куличи. Всю неделю праздновал город Светлую седмицу, всю неделю звучали над городом звоны колоколов: звонить разрешалось всем. Бывало, звонари пребывали на служебных местах целый день: заказы на звон поступали непрерывно. Зато по окончании они щедро вознаграждались благодарной публикой.

В эти дни часть воспитанников костромских учебных заведений отбывала в путешествия

и на экскурсии, которые устраивали для них педагоги-энтузиасты. Дети участвовали в благотворительных концертах, программах, а по окончании их мчались к весёлому гулянию на плац между Большими Мучными рядами и Гостиным двором. Полным ходом шли программы в местах общественных увеселений, с шиком неслись карусели, от неожиданных картин охала публика в синематографах. Тут же гадалки, предсказатели, игроки-прохвосты всех рангов ловко обирали любителей быстрого выигрыша, переводили обывательские деньги в свои кошельки.

Вообще же празднество имело вполне приличный, благопристойный вид. Бывали, конечно, и «случаи», но в целом порядок соблюдался. Лица, перебравшие напитков и лежавшие в луже, задержанию не подлежали, а только осторожно перекантовывались в какое-нибудь уединённое место. Типы, которые волновали общество пьяной бранью и делали попытки «похристосоваться» с молодыми барышнями, определялись для наказания в часть.

Кончалась Пасхальная неделя отдохновения, наполненная приёмами, взаимными визитами, светлыми церковными службами. Затихал беспорядочный мальчишеский колокольный звон, город возвращался к будничным занятиям. Площади пустыли, следующее городское торжество случится летом в Девятую ярмарку – главный губернский торг.

Введенская (на переднем плане) и Троицкая церкви у Богоявленского монастыря (на месте сквера на совр. улице Комсомальской). Нач. XX в.

ВЕСНА В КОСТРОМЕ

Памяти В. Н. Бочкова

С мартом, следуя указанию старого календаря, а иногда и чуть опережая порядок – в феврале – в город входила весна.

Вёсны в Костроме бывали всякие... Порой обрушивались они на город сразу, неотступно, без отдыха бушуя всей своей солнечной силой, и заставляли обывателя отрываться от дел неотложных и отдаваться не ко времени свалившимся занятиям. Скорые, быстротечные вёсны костромичи не любили. Желаннее встречалась мартовская уверенно ровная, неспешная пора, когда «к полудню – растопило, к вечеру – прихватило». Но при всех обстоятельствах, каким бы ни сулило быть время первых капелей и луж, народ встречал его с радостью и, по возможности, с готовностью.

Выбираясь из зимы, город представлял собой серую, скользкую, непривлекательную картину. За зиму и без того неширокие улицы, сжатые придорожными сугробами, так уменьшались в размерах, что встречные экипажи едва-едва разъезжались. К частым сшибкам их в такое время горожане-пассажиры привыкли.

Таковы были и тротуары. За обильные снегом, доходившие до крайности холода они суживались настолько, что с трудом пропускали пешеходов. Весеннее тепло приводило их в еще более непотребное для обывателя состояние: они превращались в ленты сплошного катка. Полиция хоть и надзирала бдительно за их содержанием, заставляла дворников делать песочные присыпки, но успевала не везде.

С приходом дружной, спорой весны в городе наступало общественное бедствие: он утопал в воде. В такие дни пешеходные передвижения были весьма затруднительны. Горожанам приходилось вынужденно брать извозчика. Дела извозных людей в лужную погоду складывались более чем удачно: пролётки, невзирая на качества экипажей, шли нарасхват.

Беседное весеннее время оказывалось весьма неблагоприятным для городской детворы. Она, промокнувшая в играх до нитки, заболела, укладывалась в постель. Ряды юной публики в учебных заведениях заметно сокращались.

В многоводные вёсны в самом плачевном положении оказывались подгорные местности города. Здания, стоявшие на склонах, обращенных к волжскому берегу, затапливались. Их подвальные и первые этажи, погреба, ледники, надворные постройки заливались водой. Её потоки не щадили ничего: смывались огороды, сараи, заборы, страдали садовые посадки... Вода и тепло повсеместно в городе открывали мусорные и нечистотные ямы, которые тайно,

под покровом зимних ночей, устраивали в неустановленных местах нерадивые обыватели.

Если же весна выдавалась ровной, спокойной, то и жизнь в городе шла обыденным чередом. С появлением первых солнечных устойчивых полдней не занятые делами горожане-старички пристраивались на ещё не просохших бывших в садах и бульварах лавочках, вели житейские беседы, вдыхали чистый весенний воздух, наслаждались прелестью поры. В хмурые дни, конечно, лавочки пустовали.

Город постепенно выгонял изо льда, освобождаясь от снежных накоплений, приласканных весной, очищался. Совершая переходы в городе, жители не спешили, походку имели

*Богоявленская ул. и гауптвахта весной.
Фотограф А. А. Макаревский. Нач. XX в.*

выверенно-точную, принаравливаясь к распутице, с осторожностью прыгали через лужи. Больше всего от весны доставалось барышням. Оберегая длинные платья от загрязнения, они одной рукой ловко поддерживали наряд, примеривались к скользкому пути, и, когда убеждались в совершенной безопасности, делали очередную шажок. Кстати, барышни как публика весьма осторожная падали меньше прочих.

Весна разогревала город. Ко второй половине марта он мало-помалу набирал силы, становился более людным, деятельным, веселым. Оживали оставленные на зиму торговые места – полки, киоски, прилавки, возобновленная торговля набирала бойкость. В пароходных зимовьях уже вовсю шли приготовительные работы. Первым начинал деятельность пароходный городок в большой зимовке – на реке Костроме, вслед ему наполнялось жизнью малое зимовье – на речке Черной, что у Татарской слободы.

Суда чинились, красились, готовились к предстоящей навигации. Ледовые переправы еще действовали, пропускали конные экипажи. С потеплением у горожан к переправам возникла настороженность: в марте начинали замечаться закраины у берегов рек и «наслудь» – поверх ледового покрова появлялась вода.

С обнаружением таких знаков горожане ожидали известий с верховьев Волги о начавшемся ледоходе. О нем выспрашивали всех прибыв-

ших из тех мест, особенно интересуясь у людей из Тверской губернии. Отчего костромичей волновало именно состояние тверской Волги? Объясняется просто: начало движения тверского льда предупреждало о приходе ледохода в Кострому в двухнедельный срок. Это особенное, беспокойное время использовалось горожанами и предпринимателями для подготовки дел к непереправной поре. Она начиналась с первой подвижкой льда.

По мере приближения ледохода к Костроме администрации верхневолжских городов слали сюда предупредительные телеграммы. О содержании их местное общество узнавало из газет. Лёд на реках то подвигался, то вставал. Правильная переправа нарушалась, и только по неотложной надобности жители, сопровождаемые за плату теми же зимогорами, пускались в рискованное путешествие. Зимогоры-проводники запасались тесницами и в наиболее опасных местах подстилали свои мостки под ноги ведомому лицу.

С нарушением переправы Кострома, как и в дни ледостава, оставалась без избытка молочной провизии. Молочная гора, место, исстари облюбованное жителями заволжской Спасо-Никольской слободы для молочной торговли, занималась городскими молочницами, причем продаваемый продукт заметно дорожал. Столичные газеты с вокзала, находящегося за Волгой, не поступали, новости из России жители

Половодье. Сер. 1910-х гг.

узнавали из местных газет, куда те передавались телефонно.

Иногда очищение рек ото льда проходило спокойно, без причинения какого-либо вреда прибрежным жителям, но чаще от ледоходного хаоса им приходилось терпеть. Когда реки созревали, входили в полную силу, и сплошная ледовая масса начинала движение, то в течение многих часов выстраивались гигантских размеров торосы. Движущиеся глыбы льда все время прибывающая вода выносила на берег, и те, не прекращая движения, сносили на своем пути всё. В такие годы особенно доставалось судам, бывшим на стоянке в костромских зимовьях. Их корпуса давило, ломало, многие из судов, не выдерживая ледового напора, получали пробоины и оказывались выброшенными на берег.

Как ни грустны были последствия бушующей стихии, она всегда привлекала внимание горожан неописуемо живописным зрелищем – диким и по-своему прекрасным. Когда основная масса льда проходила, ледоход редел, и через Волгу и реку Кострому начинались подочные переправы. В город завозили кипы накопившихся газет, почты. Заволжские бабы-молочницы возвращались к своим ежедневным торговым местам. Отважные ребяташки после учебных занятий группами слонялись по берегу, устраивали катание на льдинах. Случалось, плавучие средства переворачивались, и дети освежались в весенней воде. Вскоре на волжскую переправу выходили перевозные пароходы, а некоторое время спустя на реке Костроме наводили наплавной мост.

Обыкновенно в апреле из Буя приходили первые пассажирские пароходы, которые владельцами нарочно с последним осенним рейсом были отправлены туда на зимовку. В это время волжский берег начинал обрастать пристанями. Они занимали места согласно номерным участкам, которые хозяева брали за плату с торгов.

С установкой судоходных (грузовых) пристаней на берегу можно было наблюдать компании в драных одеждах: возвратились зимогоры-«беспашпортники», поздней осенью уходившие в зимний отход – на поиски работы, скрываясь от «дурного» полицейского глаза. К апрелю их общество, уже сколоченное в артели, пребывало в ожидании первых судов для разгрузки. От артелей назначались дозорные – караулить их приход.

О приходе первого пассажирского парохода за несколько дней сообщали газеты. В день появления судна-первенца горожане устраивали ему торжественную встречу. Постепенно уходили из зимовок суда-постояльцы, их прощальные благодарственные гудки подолгу звучали над городом. С запозданием выходили суда, пострадавшие во время ледоходных событий. Иногда

Богоявленская ул. Нач. XX в.

Волга пошла. С открытки изд. А. Н. Чемоданова. Нач. XX в.

Пароход «Крестьянин» после зимовки в Бую готовится к открытию навигации. 1916 г. Фотограф Марк Смордоп

не имели возможности выбраться к большой воде небольшие баржи и буксиры из чернореченского зимовья: ледоход накрепко забивал выход к Волге. Для его разборки требовалось время.

Еще долго стояло половодье, вода безжалостно затапливала обывательские дома и подвалы, в ней утопали стены Ипатьевского монастыря, Андреевская слобода, заливался берег при фабриках. Речка Черная вдруг превращалась в такую многоводную гладь, что с городом можно было снестись только на лодках.

Лишь когда листы сытинского календаря показывали май, грозы окончательно пробуждали природу, взор горожан усаждался

юно-зелёным цветом деревьев и трав. Город предстал в преддверии наступающего лета в своём новом обличье и полной обустроенности. Кое-где в северных, тeneвых, низменных местах, в балочках да оврагах, правда, ещё некоторое время виднелись буро-холодные островки льда – знаки совсем недавней зимы. Но очень скоро лето растапливало и их.

Костромички. Фотограф Н.А. Карякин. Нач. XX в.

МАРТОВСКАЯ ГАСТРОЛЬ 1912 ГОДА

Большой зал дома Дворянского собрания на Павловской улице в старой Костроме, бесспорно, принадлежал лучшим по красоте и убранству помещениям такого разряда и был известен своими замечательными свойствами далеко за пределами губернии. Устроенный постоличному, торжественно-светлый, изящный, вместительный, он, распахнув свои двери обществу, стал настоящим очагом культуры. Здесь выступали гастролировавшие (кто – намеренно, кто – проездом) известные и неизвестные поначалу, но ставшие впоследствии гордостью российской культуры актеры, певцы, музыканты... Нередко принимал здесь костромской зритель и заграничные таланты.

В белых зальных стенах блистали изысканными нарядами персоны из высшего света ранга губернского и столичного, но так же привычно встречали эти стены и публику в самом обыкновенном платье. Зал, как, впрочем, и дом, жил не раздельной, не обособленной от горожан жизнью. Вход сюда был открыт всем. Взрослые простолюдины, любители всего изящного, запросто посещали концертные программы, представления. Для их детей устраивались праздничные детские утра, рождественские елки, пасхальные базары, благотворительные лотереи и вечера. Об одном из таких вечеров я услышал рассказ прекрасной, душевной старушки – Анны Николаевны Арсеньевой.

Её, педагога-музыканта, хорошо знают, вспоминают теплыми словами люди из музыкального мира Костромы. Когда мы познакомились, ей было за восемьдесят. Несмотря на такой значительный возраст, она обладала завидной памятью, которая имела исключительно редкую способность: с поразительной точностью воссоздавать обстоятельства, относящиеся ко всяким музыкальным событиям.

В первую нашу встречу, после нескольких минут беседы с ней, у меня тотчас же сложилось впечатление, что музыка, и только она одна, составляет смысл её одинокого существования. В скромно обставленной комнате Анны Николаевны не было привычных бытовых вещей, а имелись только те, что, пусть и отдаленно, но имели отношение к музыке и искусству вообще.

Большую часть комнатной площади занимал зачехлённый рояль. На пюпитре покоились ноты, крышка старинного метронома всегда была открыта – Анна Николаевна музицировала ежедневно. Окружали её бесконечные тома нот, книг о музыке и музыкантах, в рамках

Пианистка и композитор Ирина Энери. 1912 г.

на стенах висели портреты любимых композиторов. Даже мозеровские часы, будучи в неисправности (стояли), были «с боем». Мелодичный часовой звук хозяйка нарочно, с намерением представила мне.

Впервые я пришел к ней по открыточным делам в надежде разыскать что-либо из видов старой Костромы. Открытки с видами нашлись, и она, довольная тем, что оказала услугу, передала мне несколько штук и пригласила заходить «другой раз». Другой раз случился скоро: она позвонила сама и пригласила быть в удобное время.

– Пынче я вам открыток не нашла – как бы извиняясь сообщила она, открыв дверь, – зато откопала в бумагах нечто костромское, как вы просили, и, полагаю, это будет весьма небезынтересно.

Она усадила меня вблизи рояля и с необыкновенной нежностью вложила в мои руки продолговатый плотный лист с фотографией. Это

Irène Enéri

была концертная программка. В уже пожелтевшую, но добротную и, видимо, прежде дорогую бумагу в специально сделанные врезки-уголки была вставлена фотография девочки, почти ребенка. Текст программки сообщал: «Зал Костромского дворянского собрания. 11 марта 1912 г. В пользу детского приюта Имени Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны. Программа концерта юной пианистки-композитора Ирины Энери».

Вторая страница была чиста, на третьей давался перечень произведений, должных звучать в концерте из трёх отделений. В конце страницы указывалось: рояль фабрики «Шредер», начало в 8 час. вечера. И самая нижняя крохотная строка представляла изготовителя программного буклета – Костромскую губернскую типографию. Подписей на экземпляре не было.

Я стал разглядывать портрет на первой странице. Анна Николаевна молчала, и никаких комментариев я сначала не слышал. С фотографии на меня смотрело лицо девочки лет 10–11, симпатичное, милое. Прическа была обыкновенной – с бантом, длинные гладко причесанные волосы эффектно спускались ниже плеч. Строгую белую кофточку с пелеринкой украшали тёмная брошь и такого же цвета бусы. Когда я закончил пристрастный просмотр и перевёл взгляд на Анну Николаевну, она особенным голосом, благоговейно сказала: «Правда, приятно? Я была на этом концерте и хорошо всё помню. Хотите, расскажу?»

В 1912 году Аня Репина посещала частную музыкальную школу В. С. Сумароковой-Мориной, которая располагалась во втором этаже дома Мыльниковых на Русинной улице (ул. Советская, 7). В марте воспитанницы школы за несколько дней были извещены о предстоящем концерте И. Энери. Задолго до концертного дня девочки-воспитанницы, одетые «соблюдая приличия» – в обыкновенную учебную форму, собрались в помещении школы и «осмотренные» педагогами группы направились к Дому дворянства, на Павловскую.

– На улице было непогодно: лужи, грязь. Мы очень боялись испачкать

ПРОГРАММА КОНЦЕРТА
юной пианистки-композитора
ИРИНЫ ЭНЕРИ.

Отделение I-е.

1. Toccata, fugue . . . Bach-Tausig.
2. Tambourin . . . Rameau Godovsky.
3. a) Pastorale | . . . Scarlatti Tausig.
b) Caprice |
4. Sicilienne . . . Bach.
5. Rondo Capriccioso . Mendelsohn-Bartholdy.

Отделение II-е.

6. a) Mazurka A-moll
b) Душистый горошек (Pois de senteur)
c) La fauvette (малышка)
d) Miniature
e) Valse mysterieuse

par Irène Enéri.

7. 10 Préludes | . Chopin
8. Polonaise Asdur |

Отделение III-е.

9. Campanella . . . Liszt
10. Des Abends . . . Schumann.
11. Venezia e Napoli . . Liszt.

Рояль фабрики Шредеръ.

Начало въ 8 час. вечера.

Костромская Губернская Типография.

ПРОГРАММА

музыкального вечера учащихся въ школѣ

В. С. МОРИНОЙ.

28 НОЯБРЯ 1909 г.

1. Танецъ . . . . . Родэ. исп. Огородникова (кл. В. С. Мориной) 2. Похоронный маршъ . . . . . Шпиндлера. исп. Петропавловская (пр. отд. по кл. Е. Смирновой). 3. Баркаролла . . . . . Бургмюллера. исп. Скворцова I (кл. Л. К. Середовичъ). 4. Вальсъ . . . . . Гурлита. исп. Госкинсъ (кл. А. Г. Ключаревой). 5. <i>Spielweise Concertino</i> . . . . . Данго Делла. исп. Госкинсъ II (кл. А. Г. Ключаревой). 6. Неаполитанская пѣсня . . . . . Чайковскаго. исп. Павловская II (кл. Л. К. Середовичъ). 7. Вальсъ . . . . . Чайковскаго. исп. Исполотова II (кл. А. Г. Ключаревой). 8. а) Въ церкви, в) Новая кукла . . . . . Чайковскаго. исп. Гриценко I (кл. А. Г. Ключаревой). 9. „Трубочистъ“ . . . . . Вандельта. исп. Огородниковъ II (кл. Н. Э. Чижевской). 10. Утренняя серенада . . . . . Шубертъ-Геллера. исп. Кедровъ (кл. В. С. Мориной). 11. Nostalgie mignon . . . . . Эхкарда. исп. Прохорова II (кл. Н. Э. Чижевской). 12. Котильонъ . . . . . Глинни. исп. Текутьева (кл. В. С. Мориной). 13. Баркаролла . . . . . Шарвенна. исп. Живилонъ (кл. А. Г. Ключаревой). 14. Андалузка . . . . . Пессара. исп. Кедрова (кл. А. Г. Ключаревой). 15. Романсъ и скерцо изъ дѣт. сюиты (каноны) . . . . . Аренскаго. исп. Лютовская и Кедровъ (кл. В. С. Мориной).	16. Колыбельная . . . . . Sitt. исп. Скворцовъ (кл. М. П. Епифансва). 17. Improvisation . . . . . Годара. исп. Шкоттъ (кл. В. С. Мориной). 18. Этюдъ . . . . . Бургмюллера. исп. Кузнецова { кл. В. С. Мориной. акк. Ботникова } 19. Echo rustique . . . . . Чайковскаго. исп. Павловская I (кл. Л. К. Середовичъ). 20. Impromptu As-dur . . . . . Шуберта. исп. Троицкая (кл. А. Г. Ключаревой). 21. „Баллада“ . . . . . Годара. исп. на 2 рояляхъ { кл. В. С. Мориной. Брезовская и Штаковская } 22. Silberquelle . . . . . Бенделя. исп. Надеждина (кл. В. С. Мориной). 23. „Дѣва Марія“ . . . . . Луцци. исп. Бородатова (кл. Н. Э. Чижевской). 24. Вариации f-moll . . . . . Гайдна. исп. Баженова (кл. А. Г. Ключаревой). 25. Арія изъ оп. „Царица Савская“ . . . . . Гуно. исп. Николаевская II (кл. Н. Э. Чижевской). 26. Лорелея . . . . . Силинга. исп. Верзанская (кл. Л. К. Середовичъ). 27. 2-я и 3-я части сонаты Es-d . . . . . Бетховена. исп. Смирнова (кл. В. С. Мориной). 28. „Смирись предъ Творцомъ“ . . . . . Мендельсона. исп. Дрындина (кл. Н. Э. Чижевской). 29. Баркаролла . . . . . Лядова. исп. Моргенфельдъ I (кл. В. С. Мориной). 30. Арія изъ оп. „Русалка“ . . . . . Даргомыжскаго. исп. Николаевская I (кл. Н. Э. Чижевской).

Отвѣтственное лицо начальника школы **В. С. Мориная.**

Начало въ 8 часовъ.

Дозволено цензурой.

Кострома. Губ. Тип.

нашу форму, отчего шли очень осторожно, правильно, вели себя смирно. У подъезда стояло много экипажей, из них выходили люди целыми семьями, и все время подкатывали новые извозчики, подвозили публику. Волнения наши за внешний вид закончились, когда мы вошли в здание. Вестибюль был полон, больше всего было детей. Я встретила много знакомых и подруг из городских училищ. Нас провели в большой зал, который в этот раз – я не впервые была там – имел столько света, будто стоял солнечный день. Вы знаете, ведь там было электричество! Когда Энери вышла на сцену, то мы увидели, что она почти такая же девочка, как мы: лет тринадцать, но возможно, четырнадцать. Я сразу влюбилась в неё ещё до начала игры. Когда она мягко, умело присела к инструменту и стала играть, все пришли в неописуемый восторг.

Далее Анна Николаевна произнесла в адрес юной пианистки столько полных восхищения прелестных слов, что передать их все, я конечно же, не смогу. Программку этого воскресного вечера она отдала мне «в память музыкальной старушки и её благословенного времени». Каких-либо подробностей о дальнейшей судьбе талантливой «пианистки с косичками» Анна Николаевна не знала. Сказала только, что Энери – псевдоним.

Через год с небольшим после нашего знакомства Анна Николаевна умерла...

Мне захотелось узнать хоть что-нибудь о замечательной девочке, укрывшейся под псевдонимом Энери, но это мне, увы, долго не удавалось: справочники, энциклопедии молчали. Совсем недавно, просматривая старые костромские газеты, я обнаружил несколько заметок, посвящённых приезду И. Энери. Все они признали концерт пианистки-композитора по-настоящему волнующим событием в культурной жизни города и посвятили её гастроли изумительно тёплые строки.

Белый зал Костромского дворянского собрания. Фотограф Б.П. Дунаев. Нач. XX в.

В. С. Сумарокова-Морина, основательница частной музыкальной школы в Костроме. Кон. XIX – нач. XX в.

«Своей игрой, совершенно уже законченной, молодая пианистка-композитор произвела прекрасное впечатление на публику, и некоторые произведения великих композиторов, которые, по своей трудности, исполнялись немногими пианистами, Ирина Энери сыграла безукоризненно. Кроме Листа, Баха, Шопена и др. Ирина Энери исполнила несколько своих композиций, несомненно, это детские произведения, но в них чувствуется самостоятельность и талант исполнительницы». Все газеты отметили и тот факт, что сбор от концерта в пользу приюта «выразился в довольно крупной цифре».

Впрочем, с именем И. Энери я ещё раньше встречался дважды. В одном из сборников прочёл, что она в 1918 году участвовала в благотворительных концертах в Петрограде. А в 1923 году журнал «Жизнь искусств» поместил короткую заметку о гастролях концертирующей в Германии известной артистки И. Энери, которая «имеет полный успех и лучшую прессу». Вероятно, в Россию она не вернулась.

ЛОДОЧНЫЕ СЮЖЕТЫ ГОРОДСКОГО ЛЕТА

В начальных числах апреля Волгу ещё прочно сковывал ледяной покров, но на грязно-серой его поверхности уже виднелись водяные проплешины – наслуди, а у берегов поблескивали большие и малые закраины. Теплом растапливалась волжская переправная дорога, намороженная за зиму. Она тощала, становилась опасной. Пешие обыватели и саночные экипажи следовали по ней с повышенной осторожностью. Крестьяне Спасо-Никольской и Селищенской слобод скоро наводили ремонт собственным лодчонкам. Они, свежeverкрашенные,

осмолённые, к моменту первых подвижек льда стояли в полной готовности. Начинался ледоход. Лёд то шёл в продолжение нескольких часов, то вставал. Выбирая удобный момент, крестьянские лодки переправляли пассажиров, коих вынужденные обстоятельства заставляли совершать рискованные путешествия.

Лодкодержатели за много лет выучились умело лавировать между двигающимися льдами и, прилагая значительные усилия, успешно преодолевали речную стихию. В опасный сезон крестьяне имели порядочный заработок – цена за услуги была немалая. С возобновлением рейсов перевозных пароходов крестьянские лодки теряли доход, им выходили теперь случайные заработки от обывателей, желающих ночных переправ. Лодочники переключались на хозяйственные дела: возили всякие грузы, занима-

Перевоз через Волгу у Молочной горы. Лодка-завозня у берега. Нач. XX в.

лись ловом рыбы, отдавали лодки в прокат как прогулочное средство.

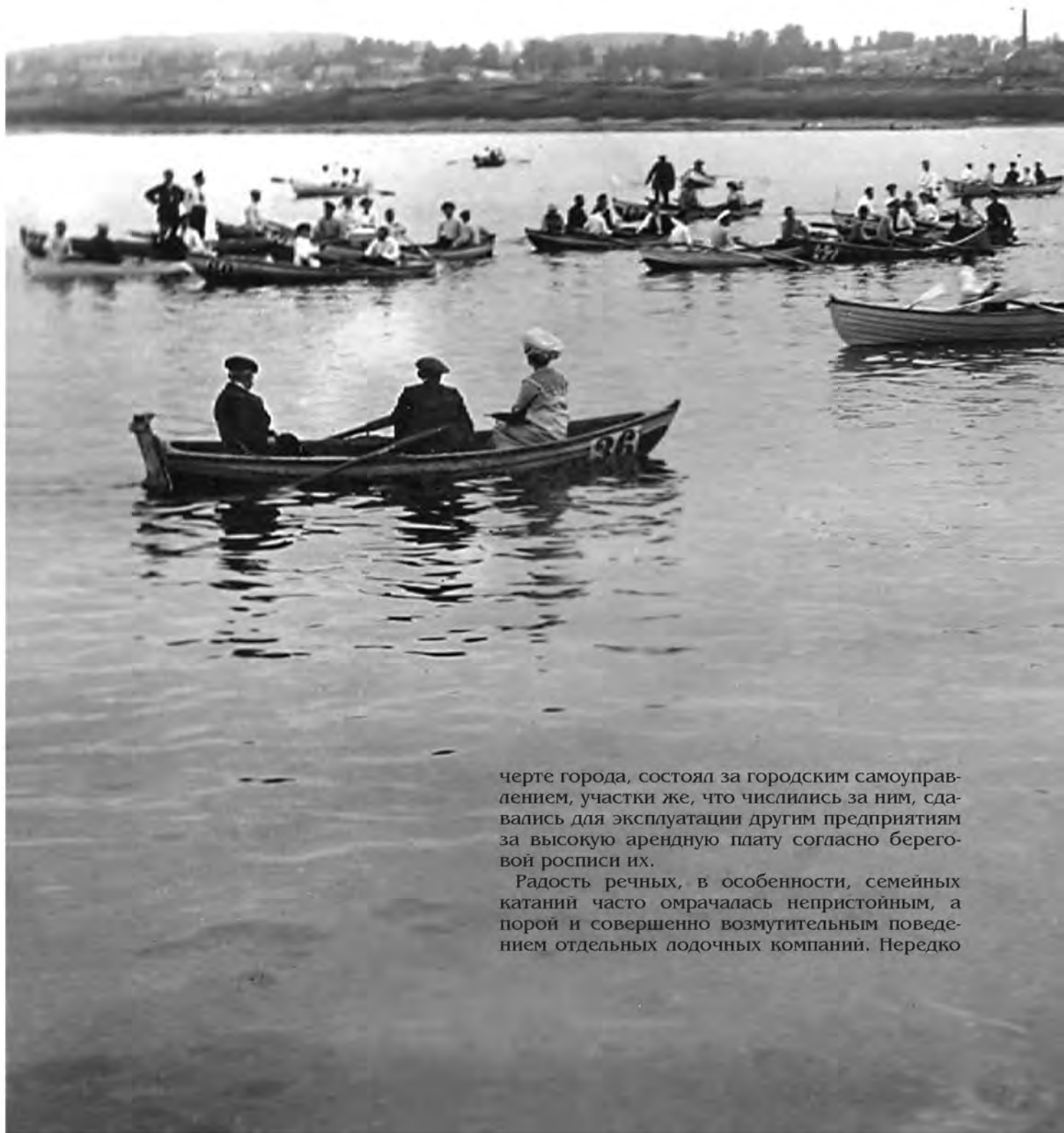
Лодки имели многие горожане. Обыкновенно они использовались для здорового семейного отдыха. К услугам лиц, не имеющих лодок, была станция, где катера отдавались в прокат «на часы и помесечно». Содержатели «мест под постановку лодок» брали их у города с торгов на арендный срок (два-три года). Кроме прокатных услуг здесь действовала торговля новыми катерами, принимались в покраску и ремонт старые обывательские суда, предлагались услуги по хранению.

Бывало, что лодочные места устраивались обособленными, но лодки больше содержались при торговых купальнях. Гуляния на Волге в катерах из всех общедоступных видов летнего отдыха костромичи почитали за лучшее времяпрепровождение. В дни воскресные и праздничные катера всегда оказывались сданными, их не хватало.

Лодочный промысел числился в разряде прибыльных дел, отчего и плата за право владения лодочным местом в торги ежегодно шла на повышение. Если содержатели купален уплачивали по сто рублей за место, то за места лодочные приходилось платить более шестисот рублей. Пользуясь монопольным правом проката, предприниматели назначали цены в зависимости от спроса, изрядно взвинчивая их при наплыве публики. Возмущённому обывателю приходилось только мириться с вольными ценами, ибо достать в городе хороший легкий катер для прогулок оказывалось весьма непростым делом.

Горожане писали жалобы, просили о выработке такс. В ответ городское начальство сообщало, что считает излишним вмешиваться в «частные отношения», поскольку «наем лодок для катаний не является необходимою общественною потребностью, а лишь удовольствием». Устроить второе лодочное место было невозможно: весь волжский берег, бывший в

черте города, состоял за городским самоуправлением, участки же, что числились за ним, сдавались для эксплуатации другим предприятиям за высокую арендную плату согласно береговой росписи их.

Радость речных, в особенности, семейных катаний часто омрачалась непристойным, а порой и совершенно возмутительным поведением отдельных лодочных компаний. Нередко

распространялись над Волгой пьяные бранные крики, «громкое и несдержанное» пение, звуки от скандалов самого крайнего вида. Последние происходили от столкновения катеров с командами проходящих судов и буксиров. Праздные гуляки, разгорячённые напитками, стремились зацепиться за их рули и борта.

Гласные города пытались выработать правила пользования лодками для установления на воде

Пристань и лодочный причал в районе Ильинской ул. Нач. XX в.

надлежащего порядка, но их благим устремлениям мешала уже известная ведомственная раздробленность волжских участков. При принятии таких правил получалось бы, что при переходе из городских вод в другие думские законы в них бы уже не действовали. И всё так же безнадзорно и свободно скользили номерные и частные катера с красивыми названиями, наполненные публикой разного достоинства, из

костей более всего неудобств от простонародных выражений выходило порядочному люду, в особенности барышням и дамам, красневшим от конфуза.

Порядок, благопристойность, лад всегда сопутствовали спортивному употреблению лодок. Пусть и не регулярно, но гребные состязания в городе случались. Хорошо устраивали дела лодочных состязаний члены Губернского гимна-

Утро на реке. Фотограф Н.А. Карякин. 1903, 10 июля

Лодки на Волге. Нач. XX в.

стического общества. Оно имело собственные катера, которые сдавались в прокат всем желающим за плату, сами члены общества пользовались льготной ценой. Для обывателей, «ищущих приятно-полезных развлечений», общество устраивало вылазки-прогулки в какую-нибудь пригородную живописную местность.

По приходе туда всякий мог откусать чаю, воспользоваться услугами буфета «без крепких

напитков». Самые выдающиеся гребные гонки на призы общества состоялись летом 1913 года против «царской пристани» у юбилейной земской выставки...

Кончалась навигация. Последними лодочный сезон заканчивали крестьяне заволжских слобод, перевоза «за дорого» публику во время ледостава.

Берег Волги в районе Нижне-Набережной ул. у Никольской (Христорождественской) церкви. Нач. XX в.

Л ЕТО – ВРЕМЯ КУПАЛЬНОЕ

Встарь вёсны редко обращались в лета неприятно, и почти ежегодно, за редким исключением, в мае на Кострому обрушивалась жара. Она захватывала город, и горожане, изнуренные майским зноем и пылью, от которых они всегда страдали, тянулись к рекам: начинался купальный сезон. Впрочем, купальное время для некоторой части обывателей начиналось

задолго до общепринятого, когда воды городских рек еще не были разогреты.

По неизвестно когда заведенной традиции купанье в городе открывали крепко подвыпившие граждане, желавшие развлечений и отрезвления. Плавание в студёных водах зачастую оканчивалось для смельчаков трагически – народ тонул. Примером разудалым лицам это не служило. Изрядно накушавшись хлебного вина, самогона, пива, они вдруг приобретали безудержную потребность омыться в реках. Непременно в одеждах.

Губительные выходки повторялись из года в год. Трупы утонувших вылавливались привычными ко всему руками зимогоров. Делали они

эту работу безропотно и бесплатно, дабы не иметь лишних объяснений с чинами полиции на паспортный предмет. Извозчикам, доставлявшим утопших к анатомическим избам при полицейских частях, также не платили – это была их неприятная обязанность. Степенный обыватель купания начинал только после полного «созревания» воды, то есть когда температура устанавливалась не менее 17 градусов.

Костромичи в XIX веке в отношении купальных мест имели полное неустройство. Ответственных водных благоустроений власть городская не предполагала, а думала по сему предмету лишь о запретных мерах, коими пыталась охранить народную нравственность. В по-

становлении 1871 года городские власти записали: «Для устранения неприличия запрещается купанье в реках Волге и Костроме на видных местах, как-то: близ пароводных пристаней, около перевозов, платьемоен (плотов для полоскания белья) и вообще в местах публичных, где бывает много народа, вообще же против города и близ домов».

Законопослушный костромич всяких «обязательных постановлений» читать не любил, а исполнять – тем более. Обыватель делал всё так, как считал нужным и удобным для себя, да и от нажитых привычек отказываться не желал. Для купанья же горожане избирали именно те места, что были поименованы в постановлении.

Волжская купальня «Союз». Фотограф Д.И. Пряничников. 1912 г.

Значительная часть жителей без стеснений плескалась публично у пристаней, беседок, вдоль всей набережной. Более благонравные в купаниях искали уединения, уходили подальше от публичного взора, храня тем самым нравственные принципы.

Излюбленным пляжным местом у костромичей были песчаные косы, что лежали против города. Особенно многолюдно и шумно было здесь в жаркие воскресные дни. Естественную песчаную ширь заселяла публика-однодневка, и местность обращалась в многоголосый, звонкий купающийся городок. Сюда приходили семьями на целый день. Народ купался, отдыхал поблизости в прибрежной тенистой березовой роще.

Отцам города никак не удавалось прикрыть место народного купанья, они были вынуждены терпеливо созерцать большое скопление резвившегося в воде народа и выставлять при этом полицейский пост. Мордобойных сцен и утоплений здесь хватало, и при таком скоплении публики надзор за местностью был необходим по закону.

Придать общественному купанью пристойный вид управителям города никак не удавалось, и тогда они серьезно задумались над исправлением положения. В 1879 году городская дума приняла решение: «Дозволять безостановочно

устройство на реках купален, причем дозволить свободно и бесплатно». Но увы. Охотников на новое дело не находилось, в летних городских водах купальщики плескались своевольно. Тогда городские власти решили сами прикоснуться к делу. Составили сметы на устройство даровых общественных купален и плотов. Составили, и, когда увидели дороговизну задумки, их деловой пыл остыл. Решено было ничего купального за счёт города пока не городить.

Попытку осчастливить костромичей в купальном отношении предпринял в 1891 году крестьянин Ярославской губернии некто В. Крутов. Но по причинам неизвестным город отказал ему в отдаче места на берегу Волги для устройства торговой купальни. Самоуправление Костромы в купальном вопросе созрело лишь к 1899 году.

Скромная по виду и еще более по затратам купальня от города «украсила» волжский берег. На значительном отдалении друг от друга на берегу за загородками выставили два тесовых – мужское и женское – отделения-балагана. Внутри поставили лавки для раздевания «с видом на воду». Собственно купалки представляли собой увязанные в прямоугольник брёвна, обозначающие границы дозволенного водного пространства. На этом удобства заканчивались.

Берег р. Костромы у фабрики Т-ва БКЛМ. Нач. XX в.

Малорадостные с виду купальные места не пустовали, простолюдины охотно посещали эти «прогрессивные» устройства, призванные служить к исправлению нравов соответственно взглядам XIX века, когда купанье должно было совершаться скрытно от чужого взгляда. Увы, количество зрителей, наблюдавших публику в нехитрых купальных костюмах, во много раз превышало число купающихся. Наблюдатели живо обсуждали наружный вид купальщиков, отпускали в их адрес разного рода колкости недвусмысленного содержания, на берегу стоял откровенный гогот любопытной толпы.

Поблизости от купальни на ялике дежурили матросы спасательной станции от Костромского окружного правления Императорского Российского общества спасения на водах. Сама станция находилась в конце Молочной горы, на берегу за Московской заставой. Здесь на её вышке с весны до осени действовал наблюдательный пост. Дежурный матрос обзревал водную даль и в случае надобности оповещал караульных на лодке, и те спешили к месту оказания помощи.

Спасательную службу возглавлял урядник или, по-другому, – атаман станции, в распоряжении которого находилось девять матросов. Станция содержалась за счёт общественных средств, которые складывались из членских взносов,

сумм, получаемых от благотворительных спектаклей и частных пожертвований.

Новый XX век переменил взгляд городских властей на купальное дело, которое в соседнем Ярославле, например, уже давно процветало в виде коммерческих предприятий. Участки для установки частных торговых купален решили сдавать с торгов: кто предложит большую цену, тот и владеет местом в продолжение трёх лет. Чтобы не отпугнуть предпринимателей, цену за место назначили небольшую.

Первые торги выиграла за 50 рублей некто госпожа Ласточкина. Установленная ею купальня по тому времени являла собой верх совершенства. Это было немалых размеров устройство из добротного плота, на котором размещались кабины, отделённые друг от друга так, что пользователи были полностью изолированы от соседей. Кабины имели пол, но не имели крыши. Каждый купальный ящик-номер мог принять 4–5 человек.

За удовольствие быть в нём следовало уплатить. Плата за одноразовое посещение назначалась в 20 копеек, если пришли вдвоём, – в 25. Выгодным считалось иметь купальный сезонный билет, но плату за него нужно было вносить сразу. Семейный сезонный билет стоил: для главы семьи – 3 руб., для его жены – 2,5 руб., для каждого из детей – 2 руб. Цена

Дачная купальня на Волге под Костромой. Фотограф В.Н. Кларк. Нач. XX в.

весьма и весьма немалая. Кроме того, считалось приличным выдать служителю «на чай». Кстати сказать, самоварный чай впоследствии в купальнях подавали. Тут же можно было спросить мыло, полотенце, зеркало. Сезонники свои личные купальные принадлежности и полотенца хранили у служителя (услуга входила в стоимость билета). Пользоваться волжской ванной в загородке мог только состоятельный обыватель, малоимущие граждане бултыхались бесплатно в народных устройствах. Их в начале XX века прибавилось числом.

В 1901 году Товарищество Новой Костромской льняной мануфактуры по согласованию с полицией поставила на реке Костроме две бесплатные купальни для своих рабочих. Сему доброму примеру последовали и другие фабрики, добавив к существующим свои. Заходустный фабричный берег стал представлять собой народную купальную косу. Купальни здесь были весьма простого исполнения: плоты в виде прямоугольника без пола (дно очищалось от разного рода предметов, могущих нанести увечья купальщикам). На берегу стояли тесовые навесы с лавками для раздевания. Вдоль купален курсировала спасательная лодка с матросами.

Поскольку купальная местность находилась в распоряжении фабричной публики, отличающейся простотой нравов и весьма размытыми представлениями о нравственности, то нарушения благопристойности случались часто. Здесь, как нигде, можно было наблюдать картины словесных перепалок, взаимных оскорблений, подчас украшенных отборной матерщиной. Можно было просто так заработать и по физиономии. Выйти же из воды и не обнаружить своей одежды было делом обыкновенным: воровство тут процветало.

Случались и всякие бесстыдные действия от разогретых алкоголем охотников до женского полу вплоть до попыток к изнасилованию. Увы, задержать злонамеренных лиц удавалось не всегда: посягатели на отдых местных дам, как правило, оказывались хорошими пловцами.

Очень часто здешние купальщики испытывали неприятные ощущения, получаемые вполне натуральным путём: выше по течению часто ставились суда и барки, перевозившие керосин и прочие минеральные масла. И если уж такое судно имело там стоянку, то от него непременно тянулась вниз к купальням плёнка разноцветного рисунка, отчего тела купальщиков и их костюмы покрывались грязными пятнами. Вдобавок воды купален часто «ароматизировались» нечистотами, что поступали из судовых гальюнов. Однако, место, хоть и имело дурную славу, всё же успехом у обывателя пользовалось, не пустовало.

Бесплатные народные купальные загородки из брёвен и жидкие навесы для раздевания на берегу никогда не меняли своего вида. Платные

же водные нумера от начала своего серьёзно изменили наружность и внутреннее устройство в лучшую сторону. К предреволюционным годам это были уже капитальные устройства, основы которых составляли баржи. Купальные кабины были оборудованы легкими крышами, защищавшими клиентов от чужого глаза.

Госпожа Ласточкина первенствовала в купальном деле до 1905 года. Затем её сменил новый арендатор, Д. Н. Варенцов, а в следующий сезон составила компания из трёх предпринимателей: А. К. Голубева, А. Д. Рассадина и Ф. И. Боровского. Это товарищество приняло впоследствии для своей фирмы название «Союз». «Союзовские» купальни улаживали горожан до самой революции. Сия фирма цепко держала промысел в своих руках, и он принёс ей хороший барыш. Не видело в этом выгоды только городское самоуправление, и купальные деньги текли мимо городского кошелька.

А между тем народ шёл в водные нумера, несмотря на все неурядицы, происходившие вокруг них – порой и мест не хватало. Народ шёл и платил за в общем-то не слишком комфортные условия и купание в сомнительного свойства воде.

Если внешний облик купален менялся, то нравы и порядки оставались неизменными, равно как и общая купальная картина губернской Костромы. С начала лета массовый обыватель захватывал прибрежные воды городских рек, и никакие полицейские протоколы не могли вернуть городу купальную благопристойность, бывшую еще в середине XIX века. Горожане жили под лозунгом: «Обыватель всегда прав!»

КАК МОРОЖЕНОЕ В КОСТРОМЕ НАЧИНАЛОСЬ

Наступало лето. Зелёный, цветущий город захватывала жара. Она доводила горожан до ношения самых лёгких одежд, и они в часы, свободные от дел, принуждены были спасаться от зноя и пыли под сенью садовых и бульварных деревьев. Здесь истомившийся обыватель мог получить порцию-другую охлаждающего продукта – мороженого. В покое, охлаждаясь изнутри мягкой сладкой массой, он находил полное удовольствие.

О «бульварном» мороженом в «Воспоминаниях костромича» С. М. Чумаков написал так: «В начале малого бульвара стояла деревянная будка, в которой в летнее время торговал мороженым известный всей Костроме Михеич. Мороженое изготовлялось им самым первобытным способом, но было очень вкусного качества и самых разнообразных сортов, почему и пользовалось большим спросом».

Пристрастие обывателей к холодному продукту местный журналист изобразил в шутовском четверостишии:

Кострома, как все старушки,
Любит сладкое весьма
И с мороженым кадушки
Очищает вмиг до дна.

В XIX веке мороженое относилось к разряду домашних деликатесных продуктов. Готовили лакомое блюдо искусные кухарки, состоявшие при благородных домах. Рецепты приготовления можно было отыскать в любом журнале для семейного чтения.

Со временем модное кушанье вышло за домашние стены: его вырабатывали в кухнях ресторанов и кафе. По виду мороженое походило на холодную сладкую кашу всех цветов. Твёрдого сладкого льда не имелось – машин для получения искусственного льда в городе не было, в холодильном деле применялся естественный речной лёд.

Первые киоски для регулярной торговли мороженым появились в городе в 1880 году. Мещанам Лисину и Михееву было разрешено на городском бульваре устройство балаганов для торговли мороженым. В начале нашего века в Костроме появился новый способ торговли мороженым – вразнос. Подробности этого вида торговли сообщает опять же С. М. Чумаков: «появлялась ручная повозка с ящиком, набитым льдом, тут же продавалось мороженое, которое отпускалось потребителям вложенное в больших гранёных рюмках. Для извлечения же мороженого выдавалась костяная ложечка, так что мороженое надо было есть не отходя от тележки. После чего посуда и ложка прополаскивались в талом льде, вытирались фартуком не первой свежести и были готовы для убогствования следующего потребителя».

Сквер на Сусанинской пл. Справа указан путь к мороженщице. Нач. XX в.

Надо заметить, что со времени открытия мест продажи мороженого сей «уличный» продукт совершенно не потреблялся «образованной» публикой – она не желала испытывать на себе несовершенство городской торговой гигиены. Впрочем, относительно чистоты и натуральности самого продукта сомнений никто не имел. За местами, в которых приготавлилось мороженое, имелся строгий санитарный надзор. Обязательные постановления «по торговле сахарным мороженым» разрешали изготовителям применять только безукоризненно свежие «пищевые предметы» без каких-либо примесей вредных для человека. Даже сахарин не допускался ни в каких размерах.

Иногда все же отмечались случаи отравления мороженым. Торговлю закрывали до полного разбирательства. Главная беда мороженщиков заключалась в том, что они не могли обеспечить потребителю стаканы и ложки должной чистоты. Санитарные врачи привлекали их за «несодержание себя в чистоте и опрятности», «за медные ложки с облезлой полудой».

Мир мороженщиков был сосредоточен в центре города. Их киоски действовали на городском бульваре, на Малом бульваре, что к волжской беседке, у церкви Воскресения, на Русинной улице. С приездом цирка открывался киоск на Сенной площади. Развозные торговцы предпочитали стоять делом на Сусанинской площади, на плацу. Здесь им разрешали торговлю в базарные дни. Многие предприниматели

Мороженщик на Сусанинской площади. Нач. XX в.

пытались открыть на главной площади постоянную торговлю мороженым, но городские власти сочли, «что неудобно обращать Сусанинский плац в торговый рынок», и разрешений не давали.

Летом хорошего мороженого можно было откусать в кинематографах, в садах, где гастролировали концертные и театральные труппы. В этих очагах культуры и образованный люд не отказывал себе в удовольствии употребить мягкого, ароматно-натурального вкусных свойств мороженого.

Мороженщик на Солдатской ул. Нач. XX в.

ГОСПОДА ДАЧНИКИ

О скором приближении дачной поры костромичам задолго до начала лета напоминали газетные объявления господ предпринимателей. Обыкновенно в марте, когда город ещё не очистился от зимы, а обыватель пребывал в весенних заботах, на газетных полосах разворачивалась широкая рекламная дачная кампания. Объявления приглашали горожан в лавки и магазины, разбухшие от товарных приготовлений торговцев. Зазывальные объявления пестрели заголовками: «К дачному сезону!», «Исключительно дачные новости!», «Только что получено для господ дачников!»

Не тотчас, спустя некоторое время, обыватель, начитавшись лихих рекламных обещаний, устремлялся за «новостями» в распахнутые растворы лавок Гостиного двора. Здесь горожане попадали в цепкие руки расторопных, шустрых приказчиков. Те заваливали приходящих товаром, «только что полученным из столиц», вещами самой привлекательной кройки, которые, по их утверждению, необыкновенно подходили к лицу и фигуре. Надо отдать должное искус-

ству гостинодворцев заговаривать покупателя, они владели им в совершенстве! Во всех лавках товар, по уверению красноречивых продавцов, способствовал наилучшему времяпрепровождению горожан на природе.

Пик дачной торговли наступал в апреле, довольные горожане несли из лавок свёртки и коробки, в которых содержались: мужские пары светлых материй, дающих прохладу, лёгкие женские платья дачных фасонов, сандалии, зонты от зноя, соломенные шляпы, канотье, купальные костюмы, предметы дачного обихода, принадлежности для путешествий, товары аптечные и гигиенические и прочее, и прочее...

Вместе с торговой рекламой газеты вдоволь печатали предложений о сдаче в наём личных помещений, о прокате специальной дачной мебели и вещей, среди которых непременно из года в год предлагался рояль. Гимназисты старших классов готовы были в дачный отъезд, искали за умеренное жалование репетиторства по всем предметам. Некоторые горожане предлагали услуги по охране городского жилья на время отъезда семей – воровская публика с особым усердием «работала» в пустующих квартирах.

Дачные предприятия для крестьян и владельцев недвижимостей в близлежащих к городу

Застолье с самоваром на даче Угличаниновых. Нач. XX в.

местностях были хорошим подспорьем в поправке дел материальных. Сдача помещения на летнее время промыслом не считалась, налогами не облагалась. Под дачные дела жители приречных деревень давали своим хозяйствам особое устройство: кто заводил специальные лёгкие постройки с широкими, «итальянскими», окнами, кто переустроивал собственное жильё, делая его пригодным для отдельного жительства двух семей.

Всяк хозяин устраивал дачное дело на свой лад. Обычно под дачи сдавали свои обжитые дома, владельцы же перебирались в «холодные» избы, или наоборот – в последних селились горожане. В пригородной костромской местности дачи имели вид от шикарного до убогого.

По замечанию одного из современников, часто «крестьянские дачные помещения – верх безобразия и скорее напоминают не дачи, а хлевы...» Из дач же особого рода, шикарных, выделялась дачная местность, принадлежавшая А. Ф. Витову, иваново-вознесенскому фабриканту. Точнее, это был дачный городок на правобережной стороне Волги, в двадцати пяти верстах от Костромы, около села Богданово. Кроме главного здания, устроенного в стиле модерн, здесь были и специальные помещения для обслуживающего крестьянства, погребы,

купальни, ухоженная берёзовая роща, цветники, беседки для отдыха. Но таких дач-дворцов в нашем крае было совсем немного.

Заводить собственные дачные участки имели возможность немногие: кой-кто из состоятельных граждан, купцов, промышленников да из среды высокопоставленного чиновничества. Имели деревенские строения и небогатые горожане, унаследовав сельские уголки от родственников. Дореволюционный дачный порядок был отлажен настолько хорошо, что считалось лишней тратой времени приобретать в собственность участок отдыха.

Рынок дачных мест был настолько разнообразен, что мог удовлетворить запросы всякого обывателя-горожанина, независимо от его имущественного положения. Даже малоимущий простолоудин мог при желании снять дешёвую деревенскую квартиру. Все, кто желал загородного отдыха, брали дачные места и помесечно, а более всего на сезон, то есть на всё лето. Условия отдачи отличались разнообразием: «со столом», «с молоком», «с огородной землей», одно жилище с обстановкой или без таковой.

Дачный мир начинался сразу за городом – «на 10–15 и даже более верст от Костромы со всех сторон сплошным кольцом». Лучшей местностью для летнего отдохновения с давности

Дачный пароход «Пчёлка» у пристани Нагорова. Нач. XX в.

считалось волжское побережье: по городскому берегу от деревни Байдарки и дальше, а против города – вниз по реке от усадьбы Малышково; в заводской стороне – вверх по Волге за слободами, «от Селищ».

Дачный разезд начинался в мае. Обыватель бежал из города, спасаясь от жары. На отдых каждая семья отправлялась по-своему. Способ передвижения выбирался в зависимости от удалённости места от города. Главная сложность в отъезде – доставка имущества. Для переезда в ближние местности нанимали ломовых извозчиков, нагружая телеги дачной мебелью и домашним скарбом. Сами дачники ехали впереди, раскачиваясь в рессорных пролётках легкачей.

Другие, опасаясь возможной порчи имущества при движении по неустроенным просёлкам – ломовики не отличались аккуратностью, – договаривались с фирмами по доставке кладей. Это было дороже, но зато служило гарантией исправности груза. Кроме того, в случае каких-либо недоразумений фирма, согласно договору, выплачивала стоимость нанесённого ущерба. С ломовиков же получить возмещение убытка было невозможно.

Горожане, избравшие дачными местами прибрежные деревни рек Волги и Костромы, до-

ставляли кладь при помощи лодок-дощаников. В них можно было откупить место. Обычно две-три лодки с грузом тащились на привязи за небольшим дачным суденышком. Кроме того, лодки брали и пассажиров, это были низшие пассажирские места, которые охотно занимали крестьяне, привыкшие к неудобствам и не желавшие тратить лишние деньги на проезд. Места в лодках были в треть дешевле второго класса парохода.

После обустройства на местах всякий обыватель «дачник» по-своему. Одни, имея обеспеченный, беззаботный быт, пребывали в полной праздности: устраивали шумные приёмы, званые обеды, деловые встречи. Другие ежедневными трудами обеспечивали семьям скромный отдых на природе. В отдельных местностях дачное общество составлялось из одних и тех же семей, которых связывала искренняя дружба, а добрые, чистосердечные отношения с крестьянами создавали среду полного покоя и душевного отдохновения. В таких дачных деревнях складывались свои обычаи и привычки.

С обретением прозвища «дачник» чины, должностные положения исчезали, все применялись к существующим порядкам, исполняли местный «дачный кодекс». Женскому обществу, например, запрещалось блистать пышными туалета-

Семья Кедровых на даче. 1890-е гг.

ми, этого требовало уважение внешних дачных приличий. Совместными усилиями дачников и крестьян с соблюдением благопристойности сооружались купальни, устанавливались качели, на береговых возвышенностях ставились беседки и скамейки для обозрения природных красот. Здесь публика отдавалась чтению, рукоделиям, по вечерам можно было слышать пение сборных хоров.

Не редкостью были на окраинах деревень театральные подмостки с занавесями. Любители театралы устраивали для крестьян бесплатные спектакли, «живые» картины, сценические забавы. Случался на подмостках и музыкальный салон, причем репертуар подбирался так, чтобы искусной игрой наградить всех, в особенности деревенских, слушателей.

Дневные заботы дачников состояли из прогулок, визитов на другие дачи, в усадьбы. Устраивались совместные экскурсии, соревнования по плаванию на быстроту и состязания в подочных гонках. Публика охотно занималась сбором грибов, ягод, ловлей рыбы, составлением букетов из полевых цветов, приготовлением гербариев. Не смущал многих дачников совместный труд с крестьянами, оказание им помощи в хозяйстве. Но такие дружеские, взаимоуважительные отношения с населением случались отнюдь не у всех и не во всяком дачном месте. Отдых горожан в немалой степени зависел от этого. Если дачник относился к селянам с высокомерием, почитал их за «грубый, некультурный, вечно пьяный люд», то покоя ждать не приходилось, отдых обращался в муку. спосо-

Дачники. Третий слева – Н.А. Карякин. Нач. XX в.

На дачном приволье. Нач. XX в.

На крыльце. Нач. XX в.

бов создать приезжим такую обстановку было немало. Одним из них было воровство. Вообще говоря, дачное воровство как промысел имело довольно широкое распространение. Крали не только вещи из помещений, но и одежду у купален, разного рода принадлежности для отдыха и путешествий.

Одна из самых дерзких краж случилась в 1916 году на даче, арендатором которой в продолжение нескольких лет был известный писатель и поэт Фёдор Сологуб. Это произошло в имении Набатовых (ныне санаторий «Колос»). В августе там гостили актриса О. А. Глебова-Судейкина и музыкант А. С. Лурье. В момент, когда совершалась кража, они находились в доме Сологуба. По возвращении в отведенное

им помещение гости не обнаружили платья, старинных колец, браслетов и некоторых золотых вещей. Украденное исчезло бесследно.

Дачный сезон заканчивался в конце августа, наступала пора прощаний. Телеги ломовиков и доставщиков кладей теперь уже в обратном направлении вместе с вещами везли банки с вареньями, коробки с заготовками припасов. Бывшие дачники опять тряслись в экипажах или сидели в пароходных местах, прощаясь с местом целительного отдохновения. Через год, оставив пыльный и жаркий город, они вновь возвратятся сюда, в покой дачного мира. Те же, у кого дачный период не задался, будут приискивать новое летнее пристанище в надежде обрести долгожданный отдых в будущем году.

Окрестности Костромы. Купание детей. Фотограф Д.И. Пряничников. Нач. XX в.

В ЯСНЫЕ ОСЕННИЕ ВЕЧЕРА

Обыкновенно середина осени для весьма многих жителей города, в особенности для воспитанников учебных заведений, обращалась в волнительную пору: ждали открытия астрономической обсерватории, что располагалась на Русиной улице над домом губернского земства (ныне учебный корпус лесомеханического колледжа на ул. Советской). Заботливые земцы устроили её в 1911 году.

Столь затратное, дорогостоящее предприятие было затеяно не ради забавы, развлечения юной части горожан, а единственно благородной образовательной, воспитательной цели ради: в надежде свободной внешкольной затеей пробудить в ребячьих головах самое серьёзное отношение к учению, пробудить страсть к познанию.

Астрономические занятия не были новшеством в Костроме. В сороковых годах прошлого

века талантливый мещанин А. В. Красильников, замечательная для Костромы личность, «над красивым своим каменным домом (ул. Пятницкая, здание не сохранилось. – А. А.)... устроил для себя малую обсерваторию, приготовив для неё своими руками почти все нужные инструменты».

Из рассказов городских старожителей известно, что в начале XX века домашние телескопические трубы иногда выставлялись из окон состоятельных домов и усадеб. Случалось, заезжал сюда и какой-нибудь сомнительного вида беспатентный «астроном», который за несколько копеек давал возможность глянуть в окуляр трубы, объясняя при этом состояние небесной картины. Но отчего-то владельцы «волшебных» труб в город являлись нечасто, зато во всякий приезд их окружала толпа любопытствующих, жаждущих увидеть ни больше ни меньше, как самого Небожителя! Говорили, что отдельным счастливым сие удавалось.

С устройством Народной астрономической обсерватории господ «учёные-астрономы» исчезли. Теперь обыватель всякого возраста мог совершенно бесплатно в благоприятные для наблюдений осенние вечера наслаждаться «Юпи-

*Костромская губернская земская управа, в которой располагалась обсерватория.
Фотограф Д.И. Пряничников. 1910-е гг.*

*Иоанно-Богословская церковь на Кадкиной горе.
Нач. XX в.*

Планетарий в бывшей Иоанно-Богословской церкви. 1950-е гг.

тером и его спутниками, туманностью Ориона и другими неисчислимыми красотами неба».

При обсерватории состояло лицо, дававшее объяснения к наблюдениям. В специальный вечер обслуживались только организованные группы от учебных заведений города и уезда.

Как только обсерватория объявила о начале действий, к зданию губернской земской управы началось паломничество детей и взрослых. Каждый побывавший на чердачной высоте земского дома и отведавший небесных видов уходил замороженный и потрясённый красотами. Обсерваторная болезнь захватила несчётное число обывателей, а степень влечения к новому делу была настолько высока, что могла сравниться лишь с любовью к синемаатографу.

В космос всякий смотрел по-своему: для одного посещения вышки остались только необычным приятным развлечением, другой извлекал пищу для размышлений о собственном бытии, о мироздании. Кстати, в ту пору с особенной страстью юные читатели потребляли из библиотек книги по астрономии и космографии.

Обсерваторская вышка представляла собой вращающуюся деревянную башню с раздвижным куполом, в щели которой был утверждён телескоп. Поднимались к ней по деревянным лестницам. Конструкция была проста, незамысловата: лёгкая деревянная будка без утепления с поворотной ручной механикой, которая в зимних условиях замерзала, работать не могла. С приходом устойчивой холодной погоды, морозов, обсерватория прекращала приём посетителей до будущей осени.

Надо сказать, что от самого начала устройства обсерваторного предприятия были допущены

некоторые просчеты, которые отрицательно сказывались на её работе. Часто ломался поворотный механизм, во время дождей башню иногда заливало, непродуманное устройство лестниц тоже создавало неудобства.

Мало-помалу дефекты исправлялись, но судьба как-то не благоволила астрономическому заведению. Однажды ураган «свернул» купол, молния ударила в обсерваторию да ещё с такой силой, что в одной из комнат даже расплавилась бронзовая люстра. Все эти неурядицы и несчастья не действовали на публику, она терпеливо выжидала очередной ремонтной, желая только подняться в башню. Так обстояло дело до 1916 года. В ясные осенние вечера на другой год было уже не до небесных наблюдений, а с января 1918 года заботливых земцев разогнали большевики.

Теперь всякий знает планетарий на Горной улице. В недавние шестидесятые годы в обезображенном здании храма Иоанна Богослова установили телескоп. Он и сейчас там, только бездействует уже в продолжение двадцати лет. Хлопочут по оживлению астрономического устройства. Бесспорно – дело полезное! Однако хорошо бы озаботиться приисканием другого места, откуда бы всякий костромич имел возможность обозревать нерукотворные небесные картины, а усталый и больной храм на Каткиной горе освободить для возрождения.

ОСЕНЬ В СТАРОЙ КОСТРОМЕ

Сентябрь пёстро раскрашивал городской ландшафт осенними красками. В общественном саду, на бульварах и улицах опадала первая листва. С каждым днём её прибывало. Под деревьями в жухлой траве складывались из листьев чудные золотые ковры. Не умиляло, не радовало это разноцветье лишь господ дворников...

ТАЙНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ПОД ПОКРОВОМ НОЧИ

В яблочные годы ветви деревьев в садах обывательских гнулись под тяжестью спелых плодов, аппетитный вид которых притягивал к себе взоры городской ребятни. Покушения на владельческий продукт при одних и тех же по сути воровских действиях смысл имели разный. Для одних тайное предприятие под покровом вечерней мглы было развлечением, для других обращалось в промысел и в случае удачи могло принести даже кое-какие средства после продажи. Бывало, однако, что посягательства заканчивались неуспехом: злоумышленники по-

падали в хозяйскую или сторожевую засаду. Их ловили и щедро награждали доброй порцией кожаного ремня.

Садами Кострома изобиловала. В этом множестве выделялся некий род садов, которые не подвергались нападениям детворы. Их владельцы по старой доброй традиции в Яблочный Спас калитки садов раскрывали, и все желающие могли набрать и унести столько яблок, насколько позволяли их силы. Единственным условием при сборе плодов было: ветви не ломать, деревья не портить. Такие сады оставались в безопасности.

ГЛАВНЫЙ БУЛЬВАР ЗАКРЫВАЛСЯ ДО РАССВЕТА

С конца августа менялась жизнь в городском общественном саду. Сад имел и второе название у горожан – главный бульвар. Променады по его аллеям обыватель совершал реже. Закрывались киоски с прохладительными и минеральными водами, мороженым. Летний ресторан теперь больше скучал, посетителей не привлекала даже торговля по пониженным ценам. В конце сентября костромичи в последний раз кутнут от души, и бульварная ресторация закроет сезон до будущего апреля. Ещё недавно все летние месяцы регулярная музыка духо-

Боковая аллея городского сада. Летом здесь звучал духовой оркестр... Нач. XX в.

вого оркестра на бульваре радовала горожан отменным качеством исполнения, а с приходом сентября она стихала: контракт с музыкантами кончался. В сентябре звуки духовой меди слышались здесь только в отдельные воскресные и праздничные дни.

В сентябре по распоряжению городского начальства «с наступлением темноты» сад закрывался до рассвета. В нём хозяйничал сторож. Осенний холод, волжские ветры, дожди к прогулкам располагали мало, и обыватель предпочитал ходить с визитами по знакомым, где в домашнем тепле за самоваром проводил приятные вечера, обмениваясь летними впечатлениями.

Осенью жизнь в городе существенно менялась: летняя суматоха проходила, уступая место размеренности и спокойствию. Остывал предпринимательский пыл уличных торговцев, их деятельность сворачивалась, а с ухудшением погоды прекращалась совсем. В торговые дни (понедельник, среду и пятницу) торговля на Сушанинской площади шла вяло, а на Сенной и на спуске от собора к нижней базарной площади (ныне эта территория занята службами водоканала), напротив, разворачивалась широко, с размахом. Сюда тянулись утренней ранью вер-

ницы крестьянских телег из пригородных деревень, больше всего из-за реки Костромы.

К рассвету, когда рассеивался туман, всё пространство от Пряничных рядов до Верхне-Набережной было сплошь занято крестьянскими телегами с капустой, картофелем, морковью и другой деревенской провизией. Верх торговой горы отдавался под торговлю яблоками, грибами и осенней ягодой. Тележники – владельцы простейших колёсных тачек – равно как и босяки-носильщики, в эту пору имели приличный заработок от доставки товаров к домам.

А на осенней Сенной площади кроме овса и сена главный товар составляли разнопородные дрова. Хотя, заметим, что осенью дрова заготавливали или нерадивые хозяева, или малоимущая часть жителей. Справные домовладельцы свои дровяники заполняли летом.

Городской сад (Главный бульвар). Фотограф В.Н. Кларк. 1908 г.

КАК УХОДИЛА ВОЛГА ЗИМОВАТЬ

Волжские прощания и салюты

К осени менял свой облик и волжский берег, он очищался от всех летних устройств... Первыми уходили на зимовку общественные купальни и лодки. Хозяева купален уводили их буксирами в безопасные места на реке Костроме. За несколько дней до этого газетные объявления приглашали обывателей забрать из купальных гардеробов свои вещи. Буксир утягивал на зимовку и плавучий ресторан-театр «Чайка». Исчезали с водных стоянок лодки-катера, что летом отдавались в прокат горожанам. Владельцы собственных лодок перевозили их на зимний постой в частные дворы прибрежных жителей, уплачивая последним за услугу. Впрочем, немало лодок оставалось зимовать и на берегу, их запирали на прочные цепи.

В сентябре мало-помалу сворачивалась береговая торговля. До будущего сезона закрывались бывшие тут в изобилии полки-киоски, из которых ещё недавно производилась торговля всем: провизией, мороженым, фруктовыми во-

дами, книгами и газетами. Заметно убавлялось и число крикунов-разносчиков, лоточников.

Дачные пароходства, что обслуживали местные линии, переходили на осеннее расписание, значительно сократив количество рейсов. У грузовых же пристаней работа ещё шла полным ходом, штабеля товара почти исчезали лишь к концу октября. Товар, который не успели вывезти до закрытия навигации, убирался на хранение в склады, и для зимогоров, которые всё летнее время трудились на погрузке-разгрузке судов, наступала пора безработицы...

В октябре-ноябре наступало время волжских «прощаний и салютов». Пассажирские суда, совершавшие последние в навигации отвалы, собирали на берегу толпу публики, которая специально приходила проводить команды в последний рейс. Надо заметить, что волжане пароходы любили, знали все суда поимённо. Приняв от костромичей добрые напутствия, суда отваливали, отвечая долгими многократными свистками. Если отвал выпадал на тёмное время суток, то команды отдавали салюты: «пароходы вспыхивали сотнями огней, затем мгновенно гасли и зажигались вновь». Картина имела трогательно-торжественный вид.

Иные пароходы уже больше не встретятся костромичам: за старостью навсегда сойдут с волжского горизонта. Часто и добротные суда с красивыми названиями совершали последний рейс от Костромы и в новую навигацию не

объявлялись: их продавали в другие пароходства...

Рядом на грузовых пристанях тоже заканчивалась работа. Вслед последним отвалам, в октябре, вводили на зимовку в реку Кострому и разноцветные дебаркадеры. На берегу оставались лишь длинные деревянные мостки с поручнями, скользкие от дождей, основательно расхлябанные за сезон.

Зимогоры с отходом последних пароходов теряли работу. Артели их распадались, беспаспортная «золотая рота» оставляла волжский берег, пускалась на поиски зимних занятий, пропитания и временного ночлега. Зима, как правило, несла им только голод, неуют, беспокойство от полицейских чинов. Надо было прибегать к разного рода ухищрениям, дабы не быть схваченным за бродяжничество. Правда, тем, у кого имелся «вид», опасаться было нечего: «черновская» ночлежка и от любого мороза уберезит, и чин не тронет, а Молочная гора всегда работу даст и зимой. На извозчике горожанину много не наездить – зимой дорого, зимогор же снесёт куда угодно покупки на руках, а груз на санях доставит, и всё задёшево, почти даром.

Пароходы местных судовладельцев заканчивали рейсы последними. На Волге всякие проходящие суда уже были редкостью. Только на городском перевозе ходили два небольших парохода – «Горожанин» и «Костромич».

Берег левый, берег правый...

В половине ноября начинался период ледостава. Был он разным по продолжительности и зависел от температуры воздуха. Переправа между заволжскими слободами и городом нарушалась. Перевозные пароходы ходили только во время оттепели, и то с опаской, боясь повредить корпуса и машины. И когда пароходы стояли в ожидании благоприятного состояния реки, селищенские крестьяне неплохо управлялись на своих лодках с перевозкой пассажиров и в опасных условиях. Правда, деньги за своё ремесло они брали приличные, но и ответственность их за людей была безмерна.

В дни, когда переправа была совсем невозможна, в город не поступала почта, и в скудный рынок обращалась Молочная гора, потому что значительная часть молочной продукции поступала сюда из-за Волги. А прибывающие в город пассажиры вынужденно разбирали номера в заволжских гостиницах.

Октябрьско-ноябрьская пора всегда вносила в жизнь отлаженного механизма переправы хаос, сумятицу, беспорядок. В разные годы Волга вставала по-разному, и никогда нельзя было точно определить эти дни, отчего горожане прогнозы выстраивать не любили, предпочитали выжидать, целиком полагаясь на природу.

Чтобы не понести убытков и не иметь неприятностей, предприятия и фирмы, связанные

услугами железной дороги, вокзал которой находился на правом берегу, дела свои обращали так, чтобы, упаси Господь, не угодить в скверное непереправное время. Грузы со станции старались получить заблаговременно или, напротив, откладывали их доставку в город до полностью устоявшейся безопасной ледяной дороги. Приспосабливался и костромской обыватель. К дням, в которые переправа невозможна, поездок по железной дороге не назначали.

Пожалуй, более всего от отсутствия переправы страдали заволжские крестьяне и жители правобережной Спасо-Никольской слободы. Они терпели убытки от невозможности реализовать свой молочный товар. Молочная гора – место, монопольно принадлежавшее им для торговли, в такие дни пустовала. Не у дел оказывалась и другая категория заволжских жителей – городские фабричные рабочие. Мужская часть их в такие дни нередко пускалась в пьянство.

Перевозные суда ходили и при небольшом морозе, но, как только тот усиливался, пароходы тотчас же отходили, оставаясь на Волге под защитой береговой стрелки в районе фабрики братьев Чумаковых. Теперь на переправе можно было видеть одни лишь лодки отважных селищенских крестьян, совершающих опасные рейсы. Впрочем, пассажиров, готовых к риску, бывало немного, да и тех заставляла только крайняя необходимость.

Костромские пароходоладельцы. Нач. XX в.

Все ждали холодов, только они могли восстановить жизненно важную дорогу в городе. Внимая людским ожиданиям, мороз являлся и в несколько дней накрепко схватывал реку. Разнорабочие из городской управы заливали поверх основного дополнительный лёд, устанавливали фонари, вешки, а на случай промоин – деревянные стлани для спасения людей. Окрепший мороз в несколько дней накрепко схватывал волжские берега.

Но редкий год обходился без сюрпризов – приходили оттепели, переправа нарушалась. Какое-то время её совсем не было. Почти исчезал в городе молочный товар, а тот, что предлагался, дорожал. Заволжские жители в эти дни были единственными в городе, кто знал столичные новости: на левый берег газеты не поступали.

Селищенские крестьяне опять спускали лодки и ожидали рискованного человека. Они были готовы исполнить несколько метров пути в образовавшейся промоине за плату, известную только им. Сильные оттепели в строживом течении вскрывали реку и возвращали к месту перевоза «Костромича» и «Горожанина». Для них прорубали специальные проходы – майны.

Суда ходили с осторожностью, оберегая себя от ударов льда. Труднее всего приходилось «Горожанину». Во время движения его колёса даже при небольшом морозе обмерзали, что могло вызвать поломку. «Костромич» – судно бо-

Последние дачники. Пригородный пароход. Нач. XX в.

лее совершенное, винтовое – чувствовал себя в ледяных условиях увереннее. С приближением сильных морозов они уходили в реку Кострому в городской затон.

Зимняя переправа с морозами восстанавливалась. Несколько дней она была пешей, затем налаживалась и конная. От устройства её многие имели ощутимую выгоду. Время доставки пассажиров к вокзалу у извозчиков сокращалось, цена извозному маршруту повышалась. Новая широкая городская улица от людей и транспорта становилась оживлённой. В вечер-

Отвал парохода. Фотограф М.Ф. Риттер. Нач. XX в.

нее время её освещали керосиновые фонари, световая цепочка которых смотрелась с берегов необыкновенно красиво.

Пароходное зимовье

Близится окончание навигации. Совсем скоро перестанут курсировать суда на местных линиях. Уставшие за сезон, они совершат свой последний осенний рейс в затон на реке Костроме. Этой пароходной стоянке, что напротив Ипатьевского монастыря, более ста лет. Место вблизи слияния двух лет облюбовала

Осетее изобилие. Нач. XX в.

речная публика не случайно. Даже в самый грозный волжский ледоход суда, стоящие на реке Костроме, не страдали от стихии. Стоянку надёжно защищал естественный участок суши – береговая стрелка. Но многие суда к концу навигации прихварывали, а иные заболели серьёзно – требовался ремонт. На берегу против монастыря стоял чугунолитейный и механический завод братьев Шиповых. Многие волжские суда были оборудованы машинами его изготовления. Мастерам шиповского завода часто приходилось становиться судолекарями. Таких заведений со специалистами по пароходным делам в Поволжье насчитывалось немного... Позднее, с ликвидацией шиповского дела, ремонт производили мастера Чижовского училища, имевшие в распоряжении порядочно оснащённые мастерские.

С закрытием навигации эта речная местность при городе преображалась: начинала походить на солидный порт. Да, каких только судов не стояло здесь – всех систем и назначений! Давал город приют и пассажирским красавцам, и баржам-работягам, и скромным буксирам-паровичкам... Определяли сюда на отстой и пристани всяких компаний. За зимовку судовладельцы вносили плату в городскую казну.

Избирали место отстоя хозяева судов: кто – намеренно, кто – вынужденно. При раннем ледоходе суда, не дошедшие до места назначения, устраивались здесь. На Волге не перезимуешь: ледоходом сомнёт судно или вовсе уничтожит.

Бережёного Бог бережёт. Лучше укрыться от греха под городом, на реке Костроме. Тут ледоход мягкий, не опасный судам. Случалось, застанет какое-нибудь судно с грузом в пути ранняя зима – конец пути. Отобьёт капитан хозяину телеграмму, а тот или сам прибудет, или указание выдаст, как с грузом поступить. Или на хранение товар сдадут, или прямо на стоянке обратят к продаже.

Наполнится река постояльцами, свои пароходы встанут, и начинается в пароходном городке размеренная, деловая жизнь. Подготовят команды суда к зимовке и разъезжаются по домам, на отдых. Застынет городок, обратится в спячку.

Ранней весной начинает оживать речная местность. Подтягивается отдохнувшая пароходная публика – механики, матросы, кочегары. Слышится стук инструмента: исправляют осенние неполадки машин, освобождают их от защитной смазки, положенной осенью на защиту от зимы – готовят суда к отвалу. Пройдёт немного времени, и задымят судовые трубы, закрутятся винты и колёса, и по большой воде, ещё не до конца очищенной ото льда, выйдут суда в стрежень реки. Отдадут они благодарственные гудки костромскому пристанищу и чистые, свежыкрашенные, отправятся вновь в рейс по казённой и собственной надобности. Одни перед будущей зимой вернутся сюда опять, другие найдут для зимовки новое место.

Пароходное зимовье у Ипатьевского монастыря. Нач. XX в.

ЗИМНЯЯ ВОЛГА

По зимам прибрежная волжская жизнь заметно утихала, деятельность предприимчивых людей приобретала иной вид. Когда становилось ясно, что зима-хозяйка устроилась накрепко, на Волге начинали действовать обычные для сезона «предприятия». Владельцы речных дел даже в самые суровые зимы ни при каких обстоятельствах занятий своих не оставляли. Разве какой-нибудь особый случай вынуждал на день-другой остановить их.

Предприятия – быть может, громко оказано – представляли собой нехитрые, но весьма необходимые городскому обывателю сооружения. Простейшие из них – открытые проруби для полоскания белья. Их называли «платъемойни холодные». Были и «теплые». Место для полоскания женщины избирали в зависимости от погоды и материального достатка. За места взималась плата. Общественных прачечных в городе не было, содержатели полоскальных мест имели неплохой доход. В отдельные дни случалось так, что вокруг платъемоен собирались столько женщин, что лица, приставленные владельцами предприятия к делу, не могли урезонить скандальных баб, путавших пристойную очередность. Для разрешения ситуации призывали полицию.

Зато невдалеке, у живорыбных садков, всегда царил порядок. На небольших барочках, вмерзших в лед, имелось тёплое помещение для обслуживающих лиц, которые вели торговлю свежей рыбой живой и мороженой. Рыбный товар доставляли сюда содержатели рыбных ловель. Они обыкновенно арендовали и садки. Отсюда по заключенным с торговцами соглашениям рыбу отправляли к местам продажи.

Здесь можно было получить продукт на месте. Покупка обходилась дешевле. Готовясь к особо торжественным случаям, домашним и служебным, жители приходили к садкам сделать заказ. В этом случае к определенному дню рыба запрошенного сорта и желаемого веса доставлялась заказчику на дом или на службу. Служители при садках, чтобы не топить печь в теплушке зазря, приспособились в дымовой трубе коптить рыбу. Горячий, ароматный продукт сбывали «за недорого» обитающим поблизости зимогорам.

Когда волжский лёд набирал подходящую толщину, начиналась его заготовка. Он употреблялся для нужд бытовых, торговых и промышленных. Установок искусственного льда в городе не было, и жители прекрасно удовлетворялись холодом, который давал обычный речной лёд. Надо заметить, что особой нужды в холодохранилищах городской обыватель не испытывал. Надобности запастись скоропортящуюся провизию впрок не имелось. Богатый городской ры-

Заготовка льда. Фотограф Д.И. Пряничников. Нач. XX в.

нок предлагал исключительно свежие продукты, в том числе рыбные и мясные.

Городская скотобойня функционировала без простоев. Всякий житель имел равную возможность, придя в деревянный Мясной ряд у Соборной горы, приобрести по деньгам любые мясные продукты. Цену товару торговцы назначали настолько универсально, что удовлетворяли возможностям даже самого неимущего покупателя.

Конечно, цена на мясо, как и на всякий прочий товар, не была постоянной. Она изменялась, но никогда торговцы не поднимали её до величин неразумных, ставящих покупателя в невозможное положение. Даже во времена неблагоприятных рыночных цен на провизию находились под особым наблюдением городских властей и служб губернатора. Для исключения стихийного ценообразования издавались специальные распоряжения торговцам, дабы те не совершали непродуманных действий в заботе о наживе. Их, как всякий закон, старались исполнять, боясь самого страшного в предпринимательской деятельности – недоверия покупателей.

Впервые серьёзно о необходимости основательных заготовок мясных продук-тов в городе

заговорили с началом войны в 1914 году. Сокращение крестьянских хозяйств, естественно, снизило приток провизии в город. Только тогда городское самоуправление и многие жители стали подумывать об устройстве ледников.

Холодильные места в небольшом числе в городе имелись всегда: при частновладельческих усадьбах, потребительских обществах, на предприятиях. До известного времени они и были главными потребителями товарного льда.

Лучшим для заготовки считался волжский лёд. На пригодных к делу местах артель заготовителей вырубала небольшую прорубь, затем в ход шли специальные ледовые пилы. Ледорезчик, прикрепив к свободному концу пилы груз, производил обычные действия, как при любой пилке. Для быстроты дела пилили с двух сторон.

Длинная выпиленная льдина – «кабан», как называли её повсеместно на Волге, откалывалась от основной массы льда, и с помощью простейших устройств (верёвок, канатов) и конной тяги её вытягивали на лёд. Здесь «кабана» рубили на «кабанчики» нужных размеров, соответствующих требованию заказчика. Уложенные на санные повозки ледовые кирпичи (было и такое название) доставлялись к месту закладки.

Подлёдная рыбная ловля на Волге. Нач. XX в.

Успенская церковь на Верхней Набережной ул. Нач. XX в.

Содержатели ледоколен для такого промысла нанимали обыкновенно одну и ту же категорию лиц – зимогоров. Они – оборванцы, публика без определенных занятий – годились для тяжёлого дела в самых неблагоприятных условиях (вода, открытые ветру местности и прочие неудобства) как нельзя лучше. Зимогор – самая дешёвая рабочая сила, неспросливая, выносливая и готовая к любым заработкам ради куска хлеба. Их же нанимали и для присмотра за прорубями.

Однако, целиком работу, подразумевавшую вознаграждение, на самотёк не пускали, поскольку исполнители имели пристрастие к казёнкам, мотивируя частые отлучки условиями службы, которая требовала согревательных вливаний. Оттого над ними ставился «старшой», но не из зимогоров, а лицо «тверёзое».

По окончании работ холодные ледокольни и проруби ограждали специальными вешками, верёвками, предупреждающими жителей об опасных местах. Охранительные знаки, случалось, не спасали от холодных купаний. Иногда попадания в прорубь заканчивались трагически. Обычно это бывал народ подвыпивший: одиночки-пешеходы, крестьяне, заснувшие в собственном «экипаже». Заносило в речные ловушки и извозчиков, на славу угостившихся в заведении на даровой счёт.

Костромичи немало наблюдали зимних речных сцен, когда попавший «в случай» возница покрывал отборной бранью сбившееся с пути невнимательное животное. Первыми на выруч-

ку, как всегда, поспевали зимогоры. Но выправлять положение они не спешили до тех пор, пока не приходило в чувство извозчик не выдавал на водку. Известны редкие случаи, когда потерпевшие пытались получить какие-то деньги – компенсацию – с содержателя прорубей и ледоколен, но удачи не испытал ни один, оттого стараний и хлопот к сему безнадёжному делу не прилагали.

Городская дума, сознавая полезность и прибыльность мест зимних предприятий, отдавала их в содержание только на трёхлетие. К концу арендного срока назначались новые торги. Иногда владельцы речных дел оставались прежние, но чаще менялись. Нередко желающих иметь зимние занятия не оказывалось вовсе, тогда предприятия на льду эксплуатировала хозяйственная служба городской управы.

Жителям губернского центра объявления о продаже льда были привычны. Все знали, что кубическая сажень правильно напилённого льда имела конкретную стоимость. Какой цены были ледяные «кабанчики»? Всякой, но непременно доступной любому обывателю, вздумавшему затеять собственный ледник.

Зимние предприятия действовали и на реке Костроме, заставленной судами и барками. Правда, здесь жизнь на льду бывала много спокойней, да и цены зимним местам скромнее, дешевле волжских.

ТЕПЛО ДЛЯ НАРОДА И МОРОЗНЫЕ ЗНАКИ

Истари зимняя пора для Костромы – время преобразования! Снежный покров превращал её в изумительной красоты сказочный град, блистающий чистотой. Красив и восхитителен морозный город был со всех сторон, особенно с высоты пожарной каланчи, откуда открывалась его белоснежная панорама.

Замечал ли эти красоты страж-пожарный, закутанный в казенный тулуп, совершавший неторопливые круговые движения, высматривая с высоты очаги загораний? Вряд ли его занимали привычные городские пейзажи, он, скорее всего, испытывал желание спуститься и согреться у какого-нибудь дозволенного костра из тех, что открыто горели на площадях.

Костры в городе имели законное происхождение. Самоуправлением было постановлено: «В зимнее время в более холодную погоду на площадях Сусанинской, Воскресенской, Сенной и у городского театра в «спектакльные дни» раскладывать большие костры». Тепло от города давалось для обогрева прохожих. Ближайший взору пожарного наблюдателя костёр изрядных размеров горел в центре Сусанинской площади, между Гостиным двором и Мучными рядами.

Вокруг огненного очага, устремив руки к теплу, грелись люди. Народ был всяких званий, по виду и заурядной одежде в основном простолюдины. Особо выделялась публика в совершенном рванье с характерными испитыми лицами – зимогоры, для которых зима – время безработицы, бескормизы.

Тёплое место не оставалось без внимания детворы, она находила его удобным для игр и баловства. Детская возня и крики раздражали гревшийся люд, мешали общению. Ребянтю награждали подзатыльниками, возня на время стихала.

У костра действовала «биржа городских новостей». В подробностях и красках «очевидцы» сообщали о случаях, бывших наемни, здесь обсуждали события из общественной и особенно частной жизни некоторых городских особ – одним словом, разговоры были обо всём.

Люди подходили, грелись, обменивались слухами и возвращались к делам. Больше всего даровым теплом пользовались уличные торговцы. Время от времени беседы у костра прерывал смотритель – лицо ответственное от города за поддержание огня. Он по обыкновению всегда был согрет изнутри алкоголем. Смотритель степенно поправлял очаг, подбрасывал дров, сопровождая свои действия бодрящими публику фразами вроде: «Гори веселей, тепли, тепли-

на, людей», и обязательно вправлял что-нибудь из расхожих прибауток с крутым словцом, чем вызывал у публики смех и веселость в лицах. Покончив с делом, он отправлялся к другому костру.

Костры на Воскресенской и Сенной площадях никаких особенностей и отличий от «сусанинского» очага не имели, разве что большим числом здесь грелись крестьяне подгородных деревень и уездов губернии, приезжавшие за покупками и по торговым делам. А вот теплина у театра отличалась своеобразием. Этот костер разводили вечером. Служил он проходящей публике, но главным потребителем его тепла были извозчики.

Пространство у театра в дни спектаклей сплошь заполнялось санками, каретами, экипажами. Пока шло театральное действие, возницы собирались в круг, ожидая разъезда публики по домам. Извозчики – народ всезнающий, шустрый – известные любители горячительных на-

питков, первые знатоки всех новостей. Оттого и беседа их у театрального костра состояла из профессионально точных замечаний и впечатлений от общения с «чистой» публикой.

Костры-обогреватели горели в городе и у полицейских постов в помощь нижним чинам полиции во время несения караульной службы. У этих костров имели право греться лица из посторонней публики, и полицейским теплом обыватель пользовался с благодарностью.

В зиму 1906 года это право горожан было нарушено. Под силой обстоятельств губернатор А. А. Ватази издал постановление, которое запрещало «подходить к городским после 10 часов вечера на расстояние ближе 10 шагов». Запретительная мера была вызвана тем, что нередко случались по вечерам и в ночное время нападения на городских, в результате чего они лишались оружия. Разбойничий приём использовали не только бандитствующие элементы, но и боевики-большевики для пополнения своего оружейного арсенала. Костры стражей порядка после издания постановления стали недоступны поздно проходящим горожанам.

Народ счел постановление несправедливым и выразил возмущение. К счастью обывателей, тепло полицейского костра вернулось к

ним спустя полтора месяца. Новый губернатор А. П. Веретенников отменил приказ своего предшественника, а полицейским на постах предписал в темное время суток «проявлять особую бдительность».

В начале XX века отсчётной температурой для раскладки костров на площадях служила отметка -15° по термометру Реомюра (около -19° по Цельсию). Стоимость костровых дров ежегодно вносилась в городскую смету. С 1903 по 1908 год на народное тепло тратили 60 с небольшим рублей. В суровую зиму 1907–1908 годов затраты на дрова обернулись чудовищной суммой – 568 руб. 90 коп.!

Городские власти серьёзно забеспокоились и стали думать над способом экономии топлива. К употреблению предложили особого рода жаровни-решётки. Они представляли собой примитивные металлические печи, которые, по мнению управы, требовали менее дров при топке, и при этом тепла для обогрева людей должно было получаться довольно. Жаровни изготовили, но по неизвестным обстоятельствам в дело они не пошли. И для экономии дров самоуправление изменило температурный рубикон, назначив -20° по Реомюру (-25°C). В последующие зимы на костры тратили: в 1909 г. – 165 руб., в

Личный состав Воскресенской пожарной части в Костроме. Нач. XX в.

1911 г. – 120 руб., в 1913 г. – 129 руб. 73 коп., что составляло расходу примерно в 300 кубометров дров на зиму.

Зимой 1914–1915 годов костров на площадях не было, Первая мировая война вызвала топливный кризис даже в нашем лесном крае. В советское время время уличного тепла от города власть не давала, у постов милиции костров не разводили...

Основная обязанность пожарных часовых на каланчах города – углядеть очаг загорания и известить обывателя о случившемся выбросом одного или двух больших белых шаров. Один шар означал несчастье в первой части города, два – во второй. Кроме этого, наблюдатель при температуре 25 ° холода (- 31 ° С) вывешивал «морозный» флаг, оповещавший воспитанников учебных заведений об отмене занятий. Такое правило было введено городским самоуправлением в заботе о народном здравии для избавления молодого поколения «от неприятного, во многих случаях губительного влияния сильного холода» при переходе учеников из дома в учебное заведение.

Второй «морозный» флаг выбрасывался на деревянной пожарной каланче вспомогательного пожарного депо на Всехсвятской улице. Осенью 1902 года, накануне предстоящей зимы, приём оповещения учеников о днях «незанятий» городское управление подвергло переработке, усмотрев в нём немалые неудобства. Не-

*Мороз. Занятия отменены.
Фотограф А. Павлович. Нач. XX в.*

*Пожарный автомобильный насос Дровиль
городской части. Нач. XX в.*

удобств, непонятностей и пуганицы создавали «морозные» флаги во множестве.

Наружные термометры в обывательских домах того времени – явление весьма редкое, имели их только состоятельные горожане. Ученики, их родители, педагоги «не всегда имели возможность определить холод». Положение было таково, что учащиеся, проживающие на значительном расстоянии от пожарных депо, не могли из-за утренней темноты видеть флаги, им приходилось подходить на расстояние видимости пожарных мачт. Передко бывало, что флаги снимали и до начала занятий. Выходило, что ученики, выходящие рано, увидя флаг, возвращались домой, а те, что шли позже – приходили на занятия, и их отпускали домой. Кстати сказать, учителя, ревностно служащие делу образования, обыкновенно проводили занятия с любым числом учеников, даже если их было два-три.

Чтобы внести ясность и порядок в положение, городская дума решила: «по случаю холода в 25 градусов иметь знаки в виде флагов в разных местностях города». Места флагам определили на водоразборных будках, которые существовали на всех главных улицах. На будках устроили спиртовые градусники, чтобы будочные сторожа, независимо от пожарных, могли узнать температуру и, в случае надобности, вывесить флаг. Для учащихся с заволжской стороны вывешивался «морозный» флаг на мачте спасательной станции, что находилась на берегу Волги слева от Московской заставы.

Время для поднятия флагов назначили на семь часов, снимать их позволялось только в десять часов, несмотря на повышение температуры в этот отрезок времени, потому как занятия в учебных заведениях в разных классах начинались не одновременно.

Нововведение не вошло в городской быт, как часто случалось в нашем костромском пространстве, всё возвратилось в первоначальное состояние. По прошествии времени спиртовые «реомюры» вследствие хрупкости стекла исчезли, флаги обтрепались, пришли в негодность. Общество учащихся и педагогов города удовлетворялось прежними морозными знаками на каланчах.

С 1910 года и тут случились перемены. Вспомогательное пожарное депо на Всехсвятской сгорело в декабре 1909 года, в тот же год второй «морозный» флаг стали вывешивать на новой пожарной вышке здания Добровольного пожарного общества, выстроенного на Марьянской улице. По привычке ещё несколько зим флаги служили горожанам при новой власти. Потом всё забылось.

Кострома зимой

Царевский пер. 1910-е гг.

Училище слепых, новое здание. Нач. XX в.

*Зимний портрет. Н.А. Николаевская.
Фотограф Н.А. Карякин. 1907 г.*

ГОРОДСКИЕ КАТКИ

Среди зимних развлечений горожан в начале XX века катание на коньках – самый любимый и распространенный вид спорта. Кем был занесен сюда привлекательный способ передвижения по льду, когда состоялись первые катки теперь, пожалуй, не узнать. Известно только, что еще задолго до появления общественных ледовых площадок (1890-е годы), коньки в городе уже не были заграничной диковиной, и многие жители успешно применяли их для разумного и полезного времяпрепровождения.

Речные местности для устройства катков считались неудобными: подвергались воздействию ветров. Лучшими местами на этот случай признавались пруды. В городе их имелось немало. Из обилия водоёмов, подходящих для хорошего катанья, годились не все. Большинство прудов принадлежало частным усадьбам и по малости размеров могло удовлетворить лишь скромным желанием начинающих катальщиков.

К прудам, годным во всех отношениях для коньковых занятий, заслуженно принадлежали три водоема: Боровков пруд, бывший на углу улиц Рождественской и Дмитриевской, Медный пруд, расположенный между улицами Сенной и Дмитриевской, против Павловской площади, Козьмодемьянский пруд.

Каток на Боровковом пруду был самым неустроенным, запущенным, под стать занимаемой местности. Любители коньков к нему не тяготели. Кроме того, он находился в неудобном месте, против двух других, принадлежавших Кузнецкой слободе, месте почти центральном. В давности слобода была городской окраиной, населённой кузнечных дел мастерами. С ростом города разделённая на улицы слобода стала его частью. Местность эту жители так и называли по-старому – «Кузнецы».

Как только пруды в Кузнецах затягивал еще слабый ледок, юная часть городских жителей – мальчишки, соблазнённые белоснежным твердеющим покрытием водоёмов, погружались в томительную пору ожидания, предвкушали первые вступления на лёд – место их будущих забав. Катание на льду у городской детворы,

Каток на Медном пруду. Кон. XIX – нач. XX вв.

конечно же, входило в число не сравнимых ни с чем среди множества известных зимних развлечений.

В такое ожидательное время взволнованная детвора не бездействовала. Из чердаков, из чуланов извлекалось коньковое хозяйство. Его тщательно осматривали, определяли годность к употреблению. «Железки», не имеющие нужной остроты, несли к точильщику. Особо смотрели за исправностью прикрепительных устройств – верёвок, ремней.

Ежедневно ходили проверять прочность льда. Сперва его ощупывали палками, а затем и осторожными вступлениями на скользкое, прочное с виду, но обманчивое покрытие. Убедившись, что лёд приобрёл должную силу, тотчас пускались в длительные катания. Детское мерило прочности льда, разумеется, было далёким от подлинного, но ничто не могло остановить страстных приверженцев самокатов. Красочные родительские увещевания о подстерегающей опасности на молодом льду, убедительные примеры из прошлых случаев холодных ванн – всё это внимательно выслушивалось, но не задерживалось во взбудораженных головах, заполненных единственной мыслью о скором испытании заготовленных отточенных снарядов.

Теперь каждодневно по окончании уроков в классах юная публика группами разной численности дружно подтягивалась со всех прилегающих к местам катаний улиц. На лёд выходили по-разному. Отважные смельчаки, пристегнув полозья к катанкам, сразу пускались в игру. Другие, памятуя о родительских наставлениях, а больше из боязни понести заслуженное наказание при возможном печальном исходе – выжидали.

Первоступления на ранний лёд, бывало, заканчивались грустно: переполненная двигающимися катальщиками площадка под их тяжестью не выдерживала, лёд проламывался. Впрочем, такое случалось нечасто. Приходящие морозы укрепляли катки и ледяные пруды, которые становились главными местами отдыха городской детворы на всю зиму. Особенно шумное разноголосье звучало здесь в дни воскресные и праздничные, когда совершались семейные катания. Пустовали катки только в непогоду – в дни метелей и сильных морозов.

Сведениями о ранних общественных площадках для катаний на коньках мы не располагаем и потому обратимся ко времени 1892 года, от которого, по нашему мнению, пошло регулярное устройство городских общественных катков.

Сто лет назад в Костроме составилось первое спортивное объединение – «Костромское общество велосипедистов». В тот год, летом, его председатель, коллежский асессор А. Зарайский, обратился в городскую управу с просьбой о сдаче

им принадлежащего городу Медного пруда для устройства там катка «как необходимого мощиона для господ велосипедистов и членов общества». Устав общества предполагал объединить любителей всех видов спорта, среди которых значилось и «конькобежество». Так на Медном пруду состоялся первый городской каток. В последующие годы велосипедисты продолжали это нужное спортивное дело, насаждая среди жителей искусство «выделывать фигуры на полозьях и правильно ходить кругами».

Особых хлопот с приобретением коньков костромичи не знали. У Медного пруда имелось немало кузниц, мастера в которых с удовольствием изготавливали коньки любого вида, причем, зная дороговизну фабричных орудий, никогда не запрашивали большую цену: ведь главными заказчиками были дети. Изделия местные умельцы исполняли настолько искусно, что те, если и уступали фабричным образцам, то только в отделке. Были в городе и владельцы, состоятельные любители патентованных на ботинках настоящих беговых «норвежек». Правда, их было немного, большая часть населения каталась на

Дуэт фигуристов. 1908.

Спортивные коньки конца XIX в.

изделиях Кузнецкой слободы. Там коньки почи- няли и брали точить и править.

В 1898 году предложение об устройстве го- родского катка поступило от самих отцов го- рода – гласных думы. Но тогда высокое со- брание, отметив полезность и необходимость такового устройства, предложение отвергло «за недостатком средств». Город передал пруд обществу в бесплатное пользование (на зиму) и, кроме того, назначил денежное пособие за содержание.

Ледяную площадку пруда устроители обще- ства превратили в настоящий зимний центр отдыха детей. Для самых маленьких посетите- лей устраивали ледовую гору. Здесь проводили праздничные катания, рождественские ёлки, маскарады. Взрослые умело организовывали весьма увлекательные и при этом неутомитель- ные для детей игры, несмотря на многочасовые действия. Два-три раза в сезон для катаний на- нимали оркестр, играла музыка. Катанья были платными и бесплатными. Желающие могли приобретать сезонные билеты.

Одиннадцать лет каток общества располагал- ся на Медном пруду. Затем площадка под каток переместилась в фабричный район: на угол улиц Царевской и Кирпичной. Медный пруд был засыпан в 1916 году.

Одновременно в городе катались и на двух других прудах. Боровков каток был дикий, его не расчищали, и очень скоро от начала зимы дети этой местности перебирались для катаний в Кузнецкую слободу. Козьмодемьянский пруд также функционировал, сдавался в аренду раз- ным лицам. Спустя годы к уже известным в го- роде каткам добавились новые ледовые пло- щадки. Одна из них появилась в 1910 году на городском бульваре, рядом с только что откры- тым синемаатографом «Современный». Устрои-

ли каток члены нового «Общества любителей спорта».

Следует заметить, что спортивные объедине- ния Костромы создавались, кое-как существо- вали некоторое время, разваливались и возрож- дались под новым названием. Новоустроенному обществу территорию бульвара (сада) город сдал в пользование под каток с условием «не портить деревьев». Стволы их для исключения возможных повреждений покрыли плотной со- ломенной обвязкой и, сделав из снега плотные ограждения, залили каток. По окончании сезона состояние деревьев осмотрел специалист – зем- ский агроном, который «порчи не обнаружил». На будущий год устройство катка обществу го- родская дума вновь разрешила.

В те же годы в городе функционировал и ещё один каток, пользовавшийся любовью жите- лей, открытый в саду Дворянского собрания на Павловской улице. Открыл эту площадку «Костромской клуб», который арендовал поме- щения в дворянском доме. С переездом клуба на Ильинскую улицу каток существование пре- кратил.

В разные годы катки устраивались во многих городских местах. В фабричном районе бывал каток на Запруденке – так местные жители ве- личали здешнюю речку. И вообще в десятых годах, при начале XX века, катание на коньках пользовалось таким успехом, что катки, боль- шие и малые, можно было обнаружить в любых местах, даже самых неожиданных. Катались едва ли не все жители всех возрастов и званий: столь велико было среди них желание приоб- щиться к увлекательному спорту.

Спортивные соревнования обычно собирали значительное число публики. Состязания на бы- строту всегда оставляли хорошие впечатления, а кумиры-скороходы охотно учили всех желаю- щих искусству скольжения на коньках.

К весне, с наступлением оттепелей, родитель- ские тревоги за детей, катающихся на прудах, возрастали, коньки отбирались и запрятыва- лись подальше, до нового сезона.

В предреволюционные годы из-за идущей во- йны катки появлялись больше неустроенные. Средств на их содержание не отпускалось, и они очень скоро заваливались снегом и исче- зали. Дворники исполнять работу бесплатно не желали, а лишних денег тогда никто не имел.

КОСТРОМА РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

После праздника Покрова Кострома-красавица погружалась в зиму. Сытинские отрывные календарные книжки в домах горожан худели – год катился к концу, а зима, опережая календарный порядок, уже крепко хозяйничала в городе. Обыватель, экипированный по-зимнему, раздражался скользкостью тротуаров, дорог, страдал от пока еще небезопасной ледяной переправы через Волгу. Прибавлялось дел дворникам, водовозам, всяким прочим жизненно необходимым службам и, конечно, полиции, надзиравшей за порядком. Извозчики, переменяв пролётки на санки, торжествовали: скользить по гладким, выровненным снегом мостовым – удовольствие себе и седокам-пассажирам.

Зима чисто выбеливала город, он хорошел и под уютным снежным покровом спокойно почивал в провинциальной тиши. По утрам над ним поднималось бессчётное число тёплых дымных столбов от труб обывательских и казённых печей, отчего белая панорама города с домами и

храмами начинала походить на сказочную местность.

Накануне Рождественского поста, 14 ноября, благочестивые костромичи сходились в Ипатьевском монастыре, праздновали день Святого апостола Филиппа, после чего заговлялись на сорокодневье, приготавливали себя к грядущему великому празднику Рождества Христова.

С постом городская жизнь изменялась. И без того сократившаяся из-за холодов уличная торговля сворачивалась до крайности. Самым оживленным торговым местом в эти дни была Молочная гора. Правда, крестьянки-молочницы из заволжских деревень и слобод с неё исчезли, занявшись переработкой молока впрок: заготавливали масло и сыр. На горе же из куреней и полков шла обыкновенная торговля хлебным продуктом.

Главные обороты имели торговцы рыбой. Нестрогий пост разрешал рыбные кушанья. Владельцы живорыбных садков и ловель устраивали рыбные базары, где цена за фунт (400 г.) живого налима и осетра была от 20 до 30 коп., а щуки – от 10 до 17 коп. (цены 1912 г.). С подвозом рыбы из других губерний базар постепенно набирал силу, и цены товару снижались.

По торговому молочногорному склону толкались обитатели ночлежного дома зимогоры – грошовая рабочая сила, хрустя, как и многие,

Соборный ансамбль. Нач. XX в.

вместо семечек сезонным лакомством – вандышем (мелкая сухая рыбёшка) и выглядываая случай заработать на доставке поупок.

Рыбой торговали также в Мясных рядах. На переработку рыбы переключились и колбасные производства. Лавки и магазины изобиливали рыбным продуктом. Он имелся всех видов, на любой вкус и во всякую цену, по возможностям обывательских кошельков: свежий, мороженый, солёный. Донские, астраханские, уральские малосолы, зернистая и паюсная икра, копчёные балыки, консервы – обычный для предрождественского города товар. Неблестяще шли дела у кондитеров: бисквиты, пирожные, торты не выпекали – потребителя не было.

С декабрём общественная городская жизнь пробуждалась, наполнялась деятельностью. Начались заседания в благотворительных обществах, где вырабатывались программа действий, способы помощи малоимущим и бедным слоям населения. Готовились подписные листы по сбору средств в благотворительные фонды, рассылались письма к состоятельным гражданам, приглашая их к участию в благородном деле помощи беднякам. Средства шли на закупку подарков и призов для благотворительных потерей и базаров.

При городском общественном самоуправлении имелся особый благотворительный фонд,

созданный из сумм, завещанных и пожертвованных городу заботливыми имущими костроичами, промышленниками, купцами для выдачи пособий бедным к праздникам Святой Пасхи и Рождества Христова. Проценты с этих капиталов выплачивались беднякам по их прошеньям. Конечно, своими скромными денежными вспомоществованиями город не мог обеспечить всех нуждающихся, поэтому общество неимущего люда обеспечивалось помощью из разных благотворительных сред.

С особой радостью готовились к празднику в учебных заведениях: предстояли двухнедельные рождественские вакации. Окна там светились допоздна: шли усиленные репетиции театральных постановок, «живых картин», в спевках оттачивалось звучание хоров, разрабатывались заготовки балов и представлений, мастерились ёлочные украшения. Как всегда, в казённых заведениях хлопотали о выдаче наградных денег, которых, случалось, хватало не всем. В предпраздничные дни доставалось служащим почтовых отделений: клиенты заваливали их корреспонденцией и денежными отправлениями, посылками. Почтовые чиновники, загруженные работой, сбивались с ног от усталости, что обыкновенно вызывало обоюдное неудовольствие, а то и приводило к скандалам.

Скоро Рождество. Костраичка у церкви Воскресения на Дебре. Нач. XX в.

Троицкий собор Ипатьевского монастыря. Нач. XX в.

Настоящая суэта начиналась за несколько дней до праздника. Горожане, получив праздничное жалованье, прибавляли к нему скопленные деньги и отправлялись за покупками в разбухшие от товаров торговли. Теперь и мясного, и кондитерского продукта было в избытке. Молочная гора вновь обрастала молочницами. Повсюду в лавках и магазинах шли рождественские распродажи, базары со значительной скидкой во всякую цену для удовлетворения потребностей каждого, и того, кто поденежней, и того, кто победнее. Ради праздника торговцы, приказчики уступали значительно.

Шумно и деловито в те дни было у Больших Мучных рядов и на Сенной площади, здесь располагались красивые зелёные ёлочные базары. Покупатели сами ёлок домой не тащили – их доставляли торговцы, как, впрочем, и всякие другие приобретения. В лавках Гостиного двора особенно хорошо раскупались ёлочные украшения: гирлянды, фонарики, игрушки, свечи. За день-два до праздника разъезжались на каникулы иногородние воспитанники учебных заведений. Городская детвора уже давно приладилась к катальным горкам, ледовым каткам,

устроенным на городских прудах и в садах, опробовала лыжные дорожки на реках и прибрежных высотах.

Идеальной уборке подвергались жилища обывателей, особую чистоту приходжане наводили в храмах. В должном виде представлял и заснеженный город. 24 декабря оканчивался пост, за которым следовал день великого праздника Рождества Христова – день великой любви и мира! Звонили колокола. В лучших, праздничных одеждах костромичи шли в храмы на торжественные богослужения. На три дня Кострома погружалась в праздничные торжества. Повсюду давали концерты, вечера, детские праздники. В городских и общественных учреждениях устраивались ёлки с раздачей рождественских гостинцев и подарков для детей.

Не только именитые и зажиточные граждане, но и люди среднего достатка приглашали детей из бедных семей на домашние ёлки с гостинцами. В праздник хорошо подавали нищим у храмов. Многолюдно было в чайных – здесь по специальным билетам городской управы и других учреждений бедняки получали добротные праздничные обеды. Порядочный, сытный

Торговля в Рождественский пост. Нач. XX в.

пир для бездомных устраивали в ночлежке. Не оставались без внимания больницы, приюты, тюремный замок, арестантские роты. Обыватель посещал театр, кинематографы, развлекался на балах, ходил с визитами по гостям, где, отдаваясь соблазнам яств на праздничных столах, страдал впоследствии расстроеным здоровьем. Музыка, песни, смех, веселье слышались отовсюду – город гулял и благопристойно, и пьяно.

Трехдневье пролетало скоро. Горожане вновь возвращались к делам, службам. Отдых продолжался только у учащих учебных заведений. С Рождеством приходили Святки – долгожданная девичья пора для гаданий, и начинался мясоед – время свадебам. Звонко колоколили бубенцы разукрашенных свадебных поездов. «Молодые» и гости гоняли по городу в санях-розвальнях, разнося по улицам разудалые песни и радостное лихое веселье, нарушая провинциальную тишь зимнего губернского города. В марте, когда развернется Фёдоровская ярмарка, город опять на три дня встряхнётся от дел и забот.

Ул. Щемилровка и церковь св. Петра и Павла. Фотограф Д. И. Пряничников. 1910-е г.

ГОСПОЖА В. ПЕРВАЯ КРАСАВИЦА КОСТРОМЫ

27 декабря 1911 года Белый зал Дворянского собрания был заполнен публикой до отказа. Причиной тому послужило следующее обстоятельство: кроме обычного рождественского бала, устраиваемого ежегодно, впервые в Костроме объявлен был конкурс красоты!

Ничего общего с сегодняшним понятием о такого рода увеселительных устройствах, конечно, не было.

Вечер-бал шёл обычным порядком: концертная программа, танцы. Всякому участнику рождественского торжества устроители раздали специальные билеты-записки, где следовало отметить своё предпочтение той или иной особе, выразив его в баллах. На протяжении всего вечера распорядители собирали билеты к «обсчёту». Когда время вышло за полночь, жюри приступило к обработке сведений. Баллы в билетах оценивали красоту или необычность платья, вид причёски, умение достойно и просто держаться на публике.

Около двух часов ночи выяснилось, что «премированной красавицей» оказалась госпожа В.! Сообщение зал встретил овацией. Конечно, тогда, в 1911 году, первая красавица города была персоной известной, однако, до нас её имя не дошло, а так и осталось сокрытым под знаком «В».

Театръ и музыка.

Первый концертъ-балъ.

Первымъ, изъ серіи рождественскихъ баловъ, въ этомъ году былъ концертъ-балъ въ пользу недостаточныхъ слушательницъ Московскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ,

Послѣ хорошаго концерта, программа котораго была составлена очень интересно, открылся изящный балъ, продолжавшійся до 3 часовъ ночи.

На балу былъ объявленъ конкурсъ красоты.

Призъ за красоту присужденъ шадате *Вигиланской*.

Этотъ вечеръ отличался своей оживленностью и красивыми туалетами присутствующихъ.

Валовой сборъ, какъ мы слышали, выразился въ суммѣ—900 р.

Поволжский вестник. 1911, 29 декабря

*Белый зал Дворянского собрания.
Фотограф Б. И. Дунаев. Нач. XX в.*

СВЯТОЧНЫЙ ЧАЙ

Многие педагоги и служащие костромских Чижовских училищ собственного жилья не имели. Квартировали они в казённых помещениях, которые большей частью располагались тут же, при учебных заведениях. Последние несли и расход по их содержанию. Сей способ жительства обозначался в деловых бумагах «квартира в натуре».

Для проживающих за училищной стеной были, конечно, некоторые неудобства – лишний раз служащих (разумеется, по просьбе) призывали для исполнения какого-либо дела в часы неслужебные. Главное же достоинство данного типа проживания для казенноквартирующих жильцов состояло в редком и добродушном общении их семей.

Из больших и малых жителей-чижовцев составлялось одно большое, пёстрое по составу, общество, человеческие отношения внутри которого отличались взаимоуважением, простотой, домашностью. Чинам и званиям места

здесь не было. Известно, что в большой семье поводов для совместных встреч и свиданий всегда предостаточно: праздники общекалендарные, юбилеи, именины, крестины и тому подобные события.

Рядом с главным зданием училища стоял скромный одноэтажный домик, в котором любили бывать все. Хозяева «натуральной квартиры» – Николай Александрович и Марья Васильевна Карякины – были люди благодушные, гостеприимные, обаятельные. Всякий раз, когда гости заполняли их небольшую залу, они находили здесь уют, заботу, внимание, тепло, одним словом, истинный отдых.

На снимке видно, что застолье идет к концу. Мужчины допивают порции легкого пива, взятого, вероятно, в хорошем ренсковом погребе, женская часть «кушает» чай, и все ожидают подачи второго самовара, наверное, уже клокочущего готовностью. Николай Александрович был человеком весьма точным и аккуратным не только в службе. На собственных негативах он отмечал дату съёмки. В тот вечер он сделал пометку «янв. 1912 г.». Возможно, этот снимок был приготовлен в святочный январский вечер 1912 года.

За праздничным столом. Фотограф Н. А. Карякин. 1912 г.

МАСЛЕНИЧНЫЙ ГОРОД

Масленица – праздник не христианский, языческий, наследие древних, радостный знак наступающей весны. Благополучно преодолев всякие препятственные обстоятельства столетий, в старозаветной сохранности дожидая она до XX века и, верно, теперь уж обрела право на вечное существование из-за особой людской любви к забавам, праздности, веселью.

Во времена ушедшей старины, впрочем, как и нынче, масленичные дни выпадали на февральско-мартовскую пору, завися от положения в календарном порядке дня Святой Пасхи. По приближении ожидаемого времени веселья и разгула Кострома стряхивала с себя зимнюю усталость, оживала. Первые приготовления замечались на плацу между Гостиным двором и Большими Мучными рядами.

Заснеженная площадь обрастала лёгкими тесовыми постройками, сколоченными наскоро, кой-как, в которых устраивались увеселительные заведения: небольшие цирковые арены,

синематографы, они же «биоскопы», кукольные театрики, будки фотографов, книготорговцев. К значительным и видным постройкам относились купольные матерчатые балаганы, карусели разной крупности, качели. Чем больше вставало таких сооружений, тем больше барыша ожидали владельцы-увеселители от предстоящих празднеств.

На рекламных щитах не хватало места афишам, уведомляющим публику о предстоящих гастролях, анонсировался приезд «всемирно-известных» артистов, выдающихся мастеров разных жанров, объявлялись комические картины в синематографах. В общественных учреждениях, клубах, собраниях обещались балы, концерты, вечера.

Поскромнее обстраивалась Сенная площадь: из крупных сооружений здесь иногда вставал цирк или действовал зверинец. Постройки украшались пестрыми, броскими вывесками-рекламами, а владельцы заведений обещали народу только «лучшие зрелища».

На Сенной преуспевала торговля всем извозным. Загодя кипела работа в каретных сараях у владельцев собственных выездов. Извозчики давали безукоризненный вид санкам, до блеска

Саный выезд, запряженный тройкой. Нач. XX в.

вычищали лошадей, ремонтировали и украшали упряжь. В окрестных деревнях крестьяне подправляли розвальни, пошевни, готовили свои выезды к работе.

Накануне Масленицы обыватель-костромич заговлялся на мясо: от души наедался скоромного продукта. С началом масленичных дней вкушалась только молочная и рыбная пища. Главное праздничное блюдо составляли блины. В искусстве их приготовления костромичи весьма поднаторели, знали толк. Хозяйки заранее собирали разные оригинальные рецепты и пускали их в дело в прибавку к опробованным ранее. Блины всяких рецептур ели в гостях, дома, на службе, на улицах и площадях. Вкусный аппетитный дух пропитывал жилища, витал по городу, будоража носы.

Город в праздник втягивался постепенно – неделя была рабочая, но гуляющее общество каждодневно прибавлялось. В широкую Масленицу Кострома погружалась в последние два дня. Они объявлялись неприсутственными, производства останавливались, на службу не ходили. Город гулял!

С утра и допоздна повсюду на улицах слышалось пение разного содержания (и непристойного), владельцы гармошек, балалаек предпочитали помещениям променады на воздухе. Лихо и пьяно лошади впрягались одиночками, двойками, тройками. В санях довольные, разрумянившиеся, веселые компании беспорядочно гоняли во все городские концы.

На Павловской улице устраивались гонки с призами, заключались пари. Иногда отдельные компании объединялись в санные поезда, и тогда чувство праздника усиливалось, прибавлялось веселости, отряд отправлялся в новый пробег. Часто возницы, разгоряченные напитками, не управлялись, тогда экипажи сшибались. Седоки вылетали из саней, получая ушибы и травмы. Доставалось и зазевавшимся пешеходам: порой их сбивали, награждая увечьями. Люди извозного промысла, крестьяне-лошадники, в эти дни составляли неплохие капиталы, ибо подвыпивший народ торговаться не любил.

Масленичный Сусанинский плац представлял собой великое скопище народа, жаждущего «культурного» развлечения. Деньги на праздник

Зазывалы у масленичных каруселей. Фотограф Н.А. Карякин. 1908, 2 февраля

нарочно подкапывали для уверенности положения. Рубли и копейки почтеннейшей публики добровольно отдавались в кассы и карманы владельцев увеселений. Народ валил на просмотр «живых» синематографических картин, на показ балаганных действий, желая стремительных карусельных полётов, качельных ощущений. Искусно обирали публику фокусники-ловкачи, гадалки, предсказатели судеб, мастера запрещённых денежных игр. Обыватель для полноты удовольствия тратился на всё.

Самая расходная статья для публики – винопитие. Рестораны, питейные заведения, пивные не вмещали всех желающих. С окончанием дневной торговли успешно действовали запрещённые «шинки», которые снабжали ночных любителей спиртного любым напитком в удобной для них посуде. Последние два масленичных дня имели высшую степень разгула, отчего больницы заполнялись перепившим травмированным людом.

В семьях культурных и разумных, конечно, ничего подобного не случалось. В Масленице они имели подлинный отдых, отдавая друг другу вежливые, приятные визиты, посещали театры, концерты, вечера, устраивали совместные прогулки и катания, водили хороводы вокруг костров.

В своих воспоминаниях С. М. Чумаков пишет так: «Вечером в субботу и воскресенье масленичной недели на стрелке за рекой Костромой появлялись костры. Это был сохранившийся языческий обычай проводов Масленицы, при этом иногда сжигали соломенное чучело. В эти вечера хозяйки смотрели во все глаза, чтобы не вытащили со двора и вообще вещи из дерева, так как считалось за некоторую доблесть что-то спереть для костров. Костров этих бывало много, а на луговой части стрелки они были видны за много верст». Добавлю, что Масленицу сжигали и в других городских частях, больше, конечно, на волжском льду.

Всякий год масленичное гулянье заканчивалось по-разному. Одни праздники завершались мордобоем, кровью, трагедиями, другие, что случалось довольно редко, проходили степенно, благополучно. В 1914 году Масленица была из редких. Газета тогда сообщила: «Масленичное веселье закончилось благополучно. Кровавые драки отсутствовали. Лишь во время традиционного катанья произошло несколько случаев неосторожной езды. Полицейские участки, по обыкновению, изобиловали задержанными до вырезвления».

Праздник кончался. Сусанинский плац пустел. Однако холодные увеселительные заведения не разбирали – впереди трёхдневная Фёдоровская ярмарка. А пока что городу наступало время прийти в себя: начинался Великий пост.

Масленичные гуляния в Костроме. Нач. XX в.

ВЕСЕННИЙ ТОРГ

Каждогодно на три дня, с 13 по 15 марта (старого стиля), жизнь губернской Костромы преображалась: в городские площади селилась Фёдоровская ярмарка.

Назвали ее так горожане в честь самой почитаемой местной иконы – Фёдоровской иконы Божией Матери, которая и сегодня благополучно, по-старому, остается самой дорогой святыней-покровительницей всем православным людям Костромы.

Вероятно, не случайно для первого в году праздничного торга избрали предки дни, в один из которых – 13 марта в 1613 году свершилось замечательное событие в истории государства Российского: костромской боярин Михаил Фёдорович Романов был благословлён чудотворным образом Фёдоровской Божией Матери на российский престол.

О времени возникновения первой Фёдоровской ярмарки известий не сохранилось. В восьмидесятых годах прошлого века о ней говорили как о «издавна суще-ствующей, хотя законным порядком не открытой», – в полесимье торговали на городских площадях по-ярмарочному. Только в 1888 году костромское мартовское торжище узаконили правительственным распоряжением.

Раёшишк. Фотограф Н.А. Карякин. Нач. XX в.

СУСАНИНСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Здесь, в центре города, против памятника Сушанину, на ещё не прогретом солнцем грязно-заснеженном плацу давалось начало праздничной торговле. Она начиналась с поднятием ярмарочного флага. В те дни плац от обыденного состояния отличался всевозможными «основательными» постройками да неровными, случайно составленными рядами торговых мест.

Из построек более всего выделялись похожие один на другой балаганы разного предназначения. Павильоны-балаганы синематографов (электротеатров), купольные цирковые, театральные всякого прочего увеселительного назначения – все эти «кондовые», из случайного материала постройки пестрели рекламой, призывая досточтимую публику приобрести билет за ничтожно малую плату и получить неописуемые удовольствия.

Плата действительно была невысока, но обороты быстросклеенных универ-сальных программ давали владельцам заведений неплохой барыш. Случалось, завертывал на ярмарку «заграничный» паноптикум-музей с какими-нибудь необык-новенными штуками. Тогда охотно находился и зритель «чудам природы», то есть всяким аномалиям, которые преподносились для обозрения в заспиртованном виде. К обязательным устройствам костромской мартовской ярмарки относились карусели.

Площадные строения, по-ярмарочному капитальные тесовые здания, выстраивались не нарочно к торгу: обыкновенно они оставались от

Гимназист на Фёдоровской ярмарке. Нач. XX в.

масленичных гуляний, бывших в городе неделю перед Великим постом. Ради трёх ярмарочных дней ни один предприниматель не стал бы разворачивать развлекательное дело, связанное пусть и с не очень, но все же затратным строительством. Так что, публичные увеселения в Фёдоровскую торговлю целиком обязаны предшествующей Масленице.

По размаху, широте ярмарочных гуляний во многом можно было судить и о собственно ярмарке: мало балаганов – небогатая торговля, скудная. Эта мартовская торговля бывала разной, удачной и неудачной, торжественно-ликующей и безрадостно-скромной. Всякий год она зависела от благополучия местного обывателя. И каруселей, и балаганов видел мартовский плац всяким числом...

Но при всех обстоятельствах, какой бы силы ни была ярмарка против памятника Сусанину, её всегда окрашивали добротные, тренированные голоса торговцев, звонких балаганных привлекателей, гремели оркестры зазывальной музыки, публика делала покупки и отдыхала.

Вторая городская площадь – Павловская, или Сенная, была не менее радушна ко всем приходящим, но обстановка на ней царила весьма деловая.

СЕННАЯ ПЛОЩАДЬ

По-здешнему, «по-сенному», Фёдоровскую ярмарку именовали «конной». В иной год Сенная площадь настолько плотно заполнялась разнообразными животными – до тысячи лошадей, –

что весьма походила на площадку солидных размеров конного завода. Между всем этим живым разномастным товаром стояли возы с душистым сеном, телеги, экипажи, пролётки, дроги и, словом, все, что имело отношение к извозному делу. С начала XIX века на площадь был переведен сеной торг, и с этого времени всякая конная торговля происходила здесь.

В окружении площади исстари существовало немало кузниц, которые в ярмарочные дни работали без отдыха, обслуживая ковкой лошадей всех желающих. От них не было отбоя, и заведение мастеров-кузнецов денно и нощно кадили дымом раскаленных печей.

Публика на конной ярмарке собиралась своя, особенная. Кто приезжал присмотреть лошадку в хозяйство, кто, напротив, продать свою кормилу от безденежья. Непременными участниками таких торгов были цыгане. Все ухищрения их при продаже лошадок были известны специалистам, однако люди, не пожелавшие уплатить таковым «за консультацию», часто оставались ни с чем.

Попервости пришедшему на Сенную могло показаться, что люди, гуляющие среди конных образцов, – крестьяне, кучера, извозчики, то есть публика из низов. Это обыкновенно бывало ошибкой. В мартовскую ярмарку здесь собирались истинные любители конного дела из всех слоёв населения. Здесь между ними не было ни чинов, ни званий, а существовали добрые дружеские отношения знатоков. Оттого часто можно было наблюдать группу очень по-

Сенной торг. Фотограф Н.А. Карякин. Нач. XX в.

разному одетых людей стоящих рядом и оценивающих достоинства или недостатки какого-либо конного экземпляра.

Ярмарочных строений здесь обычно не возводили, из всех построек площадь украшала лишь водоразборная башня. Место Павловской площади и в обычные дни не блистало чистотой, а в мартовские торговые события, она, не мощёная, утопала в грязи и навозе. Дух, ею источаемый, распространялся далеко за её границы.

Впрочем, Фёдоровская ярмарка никогда не отличалась многочисленностью посетителей приезжими людьми, всегда считалась торгом

средней руки. Посещал её всё больше люд из окрестных местностей да ближних губерний. Больше никто не хотел зазря топтать сапоги и мотать прогонные деньги по земским станциям ради трёх ярмарочных дней. Люди, желающие прибыть в Кострому на ярмарку, дожидались лета, времени, когда поднимет ярмарочный флаг Девятая трёхнедельная ярмарка.

Сенной торг. Фотограф Н.А. Карякин. Нач. XX в.

II ЧАСТЬ
БУДНИ ГУБЕРНСКОЙ КОСТРОМЫ

З ВОНЫ НАД ГОРОДОМ

...Знакомый звон, любимый звон
Руси наследие святое.
Моё причастие к тебе
да будет вечным, как и всё живое

Евдокия Растопчина

Возле двух рек на холмах и низменностях, в окружении чудесных ландшафтов, исстари любимая людьми для жительства душевная волжская местность в начале XX века являла собой животрепещущий мир, называемый российской провинцией. Имя сей местности – Кострома – город, собственному губернскому дому голова! Имел город свой глас – яркий, ладный,

богатой окраски. Слагался он из бесчисленного множества жизненных звуков и голосов, вызванных бесконечной людской деятельностью, среди которых по праву главенствовал звон колокольный.

Колокол, как известно, изобретение нерусское. Красивый способ созывать колокольным звоном верующих в храм для богослужения появился на русской земле в пору распространения христианства. Люди полюбили благозвучные медные звуки, и они накрепко вошли в их жизненный уклад. С веками русский колокольный звон совершенствовался, обогащался, бережно передавался в наследство из поколения в поколение, радуя потомков своим бытием. С приходом звона в церковный обряд было положено начало устройству особых зданий, именуемых колокольнями или звонницами.

Спервоначалу их украшали «кампаны» (первородное название колоколов), отлитые иностранными мастерами. Один кампан-иноземец 1633 года (вероятно, голландской работы) дожил до нашего века на звоннице костромской приходской Троицкой церкви. Русские колокольные мастера в совершенстве постигли инородное литейное ремесло, а затем и превзошли его во всех отношениях, утвердив колоколотейное дело искусством, а звон простейшего инструмента сделали поистине душой Руси.

С древности население Костромы отличалось истовой набожностью, было известным ревнителем православной веры, отчего и город весьма изобиловал храмами, а прекрасных мелодичных звонов всегда бывало в достатке. Они сопровождали горожан от рождения до смерти.

Звонницы по постройке заполнялись колоколами не тотчас – постепенно, разными поколениями людей. Деньги на их устройство жертвовали граждане всяких сословий и положений: дворяне, купцы, предприниматели, вообще состоятельные жители и уроженцы здешних мест. Колокола отливались и на средства небогатых прихожан, заботившихся о процветании своих уголков душевного отдохновения.

Звучали в Костроме и царские колокола-вклады. Последние в особенности отличались пространными надписями, сообщавшими подробности из времени и обстоятельств их изготовления. По желанию устроителей колокольные мастера помещали на всякое заказное изделие надписи, отмечающие учредителей или событие, в честь которого состоялась отливка. К ним обыкновенно создатели колоколов до-

Погрузка колокола, отлитого на заводе С.Н. Забенкина. Фотограф Д.И. Пряничников. 1913 г.

бавляли свои пометы и литейные знаки. Если колокол имел только их, то сие означало – сделан обычным порядком, на продажу.

Относительно числа колоколов, бывших на костромских колокольнях, и их веса судить чрезвычайно сложно, поскольку сведения о них весьма невелики. Судьбы их складывались по-разному. Колокольные здания частью сохранились в неизменном виде, частью, после бедствий – природных стихий, пожаров – восстанавливались по-старому. Другие перестраивались, меняли внешность, немало разрушилось от старости. Их останки разбирались людьми до основания. Колокола теряли голоса – разбивались, расплавленные огнем, гибли. Случалось, люди переносили их на новые места, а часть их просто терялась, исчезала бесследно.

Колокола самых внушительных размеров – громогласы – размещались на соборных и монастырских звонницах. В монастырских описях Ипатьевского монастыря в конце XVI века значится: «колокольница каменная. А на колокольнице колокол Благоверный. А дал в дом живоначальныя Троицы Борис Федорович Годунов. Да старый колокол Благоверный, да девять

колоколов всяких». В последующих описаниях говорится: «С 1603 года на нынешнем месте теперешняя колокольня, памятник усердия боярина Дмитрия Ивановича Годунова, с колоколами значительной величины – самый большой колокол вклад матери царя Бориса Годунова, Стефаниды Ивановны в инокинях Снандулии. Из них ныне известен по надписи, во 172 пуда, приложенный Иваном Ивановичем Годуновым в 1603 году. И прочие колокола приклад также Годуновых». По одним описаниям вклад Стефаниды Ивановны имел 600 пудов, по другим «во сколько пуд неизвестно, и ныне его уже давным-давно нет».

Шестисотпудовый колокол, слитый в 1647 году, на звоннице действительно имелся, а об экземплярах большего веса известий нет. О числе колоколов говорится, что «в продолжение XVII в. на колокольне было 18 колоколов». Весьма важная подробность о колоколах сообщается в подлинных монастырских бумагах: «В 1693, 1699 и 1700 годах четвертая часть колоколов отправлена в Москву вместе с медными котлами, ружьями и пищальми для ратного дела».

Звонница Ипатьевского монастыря. Нач. XX в.

В Костромском кремле в XVIII веке существовала колокольня Успенского собора. Она «в пожар 1773 года разрушилась. Семь колоколов, из которых большой благовестный в 200 пуд дань государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея России, так и позднейшие, из коих большой был в 1000 пуд».

К концу того же века вместе с новым Богоявленским собором воздвигли великолепной архитектуры колокольню, оставшуюся впоследствии в неизменном виде. Её заполняли «массивные колокола, которые в совокупности составляют вес 2400 пудов. Колокола, тщательно и искусно подобранные: 1-й в 1160, 2-й в 500, 3-й в 300, 4-й в 200, 5-й в 100 пудов и так далее, под привычную руку опытного распорядителя их звучных голосов, образуют музыкальный звон (вблизи колокольни оглушительный), которому всегда с удовольствием внимают даже привычные жители Костромы».

По утверждению знатока-очевидца, «более первого из них по весу во всей Костромской епархии нет». Как видно, взамен утраченного многопудовика на новой звоннице утвердился громоглас ещё большего веса. Такие превраще-

ния в жизни колоколов случались. Костромичи в память утраченных колоколов-любимцев отливали новые, правда, они говорили уже другим голосом. Так случилось и здесь: расшибленный колокол был «перелит иждивением костромского купца и фабриканта Космы Иванова Угличанинова с прибавлением им меди».

Древний Богоявленский монастырь занимал центральное городское место. Среди его построек в XVII веке имелась «особая с большою главою каменная колокольня» (существовала до 1861 года), на которой «висело 12 колоколов, в которых весу более 227 пудов». Среди них упоминается большой «очапной» колокол 1603 года. Он имел «весу сто полсема пуда» (около 104 пуд.). Его разбили «по неосторожности», заменив новым «с прибавкой меди», весом в 158 пудов и 2 фунта. Колокол украшала надпись: «Сей вестник в церковь созывает с великим гласом чад ея; он волю Бога возглашает без слов, но громко всем поя».

После опустошительного пожара 1847 года колокольня разрушилась. В 1860 году в монастыре упоминается только одна действующая колокольня Никольской церкви, на которой

Колокольня Богоявленского монастыря. Нач. XX в.

«четыре колокола медных: весом один около 160 п., другой 60 п., третий и четвертый около 10 пудов каждый».

Упразднённый после пожара монастырь возрождается под новым названием – Богоявленско-Анастасийн. Для главной его колокольни в 1864 году приспособляется башня «по нынешней Власьевской улице». Об оснащении её сведения весьма скудные и известно только то, что из Ипатьевского монастыря были возвращены колокола «различной величины», а из старых имелся преемник «очапного» колокола. Судя по имеющемуся описанию, именно он созывал горожан для участия в торжествах мая 1864 года по случаю восстановления древнего Богоявленского монастыря. Об этом радостном событии сообщает так: «начался благовест в большой Богоявленский колокол, отличавшийся редкой гармоничною звучностью, как бы оправдывающею известную нам надпись на нём, звук этого колокола, издавна хорошо знакомый костромским старожилам, невольно вызвал в них радостные возгласы: “Хозяин заговорил! Хозяин воротился домой и созывает гостей”».

В 1887 году монастырь вновь постигли печальные обстоятельства. От разорительного пожара пострадала и башенная звонница. Бывшие на ней колокола «упали, большой же в 158 п. 2 ф. и несколько других меньшего веса разбились и слились в комки». Колокольня возродилась в прежнем виде в 1888 году, в память «большого» колокола был слит новый в 200 пуд. 3 ф., который имел известную надпись от погибшего экземпляра. В начале века добавились два колокола: 1000- и 402-пудовые.

Страдальные, тяжкие испытания пришлось и на судьбу колоколов другого монастыря – Анастасиина Крестовоздвиженского, что располагался «внутри города» близ торговых рядов. В его постройках в XVII веке упоминается церковь «Вход в Иерусалим» и при ней звонница – «на колокольнице 5 колоколов». В 1804 году она была разобрана и заменена новой, на которой в 1835 году числилось 6 колоколов.

Ещё одна монастырская колокольня принадлежала Сретенской церкви, но, как значилось, на ней «колоколов не имеется». Отсутствие их довольно точно определяет плачевное положение монастыря, свидетельствуя о недостатке средств содержания.

Относительно колокольного убранства приходских храмов города я уже упоминал, сведений об этом предмете весьма недостаточно, и даже приблизительной картины, основываясь на них, не создать. По воспоминаниям же старожилков-костромичей колокольный арсенал приходских церквей был весьма хорош, и колокола выводили достойные мелодии. В подтверждение сказанного давайте доверимся высокому чувству замечательного искусствове-

да (Г. К. Лукомского. – Ред.), оставившего нам свои впечатления: «... слышится уже свободно разносящийся по блестящей широкой водной глади Волги малиновый звон костромских колоколов, не заглушаемый ни мирным плеском Волги, ни визгом чаек, ни криком рабочих на баржах, ни песнями косарей на дугах...»

Из всех колокольных звонов самый близкий горожанам звучащий ежедневно – призывный благовест. Широко звучащий густой голос большого колокола приветливо оповещал прихожан, занятых мирскими делами, о готовности храма к богослужению.

По праздникам город наполнялся торжественными ликующими разноголосыми звонами, идущими от всех колокольных инструментов – от малого до большого, – звучащими в строгом уставном порядке, соответствуя душевному состоянию слушателей-горожан. В пасхальные дни – дни особо любимого праздника – Кострома утопала в стройных и нестройных медных звуках, в полном соответствии с общероссийской поговоркой – «в Светлую седмицу кто не звонарь!»

«По существующей традиции на Пасху всю неделю дозволялось каждому желающему лезть на колокольню – они в течение этой недели не запирались – и звонить невозбранно во все колокола, сколько заблагорассудится. Были такие любители, которые лазили по всем колокольням и прекрасно знали качество каждого колокола». Это весьма натуральное описание я заимствовал из воспоминаний С. М. Чумакова.

К пасхальным дням звонари, насколько хватало сил и усердия, приводили ходы на колокольни, обезображенные птичьим помётом, в мало-мальски пристойное состояние, дабы не смущать публику, прибывшую для производства звона и обретения душевных панорамных видов. Старательный труд звонарей по обыкновению был мало замечен: в течение нескольких часов птицы, не собираясь изменять облюбованным местам, восстанавливали «живописную» будничную картину. Взрослая публика – чистая, в лучших, праздничных одеждах, – среди которой встречались и барышни, восхождение к колоколам совершала с отменной аккуратностью. Городским мальчишкам, числившим себя главными специалистами звонарного дела, внутренний вид колоколен был безразличен.

Отдельные звонари проводили у колоколов весь праздничный день, бывши заваленными заказами на звон. Благодарные посетители награждали их денежно и пасхальными кушаньями, к которым часто присовокупляли и горячительные напитки. Тронутые вниманием, они потребляли их тут же. «Усталых» от вознаграждений звонарей снимали с колоколен добрые люди, и тогда на храмовых звуковых высотах царствовали мальчишки.

Не сведущие в звонарском деле люди и в старое время имели к этому ремеслу весьма прохладное отношение. Но таких «ценителей» было немного. В большинстве своём горожане знали, что за музыкальной правильной волнующей красотой стоит тяжелейший труд звонарей-музыкантов, вкладывающих в занятия и душу, и силу. Сколько недюжинной сноровки, умения надо было проявить им в управлении с помощью рук и ног веревками, досками, брусами, связанными с нелёгкими, подчас многопудовыми колокольными языками, чтобы создавать из отдельных звуков стройные музыкальные произведения, вызывающие у людей благоговейные чувства. Подлинными звонарями считались носителями благородной, нужной профессии, и заслуженно пользовались у горожан уважением. Их часто приглашали по домам погостить, оказывая при этом должный почёт.

Благовещенская церковь на Никольской ул. 1906 г.

Вместе с церковным отдельные городские звонницы распространяли в разное время и другой колокольный звон, особый: башенные хронометры колокольным боем сообщали обывателям о времени наступившего часа. В XVII веке «боевые часы с перечасьем» украшали звонницу Ипатьевского монастыря. Их часовой колокол, отлитый в 1659 году, весил 68 пудов. В начале XVII века на колокольне Богоявленского монастыря «висели боевые русские часы с перечасьем и получасьем», о которых помнили костромские старожилы в 1717 и даже в 1818 гг. и память о коих передали потомкам.

В 1835 году на звоннице Ризположенской церкви в Анастасиинном Крестовоздвиженском монастыре действовали «боевые часы», вероятно, устроенные вместе с колокольной в 1804 году. Самая долгая жизнь выпала колоколенным часам кремлевской Богоявленской колокольни. Их искусный механизм, исполненный в 1820 году тульскими мастерами Полуниными, отбивал час, получас и четверть.

На колокольных изделиях, живших в Костроме, оставили пометы многие мастера России, среди которых есть и знаки собственно костромских литейщиков. В делах градской думы в 1773 году в Костроме упоминается один колоколотейный завод, делающий продукции «на

5 т.р.» (тысяч рублей). Возможно, производство с таким значительным оборотом принадлежало Фёдору Колокольникову, завод которого упоминается в архивных материалах того времени. Колокольный завод купца Алексея Синцова действовал с 1789 года. Появление этих производств в Костроме в конце XVIII века никак не случайность. В городе и губернии отмечается деятельный подъем в каменном церковном строительстве.

В середине XIX века в городе устроился еще один завод – Ивана Полякова. Однако вскоре отрасль пришла в упадок – в 80-х годах XIX века колоколотейных заводов в Костроме уже не было. Возрождение колокольного дела началось с приездом из Пензенской губернии купца Серапиона Николаевича Забенкина. Весной 1893 года в селе Шунга Костромского уезда начал действовать небольшой деревянный «колоколо-литейный» завод. Колокола из него выходили «с речательством за полное их достоинство как в качестве, так и в звуке». Уездное дело просуществовало недолго, в октябре 1894 года в Костроме, в Ямской слободе, на «земле наследников Стоюниных» С. Н. Забенкин выстроил новый каменный колокольный завод. Он был невелик (по оценке – 1500 руб.).

Звонница С.Н. Забенкина на земской выставке 1913 г.

Образцовая постановка дел в заводе, привлечение мастеров великой опытности, наделённых акустическими знаниями, сделали изделия с маркой Забенкина первоклассными. Уже в 1895 году производство было занесено в число шести лучших колокольных заводов из 25 действующих в России. Хозяин завод расширял, обустроивал (по оценке 1901 года – 7079 руб.), и слава его росла. Заказы поступали из всех местностей империи. На выставках «серапионы» удостоивались наград: медалей, похвальных отзывов, дипломов. Забенкин заводит свое представительство в столице – склад на Апраксином дворе, с собственной звонницы колокола продаются на Нижегородской ярмарке в колокольном ряду.

По случаю празднования 300-летия Дома Романовых Забенкин получил право поместить на колоколах портреты царских особ. Красавца тридцатишестипудовика Серапион Николаевич лично поднес в подарок государю в день посещения им юбилейной губернской земской выставки в Костроме в 1913 году. Его звонница на выставке, увешанная колоколами, играла «подобранный звон в 1075 пуд., при главном колоколе в 515 пуд.» по нескольку раз в день. Забенкин нарочно пригласил особого «ростовского человека», чтобы тот по просьбе посетителей демонстрировал любой звон.

Об этом действе приведем короткую зарисовку столичного репортера: «Хорошо бы теперь Соловецкого звона или Новгородского перезвона послушать» – начинает спрашивать посетитель звонаря. И по выставочной территории разносятся унылые, густые звуки больших колоколов. Их затем сменяет ликующий перезвон малых, быстро умолкающих, как только раздастся очередной призывный удар большого колокола».

К звонам церковным и часовым примешивались звуки бытовых колоколов, которые в изобилии слышались почти во всех городских частях. В особенности ими была богата летняя пора. Ранними утрами сонный обыватель улавливал нестройный, совсем не привлекательный однообразный звук скотских колокольцов, раздававшихся вперемешку с хлопками пастушеских кнутов: частновладельческий скот сгонялся в стада, следовал на выгонные земли.

Когда день входил в деловое время, колокольное разноголосье слышно было повсюду. Визитёрами, просителями приводились в движение дверные колокольцы, устроенные при входах в учреждения. Там, внутри казённых помещений, начальственно играли кабинетные вызывные колокола-малютки. Такой же высокий мелодичный звон слышался из раскрытых окон домов состоятельных горожан – вызывалась прислуга. Колокольные трели учащались с открытием торговых заведений – приходили в действие их дверные извещатели.

Звон колоколов распределялся по городу неравно: где – богаче, где – беднее. В этом отношении волжский берег, заставленный пристанями, был весьма музыкальным местом. Били соборные часы. Каждое получасье судовые колокола – рынды – отбивали мелодичные «склянки». Три звука, выведенные подряд вахтенными матросами, сообщали об отвале пароходов. Рындовый звон отчётливо слышался и от проходящих пароходов. В Заволжье в Спасо-Никольской слободе на железнодорожном вокзале звучал станционный колокол.

С давности костромичи знали звон беды. С резкой, нервической частотой бдительные пожарные колокола, бывшие при частях, рассылали тревожные известия об общегородском несчастье, призывая обывателей поспешить на помощь к месту пожара. От рысью мчавшихся пожарных ходов летели сигналы выездных колоколов.

С осени мир городских гимназий, училищ, школ оживлялся. Колокольные сигналы отсчитывали время учебным часам. В отдельные дни оживали звонницы домовых храмов, находившихся при заведениях. Круглогодично заливыстыми трелями, мешавшимися со звонами казённых лошадиных скоков, голосили на трактах почтовые поддужные колокольцы. Звук их то вливался в городской глас, неся обывателям вести всякого свойства, то покидал его.

Торжественно, с шиком, усердствовали поддужные колокола изукрашенных свадебных экипажей. Широко, красиво, разгульно звенели колокольцы масленичных саней. Не просто было сыскать в городе место, где бы не раздавались колокольные голоса: звонили в театре, синематографах, в концертах, звонили на бегах, на велогонках, на других состязаниях. Продавцы и покупщики встряхивали звонкую медь на Фёдоровской ярмарке, выскивая в образцах желаемый тон.

Конечно, о всех колокольных проявлениях не сказать, да и время постепенно отказывало отдельным колокольным употреблением, насаждая в быт более модный способ подачи сигналов – электрические звонки. Последнее обстоятельство никак не распространялось на звон церковный, его, напротив, год от года становилось больше, отчего глас Костромы только богател, приобретая новые звуковые окраски.

После октябрьского переворота жизнь города круто изменилась. Колоколов больше не лили. Городской глас начал хиреть. Дурные люди, выдрав церковным колоколам языки, сами инструменты разбили, отправили в переплавку, выбросили в отхожие места. Уцелели тогда немногие... Глас города стал затухать, сделался тяжёлым, больным.

БЕССЛОВЕСНЫЙ СОТРУДНИК ПОЧТОВОГО ВЕДОМСТВА

Прошло более 150 лет, а скромный ящик с неброской надписью «почта», занимающий пристенное положение у домов, был и остаётся неотъемлемым атрибутом интерьера всякого города. От явления своего в XIX веке он не претерпел сколько-нибудь серьёзных изменений в формах и по сей день остаётся необходимым, полезным уличным устройством, служащим костромичам в любое время дня и ночи. Почтовый ящик, по давности положения, сроднился с городом: мёрз на ветру, омывался дождями, страдал от жары и за службу свою справедливо снискал у горожан звание добропорядочного обывателя, бессловесного сотрудника почтового ведомства. Люди доверяли ему хранить свои сокровенные тайны, и он хранит!

Внешне незатейливое простейшее устройство, скромное металлическое вместилище на несколько часов становится хранителем известий и мыслей людских, начертанных на бумаге и свёрнутых должным образом для дальнейшего путешествия. Почтовый ящик – это исток, от которого начинается и короткая, и долгая почтовая дорога вестей к адресатам!

Город наш обилием почтовых ящиков никогда не отличался, был скуп на их устройство. В 1871 году губернская Кострома с населением почти 30 тысяч человек имела их всего три: «при почтовой конторе, гостинице “Старый двор” и при магазине Семёнова». В тот же год, в связи с учреждением в Костроме городской почты, прибавилось ещё четыре ящика: «на Русинной улице около дома г. Холщевникова, на Никольской около квартиры г. Чалеева, бывший дом Григорьева и на Царевской около дома г. Тихменёвой». С прибавлением ящиков почтовые сотрудники освободились от надоевшей процедуры: отделять письма, адресованные в Кострому, от иногородних.

С годами число ящиков увеличилось, и к 1913 году их стало 25. Однако удовлетворить в них потребности города, растущего чис-

Почта на Павловской ул. Кон. XIX – нач. XX в.

ленно, так и не удалось. Время от времени от раздражённых обывателей, защищающих свои интересы, сыпались упрёки в адрес почтовых чиновников: «Очень скупится наше почтово-телеграфное ведомство, ведь крайне невелик расход завести лишний почтовый ящик».

Первоначально ящики имели зелёный цвет – почтовый цвет XIX века. На лицевой стенке был припечатан государственный герб и надпись «Почта». Под гербом следовал текст с обозначением сроков, в которые происходит выемка корреспонденции. Осенью 1905 года ящики перекрасили в жёлтый цвет.

В XIX веке, когда число ящиков было невелико, от содержимого их освобождал пеший почтальон, корреспонденция перекочёвывала в его объёмную суму. В 1910-е годы почтальон для очистки ящиков пользовался конным экипажем. Картина была такова: на почтовой одноколке «приделан внушительный сундук, нижняя часть которого почти тащится по земле, а на верхнем ребре сундука помещаются почтальон и кучер». Вояж почтальона, несмотря на конный экипаж, не был скорым. Время тратилось на подбор нужного ключа для открытия боковой стенки ящика и на открытие и закрытие неповоротливых ржавых замков.

Накануне приезда царской семьи к маю 1913 года почтовое ящичное хозяйство города, запущенное годами, преобразилось. В марте 1913 года начальник Почтово-телеграфной конторы В. М. Васильев получил предписание от окружного начальства. В нём предлагалось: «необходимо, чтобы все наружные ящики, вешенные при конторе и в городе, были перекрашены заново с указанием точного времени об очистке, и, если ящики имеют загрязненный или выцветший вид, поручаю Вам немедленно изыскать самые наилучшие для казны цены на перекраску».

Рассмотрев вопрос в хозяйственной комиссии конторы, выяснили, что «ещё два года тому назад ящики были признаны непригодными и необходима полная замена их новыми». Отписали о сём в Нижегородский округ и просили о содействии. Ответ не заставил себя ждать и содержал начальственное: «Для замены всех почтовых ящиков не имеется ни сумм, ни времени доставить для заготовки их к Высочайшему приезду». Одним словом, разбирайтесь сами.

Но наши почтовые мужи стояли на своём. К начальнику округа полетело категорическое заявление: «ремонт ящиков в Костроме произведен быть не может», и далее они весьма смело настаивали на присылке 34 ящиков: «25 для обмена неисправных и 9 на случай могущей быть замены и на случай потребности к вывеске ящиков в новых местах». Документ заключался совершенно бесцеремонным пожеланием, «чтобы ко всем ящикам были сделаны одинаковые замки, с тем, чтобы можно было их отпирать

одним ключом». Окружное начальство реагировало по-старому: «исполнять предписанное!»

Обстоятельства же «в виду важности наступающего времени» требовали немедленного решения вопроса. Нашли местного мастера Соловьёва, взявшего «на себя ремонт, перекраску и смену 13 замков почтовых ящиков» за 55 рублей. Оставалось решить вопрос о десяти ящиках, которые, надо полагать, пришли в полную непригодность. Об этом известили начальника округа.

19 мая государь с августейшим семейством прибыл в Кострому. Следуя в конном экипаже по чисто убранным улицам города, заметил ли он почтовые благоустроения, дышащие свежестью? Если и заметил, то уж, верно, отметил их весьма достойный вид.

В 1913 году в Костромской губернии было 288 почтовых ящиков.

Дом губернатора на Муравьёвке... Нач. XX в.

...и почтовый ящик на его стене. Нач. XX в.

СЛУХОВОЙ ТЕЛЕФОН ДЕРЖАТЬ ПЛОТНО ПРИЛОЖЕННЫМ К УХУ...

«Что угодно?» В девяностых годах прошлого века такую услужливо-деловую фразу в Костроме слышал всякий, кто прокручивал ручку телефонного аппарата и прикладывал слуховую трубку к уху.

В «амбушюр» (микрофон) абонент сообщал дежурной требуемый номер. Короткая пауза и любезный голос барышни-телефонистки отвечал: «Готово!». Устанавливалась связь, которая передавала «сказанное слово совсем отчётливо». По окончании разговора абонент, согласно правилам пользования, вновь прокручивал ручку аппарата – давал отбой станции.

Телефонная линия открылась в городе в 1890 году. До того времени в Костроме имели место лишь частные телефонные станции. Главная телефонная станция устроилась в здании почтово-телеграфной конторы на Павловской улице (пр. Мира, д. 6). От неё проводы потянулись: к главному пожарному депо на 2-й Всехсвятской улице, воинским казармам на Еленинской и казармам на Кинешемской улице, губернаторскому дому, главному водопроводному зданию на Воскресенской площади, волжской водокачке на Верхне-Набережной улице и дому городского полицейского управления на Царевской улице (пр. Текстильщиков, д. 4).

С годами телефонными услугами стали пользоваться все желающие, способные уплатить довольно приличную сумму за такой удобный вид связи.

Почтово-телеграфная контора на Павловской ул. Фотограф М. Ф. Риттер. 1910-е гг.

Со временем усовершенствовалась и телефонная техника. В новых конструкциях аппаратов надобность крутить ручку телефонного динамо отпала. Изменились и действия абонентов. Правилом вменяли в обязанность лицам, пользующимся телефоном, «делать отчётливую разницу между вызывным звонком (продолжительный без перерывов) и отбойным (несколько коротких, отрывистых)».

В работе телефонной сети случались и сбои. Нередко по чьей-нибудь халатности, неосмотрительности при производстве каких-либо работ провода обрывались. Но, пожалуй, главные неудобства горожане-абоненты ощущали во время пожаров и гроз. В первом случае их требования исполнялись лишь частично, в зависимости от загруженности линии и телефонисток, обеспечивающих связь пожарных команд. Во втором случае – «ввиду опасности сношения по телефону прекращались», станция выключалась.

Для получения качественного разговора требовалось немного – «слуховой телефон держать плотно приложенным к уху, говорить перед микрофоном на расстоянии от рупора на один-два вершка (4–8 см.), не напрягать особенно голоса, но стараться произносить слова отчётливо, не торопясь и не сливая», «а для большей ясности выслушивания закрывать свободное ухо другой рукой».

Для удобства абонентов, по их желанию «говорить только днём или только в определённые часы» они вносились в особый список станции.

Состоятельных лиц, желающих частным порядком снести по телефону с кем-нибудь в городе было немало – абонентская сеть постоянно росла. В 1915 году она составляла 406 номеров.

«Телефонная барышня». Фотограф Д. И. Пряничников. 1910-е гг.

ЛЕГКОВОЙ ИЗВОЗ – ДЕЛО ДАВНЕЕ

Извозное дело костромских обывателей настолько давнее, что в точности определить время его возникновения, пожалуй, невозможно. Как промысловое занятие извоз в Костроме был узаконен в 1820 году. С этого времени лица, желающие таковой деятельности, уплачивали в доход города установленный денежный сбор. Сначала деятельность частновладельческого извоза была безнадзорной, свободной, но со временем этот пробел был устранён городским самоуправлением: извозная практика получила должное внимание. По бытовавшему среди извозчиков выражению, их деятельность «держалась в узде» вечно изменяющимися извозными правилами, обязательными постановлениями, таксами. Согласно этим документам и в обход их протекала работная жизнь городских извозчиков.

Общество их делилось на два типа. К первому относились ломовики, занятые перевозкой всяких грузов.хлопот с ними у властей не было никаких, поскольку они исполняли работу по согласительным условиям. Второй тип представляли легкие извозчики, целиком связанные с людскими перевозками. Здесь возникали весьма частые споры в части оплаты и взаимных обязанностей между пассажиром и

извозчиком. Для приведения этих отношений в благопристойный вид, едва ли не ежегодно приходилось вносить извозный предмет для разбирательства в собрание городских гласных.

В легкой извоз поступали просто. Наперво обзаводились всем потребным в деле. Дело готовое, на полном ходу, могло быть куплено сразу, но для такого приобретения требовались солидные деньги, да и случай представлялся нечасто. Обыкновенно экипировку составляли отдельно и постепенно. Всё от лошади начиная и до прочих извозных мелочей считалось приличным подбирать во время ярмарок. Кое-что приобреталось в летнюю, Девятую ярмарку, но более всего подходил на этот случай трехдневный мартовский конный торг во время Фёдоровской ярмарки. Сенная площадь в те дни обеспечивала желающих полным набором извозных вещей.

Лошадь для дела высматривали породистую, игривую и непременно пристойной (однотонной) масти. Последнее качество животного являлось весьма существенным: пассажиры предпочитали пролётки, запряженные лошадкой лучшей масти, если случалось выбирать пусть бы даже из двух свободных на биржевой стоянке. Неприглядными мастями пользовались вынужденно и не знатоки.

Пролётки для лета, сани для зимы брали тут же на ярмарке или в экипажных заведениях. Таких фирм в городе было две. Первую – на Богоявленской улице – содержал ветеринарный врач П. И. Кекин, главой второй фирмы состоял

Биржа извозчиков в начале Павловской ул. Фотограф М. Ф. Риттер. 1915 г.

И. Н. Кривошеин, на Московской улице. Оба заведения, бывшие при собственных домах владельцев, торговали экипажами, пролётками, колясками собственного производства. Выбор транспорта имелся весьма неплохой. В заведениях производили ремонтировку действующих экипажей и восстанавливали старые, поломанные. При каждом деле имелась специальная кузница дляковки лошадей.

Пока собиралась экипировка, будущий извозчик шил на заказ выездное платье. Одевались извозчики-легкачи по единому образцу: тёмной материи суконный кафтан и шляпа с полями. Когда все извозные надобности подобраны, будущий возница шёл в городскую управу, где выправлял промысловое свидетельство. Вместе с ним извозчик получал: экипажный номер, личную бляху, табличку с таксой и экземпляр правил извоза. Номерной знак изготовлялся из тонкой жести. В нём по белому фону чёрным цветом выводился номер. Он укреплялся на задней внешней стороне сиденья седока.

Табличка с таксой прикручивалась на козлах, на стороне, обращённой к пассажиру. Она имела ясную печатную надпись: «По концам» и «По часам». Первое означало движение по пути определенной протяженности. Например, от центра города в любую сторону не далее трёх кварталов или с одного конца города на другой. «По часам» – стало быть, за езду по городу в течение одного часа. Более продолжительная поездка предполагала доплату. Если пассажира не устраивала езда по таксе, то приходили к соглашению. Личную бляху с номером извозчик укреплял на одежде, и это означало, что экипаж правильный (не случайный, не ворован-

ный). Бляху извозчики предъявляли в случае, когда пассажир оставлял вещи на хранение.

Выправив право деятельности, извозчик отправлялся в полицейскую часть. Здесь его заносили в особую книгу учёта, и он представлял для осмотра полицейских чинов экипаж и самого себя. Проверив исправность упряжи, прочность экипажа и вид возницы, последнего допускали к промыслу, и он мог следовать на биржу. Места стоянки извозчиков – биржи – появились в Костроме в 1904 году. До этого времени извозчики сами беспорядочно избирали места ожидания пассажиров, вставая где и кому как вздумается. Такое самовольство нередко беспокоило обывателей и они, находя такие стоянки неудобными для себя, высказывали неудовольствия.

Для устранения такого нежелательного явления городская дума совместно с полицией объявила биржам места. Главные легковые стоянки извозчиков утвердили: на Сусанинской площади в начале Павловской улицы, на Воскресенской площади у водонапорной башни, в начале Русиной улицы у «Старого двора», у паромных пристаней и перевоза.

Правилами биржевой стоянки извозчикам предписывалось: «вести себя прилично и не допускать игр (азартных – в кости и карты. Любимое занятие легкокачей. – А. А.), ни брани, с публикой должны обращаться вежливо, не допуская насмешек и двусмысленностей, стоять в порядке (ровно в ряду), не производить никакого шума и быть всегда в трезвом виде». Также запрещалось и курение табаку. Однако, несмотря на все узаконения в пору долгих простоев братья-извозчики и пили, и курили, и коротали время за азартными играми.

Когда полицейский чин узревал нарушения, то дело урегулировали «добровольными» пожертвованиями. Но случались и протоколы, а стало быть, от одного до трёх рублей вылетало из кармана возниц. Кроме того, извозчикам воспрещалось «беспокоить публику своими предложениями, а должны они выжидать требования». Помовые извозчики на легковые биржи не допускались, они имели свои места.

В биржевых стоянках в ожидании клиентов выстраивались стройным рядом пролётки самых разнообразных конструкций. Во втором десятилетии XX века, за редким исключением, все легкоизвозные экипажи были рессорными, с откидным верхом, но с разной отделкой внутри и разным ходом. Обыкновенный ход имел колёса металлические, резиновый – обычные колёса, обтянутые резиной, и самый шикарный ход – пневматический – имел надувные шины. К весьма ценным достоинствам его относились мягкий, покачивающийся на булыжной мостовой ход и малозумность.

Надувные колёса имели по большей части пролётки лихачей. Эту категорию утвердили в

Извозчики на Сусанинской площади. Нач. XX в.

городе в 1913 году, когда городская управа разделила легковых извозчиков в свою очередь на два разряда. Лихачи пользовались повышенной таксой (на 40% больше обычной), но и городской сбор с них был значительно выше. Отряд их был невелик, число экипажей в нём регулировалось городской управой.

Разбор извозчиков происходил на бирже. Клиент, облюбовав пролётку, договаривался с возницей о способе оплаты. Если наступало соглашение, то после посадки в экипаж клиент превращался в пассажира-седока. Теперь извозчик на всём пути следования нес полную ответственность за пассажирское лицо, которое должен был доставить к месту с надлежащей осторожностью, без причинения ему неудобств. Если у пассажира имелись вещи – кофры, чемоданы, – извозчик пристёгивал их ремнями «на задок», неся за них такую же ответственность, как и за пассажира. Кстати сказать, задок – вещевое место – давал городским ребятишкам возможность катить на легкаче тайно и бесплатно! Извозчик во время непогоды или по требованию поднимал верх, а седока до пояса закрывал мягким кожаным фартуком. Зимой в санях седока укрывали «суконной с медведем полостью».

Вещи пристёгнуты, пассажир занял своё место. Сигналом к движению обычно служили слова: «Пошёл!», «Трогай!» или «Любезный!», «Почтеннейший!» Пассажир мог дать знак к отправлению и бессловесно: стоило лишь приложить трость к спине легкача.

В угоду пассажиру, а иногда и по требованию, извозчики обоих разрядов вихрем носились по улицам, порой сшибая на пути зазевавшихся обывателей, не успевших отступить. Больше всего от скоростных пролёток и санок зимой страдали дети. Очень скорая езда признавалась в городе неосторожной и вредной. Придирчивые городские, привлекая за таковую лихачей штрафами, как правило, не стеснялись. К скорости второразрядных пролёток, бывших в руках лиц победнее, полицейские чины относились снисходительнее.

Привлечь извозчика к ответственности за скорость представляло для полиции известную трудность: экипажи были очень схожи, а со спины все возницы выглядели одинаково. Разными были экипажные номера, но их владельцы пролёток во избежание ответственности старались прикреплять так, чтобы при езде номерной знак не прочитывался.

Лихачей с бирж разбирали люди состоятельные, второразрядных извозчиков нанимала публика со средним достатком. Малоимущие катались на раздрыганных пролётках «ванек» – дешёвых возниц в замусоленных одеждах. Немущий горожанин ходил пешком. В редкие года, в случаях крайней необходимости, когда зимой брать пассажиров разрешалось «пошев-

никам», он пользовался их услугами. Пошевники – обычные ломовые извозчики, временно имевшие ломовой работы, – возили обывателей на широких санях – пошевнях. Им позволялось возить публику от дома (места) до железнодорожного вокзала, что за Волгой, и в обратном направлении. Цена их услуг была в два-три раза менее принятой.

Приходилось легкоизвозчикам возить и бесплатно. Полицейский чин, ссылаясь на службу, старался не платить. В случае пожарной тревоги «по силе лошади и прочности экипажа» извозчикам надлежало подвозить к месту бедствия дружинников. Рассчитывались они специальными марками, по которым деньги надо было получать в городской управе. Хождения за «пожарными деньгами» всегда оказывались долгими.

Кроме того, было узаконено «бесплатно отвозить скоропостижно умерших на улице, заболевших, увечных, раненых, буйных, пьяных и т.п. лиц, которых необходимо скорее убрать с улиц...»

Два раза в году извозчики и их транспортные средства подвергались специальному осмотру полицией. Кроме полиции в осмотре принимали участие члены городской управы и ветеринарный врач.

Требования к возницам и экипажам были следующими: «лошади должны быть здоровые и без норова, экипажи, по возможности, современного типа, ежегодно ремонтированные и окрашенные, чехлы на сиденьях не смазывать дёгтем и другими мазями, а иметь из гладкой кожи, и если из материи, то не линючей, чтобы платье пассажиров не пачкалось, сбруя должна быть прочная, ремённая, вполне приличная, шапки, шляпы, кафтаны и всё другое верхнее

Ломовой извозчик. Нач. XX в.

платье должно быть крепкое, чистое, общепринятой кучерской формы».

Место в извозной жизни мог занять всякий желающий, но не всякий находил в промысле привычку и силы остаться в нём на годы. Многие извозчики не выдерживали условий существования: долгие уличные простои и езда многими часами в непогоду, мороз приводили к болезням. На досках объявлений и в газетах помещались предложения о продаже извозного дела на полном ходу.

Не для всех легкачей извозная практика становилась доходной, выходило по-разному. В основном извозчиков выручал только продолжительный рабочий день да случай, когда крупно перепадало на чай от разгульных компаний и одиночек-обывателей. В ожидании «добрых» клиентов извозчики бесконечными вечерними часами простаивали у ресторанов, домов с сомнительной репутацией и зданий с «красным фонарём».

Домашняя жизнь их тоже устраивалась по-разному. Одни имели зажиточные хозяйства с добротными постройками, другие кой-как перебивались, еле сводили концы с концами, находя отдохновение в пивных и трактирных

заведениях. Для облегчения существования малоимущих в 1909 году учредили «Общество взаимопомощи легковых извозчиков». Правда, скудные средства не позволяли ему оказывать своим членам значительную денежную помощь, но в моменты, когда «трудно бывает занять даже один рубль», и эта касса вспомоществования была подспорьем.

В давности костромские люди извозного дела проживали в районе Ивановской улицы, затем переселились в Ямскую слободу, у Чёрной реки. В начале века определённых районов жительства кроме Ямской слободы извозчики не имели и селились по всему городу, больше во вторых и третьих кварталах от центра.

С переменной власти частный извоз не исчез, а в годы нэпа даже расцвёл. К 1930-м годам как частновладельческая практика он был полностью ликвидирован. Многие из лихачей ушли в ломовики, которые все были объединены в артели.

Лихач у пристани «Кавказ и Меркурий». Нач. XX в.

КОСТРОМСКИЕ ТРУБОЧИСТЫ

Пожары в мирной России – дело привычное. Горела она – деревянная и каменная – во все времена, горела, строилась и вновь горела... И, как ни странно, повинен в житейских огневых бедствиях был сам народ российский, из коего более всего вины лежало на лицах мужеского пола, потому как «покуда гром не грянет, мужик не перекрестится».

Раннее стародавнее утро Костромы. В тиши над ещё медленно просыпающимся городом курилось бесконечное множество дымов. Клубился над городом и промышленный дым: фабричный, хлебный, кузнечный, банный... Во время утренней топки городских очагов улицы наполнялись благоуханием, дымный дух шёл от тех разнопородных дров, что жгли костромичи в печах жилой и деловой недвижимости.

Случалось, что эта милая глазу дымная картина нарушалась: из какой-нибудь обывательской трубы извергался огненно-чёрный дымовой столб. Степень последствий такого явления была различной: разрушительной, бедственной, а порой трагической.

В 1866 году в официальной части «Костромских губернских ведомостей» был напечатан циркуляр Министерства внутренних дел, посвящённый трубочистному делу. Он был обращён к господам губернаторам. Циркуляр содержал несколько практических положений по трубочистному вопросу и имел целью создание в городах империи стройного и действенного, по мысли авторов, механизма, способного обеспечить населению защиту от пожаров. Среди прочего в строках документа отмечалось: «дознаю опытом, что из всех случаев пожаров весьма значительный и едва ли не наибольший процент следует отнести к той небрежности, с которой почти повсеместно относятся к чистке

и содержанию дымовых труб и печей вообще». Заключался документ приглашением начальственных лиц изложить свой взгляд на положение очистки труб в городах.

В 1860-х годах жительствовало в Костроме почти 28 тысяч человек, и очаги в их жилищах обслуживали 8 трубочистных мастеров. Работников в помощь они не держали, и учеников у них не было. В то же время имелось в городе 30 мастеров печных дел, вкуче с ними работали одиннадцать помощников, и имели мастера 23 ученика, постигающих искусство складывать печи.

Управители города направили свой хозяйский взор на дымящиеся трубы лишь в 1871 году. Тогда, подготавливая обязательные постановления для жителей, среди всяких предписательных пунктов поместили и такой: «дымовые трубы сколь можно чаще чистить, борова (дымовые каналы. – А. А.) и печи осматривать во время топки и замеченные ветхости немедленно исправлять». Спокойно-назидательный тон документа не указывал на наличие у властей особых тревог по поводу пожароприключений от неочищенных труб, и обстановка в городе посему признавалась сносной.

Напутствие же «сколь можно чаще чистить дымоходы своих печей» обывательский разум читал по-своему. Он жил надеждой на «авось», хотя, конечно, хорошо знал, что от состояния его печного хозяйства зависит сохранность не только его недвижимости. Сколько опустошительных и смертельных пожаров пережил город за свою историю!.. Прошное забывалось, и забота о собственном жилище подчас не особенно обременяла домовладельцев. Ведь пригласить трубочиста означало платить, да ещё «сколь можно чаще». Денег на чистку труб они жалели.

В 1879 году городская комиссия, всесторонне изучив это явление, сообщила: «выкидывание сажи из труб зависит вполне от домовладельцев», а так как это грозит опасностью городу, предложила налагать штраф на тех хозяев, из чьих печных труб летит пламя. По про-

Костромские трубы – печные, фабричные...

токоду полиции или приговору судьи виновные платили от трёх до пяти рублей, после чего их оставляли в покое. Платить же за регулярную очистку труб обыватель скупился, предпочитая разовый штраф.

Почистить трубы можно было и самим (закон это разрешал), но правильную чистку знали только мастера и некоторые мастеровитые обыватели, для которых повозиться в саже труда не составляло. Своими силами и умением очищали трубы в основном бедные жители крохотных домиков и флигелей, приютившихся на городских окраинах.

У справных, состоятельных горожан и домовладельцев среднего достатка трубочист был всегда лицом желанным, уважаемым. Вообще в городе трубочистных дел мастеров величали по имени-отчеству. Трубочисты, как правило, состояли по контрактам на городской службе, имея за труд небольшое жалование, за которое они ещё поправляли и перекладывали печи в «контрактных» домах.

К концу XIX века в городе между мастерами этого ремесла уже не было разграничения по виду деятельности. Проще говоря, их профессиональные занятия объединились в одно печник-трубочист. Поиском работы они себя не обременяли, а, напротив, горожане при надобности шли к ним «на адрес», по месту жительства.

У каждого трубочиста-печника было свое пространство деятельности, и в этом участке

Особняк с печным отоплением на Никольской ул. Принадлежал П. Г. Колодезникову. Фотограф Д.Н. Пряничников. 1910-е гг.

все жители своих мастеров знали. Обыватель доверял и платил деньги только проверенным в деле людям, независимо от того, трезвое лицо исполнило работу или любящее испить чарку. Печников обязательно приглашали для консультаций, когда дело касалось покупки недвижимости. Они отлично знали свой район домовладений: где и какие печи, каково их устройство и состояние.

В Костроме деревянные и каменные постройки имели три основных типа очагов: русская печь использовалась для обогрева и приготовления пищи, голландская – только для обогрева, камин – как открытый источник тепла и украшение внутренностей дома. Редко в каком доме была одна печь, обычно две, три и более. Кроме того, город имел во множестве производств, где печи были основным устройством в деле, и от их состояния зависела деятельность предприятий.

Печники-трубочисты больше интереса проявляли к строительству печей как к делу более прибыльному и чистому по занятиям. Услуги трубочистов по случайной, разовой чистке труб стоили дороже, чем при регулярной. Обычно, соглашаясь на такие предложения, мастера ценой не стеснялись, выговаривая себе достойное вознаграждение. Работу трубочисты производили в два подхода. Сперва делался осмотр печного хозяйства, устранялись неисправности: замазывались глиной трещины и щели. На другой день назначалась чистка – топить печи хозяевам запрещалось.

Инструментарий мастеров был нехитрый, а вес имел изрядный. Они таскали с собой глину, причём каждый мастер предпочитал для ремонта свой сорт глины, которой было в достатке и в городской черте, и за городом. Пользовались и привозными сортами.

Каждый трубочист носил с собой жестянку с керосином – он употреблялся для выжигания смолистого слоя, который образовывался на внутренних стенках дымовых каналов и в трубах. Толща смолистых образований очень часто бывала причиной возникновения пожаров. Особенно часто это явление наблюдалось после холодных зим, когда сезон усиленной топки доводил толщину слоя до такого состояния, что она под действием высоких температур загоралась, и дымный столб выбрасывал наружу огненные липкие куски. Обычной, механической, чистке с помощью специальной метёлки – голика, к которому привязывалась гиря, смолистый слой не поддавался.

Для выжига и чистки труб и дымоходов мастерам надобно было подняться на кровлю к трубам. На этот случай при каждом доме имелась лестница. Если ступеньки лестницы вызывали недоверие мастеровых, то изволь, хозяин, тащи приставную от соседей.

При расчёте – так было заведено – очистителю обязательно подносили чарку водки в знак удовольствия и благодарности за его труд. А после контрольной топки, видя, как правильно и чисто работает печь, за изящную работу подносили ещё.

15 мая 1887 года в Костроме случился пожар, истребивший лучшую часть города. Когда «гром грянул», власть городская зашевелилась. Но «шевеления» деятелей самоуправления находились в основном в области усиления пожарного обоза и хлопот о лучшем устройстве водопроводных магистралей. Впрочем, трубочисту, что состоял в городской пожарной команде, прибавили годовое содержание на 12 рублей, теперь он получал 192 рубля. Полицмейстер как лицо заинтересованное выступил с проектом обязательных постановлений в предупреждение пожаров. Проект полицмейстера залежался, не получив должного развития.

В марте 1900 года дума утвердила меры предосторожности против пожаров и выработала, наконец, правила чистки труб. Сей вопрос в Костроме рассматривали с осторожностью: как бы себе не навредить. Монополизировать трубочистку гласные думы не сочли нужным, ссылаясь на неподготовленность города. А прощя говоря, не захотели принять на себя ответственность и заменили административное вмешательство «полной свободной конкуренцией в трубочистном деле».

Чего-либо существенного с принятием правил в процессе очистки труб не произошло, а только добавилось работы мастерам в смысле всяких согласований. Документ, как и множество других бумаг, выходящих из-под думского пера, был недоработан. Он содержал запрет на употребление керосина при выжигании труб. Керосин был заменён соломой. Да ещё: накануне выжигания труб мастер должен был уведомить о том пожарную часть и полицию. Одним словом, вся бумажно-подготовительная работа самоуправления прибавила трубочистам хлопот. Обыватель к предписанию никакого интереса не проявил. Пожаров, причиной которых были неочищенные дымоходы и трубы, в городе меньше не стало.

В 1907 году Кострому с населением почти в 50 тысяч человек обслуживали 17 печников-трубочистов, имевших в помощниках 23 работника да учеников ремеслу 12 человек. Весь этот трубочистный люд не мог очистить городские трубы в нужном количестве, и трубочистов, по редкости ремесла, порой сыскать для дела было невозможно.

Трубочистное положение Костромы плавно перебралось в новую эпоху. Для успешного решения печного вопроса вообще губернский отдел профессионального технического образования организовал школу печного дела, которая начала работать с января 1920 года. На-

Пожар в Костроме. Нач. XX в.

сколько хороши были мастера, выходящие из этого учебного заведения, судить не можем, но пожарнотворных искр из обывательских труб сыпалось не меньше.

Новое время обогатило горожан родом новой печи – «буржуйкой». Из множества городских окон торчали их закопчённые трубы. Они в трубочистах не нуждались.

Печники. Фотограф Н.А. Карякин. 1910, 15 июля.

ОТКУДА ДРОВИШКИ

Когда весна утверждалась в городе полновластной хозяйкой, начиналось его очищение от грязноцветных слежавшихся снегов и ледяных толщ. С наступлением широкой весны река Кострома встряхивалась от подлёдной спячки, выбиралась к свету и силой ледяной стихии скидывала в Волгу ледяное покрывало. Скоро наступала пора полой воды. Река Кострома выходила из берегов, увеличивала размеры ширины втрое, и всё её многовёрстное водное пространство было заполнено сплошной древесной массой. Начинался сплав леса. Часть его оставалась в городе. Другая шла дальше, вниз по Волге, в места лесных ярмарок. Со сплавом деловой древесины в город приходил и дровяной лес.

Дрова – самая затратная статья обывательских расходов содержания жилища. Всякий горожанин старался купить дрова добротных сортов и, разумеется, за невысокую цену. Дровяной рынок города такую возможность предоставлял. Запасы топлива в дровениках-хранилищах и дворовых поленницах к весне истощались напрочь. Дров, заготовленных впрок, обыватель обыкновенно не держал, а «лишка» заводил только на случай усиленной топки домашних очагов в особо морозные дни. Препятствовало хранению большого количества дров при домах обязательное противопожарное поста-

новление, в котором строго предписывалось: «иметь склад дров не более годовой препорции по числу имеющихся в доме печей, полагая на каждую голландскую 7 и русскую печь 10 сажень однополенных дров». За хранение излишков дров полиция составляла протоколы, штрафовала собственников жилья.

Сплав леса – горячая пора деятельности для содержателей дровяных складов, дворов торговли. Рынок дров слагался из деятельности многих предпринимателей.

Главные складочные места дровяного леса всегда существовали вместе со складами лесных материалов, т.е. деловой древесины. Под них город отдавал береговые участки рек Волги и Костромы. Места эти вследствие затопляемости в весенний разлив для других целей не годились, и власти города охотно сдавали их в аренду. На волжском берегу дрова складывали вдоль Верхне-Набережной улицы и на участке бичевника в местности от церкви Воскресения на Дебре до церкви Стефана Сурожского. За рекой Чёрной вдоль берега находились складочные места дров и леса жителей Татарской слободы, а «против города» складывали дрова жители Заволжья.

Плотовщики, сопровождавшие плоты от места их свивки, подводили их к городским берегам, к складочным местам. Лес сдавался от предпринимателей приёмщикам или покупщикам. Плоты укрепляли, ставили сторожей, поскольку охотников на даровой лес всегда бывало с избытком.

С давности у волгарей существовала привычка: весь оторванный от плотов лес они счита-

Лес перед сплавом по р. Святице. Нач. XX в.

ли своим, данным Богом. Вместе с тем у обывателей был и другой взгляд на сплавляемый лес «как на свою добычу, которую надо отвоевать от сторожа». Таким ночным промыслом занималось взрослое население, но особенно дети. Если злоумышленник «попадался и за ним гнались и требовали у него бревно сторожа плотов или приказчики», то береговой люд в этом случае всегда принимал сторону похитителя. Такие случаи часто приводили «к бурным сценам». Жители города, чьи дома находились вблизи рек Волги и Костромы, дров и леса никогда не покупали, добыча оторванных от плотов брёвен или воровство их было самым настоящим промыслом.

После разбивки плотов лес выкатывали на берег. К этому времени собирались пильщики. Для многих слоёв населения Костромы пилка дров была давним делом. Им в XVIII веке занимались даже «низшие служащие собора (Успенского. – А. А.) по найму».

На рубеже XIX–XX вв. дрова в Костроме, как правило, пилили крестьяне из Костромского, Галичского и других уездов губернии, а из «чужаков» обычно приходили мужики Владимирской губернии. Работники сбивались в артели, брали подряд, начиналась пилка и колка дров.

Дрова пилили строго мерной длины, под размеры топок городских печей: 12-ти вершковы (0,53 м), 16-ти вершковые или аршинные (0,71 м). Труд пильщиков был весьма тяжёл, требовал особой выносливости. Работали они почти без отдыха с вечера до утра. Три часа до полудня артель отдыхала, затем до начала вечерней

пилки дрова кололи и складывали в поленницы.

Работа по постановке поленниц, особенно при выкладке верхних, завершающих рядов изматывала людей больше, чем сама пилка. Сырые поленья, насыщенные влагой, имели такой вес, что одно полено на двухметровую высоту приходилось поднимать в четыре руки. Артели пильщиков жили на берегу под открытым небом, а от дождя «прятались под костры брёвен».

Заработки их всякий год бывали разными, а в хороший сезон, когда делу было мало конкурентов, вырабатывали до одного рубля шестидесяти копеек в сутки (1911 год). Из этих денег 50–60 копеек уходило на харч и выпивку («без вина и не работали»).

Состоятельные лесопромышленники имели бензиновые дроворезки, но они были дороги и, кроме того, имели свойство ломаться. Хозяева предпочитали нанимать пильщиков: это было дешевле и надёжнее.

«Свежепил» укладывали в правильные поленницы для просушки и удобства подсчёта объёма дров. В Костромской губернии к дровам применялась аршинная складочная мера. Объём дров при этом выражался в кубических саженьях. Длина и высота поленницы (укладки) были по три аршина – 2,13 м, что соответствовало размеру сажени. Ширину её определял размер полена. Поленница, имевшая сажень в длину, в ширину размер одного полена, являлась как бы эталонной и называлась «саженью дров», при этом слово «кубическая» не произносилось. Ещё в нашем крае в обывательском и

Дрова на берегу Волги. Нач. XX в.

торгово-промышленном обиходе широко ходило название «пятерик», он содержал в себе пять однополенных сажень, сложенных в одной поленнице.

Поскольку дрова пилились разной длины, то к выражению «сажень дров» для точности добавлялось, какой именно длины. Например, сажень 12-ти вершковых дров (длина полена 53 см). Если размер полена не звучал, то это означало, что дрова аршинной длины – 71 см.

Мало-помалу круглый лес на берегах обращался в огромные поленницы дров, сложенные в стройные сажени в виде пятериков. За сутки артель из семи человек «ставила до 4–5 пятериков». В артели из семи человек три пары работников занимались распиловкой и укладкой дров, седьмой – точил пилы, готовил пищу на костре и при необходимости подменял кого-либо из артельных.

Постепенно ряды пятериков заполняли берега, и вместе с деловой древесиной всё пространство обращалось в большой склад. Такие склады устраивались строго по правилам с тем, чтобы обезопасить городские строения от пожаров в случае возгорания дров. Дровяной товар владельцы обязательно страховали: пожары на берегах не были редкостью. Причины для этого было немало. Часто повинны в загорании дров были ночлежники: бездомный люд, облюбовавший междурадя дров для отдыха. Сторожка, конечно, все закутки не осматривали, а ночные постояльцы имели привычку вольно обращаться с огнём.

Усиленная пилка дров по берегам рек заканчивалась к июлю. Пильщики большим числом разъезжались по домам, некоторые оставались в городе в поисках частной пилки и колки. Когда дрова на береговых складах приобретали достаточную товарную сухость, начиналась их гужевая вывозка к заказчикам и месту продажи.

В старину местом дровяной торговли был «сенной торг», бывший в центре города. С утверждением регулярного плана застройки место торга отвели под площадь, впоследствии получившей название Сусанинской. Сенную и дровяную торговлю перевели на вновь устроенную Павловскую площадь, более известную под простонародным названием Сенная. Она была главным дровяным рынком города. Дрова здесь предлагались возами разнообразных сортов, свойств и размеров.

Основу рынка составляли короткомерные дрова – 12–16 вершков, поленья размером более 71 см считались «большомером». Они широко употреблялись в крупных и небольших промышленных производствах и делах, например, содержателями торговых бань, пекарен, кирпичных заводов и т.д.

На костромском рынке были в ходу ель, берёза, осина, ольха. Во дворах частных домов,

усадеб обязательной принадлежностью был дровеник. И всякий хозяин-обыватель старался заполнить топливное вместилище сухими дровами. Сухость – одно из главных качеств дров – определяли при покупке простейшим способом, взвешивая полено в руках. Недобросовестные торговцы примешивали в возы поленья сырых дров, цена которых была существенно ниже.

Дотошный обыватель при выборе дров считал нужным непременно справиться о происхождении дров. В зависимости от цены обыватель отдавал предпочтение дровам «рощенным» (рощевым). Они заготавливались в частных лесных дачах из как бы специально выращенных долголетних добротных деревьев, которые, как говорилось, «впитали в себя труд и заботу хозяина». Симпатизировали покупатели «барочным» и «белянным» дровам, их называли так по способу доставки: в «барках» (баржах) и белянах. Последние – суда, специально сделанные для одного рейса во время большой воды на реке. После прибытия на конечный пункт следования вся конструкция беляны и её груз поступали в продажу. Белянные и барочные дрова заготавливались на лесосеках и к моменту продажи на городском рынке поступали туда сухими.

Рынок дров был универсален и предлагал все сорта, от лучшего до худшего. К последнему относились дрова из так называемого «мёртвого» леса – валежника, бурелома. В дрова пилили и горелый лес. Пни, сучья, хворост в пучках, а также отходы древодельных промыслов – горбыль, рейка, щепка – охотно покупались малоимущими обывателями. Для желающих рынок делал предложения о покупке дров «на корню», готовыми дровами в лесу, «с воды», т.е. с плотов.

Сенная площадь в отношении дров была и центром «маклачества». Маклаки – перекупщики – скупали дрова возами, и крестьяне, везущие дрова на продажу, продавали их перекупщикам прямо на трактах или при подъезде к Сенной площади. Крестьяне получали за дрова несравнимо меньшую с рынком плату, но зато не тратили время на торговлю. Таким способом маклаки делали свой барыш.

Кроме обывателя главным потребителем дров в Костроме был сам город. Заботилось о снабжении топливом всех зданий, находящихся в его ведении, городское самоуправление. Дрова для города на Сенной не приобретались. Их брали в лесных дачах, принадлежащих городу. Дачи – разные по площади лесные участки, расположенные поблизости. Для заготовки дров и строевого леса в дачах выделялись лесосеки, которые для удобства работ разбивались на делянки.

Лес, принадлежавший городу, издавна служил дровяным источником крестьянам близлежащих селений. «Брать лес» в их понимании считалось делом естественным, порядок этот

существовал исстари. Этот вид «промысла» они кражей не считали и с чувством полной невиновности заготавливали дрова для себя и на продажу. «Данные» лесом дрова без боязни отвозились в город, поскольку закон разрешал привозить на Сенную площадь дрова без документов, подтверждающих их происхождение. На весь другой лесной материал требовалась специальная «бумага».

Лес охраняли городские лесные сторожа, что жили в дачных сторожках. Но лесные угодья были столь просторны, что углядеть за порядком в них было невозможно. Этот народный промысел по добыче дров искоренить не удалось.

Каждый год, обыкновенно в ноябре, городская управа объявляла о публичных торгах по лесной части. Одни торги проводили по продаже леса из городских лесных дач, вторые – на поставку дров для отопления некоторых зданий города. Бывали отдельные годы, когда лес из городских дач не продавали, и городская управа целиком обеспечивала потребности Костромы в топливе. Но такие сезоны случались редко. Обычно сначала запродавали часть делянок леса, другие оставляли для заготовки дров хозяйственным способом.

Вторые торги на поставку дров для отопления городских зданий редко обходились без «сюрпризов». По объявлении торгов лесопромышленники подавали заявки на участие в них. Управа выставяла цену, а желающих брать подряд не находилось. Это означало, что торгам предшествовал сговор участников. Они «держали цену». Явление известное, привычное! В таком случае управа без суеты терпеливо назначала

следующие торги, и если подряд не сдавался, то его делили на несколько мелких подрядов.

Небольшие подряды на поставку дров сдавались с торгов скорее, поскольку в них могли участвовать предприниматели, не имеющие больших капиталов. Тогда получалось: подряд на поставку дров для городских учебных заведений оказывался в одних руках, на отопление воинских казарм – в других, дрова для отопления больницы доставлял третий и т.д.

Отопление части зданий города лежало на плечах городской управы. Она ведала разработкой лесных делянок, заготовкой дров в них и гужевой доставкой дров к городским складам. В среднем в городских дачах вырубалось в год 27,31 га делового и дровяного леса.

Случались в жизни города положения, когда дрова на обывательском рынке резко возвышались в цене, и малоимущие и бедные горожане лишались возможности их приобретения. Например, в 1905 г. «из-за страшного погрома на нефтяных промыслах Баку местные фабриканты скупили весь наличный в г. Костроме и ближайших окрестностях запас дров». Цена даже самых плохих дров стала непосильной для части горожан. Городские власти, включив финансовый механизм, сделали всё возможное, чтобы обеспечить городских бедняков дровами по доступной (заготовительной) цене.

Последний дровяной кризис в городе и губернии был вызван мировой войной 1914 г. Этот кризис был самым болезненным для горожан. Они испытывали в дровах крайнюю нужду. Исправлять положение пришлось впоследствии уже новой власти.

Пильщики. Перв. четв. XX в.

ПОЛОСКАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

Лето для костромских прачек – самая благодатная пора! Женщины бельевого промысла «мыли» бельё на специально устроенных лавах, с плотов и случайных, пригодных для дела приречных сооружений.

В пору ледостава и ледохода полоскательное ремесло замирало, и кошельки дам санитарного промысла совершенно тощали. Весной, во время остановки льда, на реках можно было видеть отдельных отважных баб, с риском для жизни моющих бельё среди ледовых глыб. В период ледостава таких попыток полоскальщицы не совершали.

В начале зим, когда лёд набирал достаточную прочность на Волге и реке Костроме, там устраивались полоскательные места. В Костромской губернии в зависимости от местности они назывались по-разному: в Костроме – платьемойни, в Галиче – портомойни, в других уездах – бельемойни.

Сооружали надлёдные приспособления арендаторы. Арендатор – это предприимчивое лицо, которое выиграло торги в городской управе. Если сумма, предложенная участником торгов, удовлетворяла запросам города, то с ним заключался контракт на определённый срок – от года до пяти лет.

В Костроме арендаторы ладили три вида платьемоев. Тёплая – длинный бревенчатый дом с окошками, внутри которого имелась прорубь с деревянным настилом вокруг; холодная – тесовый сарай с прорубью и настилом, и наконец, просто холодная – обыкновенная открытая прорубь, огороженная вешками, чтобы какой-либо подвыпивший легкового или ломовой извозчик не свалился в бельевую прорубь. Впрочем, вешки защищали мало.

За пользование первыми двумя видами стиральных мест взималась плата. Арендатор согласовывал её с городской управой. В XIX веке, например, она составляла от одной до шести копеек за одну бельевую корзину, в зависимости от объёма корзин. Сумма весьма значительная и не всякому обывателю по карману. К услугам последних арендатор предоставлял открытые проруби.

Городское самоуправление в лице думских гласных вело разговоры об общественных (бес-

Холодные платьемойни весной. Нач. XX в.

платных) стиральных устройствах ещё с 70-х годов XIX века, но увы, дело народных платьемоен так и осталось в руках арендаторов.

Выстиранное бельё, как известно, имеет немалый вес, и в связи с этим у обывателей возникали трудности по доставке его к местам мытья. Горожанам, жительствовавшим вдали от рек, полоскание белья обходилось весьма недёшево. Поэтому они не нанимали извозчиков, а привлекали к делу зимогоров, болтающихся без работы и пьянствующих, которые на грузовых санках доставляли многопудовый бельевой груз к рекам и назад к домам. Малоимущие горожане сами впрягались в санки.

Арендатор, согласно действующим правилам, должен был содержать полоскательное дело «в надлежащем порядке». Это означало очистку прорубей от льда, устройство удобных и безопасных подходов к прорубям при основном условии – соблюдении общественного благочиния. Но арендаторы имели на своё предприятие особый взгляд: употреблять в дело как можно меньше средств.

На берегах рек против платьемоен в силу очереди собиралось весьма значительное общество городских «стиральных дам». Общество пёстрое по составу: хозяйки, кухарки, прислуга, профессиональные прачки. Этот женский

береговой сход напоминал базар, в самых худших его проявлениях, а если говорить точнее – полный хаос.

Смотрители за порядком, нанятые арендатором за небольшую плату (они же собирали деньги с пользователей прорубями), находились в постоянном подпитии (мороз, непогодье к тому располагали), связываться со скандальными бабами избегали. Урезонить крикливых женщин, выясняющих, кто первый в очереди, мог только полицейский страж. Он с нарушителями общественного благочиния разбирался быстро: кто не унялся – получи трёхрублёвый протокол! Страж удалялся, а береговой женский хаос восстанавливался.

Внутри закрытых платьемоен порядок тоже был редким явлением. Бабам всегда не хватало простора, здесь постоянно царил толкотня, переходящая в драки. В результате разборок некоторые стиральные дамы совершали прорубные купания.

Такое положение в зимних полоскательных местах сохранялось до самой революции, а затем оно плавно переместилось в новую социальную эпоху.

Закрытая платьемоина у Молочной горы. Нач. XX в.

Т ОРГОВАЯ БАНЯ: «В НУМЕР» ИЛИ В ОТДЕЛЕНИЕ?

Губернская Кострома в банном отношении устройством не блистала и, по выражению очевидца, «банний вопрос составлял истинную трагедию для города». Этой короткой фразой современник с поразительной точностью запечатлел картину костромского банного бытия.

Разумеется, баня – постройка небольших размеров – была обязательной принадлежностью всякой должным образом устроенной городской усадьбы, даже в случае крайне малого владельческого участка земли. Часто при невозможности по каким-либо обстоятельствам содержать собственную семейную баню соседях объединяли свои усилия, устраивали банную постройку совместного пользования. В городе бани имелись при учебных заведениях, больницах, промышленных предприятиях. Во многих домах состоятельных горожан устраивались ваннные комнаты. Немало горожан, живших в квартирах, имея товарищескую договоренность, посещали бани близких и знакомых. Общественных бань городское самоуправление не имело, и довольно значительная часть жителей пользовалась услугами частных торговых бань.

В 1875 году костромское уездное земство приобрело во владение часть недвижимого имущества на Нижне-Набережной улице, принадлежащего потомственному почётному гражданину И. С. Михину. В документах городской управы упоминается каменный корпус, занимаемый «прежде торговыми банями». Кто был владельцем этих бань? Быть может, их эксплуатировал сам владелец недвижимости, но не исключено и то, что другое предприимчивое лицо имело банное дело в стенах михинского строения.

В заседании городской думы 1876 года, в выступлении одного из гласных сообщается: «в городе нет благоустроенных торговых бань, а всего две и то приспособленные только для простолюдинов». Первая баня принадлежала купцу Зимину и располагалась в собственном его строении на Нижне-Набережной улице, по соседству с владениями Михина и уездного земства. Второе банное дело содержал отставной унтер-офицер П. П. Шлейн на собственной земле в Еленинской улице. Дело Шлейна действовало до 1885 года.

В 1878 году в городе появляется третья торговая баня, приспособленная, по-видимому, уже не только для простолюдинов – «с номерами». Открыл её крестьянин П. В. Навоев на углу Дмитриевской и Алексеевской улиц. Это заведение

просуществовало до 1895 года. Двумя годами раньше, в 1893 году, мещанин В. Д. Румянцев открыл торговую баню при собственном каменном флигеле на Павловской улице, возле Медного пруда.

Последняя торговая баня в Костроме открылась в 1902 году, на углу Васильевской и Лазаревской улиц. Содержал её крестьянин Соколов. В 1910-х годах её уже не существовало, и горожане удовлетворялись двумя торговыми банями – стародавней И. Б. Зимина и В. Д. Румянцева, которые вплоть до самой революции оставались главными заведениями гигиены в городском быту. Часть городских жителей, проживавших в местности от тюремного замка на Русиной улице до Ямской слободы, посещали, по близости расположенной, торговую баню Никитина, бывшую за городской чертой, на так называемой «черновской земле», которой владели крестьяне деревни Чёрная.

Для губернского центра с более чем семидесяти тысячным населением (1915 г.) число бань заведений было более чем скромное. Но, как видим, и век ушедший также не изобилует банными заведениями общего пользования. Отчего же банний промысел (заметим, кстати, весьма прибыльный) так мало привлекал деловых людей?

Поначалу главным препятствием к устройству торговых бань было отсутствие водопровода. Питать дело колодезной или привозной речной водой брался не всякий из-за дороговизны занятия. С устройством водопровода и развитием его сетей по городу это препятствие устранилось, но от этого число бань не возросло. Теперь тормозом к развитию банного промысла стал санитарный надзор. Он существовал и раньше, но требования его были мягче. Если к внутреннему содержанию банных помещений всегда относились легко, смотрели на это сквозь пальцы, то за нарушения правил по выбросу загрязнённых вод наказывали строгими штрафами, при этом оставляя за собой право на закрытие заведения.

Как известно, для стока верховых (дождевых, образующихся от таяния снега) вод в городе вдоль улиц существовали канавы и в отдельных местах сточные трубы. Городская управа оберегала грунтовые воды (многие частные усадьбы имели колодцы с питьевой водой). Владельцы бань должны были осуществлять спуск грязных вод в резервуары-отстойники, из которых после очистки грязь ими вывозилась на места городских свалок.

Бани Зимина в этом отношении находились в лучшем положении: близ Волги, куда через устроенную трубу и спускались банные нечистоты. Бани Румянцева имели по соседству только Медный пруд, но и он по мысли владельца годился только для разгрузки банной воды. Беспокойный, хлопотный характер промысла

Н.И. Зимин, владелец костромских бань. Нач. XX в.

в отсутствие труб хорошей городской канализации отталкивал многих предпринимателей от заранее известного выгодного дела. Этим пользовались владельцы бань действующих, которые время от времени расширяли банные помещения, пристраивая прикладки и возводя вторые этажи, тем самым поднимая доходность предприятий.

Функционировали бани не ежедневно, топили их обыкновенно два-три раза в неделю и только в преддверии особых праздников – Пасха, Рождество... – всю неделю. В остальные дни банные окна держались приоткрытыми: бани сушились. Порядок работы их владельцы вывешивали на дверях заведений и заблаговременно оповещали публику объявлениями в газетах.

По внутреннему устройству бани мало чем отличались друг от друга. Наличие дешёвого для простолюдинов отделения – ценой в пять копеек – было обязательным для любой бани. Народное отделение – большое помещение, не отличающееся чистотой, с простыми раздельными скамьями, даже не поделёнными на места. Здесь за порядками наблюдал банщик. Моечное помещение – такая же большая зала с парильным отделением. Любители париться на полках веники, если не запаслись собственными, приобретали у банщиков, которые продавали их по сортам: берёзовый – одной цены, дубовый – другой...

При народных отделениях всегда отирались беспатентные цирюльнички, готовые стричь и

брить за пониженную плату. Банщики разрешали им незаконную деятельность на заранее оговорённых условиях. Поскольку парикмахерских при банях не имелось, то «постригальщики» без работы не бывали. Мастера-парикмахеры тоже старались приблизить свои заведения к банному.

Кроме народных отделений в банях имелись номера, которые жители прозвали «дворянскими». Высшая категория банных номеров – «семейные». Номера представляли собой отдельную чистую комнату с хорошей мягкой мебелью, вешалками. В моечном отделении имелся душ. «Семейный» номер от просто «дворянского» отличался большим простором и обязательной ванной. Такие семейные кабинеты имелись в банях Зимина.

Цены на банные услуги все время изменялись, они во многом зависели от стоимости воды, потребляемой из городского водопровода, и стоимости дров. Номерные цены обычно начинались от сорока копеек, в семейных – от пятидесяти. Разумеется, в отдельных номерах собиралась публика благопристойного поведения, правда, случалось, что приятельские компании загуливали и устраивали в бане ресторанные кабинеты. Спиртного в банях открыто держать было не принято, но из уважения к публике напитки доставлялись по требованию клиентов в номера. При банщиках на случай пополнения запасов спиртного состояли мальчишки, готовые быстро сбежать в лавку.

Самые значительные неудобства, ставящие публику в униженное положение, горожане находили в простонародных отделениях. В банные дни они плотно набивались народом. Мест не хватало. Кроме того, тут же устраивались стирки белья. Скандалы, драки в моечных отделениях, кражи имущества в раздевальнях – все это было обыкновенным привычным делом для тех и других бань, и Зимина, и Румянцева. Последние «славилась» не только внутренними безобразиями, но и, как сообщала местная газета, «по своей антисанитарии превзошли первые (Зимина. – А. А.), грязь там нестерпимая даже для самого неприспособленного посетителя, и только безвыходность положения заставляет его идти в эту стоящую мыльную лужу».

Не лучшее положение было и в пригородных торговых банях Никитина. В них обыватель находил ту же «полную антисанитарную» и оказывался в положении, когда «негде сесть и стоять».

На протяжении многих десятилетий городское самоуправление, будучи хорошо осведомленным о неблагоприятном положении с банями в городе, высказывалось о необходимости создания общественных бань, но за невозможностью раздобыть средства его благородные устремления остались неосуществленными проектами.

РАСПИВОЧНО И НА ВЫНОС...

НОВАЯ БАВАРИЯ

В 1871 году на Александровской улице (ул. Свердлова), на собственной земле, купец Н. Я. Устинов поставил пивомедоваренный завод. Такое промышленное заведение было не первым: мелкие производства варили пиво и мёд и прежде. Новый завод, хоть и был невелик, но по тому времени представлялся значительным делом. Предприятие с солидным оборотом, начав выдавать продукцию, вызвало закрытие крохотных пивоварен.

Наследники Устинова завод сдали в аренду местному предпринимателю – купцу В. Крюкову. При небольшом числе рабочих предприятие давало столько продукции, что с лихвой обеспечивало немногим большее тридцатитысячного население города. В 1879 году завод выработал 166050 литров русского и баварского пива. Год от года росло производство продукта, который от невозможности реализовать на месте предлагали в другие местности.

Несмотря на существующий завод-пивоварню, находились предприниматели, которые открывали новые заводы, пытаясь завоевать потребителя своей продукцией. Такие попытки обыкновенно не приводили к успеху. Кой-как просуществовав, бывало, и по несколько лет, они закрывались. Завод на Александровской продолжал держать марку и первенствовать несмотря ни на что.

Совершенный расцвет предприятия начался в 1896 году. Завод взял в аренду Э. И. Куни. Умный, сведущий в приготовлении пива, расторопный предприниматель ввёл в производство новшества, которые дали новые сорта, при этом сохранив старые, привычные горожанам. Напиток Куни потребитель тотчас оценил по достоинству. Сегодня ещё встречаются костромичи-старожилы, которые вспоминают светло, с благодарностью симпатичного трудолюбца Эмилия Ивановича и его необыкновенные напитки – разносортное пиво и фруктовые воды, которые в изобилии предлагались повсеместно в городе.

Вообще, следует заметить, что костромич в бытность губернского города не испытывал каких-либо неудобств в пивопитии и даже напротив – был избалован пивными поставщиками. Кроме завода Куни город богато снабжался многими признанными пивоваренными фирмами России. Их костромские склады всегда имели достаточный запас продукта, за пополнением которого наблюдали агенты, нанятые из

числа местных жителей. Перебоев с доставкой не бывало.

Присутствие в городе иногородних отделений было связано не с нехваткой продукции собственного производства, как может показаться читателю, а только лишь с единственной благой целью – разнообразить рынок добротными марками качественного напитка. Вывозил пиво и Куни. Продукция «Новой Баварии» и за пределами губернии по праву занимала у знатоков место в числе лучших сортов русского пива.

В отношении пивных мест и пивопитейной культуры вообще следует заметить, что торговля продуктом по правилу, заведенному издавна, производилась в трактирах, пивных лавках и весьма редко из уличных киосков, да и то в местах отдалённых от центра. Публичное питье пива – на улице, стоя – считалось неприличным и, как правило, не допускалось, поскольку таковые действия могли беспокоить окружающих. Процесс потребления напитка старались скрывать за стенами заведений. Число их в городе было настолько велико, что очень часто приходилось отказывать предпринимателям в

ПИВОВАРЕННЫЙ ЗАВОД
„БОГЕМИЯ“
И-ДУРДИНЬ
 въ РЫБИНСКЪ.
 ТЕЛЕФОНЪ №18

ОСНОВАНЪ
 въ 1877 г.

РЕКОМЕНДУЕТСЯ:
 СТОЛОВОЕ || ЭКСПОРТЪ
 ЧЕРНОЕ || ВЪНШКОЕ
 АНГЛІЙСКІЙ ПОРТЕРЪ
 БОГЕМСКОЕ = МАРТОВСКОЕ
 ПИЛЬЗЕНСКОЕ

МЕДЪ №1.
 ФРУКТОВЫЙ = КЛЮКВЕННЫМ

Реклама российских пивоваренных заводов. Нач. XX в.

устройстве новых. Количество пивных и места их размещения (они допускались не всюду) регулировались, находясь под особым наблюдением гласных городской думы.

Ярко выполненные вывески (случались весьма искусные) украшали входы в пивные заведения. Отличия друг от друга они почти не имели и одинаково просто в соответствии с правилами тогдашней орфографии сообщали потребителю: «Пиво. Распивочно и на вынос». «На вынос» означало непременно домой. Если полиция замечала недозволительные уличные распития, то дело оканчивалось для нарушителей плачевно: назначался весьма изрядный штраф, который во много раз превышал стоимость употребленного продукта. Однако, несмотря на такую строгость любителей, тяготеющих к ландшафтным распитиям, имелось достаточно. Полиция раскрывала их потайные места, пив-

ной же любитель тотчас изыскивал новые, ещё более неприметные надзирающему глазу.

Публика изысканного вкуса, люди состоятельные, понятно, вкушали лучшие сорта в ресторанных залах и кабинетах. В них, чистых и уютных, среди избранного общества, под музыку оркестра или граммофона, в удобных комфортных креслах пивные часы пролетали словно миг. Впечатлений хватало до следующего посещения.

В ресторанах собирались любители портера. Горькое английское пиво в начале века подавали только здесь. Спрашивали его обычно местные гурманы да заезжие иностранцы. Когда-то в городе имелось довольно много портерных заведений. Со временем обывательский интерес к напитку прошёл, но вывески на заграничный манер изредка встречались над входами в обычные пивные, в которых самыми предпочтительными сортами пива считались чудные марки завода Куни.

Незадолго до начала империалистической войны глава фирмы, Эмилий Иванович по нездоровью от дел отошел, передав управление предприятием сыну – В. Э. Куни. С началом войны, в 1914 году, всякая торговля спиртными напитками была запрещена. А с момента объявления мобилизации в городе закрылись все 58 пивных заведений и оптовые склады иногородних фирм. Завод Куни вырабатывал отныне только фруктовые воды.

«ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ЗАВОД ЯКОВА СВЕРДЛОВА»

Так в двадцатые годы шутя в узком товарищеском кругу называли бывшее заведение Куни любители пива из новой эпохи. После революции завод оказался на ул. Чрезвычайки, а в 1923 году, не изменяя месту, на ул. Свердлова, где не в здравии стоит и по сей день. В начале 20-х годов после вынужденного отдыха (не было сырья) завод, тогда еще не старый, не доведенный до крайности, подлечился, отремонтировался и начал давать первую продукцию. Теперь он значился как Государственный пивоваренный завод и арендовался Костромским пивоваренным товариществом. Рабочие на заводе собрались в основном прежние, бывшие при Куни. Грамотные мастера, выученики мастера-пивовара давали продукцию отличного качества. Предприятие постепенно вошло в силу, оставаясь единственным пивоваренным производством в городе. Помимо его изделий горожане снабжались рыбинским пивом «Северянин». Производивший его завод входил в состав костромского центрального рабочего кооператива. Из фирм дореволюционных продолжало держать свои склады «Трёхгорное пивоваренное товарищество».

Жители Костромы двадцатых годов в пивном отношении обижены не были: сеть пивных заведений, ларьков имелась достаточная и во

многом напоминала времена ушедшие. Только вот сам процесс советского пивопития был иной. Пивные заведения больше выносились под открытое небо, приближались к массам. Ларьки, или, как позже называли их, «кандейки» с годами приобрели универсальное назначение: торговали всякими спиртными напитками распивочно.

Заводу на ул. Свердлова не везло. Он переходил из одного ведомства в другое. Быстро меняющиеся хозяева особой заботы о предприятии

не проявляли, только усиленно эксплуатировали «детище», полученное во временное пользование. Завод обрастал пристройками, приделками, кой-как чинился, незаметно старился. Ещё в семидесятые годы он твёрдо потчевал костромичей порядочным пивом в достаточном количестве. А нынче...

На досуге. Нач. XX в.

КОСТРОМА ПИЛА ШКАЛИКАМИ, МЕРЗАВЧИКАМИ И ДАЖЕ ВЁДРАМИ

В 1902 году Россия вступила в очередную винную монополию. Привычные XIX веку питейные дома, кабаки с целовальниками были заменены трактирами. В первых двух заведениях торговля водкой производилась распивочно и на вынос. Распивочно – не менее чарки (0,125 л к нач. XX в.) без всякой закуски, на вынос – ведром (12,3 л), а после 1885 года – в закупоренных бутылках.

Трактир – новое питейное учреждение, где кроме водки подавалась холодная и горячая закуска. По мнению реформаторов, употребление водки вкупе с пищей должно было со временем войти в привычку обывателей и, несомненно, сократить явление пьяных лиц в общественных местах. Кроме того, бутылочный отпуск водки предполагал домашнее потребление напитка. Особо взор монопольного закона был направлен на недопущение распития вина (водки) на улицах, площадях и в других местах, а равно и тайной продажи алкоголя.

С утверждением монополии в Костроме виноторговый рынок города имел следующий вид: водка на вынос продавалась в казённых винных лавках в запечатанной посуде и по казённой цене. По средствам и желанию потребитель мог приобрести питье в посуде объёмом: шкалик – 0,06 л, мерзавчик – 0,125 л, сороковка – 0,3 л, бутылка – 0,61 л, штоф – 1,23 л, четверть – 3,0 л, ведро – 12,3 л.

С явлением казённой водочной торговли городской лексикон пополнился новым словом «монополька», означающим казённое торговое заведение и водку как продукт казённой торговли. К местам, где можно было отведать крепких спиртных напитков, относились рестораны, гостиницы, трактиры, буфеты, постоялые дворы, кухмистерские, чайно-закусочные заведения.

Особый род винной торговли составляли «ренсковые погреба». Они принадлежали частным лицам и обслуживали благополучное, культурное общество. Здесь никогда не было людно, не толкались босяки, фабричный люд. Здесь «чистая» публика приобретала изысканные напитки: отечественные и заграничные виноградные вина, шампанское, коньяки, наливки, настойки.

Все виноторговые предприятия города устраивались с разрешения городского управления, которое, пользуясь Положением о трактирном промысле, рассматривало предложения част-

ных лиц, желающих иметь винную торговлю в той или иной части города. В видах благоустройства и поддержания порядка отцы города разработали специальный документ, правила, где всё городское пространство было разделено на участки с указанием, где и в каких кварталах запрещено устройство мест продажи вина. То же относилось и к пивным лавкам. Главным препятствием к распространению пивных и винных оазисов была близость к храмам, монастырям, часовням и учебным заведениям. Торговля крепкими напитками была невозможна в случае, если расстояние до заведения было меньше 40 саженей (82,2 м), торговля пивом – если до пивной меньше 20 саженей (42,6 м)

Время работы мест продажи спиртного строго регламентировалось: с 7 часов утра и до 11 часов вечера. В воскресные и праздничные дни «не ранее окончания божественной литургии». В остальное время обыватель, жаждущий спиртного, обращался в «шинки», содержатели которых имели тайный винный промысел. Кроме того, в городе имелся немалый отряд бродячих шинков, обыкновенно женского пола, так называемые «аринки». В часы запрета продаж спиртного и сами владельцы заведений подра-

Аполлон Касаткин в тьесе М. Горького. 1910 г.

батывали на тайных продажах водки. Остановить это явление так и не удалось, несмотря на значительной величины штрафы, налагаемые на нарушителей.

Если говорить об общей «питейной» картине города, то она в зависимости от топографического положения представлялась такой: едва ли не целиком пила фабричная окраина, а по мере приближения к центральным кварталам города число встречаемых пьяниц сокращалось и доходило до единиц. Последних забирала полиция в участок «до выпрезвления», составляла протокол, который следовало оплатить суммой, в значительной степени превышавшей затраты на выпитое (от 3 до 5 рублей). Словом, благопристойное положение наблюдалось только в центральной городской части. Правда, и центр города страдал от пьющей публики в дни ярмарочные и во время Масленицы и Пасхи. Тогда широкий разгул охватывал город, и пьяный отдых нередко приводил к тяжёлым последствиям.

В 1911 году правительство издало указ о прекращении розлива казённого вина (водки) в посуду малой ёмкости. Шкалик, мерзавчик и сороковка постепенно стали исчезать из продажи, пока не израсходовалась посуда означенного размера. В Костроме она исчезла лишь в 1912 году. Такая правительственная мера должна была служить искоренению пьянства. По мысли законодателя, обыватель, купивший бутылку или больший объём спиртного, должен был распивать купленное дома с приличной закуской. Но потребитель домой, бывало, и не спешил, предпочитая место питья прямо у заведения, один или с кем-либо, имея в

этом случае возможность сдать назад опорожнённую посуду и получить залоговые деньги.

В 1914 году на рынок была выброшена удешевлённая водка крепостью 37 градусов. Стоимость её была несколько ниже: 7 рублей за ведро против обычной сорокоградусной в 8 руб. 40 коп. за ведро. Несмотря на слабость продукта, он пришёлся по душе простолюдной публике. Эта водка явилась как бы особым подарком российскому потребителю – 2 августа 1914 года в России был объявлен «сухой закон» до окончания военных действий.

Городские заведения виноторговли были закрыты, и обыватель был вынужден отдаться во власть и цены подпольного рынка. Последний, видя в крайних обстоятельствах возможность хорошо заработать, тотчас наполнил его всевозможными суррогатами, подделками, фальсификациями, непитейными сортами спирта и прочей дрянью. Начались отравления, иногда заканчивавшиеся трагедиями.

В целом город стал пить намного меньше, и пьяные лица были редки на улицах. Бывали дни, когда камеры в полицейских участках совершенно пустовали.

Для умеренно потребляющих обывателей настала так называемая «чайная пора». В чайных и трактирных заведениях можно было спросить «чайку», и напиток подавался в чайниках. Таким и оставалось положение виноторговли и обывателя до прихода новой власти. Она от запретительных мер в 1923 году перешла к строительству своего виноторгового рынка, который продолжает регулировать и по сегодняшний день.

Меры для вина. XIX в.

Пивные бутылки. XIX – нач. XX вв.

ЩЕРВЕЛАТ, САЛАМИ, ВАРЁНАЯ С ЧЕСНОКОМ...

Еще относительно недавно, в десятых годах XX века, гастрономический рынок Костромы сполна удовлетворял обывательскому спросу, а по разнообразию качественной провизии в торговых заведениях мало чем уступал столичным городам. Товарные предложения торговцев постоянно развивались, цены отличались устойчивостью (в годы войн, эпидемий, неурожая цены возвышались). Из обилия продуктов, представленных в магазинно-лавочных полках, особенно охотно горожане потребляли колбасный товар. Предприятия по выработке его существовали и в XIX веке, однако немногим владельцам колбасных заведений удавалось построить добротное, жизнеспособное дело. Большинство из затеянных предприятий разваливалось, и только отдельным судьба уготовивала уверенную, благополучную жизнь.

Предпринимательские дела оказывались в скорбном положении по многим причинам,

главными среди них всегда считались две: первая – неумение управлять делом, вторая – отсутствие у владельца добросовестности. Последнее качество являлось главным мерилом всякой торговой и промышленной деятельности.

Колбасное производство В. С. Голованова открылось в Костроме в 1874 году. Благодаря правильной постановке дела, умелому управлению, введению в производство новых собственных сортов колбас и мясопродуктов фирма без малого сорок пять лет снабжала горожан высококачественным товаром. По смерти Голованова-отца дело возглавили сыновья – Михаил и Николай. Они делали все для процветания фирмы, упрочения добропорядочной репутации.

Сначала Головановы имели магазин и производство при собственном доме № 19 по Русинной улице. К своему делу в 1906 году они присоединили купленный ими действующий «колбасный завод» купца И. М. Дурова. По тому времени хорошо оснащённое головановское заведение представлялось значительным предприятием с довольно порядочным оборотом, в котором участвовали семьдесят четыре человека. Колбасный товар продавался оптом и в розницу.

Главную гордость владельцев – магазин на Русинной – в городе знали все. Сколько раз мне

Кишечное отделение частной скотобойни. Фотограф Д.И. Пряничников. Нач. XX в.

приходилось слышать восторженные отзывы старожителей, помнящих необыкновенно волшебный, сказочный аромат головановской торговли распространявшийся по главной улице города! Дух «царвелата», «салами», «варёной с чесноком и без» и прочая, и прочая...

Известно несколько описаний магазина, из которых я приведу строки знатока костромского быта Л. А. Колгушкина: «Магазин был полон народу, но очереди не было, стояли в несколько рядов и подходили к прилавку без толкотни и сутолоки. За прилавками в эти дни (праздничные – А. А.) были сами братья Головановы и человек десять приказчиков. Все они были одеты в черные костюмы с белоснежными фартуками и лакированными черными нарукавниками. Купленный товар тут же укладывался в корзины из широкой драпки, запаковывался и по просьбе покупателей к вечеру доставлялся на дом».

Добавлю, что плату за доставку товара не брали. Стоимость мясопродуктов, а также сыров и консервов в магазине была рассчитана на всякого покупателя, предполагая и малоимущего.

Прежде было известно всякому, что для приготовления порядочной колбасы необходимы кишки. К колбасным заведениям их доставляли с боен. В XIX веке в Костроме забой скота производился на частных бойнях. Они издавна располагались на городской окраине. Бойни дали название и улице, которая вела к ним – Мясницкая.

Чтобы составить некоторое представление о них воспользуемся заключением ветеринар-специалиста, составленным в 1901 году: «...никуда не годные сараи, пропитанные бесчисленным количеством разнообразных микробов, это какая-то грязная клоака, производящая загрязнение и порчу мяса – клоака, которая, несмотря на многочисленные полицейские прото-

колы, не может быть приведена в приличный вид ничем, кроме полного сожжения».

В заботе о здравии горожан городское начальство выстроило в 1903 году по проекту Н. И. Горлицына общественную скотобойню. В ней был учрежден надлежащий врачебный надзор, который позволил создать в городе необходимый «фильтр, задерживающий всех больных животных и их продукты». Бойня и устроенное при ней великолепное кишечное отделение сдавались в аренду строго. Прибыль шла в городской кошелёк. Бессменными арендаторами кишечного отделения были братья М. и Я. Бамдасы. Они снабжали кишечным товаром все колбасные заведения города.

Товар всех городских колбасопроизводителей в рекламных сообщениях шёл «с ручательством за качество», но, увы, «непозволительные факты» всё-таки случались, местные газетчики всегда поддерживали обиженного обывателя, помогая живописней изложить очередной «колбасный случай». Вот один из них.

Некто в павильоне на Волге «купил четверть фунта краковской колбасы. Принеся её домой и собравшись ею позавтракать, он ощутил сильный запах падали. Проданная колбаса совершенно не годилась к употреблению. Она была отнесена в лавку и принята обратно. Деньги были возвращены».

В защиту производителей товара скажу, что причиной продажи некачественного товара было неверное хранение продуктов торговцами, поскольку они пользовались не всегда правильно устроенными ледниками. Столичного холодильного оборудования в городе не было. Когда покупатель уличал лавочного торговца (почти все случаи недоброкачественной продажи бывали у них) в неблагоприятном поступке, тот шёл на любые затраты, опасаясь огласки.

Городская бойня, внутренний вид зала для охлаждения туш. Крайний слева – автор проекта архитектор Н.И. Горлицын. Нач. XX в.

КОЛБАСНАЯ ФАБРИКА	
В. С ГОЛОВАНОВА С-ВЕЙ	
въ Костромѣ Русиня ул., суб. д.	
ПРОИЗВОДСТВО	О П Т О В А Я
и оптовая продажа:	СЫРНАЯ и КОНСЕРВНАЯ
КОПЧЕНОЙ КОЛБАСЫ	— Т О Р Г О В Л Я —
всѣхъ сортовъ малосолянаго	п о ц ѣ н а м ѣ
изготовленія.	Москвы и Нижегородской ярмарки.
ВАРЕНЫХЪ КОЛБАСЪ И	
ВЕТЧИНЫ.	
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ПО ТРЕБОВАНІЮ.	

СЮРПРИЗЫ НАШИХ КОНДИТЕРОВ

Нынче жвачка прочно вошла в употребление. Её с аппетитом жуют детсадовская публика, школьники всех классов, старательно укрепляет челюстной аппарат и многое взрослое население. При этом современный костромской обыватель мест публичных отнюдь не сторонится. Ароматный жевательный товар, забава в привлекательных упаковках, предлагается повсеместно и в изобилии. Говорят, что жвачные действия весьма полезны для здоровья. Отечественные сорта продукта у потребителя не в почете: достоинств против заграничного товара – никаких. Люди, понимающие в сём занятии толк, предпочитают жевать закордонные сорта.

Если взрослых потребителей занимает вкусный, модный процесс, то у детей сия нероссийская привычка ко всему прочему возбудила собирательскую страсть. Они весьма преуспе-

вают на этом поприще. Домашние собрания состояются из упаковок от жвачки, но главное внимание коллекционеров употреблено на вкладыши – цветные миниатюры со всякими иностранными изображениями. Как-то по местному радио в оперативной сводке преступлений прозвучала информация о краже юными собирателями коллекции вкладышей!

Теперьшние дети с раннего возраста имеют с помощью родителей неограниченные возможности приобщиться к мировой культуре по глянцевым цветным картинкам, современным печатным лубкам, а заодно и отточить нарождающийся вкус на избранных образцах западных звёзд. Вкладыш – штука полезная в сегодняшнем особом времени: можно изучить по спрятанному внутри изображениям валют денежные обращения других государств. Отечественная жвачка вкладышей лишена. Вкладывать, видно, нечего.

В старой Костроме тоже немало детей находилось во власти собирательства, только страсть их ничего общего с сегодняшними детскими увлечениями не имела. Среди множества предметов, определённых той детворой к накоплениям, были почтовые открытки. Приобретали

Костромской кондитер Ф.И. Боровский. Нач. XX в.

Одна изъ старѣйшихъ
БУЛОЧНАЯ И КОНДИТЕРСКАЯ
премиума извѣстнаго М. И. Нанкова
Николая Ивановича Смолина.
Бромъ постоянно свѣжаго выбора своихъ издѣлій, продажа кондитерскихъ издѣлій фабрикъ Эйнемъ, Абрикосова, Тиде, Дингъ, Ковради и др.
Кострома, Московская ул., д. Царевскаго.

КОНДИТЕРСКАЯ И БУЛОЧНАЯ
М. Ю. ЗАБЛОЦКАГО
бывшая Софїи Ивановны Газель.
Руская улица, домъ Газель.
Ежедневно 3 раза въ день свѣжяя булки и разное печеніе, большой выборъ конфетъ и тиражированіе.
Принимаются заказы на разныя булѣбаки, пироги, торты и другія кондитерскія и булочныя издѣлія.
Цѣны умеренныя.

КОНДИТЕРСКАЯ
ПРЕМИУМА
И. И. Тшарнеръ
Руская улица, собственный домъ
ВЪ КОСТРОМѢ.
ВЪСЬ ТОВАРЫ ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖІЕ

их в книжных и писчебумажных магазинах. Самые же счастливые чувства охватывали детей в момент, когда они вынимали их в виде призов из коробок с конфетами и сладостями, приобретённых у местных кондитеров.

Сегодня ещё во многих домах бережливые старожилы, дети губернского города, сохраняют в старинных альбомах и коробках вложения кондитерских мастеров – почтовые открытки, на оборотных сторонах которых отчётливо напечатаны фирменные знаки владельцев сладких заведений. Стремясь заполучить как можно большее число покупателей, владельцы кондитерских всеми законными способами рекламировали своё дело.

Не знаю, кто первым из кондитеров употребил открытку в качестве приза, но именно открыточные вложения предпочитали торговцы-производители всех приличных заведений, дело которых имело образцовую постановку. Приличное заведение вовсе не означало – «для избранной публики». Двери его были открыты всем, и ассортимент сладостей с «вкладами» имел всякую цену.

Фирменную владельческую надпись заказывали в типографиях или исполняли сами владельцы. Всякий торговец по желанию мог иметь набор шрифтов с приспособлениями для «па-

кетных» тиснений. В этом случае требовалось лишь запастись разрешением губернатора. Лавки и магазины, владельцы которых заботились о доброй репутации предприятия, отпуск товаров клиентам производили в пакетах, которые отмечались владельческим знаком предприятия. Особенное распространение пакеты получили в 1910-х годах, когда городское самоуправление «в видах охранения народного здоровья» запретило торговцам завёртывать пищевые продукты в исписанную и печатную бумагу, обязав их отпускать покупателю товар только в чистой бумаге.

В качестве иллюстрации к «вкладам» губернских кондитеров я приложил почтовую открытку с шекспировским сюжетом-призом кондитерской Ф. И. Боровского. Его прославленное заведение на Русиной улице (ул. Советская, 14) было известно всем горожанам. Открытку я получил из рук одной старожительницы, ныне покойной, во время давнего визита. При знакомстве она представилась мне необычно: «просто Анна Алексеевна, костромичка». Я и сегодня не знаю её фамилии, да и сказать по правде, усилий тогда для этого не приложил. Когда же потребовалось, то знакомой моей уже не было, как не было и её дома, снесённого спустя несколько лет после нашей встречи за старостью.

От той встречи осталась у меня эта открытка да короткий, с любовью поведанный Анной Алексеевной рассказ о кондитерских призах.

Отец её служил на Михинской фабрике «по механической части». Мать воспитывала пятерых дочерей. «Жили – как объяснила она, – в наёмной квартире, обыкновенно, как многие: не шикарно, но и не в нужде. Родитель баловал девочек хорошими конфетами не каждый день, на то в доме водились простые – «лавошные». Конфеты в коробках от кондитеров отец приносил под все праздники. Тогдашнее понятие о старых праздниках у меня было весьма расплывчатым. Когда же Анна Алексеевна принялась считать дни, по которым детям выходили конфеты, то оказывалось, что чуть ли не еженедельно.

Отец доставлял очередной подарок в дом, и наступал торжественный момент открытия. Вся семья окружала привлекательную коробку. Развязать атласную ленту и открыть коробку разрешалось той из сестёр, которая была самого примерного в эту неделю поведения. Старших девочек интересовал и приз, и содержимое, младших – только сладости. Призовые открытки вкладывались разные: репродукции с картин русских и иностранных художников, портреты артистов, музыкантов, иллюстрации к литературным произведениям, особенно много было сказочных сюжетов...

В семье был заведен порядок: когда дети выросли, то «вклады» передавались младшим. Анна Алексеевна была последним ребенком, и ей досталась вся коллекция. От того собрания сохранилась только одна открытка – приз кондитерской Боровского, остальные в 1920-е годы она употребила на переписку с сёстрами, жившими по другим городам. По воспоминаниям владелицы приза, были у них открытки с печатями других кондитерских – Заблоцкого, Тинькова и каких-то ещё заведений, имена хозяев которых она уже не помнила.

Жила Анна Алексеевна одна, без наследников, вероятно, оттого и отдала мне открытку, напутствовав доброй, трогательной прощальной фразой: «Сохраните её, когда-нибудь расскажете детям о призах из сладких коробочек».

Недавно мне случилось слышать справедливое, по-моему, суждение старого прохожего, который у киоска, торгующего жвачным товаром, заметил – очень тактично – молодым мамам, совершавшим куплю ароматных развлечений, что по картинкам, которыми играют дети, можно с уверенностью судить о состоянии общества. Мама такому замечанию весьма удивились, приняв прохожего за идиота, о чём не замедлили сообщить придирчивому занудливому старику. Тот спокойно удалился. Мама, доставив младенцам вожделенную радость, с улыбками наблюдали за их ошарашенными лицами. Все было пристойно, под стать времени...

*Реклама отечественных кондитерских предприятий.
Нач. XX в.*

РЕКЛАМНАЯ ТРОПА

1

Век XIX. Губернская Кострома – град торговый, промышленный, ярмарочный. Уютные, славные городские панорамы... Повсюду зелень садов, добротные каменные и деревянные строения. В этих очаровательных видах особо выделялись, блистая стройностью, всецветные шпили и главки пречудных храмов. Среди городских красот во множестве виделись непривлекательных деловых цветов большие и малые дымящие трубы фабричных и заводских производств. Волжскую береговую полосу украшали грузовые пристани и пассажирские дебаркадеры, возле которых на берегу покоились груды всевозможных товаров и материалов. Мирная Кострома жила, производила, торговала, с избытком насыщала товарами городской рынок,

щедро делилась всем, что имела, с губерниями России. Казалось, здесь царят лад и благополучие!

Да, казалось... Однако торгово-промышленный и обывательский мир той поры в отношениях производителей, торговцев и потребителей существовал в весьма примитивных формах. Люди, занятые в рыночной суете, были лишены средств скорого общения, последнее шло по старинке, по устоявшимся традициям. Путеводными звездами тогдашнего рынка были: старо-заветная торговая вывеска, зычные голоса ярмарочных вещателей-стихоплетов и не отличающихся вежливостью зазывал, приказчиков-лавочников. В цепочке отношений производитель – торговец – потребитель отсутствовали общедоступные средства общения. Предприниматели имели весьма малую возможность широко заявить о себе, о деле, о товарах и услугах. В мире костромского рынка, по большей части, правил Господин Случай.

Средств для продвижения товаров на российский рынок у предпринимателей Костромы и гу-

Рекламный щит у церкви Козьмы и Демьяна в Кузнецях (фрагмент). Фотограф В.Н. Кларк. 1910-е гг.

бернии имелось весьма и весьма немного. Владельцы крупных торгово-промышленных дел имели штат посыльных или коммивояжéров. Эти лица, нагружившись специально для того изготовленными образцами товаров или их описаниями, разъезжали по всей России ярмарочной в особенности, в поисках деловых партнёров. Позволить себе такую недешёвую, затратную рекламную деятельность могли лишь состоятельные фирмы. Однако многие предприниматели шли на это не считаясь с затратами, и, бесспорно, труд коммивояжéров способствовал процветанию хозяйских дел, а сама рекламная форма просуществовала вплоть до 1918 года.

Общение деловых людей, равно как и обывателей, осуществлялось посредством почты, казённых и частных оказий, а самым распространённым был способ «из уст в уста». В этом отношении ярмарочные встречи считались наилучшими, поскольку предоставляли безграничную возможность для общения людей, занятых в производстве, торговле, рынке вообще.

Ярмарки – губернские торговые съезды – устраивались в Костроме дважды в год. Они собирали деловой и обывательский мир не только из костромского края, а из многих губерний России. Явление инородцев в них было делом обыкновенным, привычным. Ярмарка – благоприятная пора, время, когда производитель, торговец, потребитель представляли собой единую живую среду рыночных отношений.

Первой в годовом календаре – 13, 14, 15 марта – устраивалась Фёдоровская ярмарка. Её учредили в честь праздника иконы Фёдоровской Божией Матери, российской святыни и покровительницы Костромы. О начальном её времени сведений не сохранилось, и числилась она «как издавна существующей, хотя законным порядком не открытой». В 1888 году по ходатайству города перед правительством её узаконили.

Местом проведения ярмарки были две торговые площади города: Павловская, в простонародье – Сенная (пл. Мира), и Сусанинская (до 1835 года – Екатеринославская). Ярмарочный торг на Сенной имел особенность: главным товаром здесь были лошади, отсюда появилось обывательское название – ярмарка конная или конская. Ярмарка на Сусанинской площади имела местом «плац», что располагался между Гостиным двором (Красные ряды) и Большими Мучными рядами.

Если на Сенной товар представлялся в основном бытовой, хозяйственный, то на Сусанинской – благородный: ювелирный, мануфактурный, галантерейный и т.д. Здесь была сосредоточена и главная развлекательная ярмарочная часть: карусели, цирковые и кукольные балаганы.

Фёдоровская ярмарка большим размахом никогда не отличалась, народу собирала не так много. Главным потребителем товаров здесь было крестьянское сословие, для которого мартовское время было едва ли не единственной возможностью побывать на главном торжище в губернском городе: дороги в ту пору были еще по-зимнему крепки. В летнее же время не всякий житель губернии из отдаленного уголка мог прибыть, вследствие бездорожья, на вторую, главную ярмарку года – «Девятую».

Такое название она получила оттого, что устраивалась на 9-ой неделе после Пасхи. Начало её идёт от 1789 года – времени «учреждения крестных ходов вокруг города по случаю свирепствующей в то время в России моровой язвы». Официально ярмарку утвердили в 1850 году. Первоначально продолжительность её была 11 дней, с 1893 года – 15, с мая 1900 года – 21 день.

Главные действия «Девятой» ярмарки происходили также на Сусанинской площади. В начале XX века это ярмарочное место превращалось в галерею вывесок и рекламных картин под открытым небом. Она состояла как бы из двух ярусов: верхний образовывали торговые вывески, украшавшие ряды Гостиного двора и Мучных рядов, что с двух сторон обрамляли ярмарку, нижний ярус имел несколько сотен вывесок, щитов, аншлагов, составлявших убранство ярмарочных линий, сколоченных из разного хлама. А вокруг «плаца» были утверждены рекламные щиты, с трёх сторон обрамлявшие торговую площадь.

Все эти произведения рекламного искусства творились из фанеры, досок, жести, тканей, на которых умельцы создавали шрифтовые и сюжетные композиции, поражавшие обывателей обилием красок и пестротой.

Мы не имеем точного описания каких-либо образцов вывесочного ремесла, однако общие впечатления очевидцев были следующие: то безвкусица, а то и порядочный вид, одни были небрежны, другие – добротны вполне, – все зависело от вкуса хозяина дела!

Заказчики, по обыкновению, средств на изготовление вывесок и рекламных щитов не жалели. Считалось, что они – начало всему предприятию, а стало быть, и успеху. Вывески в Костроме малярили случайные ремесленники, с которых спрос за искусство был невелик, поскольку они были исполнителями желаний заказчика.

По мысли предпринимателей прошлого века, вывеска должна была быть притягательной и понятной без прочтения. Большая часть простоплюдинов была безграмотна и «прочитывала» название заведений по изображениям, картинкам.

В XIX веке вывески и рекламные щиты имели вид скромный, некрикливый, пристойный –

подстать нравам того времени. Главная вывеска была такова: свернутое до лаконичности название фирмы, более мелкий текст сообщал фамилию владельца. Если позволяли условия, то название вывески повторялось на фасаде здания, писалось краской по штукатурке. Товарные картинки размещались на вертикальных щитах, которые укрепляли в простенках между окнами или входом в заведение. Для безграмотной публики и ориентировки всей прочей широко использовались кованые кронштейны, обычно весьма искусной работы, к которым подвешивались небольших размеров щиты с изображением основного товара фирмы.

Во всех торговых рядах Костромы владельческие надписи наносили по наружному радиусу арок, а столбы галерей использовали для укрепления вертикальных щитов. В рядах и вообще повсеместно в городе вывески устанавливали на кровле зданий крайне редко, так как опасались их падений в весеннюю пору особенно, – случалось, снежные глыбы сбивали их. Впрочем, крышная реклама в начале XX века сделалась явлением обычным, и никакие случаи не останавливали предпринимателей в их устройстве.

Теперь скажем несколько слов о другом ярмарочном способе рекламировать товар – посредством голоса. Это самая стародавняя форма рекламы. В XIX веке для лиц, занятых в ней

это была уже профессия, которой владели немногие. Особенность её заключалась в том, что рекламист должен был иметь дар чтеца, быть стихоплётом и обладать актёрскими способностями. Это должен был быть человек речистый, крикливый, энергичный, способный воздействовать словом на публику.

Расхаживая у хозяйской лавки, он проникновенной прозой или лихим нехитрым стихом (последняя форма предпочиталась больше) привлекал внимание публики, а далее та вступала в диалог с расторопным приказчиком, который очаровывал её, расхваливая товар. Чем больше был оборот лавки, тем выше гонорар рекламиста.

Год 1838 можно считать значительной вехой в истории края, в истории рекламного дела Костромской губернии. В январе 8 дня вышел в свет первый номер газеты «Костромские губернские ведомости». Газета состояла из двух частей: первая, официальная, – для напечатания разного рода правительственных узаконений, распоряжений и т. п., вторая – неофициальная. Она давала возможность помещать «частные извещения».

Теперь предпринимателям явилась возможность широко заявить о себе. Тираж газеты в 1000 экземпляров распространялся по подписке в губернии и за её пределами. Шло время, а страница для «частных извещений» наполня-

Ильинская церковь и «Старый двор». Место, где были выставлены витрины с фотографиями Н.А. Хитрово. Фотограф А.А. Благовещенская. 1910-е гг.

лась ими весьма вяло, а то и вовсе пустовала. Казалось, деловой мир губернского города в ней и не нуждался. Можно полагать, что причина тому была только одна – непомерная, сверхдорогая цена публикаций: 4 копейки серебром «за каждую букву и препинание». Год за годом газета исправно выходила, а рекламная страница «частных извещений» печатала до крайности мало.

Бывали нечастые случаи, когда в неофициальном отделе сообщалось: «При этом номере прилагается объявление от...» магазина, торговца, фирмы. Объявление – это отдельный рекламный печатный лист, изданный большим тиражом. Иногда часть тиража шла приложением к газетке, а в основном, владелец его поштучно рассылал листы через почтовую контору. Такой вид саморекламирания появился в Костроме в 1860 годы, и тогда же вошли в обиход предпринимателей «Прейскуранты». Эти рекламные продукты адресаты получали бесплатно. С осени 1860 года деловой мир Костромы обрёл новый, прогрессивный способ общения – телеграф. Отныне депеши делового свойства стали основными в объёме телеграфных корреспонденций. В ту же пору частная печатная реклама «вписалась» в книжную продукцию, её охотно помещали в справочных изданиях, календарях и даже разного рода отчётах.

Заметное оживление рекламной деятельности началось в Костроме в последней четверти XIX века. Тогда, в сущности, местное рекламное дело только начинало выходить из зачаточного состояния, облекаясь в новые формы. Заметим, что своего, костромского, наш деловой мир не создал ничего. Всё, что происходило в рекламном мире Костромы, создавалось по столичным образцам. Правда, скопированное и перенесённое на местную почву здесь воспринималось как новшество. Один пример.

В начале 1881 года фотограф Н. А. Хитрово, заведение которого находилось на Павловской улице (пр. Мира) укрепил на стене «Старого двора» (ул. Советская, 2) стеклянную витрину с портретами. Обыватель на сие новшество внимание обратил, вследствие чего мастер оказался заваленным заказами. Спустя некоторое время к его витрине присоединили свои выставки и другие фотографы. Работы в них регулярно заменялись, и, надо полагать, дела шли удачно. Главным в деле считалось – приблизиться к потребителю!

Раньше фотографическую рекламу мастера размещали на самой продукции. Фотография приклеивалась на толстый картон (бланк), на обороте которого владелец помещал сведения о своём деле. Несколько позже к картонному бланку стали приклеивать «этикет». На тонкой папиросной бумаге, охранявшей изображение

Девятая ярмарка. Разнообразие вывесок в лавках и полках. Фотограф А.А. Макаревский. 1905 г.

от порчи, также размещались сведения о заведении.

В то же время книготорговцы стали широко употреблять приклеенные ярлык или марки. Это были разной конфигурации и небольших размеров цветные и однотонные кусочки бумаги, изготовленные типографским способом. Их прикрепляли на внутренней стороне переплёта. Текст их был краток: название заведения, адрес и имя владельца. Ярлык выполнял роль торговой марки и памятки для потребителя.

В 1882 году под костромским небосклоном случилось неординарное событие. Торгово-промышленный и обывательский мир города как дар получил особую долгожданную газету – «Костромской листок объявлений»! Владелец и издатель ее был П. И. Андроников: журналист, историк-краевед, родственник драматурга А. Н. Островского. Газета выходила 3 раза в неделю и была доступна по цене всем слоям населения. Талант и знания Павла Ивановича позволили ему так организовать дело, что издание заслужило всеобщую любовь горожан. Как отзывались очевидцы, «этот ребёнок провинциальной печати до того пришелся по вкусу своим читателям, что мы почти не знаем дома в г. Костроме, где бы он не получался».

После смерти Андроникова работу продолжила его дочь, Т. П. Покровская в замужестве. С 1898 года газета переименовалась в «Костромской листок» и расширила отдел общественной жизни.

В 1885 году возможность для размещения рекламы появилась в новом журнале епархиального ведомства – «Костромские епархиальные ведомости». Редакция печатала любую светскую рекламу и объявления без ограничений, несмотря на узковедомственную принадлежность.

Из вышесказанного понятно, что горожане более или менее находились в курсе разного рода деловых и торговых предложений. При этом большая часть обывателей газетную информацию потребляла, но сама своих предложений не публиковала. За печатное слово пусть и немного, но надо было платить, а платить, как всегда, не хотелось. У горожан был свой беззатратный способ оповестить публику о чём-либо.

На оборотах листов использованной бумаги они писали предложение и наклеивали его в местах лучшего обозрения. Для этого годились стены домов, заборы, а особой любовью пользовались фонарные столбы. В городе было несколько досок для объявлений, но на них клеили театральные афиши и официальные распоряжения.

Чтобы искоренить обывательские безобразия, гласные городской думы в 1883 году решили устроить «10 столбов для наклеивания объявлений». Столбы установили, однако пользы от них практически не было. Полезная

площадь их была невелика, да ещё неудобство состояло в том, что одни объявления висели высоко, другие – слишком низко. Кроме того, большие листы закрывали малые. Обыватель, не удовлетворённый предложенным вновь вернулся к заборам и стенам домов, не забыв и о фонарных столбах.

В августе 1899 года антрепренёр городского театра Золотарёв подал заявление в городскую думу с предложением «О сдаче ему устройства 25 столбов (колонн) для расклейки всякого рода объявлений». Заявление было рассмотрено на предварительной комиссии, и в декабре того же года дума приняла решение удовлетворить его просьбу, но при этом предложила провести торги на сей подряд.

25 колонн для афиш и объявлений в Костроме появились, но это случилось уже в новом веке.

2

Век XIX завершался. Костромская рекламная тропа, взявшая в нём свой исток, мало-помалу росла в размерах: время методично удлиняло её, но расширялась она неторопливо. Рыночный люд протаптывал её неспешными, порой робкими, нестройными шажками.

К концу века французское название – «реклама» слышалось уже не только в Костроме, но и в уездных городах губернии. Сначала оно вошло в торгово-промышленный лексикон, а позже утвердилось и в обывательском обиходе.

В преддверии XX века главными действенными рекламными средствами оставались «ветхие и гнилые доски для расклейки афиш» и полосы местных газет. Газетный мир Костромы был тогда весьма небогат. Рекламный отдел «Костромских губернских ведомостей» в силу своего казённого положения так и не развился. Живым частным печатным органом, служащим всему обществу, оставался лишь «Костромской листок».

Развивающиеся рыночные отношения, рост торговли, расширение существующих производств и рождение новых вызвали к жизни специальное газетное издание – «Костромской листок объявлений и реклам». «Листок» увидел свет в 1900 году. Он как бы по праву занял место старшего брата – «Костромского листка объявлений». Издавал и редактировал газету купец Ф. А. Фальк. Он с 1881 года содержал собственную типо-литографию, переплётное заведение и несколько позже – книжный магазин.

В течение шести лет издание благополучно служило костромскому обществу. По смерти Фердинанда Александровича в 1905 году весной следующего года оно прекратило существование. Кстати сказать, в тот же год закрылся и «Костромской листок», сменивший к тому времени несколько названий по политическим мотивам.

В последнем десятилетии XIX века рекламная тропа несколько прибавила в размерах: в быт вошло новейшее средство связи – телефон. Событие, безусловно, эпохальное! Правда, поначалу телефонная связь действовала внутри города, но затем, в 1913 году, присоединилась к междугородной телефонной сети России.

Наступивший XX век тотчас по приходе начал реформировать, исправлять рекламное положение Костромы. В 1902 году до невозможности изношенные доски объявлений заменили афишными колоннами (столбами). Они приобрели вид аккуратных круглых сооружений жёлтого цвета высотой три метра, имевших в диаметре 70 сантиметров. Венчали их конусообразные крыши. По впечатлению тогдашнего репортёра, колонны имели «очень приличный вид и для предназначенной цели были гораздо удобнее прежних».

Теперь, казалось, рекламной столбовой площади стало довольно, однако вскоре выяснилось, что мест для расклейки афиш по-прежнему не хватает. По существующим правилам разносчикам афиш запрещалось клеивать действующие рекламные плакаты и листы. Разносчики – народ смекалистый, долго голову не ломали и из тупикового положения вышли просто, приняв к действию обывательский способ: те листы и афиши, которым не находилось места на колоннах, они клеили «на заборы и дома, насколько не стесняясь места».

Если клеивали и стены казённых, ведомственных, общественных зданий, то это считалось терпимым, но когда усердные рекламисты посягали на частные строения, дело непременно заканчивалось скандалом. В те годы обыватели часто наблюдали сцены, когда домовладельцы аккуратно очищали скребком фасады от рекламной порчи, помяная нерадивых наклещиков беспощадными сквернословиями. Кстати, искоренить обывательскую привычку – клеить объявления на заборах, домах, столбах – так и не удалось, напротив, обычай укоренился и благополучно дожил до наших дней.

Чтобы навести хоть какой-то порядок в расклейке афиш, городские власти установили на Русиной улице «изящные витрины для наклейки афиш и разных реклам». Рекламная площадь города увеличилась, правда, не настолько, чтобы полностью удовлетворить нужды рекламного рынка. В связи с этим напомним одну стародавнюю костромскую традицию: сделать и забыть! Прошёл год, витрины изящество утратили, и посредством рук человеческих были «обезображены до неузнаваемости». Чистить и следить за состоянием рекламных мест разносчики афиш не любили и, судя по всему, нужным не считали, хотя это входило в их обязанности. Со временем доски обрастали бумажно-клейстерной толщей, которая под действием влаги вздувалась пузырями, отчего рекламная площадь

Афишный столб (колонна) перед Гауптвахтой. 1910-е гг.

Жестяной ярлык магазина Л.И. Домбек. Нач. XX в.

приобретала небрежный, неприглядный вид. Поправлялось это всё тогда, когда положение входило в последнюю степень невозможности.

С сожалением следует отметить, что управители Костромы тех времён были весьма нерасторопны в действиях вполне законным способом пополнять средствами городской кошелёк. Если у соседей в Ярославле денежный ручеёк от сдачи в аренду рекламных щитов и колонн регулярно подпитывал городскую казну, то костромские отцы к сему делу прикоснулись только в 1911 году. И, правду сказать, случилось это по вине «разных лиц», пожелавших взять в аренду городские афишные столбы.

Дело с мёртвой точки сдвинулось. Управа назначила торги, желая сдать подряд на пять лет. Торги выиграл некто господин Берахе, предложивший высшую сумму – 2950 рублей. Однако сделка не состоялась и состояться не могла, так как по существующему законодательству прежде следовало выработать «обязательные постановления о порядке расклейки афиш и объявлений».

Пока думцы ряздили, где и какие объявления можно вешать, а какие нельзя, время шло. Уставший от ожидания г. Берахе, не дождавшись регламентирующего документа, в феврале 1912 года получил в управе свой залог, чем и покончил с делом.

Только к августу 1913 года дума получила вождеденный рекламный документ! В сентябре состоялись законные торги. Высшую цену на них предложил И. Ф. Докутин, подрядчик строительных работ. Он, начиная с 1914 года, безраздельно заправлял рекламным рынком города, вплоть до перемены власти, оставаясь первым и единственным рекламным главой Костромы.

Явление «Докутин» показало обществу, что дело, находясь в руках общественного управления, страдающее малоприбыльностью, убыточностью в управлении частного лица в кратчайшие сроки вставало на ноги, преображалось в доходное процветающее предприятие!

Заметим, что Иван Феофанович принял от города в эксплуатацию рекламное хозяйство в весьма приличном виде. Во время подготовки к высочайшему визиту по случаю 300-летия царствования Дома Романовых местное обще-

ственное управление, дабы не упасть лицом в грязь, внешность города отчасти поправило. Не забыли и о рекламном хозяйстве: рекламы вокруг плаца приобрели «благообразный» вид, ветхие колонны и доски отремонтировали и установили новые. Кстати, в тот же год осенью местный обыватель был изумлён: в центре появились вертящиеся столбы-витрины! Правда, к началу арендного срока Докутина «вертушки» обратились в неподвижные столбы.

Новый предприниматель дело отладил скоро, открыв «Костромское контр-агентство по приёму афиш, объявлений и реклам». Весной 1914 года он устроил «от себя» настоящие витрины: под стеклом, разместив их в главных арочных проходах галерей Гостиного двора и Больших Мучных рядов. Примечание: ещё лет пятнадцать назад одно из тех мест при входе на центральный рынок сохранялось. В витринах (конечно, не докутинских) помещались предложения об обмене жилой площади и вакантных рабочих мест.

Если Докутин монопольно управлялся с «земной» рекламой, то М. С. Трофимов рекламно «поднялся» над городом. В декабре 1911 года он произвёл настоящий фурор в рекламном устройстве Костромы! На крыше Старого двора появилась световая реклама: значительных размеров щит подсвечивался электрическими лампами, при этом они ещё и мигали. Световой экран включался «ежедневно по вечерам», прогуливающаяся публика была в восторге.

Михаил Семёнович – человек выдающегося предпринимательского таланта, владелец первого в Костроме кинематографического дома «Современный театр», который располагался на Ильинской улице. Кинематограф Трофимова имел собственную электростанцию (городская вступила в строй в 1913 году), от неё же питался электричеством и световой экран – устройство, ставшее пиком рекламной мысли предреволюционной Костромы! Новых, оригинальных, свежих затей на этом поприще в Костроме более не случилось.

Главным средством общения предпринимателей с потребителями оставались полосы местных газет. К 1910 году специального рекламного издания не существовало. К услугам костромичей были газеты общественно-политического направления: «Поволжский вестник», «Костромская жизнь» и ряд других, которые то появлялись, то исчезали.

Следует отметить, что предпринимательская реклама той поры заметно изменилась по сравнению с ушедшей. Всякий хозяин, исправно ведущий дело, уведомлял потребителей о всех новшествах, переменах, происходивших в его заведениях. Он обязательно сообщал о поступлении новых партий товаров, о распродаже со скидкой, о перемене в часах работы заведения, о днях нерабочих по случаю его отъезда-

приезда и т.д., а равно не забывал поздравить господ потребителей с главными годовыми праздниками. Такая профессиональная культура позволяла предпринимателям помимо прочего методически напоминать потребителям о собственном существовании.

В заключение коротко познакомим читателя с отдельными способами, которыми пользовались предприниматели Костромы для привлечения покупателей в предреволюционное время. Первой и основной заботой владельца всякого торгового заведения считалось – оставить память о себе! Книгопродавцы XIX века, как мы уже говорили, использовали приклеенные ярлыки. Этот способ камерной рекламы благополучно существовал и в последующие годы, и вместе с тем появился его новый вид: благородной внешности изящная жестянка с фирменным рекламным текстом. Её, если была возможность, укрепляли с помощью латунных шурупов на видном месте, но так, чтобы не испортить внешность товара. Жестянки и по сей день можно встретить на граммофонах, часах, швейных машинах, фотоаппаратах, термометрах и прочих изделиях. Одним словом, везде, где позволяла конструкция товара.

В практике многих владельцев торговых фирм использовалась форма «вкладов». Вклад – привлекательная цветная картина, почтовая открытка, на обороте которой обозначалось название заведения. Когда у потребителя скапливалось определённое количество вкладов, он предъявлял их в торговое заведение, и там ему по своему вкусу позволялось выбрать товар на некоторую сумму. При этом вклады оставались у потребителя.

Иные торговцы отдавали предпочтение талонной системе. Вместе с приобретённым товаром покупателю выдавался талон на ту сумму, что он уплатил за покупку. По накоплении их от торговца следовал «приз». Последний мог быть в виде граммофона, серебряного сервиза, незатейливого брелока или дешёвого лубочного издания.

Любезный читатель, наше короткое путешествие по рекламной костромской тропе окончено. Вывела ли она Кострому на широкую рыночную дорогу России – это Вы решите сами.

«Световая реклама» М. С. Трофимова на крыше Старого двора. Фотограф Д.И. Пряничников. 1910 г.

КОСТРОМСКОЙ ПАРФЮМ

По утверждению исследователей, костромички XIX века взяли от старины «страсть к белилам и румянам, которыми в праздничные и торжественные дни без всякого милосердия» натирали молодые крестьянские свои и без того белые и румяные лица. Это если говорить о сельском женском населении. Горожанки этими «косметическими продуктами» не пользовались, поскольку арсенал косметических и гигиенических средств русских и иностранных фабрик в изобилии предлагался аптеками и аптечными магазинами.

В XIX веке на русской парфюмерно-гигиенической почве более всего обрёл места

Генрих Брокар. Его благовонные продукты – одеколоны, духи, мыло – первенствовали на рынке России. Сорт «Народное мыло» по цене 1 копейка имел спрос вплоть до самой революции.

Из местных производств в Костроме в 1888 году имелся всего один завод по приготовлению одеколону, духов и разных душистых вод. Судя по стоимости акцизного сбора (2 руб.), предприятие было маломощным. Однако среди действующих провизоров имелись попытки расширить костромской гигиенический рынок. Но они по причине новизны дела успеха не имели.

В этом смысле одним из первых был провизор Англин, служивший в аптеке макарьевского купца Михалева. В 1886 году он испросил разрешение у губернского правления на выработку «разных косметических средств: одеколону, духов, зубных эликсиров, зубных порошков и пр.» По ввиду непредставления им во врачебное отделение губернского правления образцов для химического исследования на предмет определения «как минеральных, так и растительных ядов», дело не состоялось.

Шёл 1912 год. Приближались юбилейные торжества. Всякий аптекарь хотел насытить свой ассортимент новыми товарами и, если бы случилось возможным, выбросить на рынок собственными изготовленными препаратами гигиенического и косметического свойства.

В мае того же года аптекарский помощник Л. Шкляринский представил во врачебное отделение Костромского губернского правления образец косметического средства под названием «Зубной порошок «Чистоль»». После исследования компетентными лицами оказалось, что порошок не содержит в составе своём вредных для здоровья веществ и потому может приготавливаться для продажи. Эксперты не давали заключения о пользе и действенности порошка (это не входило в их функцию), и «Чистоль» явился на костромской рынок. Каковы были о нём отзывы обывателей, нам сие неизвестно.

Кроме того, аптека Шкляринского предложила покупателю юбилейное мыло «Аида», кото-

рое посвящалось «городу Костроме и юбилею 1913 г.». «Аида», представленная шестью сортами, имела разную стоимость на разные кошельки. Было ли произведение местного парфюма собственным сочинением г. Шкляринского, или это был обычный рекламный трюк?..

В том же 1912 году помощник аптекаря по фамилии Кролик получил от правления разрешение на производство и реализацию крема-рекорда «Метаморфоза», впервые произведенного в условиях местного рынка. По цене он был доступен даже простолюдинкам, а потому недавнее – «щёчку клюковкой намажу, бровки углем подведу» – постепенно поменяло косметическую культуру.

Увы, в производстве «личной помады» фармацевту отказали. В большом количестве в ней «содержались свинцовые белила, которые, хотя и не принадлежат к ядовитым веществам, но все же не принадлежат и к совсем безвредным». В планах Кролика имела место мысль об организации большой собственной «Северной Костромской лаборатории», которая, возможно, могла бы конкурировать с компанией г. Брокара. Но этому предприятию Кролика случиться было не суждено, так как он не представил губернскому начальству соответствующих бумаг.

Самым популярным местом народных гуляний в Костроме был городской бульвар. Здешнее общество, прогуливаясь в отдохновениях, старалось привести себя в соответствующий вид как в одеждах, так и в косметическом отношении. Букет ароматов исходивших от публики был соткан из всевозможных ароматических одеколонов и душистых вод. Как справедливо заметил очевидец подобных променадов, «пахнет потом и духами на бульваре нашем пыльном...»

Реклама парфюмерных фабрик. Нач. XX в.

Если твои крылья милый друг, чуть не вьшь
сохранили свою КРЬПОСТЬ и БЛИЗНУ, БЛАГОДАРИ
ТЕБЯ **БРОКАРЪ и К^о**
ЗА ИХЪ ЧУДНЫЙ
ЗУБНОЙ ПОРОШОКЪ.

The illustration shows an elephant on the left and a man on the right. The man is holding a small box and looking at the elephant. In the foreground, there is a large, ornate box of tooth powder. The background is a simple landscape with palm trees.

Для СМЯГЧЕНІЯ
КОЖИ
ЛИЦА
и РУКЪ
КРЕМЪ
Альдегидъ Владіо
Большой флак 1р, малый флак 60к.
•ИМГЬЮТСЯ ВЕЗДЬ•
ГЛАВНЫИ СКЛАДЪ въ МОСКВѢ

Не найди въ аптекахъ и аптек, магазинахъ, обращаться
непосредственно въ главный складъ: В. Кремеръ, Москва,
почт. ящикъ № 47.

Фабрика существуетъ
съ 1843 г.

1862 г. 1846 г. 1896 г. 1865 г.

Поваршество
ВЫСШЕЙ ПАРФЮМЕРИИ
А. РАЛЛЕ и К^о
Поставщики ВЫСОЧАЙШАГО Двора и Его Величества
ШАХА ПЕРСИДСКАГО.

Адреса магазиновъ и складовъ:

Фабрика въ Москвѣ: Вулканъ, Василья узла, собств. доми.	Въ Одессѣ: Ул. Ришельевск. и Дерябинск., д. Ралав.
Оптовая торговля: Николаевск. Боровицкой переул., доми. Чижовск.	На Нижегородской ярмаркѣ: Серебряно-Галантерейск. переул., №№ 37, 38 и 39. Ровнск. дома, въ Главномъ доми.
Розничные магазины: 1. Кузнецк. Мостъ, доми Солоникова. 2. Переул. торговый переул., №№ 34, 44.	На Ирбитской ярмаркѣ: Екатеринбургск. ул., доми наследниковъ Селезневыхъ.
Въ С.-Петербурѣ: Оптовый магазинъ: Садовая узла, № 25, уголъ Банковскаго переулка. Розничск. магазинъ: Невск. просп., № 18.	Въ Курскѣ: На Куренной ярмаркѣ.
Въ Харьковѣ: Рыбная ул., и въ ярмаркахъ: Крестинской, Троицкой, Успенской и Покровской.	Въ Полтавѣ: На Итальянск. и Николаевск. ярмаркахъ.
	Въ Ромнахъ: На Масляницкой, Вознесенск., Алексан- дровск. и Мазыдовск. ярмаркахъ.

Во всѣхъ городахъ Россіи
у главныхъ торговцевъ.

ИЗ ЖИЗНИ «АРТИСТИЧНЫХ» МЕХАНИЗМОВ, ИЛИ ПОЮЩИЕ И ГОВОРЯЩИЕ МАШИНЫ.

ЧУДОДЕЙСТВЕННЫЙ ФОНОГРАФ

Самоиграющие музыкальные инструменты – изобретения XVIII века – по-доброму отслужили российскому обывателю всё последующее столетие, увеселяя его звуками приятных металлических мелодий. С появлением эдисоновского фонографа – «поющей и говорящей» машины – интерес к новинке столичных жителей, первыми увидевших в действии уникальный во всех отношениях аппарат, заметно ослабил их влечение к игре «полифонов», «симфонионов», «оркестрионов».

Е.Э. Паприц (Линёва). Кон. XIX в.

Несколько позже, к середине 90-х годов, фонограф – аппарат звукозаписывающий и воспроизводящий тут же «голоса и музыки» – был приведен конструктивно к высшей по тому времени степени совершенства, что сделало его пригодным для всяких публичных демонстраций. Объявились граждане, большей частью иностранного подданства, которые из желания заработать на показах чудодейственных свойств аппарата начали гастролировать с ним по российским городам.

Заезжали они и в Кострому, открывая на время «фонографические кабинеты». Об одном из таких, где публике представлялся фонограф «последней конструкции», написал в «Воспоминаниях костромича» С. М. Чумаков: «Давал он (демонстратор. – А. А.) за один сеанс прослушивать записи на 3-х или 4-х валиках, и от желающих не было отбоя... рупора еще не существовало, а от мембраны шли резиновые трубочки с двумя наконечниками, которые вставлялись в уши...» Местный репортер, наблюдавший фонографические действия в 1896 году, оставил такие впечатления: «В последнее время большой интерес возбуждает в публике демонстрируемый г. Ниссен эдисоновский фонограф по усовершенствованной модели 1895 г. (с рупором. – А. А.). Среди довольно обширного и разнообразного репертуара воспроизводимых фонографом пьес – около 25№, – многие дают полную звуковую иллюзию, а некоторые, кроме того, представляют удачно скомпонованные и совершенно законченные концертные картинки, как например, французских романсов...»

Сеансы фонографа остудили интерес обывателей к металлическим мелодиям, а к началу нашего века латунно-медные голоса «артистичных» механизмов уже не трогали сердца и души горожан и умиляли теперь разве только неспросливый вкус крестьян да подвыпившую публику с городских окраин.

Фонографические записи страдали некоторыми недостатками: натуральные звуки из рупора выходили в чуть «искривлённом» виде, однако это обстоятельство не убавляло восторгов публики. Кроме того, всякое прослушивание сопровождалось обильным шумом: фонограммы вследствие непрочности материала валиков со спиральной звуковой дорожкой скоро приходили в негодность. Редкий валик выдерживал 25 – 30 сеансов. Лицам, промышлявшим «звуковым делом», приходилось возить с собой изрядный подбор валиков с записями да, кроме того, запас «чистых». Состоятельные лица, способные оплатить фонографирование, могли насладиться слушанием собственной речи.

С явлением фонографа на российской почве прогрессивный образованный люд, увидев в приборе доселе невиданные возможности, тотчас принял его на вооружение во благо русской науки. Этнографические общества и одиночки-

Э. Карузо у фонографа. Нач. XX в.

Изобретатель фонографа Т.А. Эдисон. 1878 г.

энтузиасты, страстные поклонники народного творчества составляли экспедиции для записи песен, сказаний, всякого фольклора вообще.

В этом отношении весьма серьезно потрудились на звуковой собирательской ниве Евгения Эдуардовна Линёва, урождённая Паприц (1854 – 1919) – тонкий знаток песенного народного жанра. Её многолетние собирательские путешествия по губерниям России и Костромской, в частности, составили замечательное собрание «народных звучаний», которые позже вышли в свет капитальным печатным трудом «Великорусские песни в народной гармонизации...». Кстати, сестра Линёвой, Лидия Эдуардовна Паприц (1860 – 1916), содержала в Костроме одну из лучших частных школ.

Результаты собственных экспедиций Линёва с успехом демонстрировала во многих городах России. В Костроме её последний сеанс с фонографом состоялся в феврале 1914 года. В то время он не вызвал большого интереса публики – костромское общество находилось во власти синематографа, а обывательский слух уже давно покорил граммофон.

Фонограф же, оставаясь как бы в тени, продолжал усердно трудиться – сохранял наследство предков, заполняя валрики самобытными крестьянскими напевами, звучаниями песен-

ных хоров, записывая байки искусных рассказчиков и бывальщины от старцев. Павильонная фабричная аппаратура для граммофонных записей была громоздка, сложна, и для экспедиционных целей не годилась. Фонограф, пусть и уступал значительно в качестве записям на граммофонных кругах, зато был лёгок, компактен и без труда мог быть доставлен в любой деревенский уголок.

ГРАММОФОН – ОБЩЕПОЛЕЗНЫЙ РАЗВЛЕКАТЕЛЬ

В российской торговле он появился вслед фонографу. Аппараты производились за границей. Приобретались новинки вследствие значительной цены только состоятельными гражданами. С развитием мирового граммофонного дела, с насыщением рынка красивыми механическими музыкальными инструментами с элегантными и эффектными раструбами стоимость их год от года снижалась и к десятым годам XX столетия составляла «от 10 руб.». К этому времени граммофон перестал быть предметом роскоши и сделался доступным едва ли не всякому обывателю.

Граммифон в экспозиции Костромского музея-заповедника. Фотограф А.А. Анохин. Кон. XX в.

В начале 1910-х годов начали выпускать более компактные безрупорные аппараты. Они имели вид небольших шкафчиков или тумб, внутри которых скрывался видоизменённый ратруб. Изделия изящно отделявали разными породами дерева привлекательного тона. Одни граммифонные ларцы были внешне простые, другие богато украшались инкрустациями из серебра и бронзы. Любые ящичные граммифоны хорошо вписывались в интерьер всякого жилища. Поскольку главным поставщиком их была французская фирма «Патэ», аппараты которой назывались «Патефон», то обыватель переделал граммифонные названия на свой лад: инструменты с ратрубом звали «граммифон», а все ящичные конструкции (любых фирм) – «патефон».

Сначала на граммифонах крутили односторонние пластинки, причём игла мембраны двигалась от центра к краю. Громкость и качество звучания записей существенно отличались от фонографических. Правда, пластинки тоже «шумели», однако недостаточная ясность звуков и отчётливость голосов не снижали получаемого слушателями удовольствия. Порядочная сила голоса прелестного аппарата давала демонстраторам возможность собирать на сеансы большее число публики. Новая машина заиграла в ярмарочных балаганах среди торгового громкоголосья.

Местные торговцы музыкальными приборами начиная с конца прошлого века использовали всякий случай бесплатно рекламировать чудные способности «говорящего» товара: пластинки крутили при магазинах, в театральном антрактах, во время циклодромных состязаний. Мало-помалу костромской обыватель привыкал к граммифоническим звучаниям. В начале XX

века выражение «концертный граммифон» уже стало привычным.

С развитием производства звуковых дисков качественно улучшилось их содержание. Развлекательный репертуар пластинок с комическими сценами, маршами духовых оркестров стал более разнообразным, наполнился серьёзностью. Из ратрубов зазвучали симфоническая музыка, общелюбимые песни и романсы, арии из известных опер в исполнении первых певцов России и мира.

Иностранные компании, видя в российских просторах благодатный рынок сбыта, начали открывать фабрики по производству звуконосных кругов. В 1902 году в Риге заработала первая отечественная фабрика по выпуску граммифонных пластинок. Её основало английское акционерное общество «Граммифон» (в 1915 году её эвакуировали в Москву, где она возродилась под названием «Пишущий амур»). С 1907 года начала выпуск пластинок в России компания «Патэ». В 1910 году под Москвой на станции Апрелевка начала производство пластинок фабрика «Метрополь-Рекорд».

К 1905 году техника звукозаписи отладилась, пластинки качественно улучшились и стали двусторонними. Слава и популярность граммифона росла, он серьёзно вживался в российское бытие и вскоре превратился в замечательного и незаменимого проводника музыкальной культуры вообще и для провинциальных местностей в особенности. Для устройства музыкальных вечеров и лекций «с иллюстрациями граммифона» аппараты стали приобретать учебные заведения, народные дома, различные общества. Не оставляли радостью и больных. В 1910 году, например, «для развлечения душевно-больных» колония в усадьбе Никольское приобрела «патефон с 46 пластинками».

Весьма особый интерес к новым музыкальным механизмам проявили содержатели пивных и питейных заведений. Прimitивные мелодичные «оркестрионы», с давности стоявшие в заведениях, перестали удовлетворять эстетическим запросам посетителей, отчего всякий хозяин заведения желал заполучить в торговлю «поющий аппарат» совершенной музыки. Однако поначалу дела по замене инструментов никак не устраивались. Полиция, призванная надзирать за заведениями такого сорта, разрешения на сей предмет не давала, дабы не привлекать публику.

В качестве иллюстрации приведу фрагмент документа – прошения М. И. Ивановой, содержательницы пивной лавки на Ильинской. В декабре 1902 года она подала прошение костромскому полицмейстеру, в котором испрашивала разрешение поставить «в пивной лавке музыкальный инструмент граммифон», который для посетителей «составит удовольствие». Прощение было направлено начальнику губернии. Го-

сподин полицмейстер ответил просительнице, что «Его Превосходительство отказал в постановке музыкального инструмента "Граммофон" в её пивной лавке». Попытки других содержателей подобных заведений также не увенчались успехом.

Впрочем, в 1905 году во времена свобод сей запрет был снят, и музыка граммофонов наполнила питейные салоны, ублажая слух утоляющих жажду любителей пивного и винного продукта. За отдельную плату «человек» мог «закрыть» заказ с любимым романсом или мелодией.

С 1911 года певучие граммофоны в питейных местах затихли. Городская администрация по собственной инициативе запретила держать граммофоны в пивных и трактирах, поскольку те «привлекают публику и тем, до некоторой степени, способствуют распространению пьянства».

С весны 1912 года в спокойную, размеренную торговую жизнь магазинов, занятых продажей граммофонных товаров, — Л. Демме, Г. Хасминской, Н. Глейзер, бывших на Русиной улице, Н. Вавилова, что в Гостином дворе — вошло некоторое неудобство и беспокойство: Министерство внутренних дел ввело «граммофонную цензуру». Полиции предписывалось «производить конфискацию граммофонных пластинок, могущих передать нецензурные и порнографические рассказы и песни, а также преступного содержания речи политических агитаторов». Таковая мера была не случайной — «чёрный рынок» России в изобилии поставлял, в особенности ярмарочным и базарным торговцам, «звуковые круги», недозванные к обращению в империи.

В семьях небогатых обывателей граммофон как некое волшебное устройство утверждался в квартире на почётном видном месте. Его берегли особо и в будние дни семейно слушали лишь ввиду исключительных событий — именин, например. В Великий пост инструмент всегда отдыхал, а уж с приходом пасхальных дней трудился усердно, одаривая музыкой гостей и визитёров. В Рождество также крутили его механизм от души.

Во все другие праздники долгой игрой граммофон не утруждали, — пластинки быстро изнашивались. Нервически действующий «шип» усиливался, многократные прослушивания доводили звучание до невозможного: пластинка приходила в негодность. Дома распорядился и «играл» на нём только хозяин, а в его отсутствие — доверенное лицо. Всем домашним даже прикасаться к инструменту строго-настрога запрещалось. Пыль с любимца-увеселителя убирала только умелая и ласковая рука хозяйки дома.

В случае материальных затруднений граммофон можно было заложить в ломбард, такие

ГРАММОФОНЫ ТОНАРМЪ

Гитары,
Мандолины,
Балалайки.

НОВЪЙШЕЙ КОНСТРУКЦИИ
съ вращающимися вокруг своей оси рупорами.
Всѣ Тонармы снабжены „СИМФОНИА“
усовер. концерт. мембран. наилучшей изъ лучшихъ.
ПЛАСТИНКИ всѣхъ знаменитостей.
Иллюстрир. каталогъ № 4, специально граммофоновъ бесплатно.

I. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка,
Нижегородская ярмарка,
главный д. № 6.7.

Реклама граммофонов. Нач. XX в.

заклады принимались охотно. С ещё большей охотой граммофоны и патефоны уволокивали из квартир известные охотники до чужого добра.

В летние погожие дни из квартир отдельных горожан можно было слышать голоса Шаляпина, Собинова, Вяльцевой, какую угодно прекрасную музыку, — это страстные обыватели-меломаны нарочно приставляли свои «патэ», «сатурны», «фотоны» к раскрытым окнам, давая возможность слушателю разделить радость общения с настоящим искусством.

ЭТОТ БЕЗУМНЫЙ XIX ВЕК, ИЛИ ЦИКЛИСТЫ В ГОРОДЕ

В 80-х годах XIX века внимание горожан все чаще и чаще стали привлекать мелькающие на улицах необычного вида механические экипажи. Их седоки производили ногами «крутильные» действия. Занимательная двухколёсная машина, по внешнему виду весьма хилая, к удивлению публики, не только не падала, но и двигалась с порядочной скоростью, уверенно преодолевая дорожные неровности. Механический экипаж с прозрачными колесами, пневматическим ходом, «ночным глазом» на руле воспринимался как нечто фантастическое.

Несмотря на дороговизну, машин-велосипедов в городе мало-помалу прибывало. В 1852 году местные любители велосипедных передвижений образовали Костромское общество велосипедистов. С началом его деятельности и устройством специальной площадки для спортивных состязаний – циклодрома – велосипедовладельцев стали называть «циклисты».

Циклисты-пионеры, объявившись в городских улицах на «стальных конях», вели себя достаточно вольно, демонстрируя прохожим свое исключительно привилегированное положение на проезжей части. Из-за них в более или менее спокойную, отлаженную жизнь улиц вошла неразбериха: участились бывшие редкостью сшибки экипажей, лошади пугались резких звонков, обгонов, становились неуправляемы, несли. Наезды на обывателей стали обычным делом. Падали, получая травмы, и сами циклисты. Городское начальство, видя такое нетерпимое положение, приняло обязательное постановление «О порядке езды в г. Костроме на велосипедах».

Документ являл собой попытку создания правил уличного движения и состоял из запретов и предписаний, относящихся к поведению циклистов на дорогах. Один из пунктов постановления звучал так: «В случае беспокойства лошадей от появления едущего на велосипеде последний обязан остановиться и сойти с велосипеда». С введением постановления каждый велосипедист должен был уплачивать в городскую управу установленный денежный сбор, получая взамен номерной знак для прикрепления его позади седла.

Велосипедисты-преподаватели Смольяниновской женской гимназии. Нач. XX в.

Жестяной «номер» заставил циклистов быть более осмотрительными и аккуратными. Прежде, если по вине циклистов случалось какое-либо недоразумение, то большинство их прихода полиции не дожидалось – исчезало в неизвестном направлении. Изловить виновника представлялось делом несбыточным. Теперь присутствие на машине номера, различного даже издали, удерживало седоков от скорых, необдуманных действий. Скрывшись с места дорожного происшествия, педалирующие лица благодаря номерам без труда отыскивались и подвергались наказанию.

Одной из причин частых аварий было неумение начинающих ездоков должным образом управлять велосипедной машиной. С 1902 года члены городской управы устраивали экзамены велосипедистам на право езды по городу. На площадке при управе выкладывались поленья, и экзаменуемый должен был объехать их, не задевая, также «проехать доску, под серединой которой было положено тоже полено». Выдержавшим испытания выдавался номер.

Вообще следует заметить, что город для развития обывательского циклизма имел в смысле оснащённости все. В магазинах предлагался патентованный велосипедный товар всяких фирм как отечественных, так и заграничных. Торгов-

ля по велосипедной части латыша П. Ф. Демме на Русиной улице считалась выдающимся заведением. Среди услуг, предлагаемых им, клиенты имели «годовой ответственный уход и надзор за машинами, велосипедами. Хранение на зиму велосипедов». Горожане, не имеющие возможности приобрести велосипеды в собственность, брали их за плату в прокат.

Для любителей лёгкой наживы велосипеды всегда были привлекательными предметами, кражи их в городе не были редкостью. Заботливый хозяин, оставляя машину в людных местах, непременно пристегивал её к чему-либо цепными замками и дорогими патентованными запорами.

Число велосипедовладельцев год от года росло, и весьма часто случалось так, что городская управа не успевала заготавливать номерные знаки и выдавала вместо них свидетельство об уплате велосипедного сбора (1 руб. 50 коп.). В 1913 году в городе числилось более 800 машин. Наступала пора протоколов, объяснений, наказаний. Циклисты, блистая никелированными частями машин, вольно педалировали по тротуарам и скверам, предпочитая «неосторожную езду» вопреки всяким постановлениям и запрещениям.

«Циклист»-любитель у Сусанинского сквера. Нач. XX в.

ГОНЩИК «ЧЁРНАЯ СМЕРТЬ»

В 1890-х годах в Костроме появились первые ревнители велосипедного спорта. Когда число их достигло трёх десятков, они пожелали составить общество с целью возбудить обывательский интерес к новому механическому виду спорта, заботясь при этом и о собственном физическом совершенстве. В декабре 1891 года члены предполагаемого общества выработали его устав. А в январе 1892 года, находясь в ожидании его утверждения Министерством внутренних дел, лидер энтузиастов Алексей Александрович Зарайский уже хлопотал перед городской управой о сдаче «места городской земли за Павловской заставой... для устройства на ней циклодрома и необходимых при этом помещений».

Сильвестр Йогансон, член Костромского общества любителей спорта, Нач. XX в.

Утверждение устава Костромского общества велосипедистов последовало 17 апреля 1892 года. Председателем его стал А. А. Зарайский. Членскую годовую плату назначили в шесть рублей. Члены общества имели право на ношение собственного нагрудного знака. Кроме основной деятельности – насаждения интереса к велосипедному спорту – устав общества предполагал «рысистые бега, катания на тройках и верхом, гонки на тройках и конькобежество».

Первый праздник спортсмены отпраздновали весьма оригинальным способом: «Взят был небольшой пароходик, и господа велосипедисты с небольшим количеством гостей отправились с музыкою вниз по Волге до Чернопенья. Здесь велосипедисты прокатились по окрестностям. Затем устроены были танцы, и общество в весёлом настроении под звуки марша при бенгальском освещении и массе фонариков, освещавших пароход, возвратилось в Кострому ... во втором часу ночи».

Последующие совместные прогулки мало чем отличались от приведённого описания и больше носили вид развлекательный: обзревали местности, пили чай, танцевали, избирая на то пригородные живописные уголки. Собственно спортивной ездой – накатыванием вёрст, тренировками на дальность – каждый спортсмен занимался отдельно.

Велосипедное дело в спортивном отношении расцвело, когда открылся собственный циклодром общества. Хлопоты Зарайского увенчались успехом: городские власти, понимая полезность затеянного предприятия, на льготных условиях передали в пользование просимый обществом участок земли, на котором прежде имели место конские бега.

К лету 1893 года гоночный трек с длиной круга в 362 сажени (771 м.) и павильон-клуб открылись для всех желающих постичь искусство езды на стальных конях. Такую возможность предоставили собственными машинами члены велосипедной корпорации. В ту пору велосипед при стоимости от 100 руб. был далеко не всякому по карману. Здесь же за небольшую плату «ежедневно велись ученья и практическая езда». С членов общества, не имевших собственных велосипедов, плата не взималась, как не взималась она с детей и воспитанников учебных заведений.

Еженедельно по средам господа велосипедисты устраивали упражнения на быстроту. С началом летних сезонов на циклодроме проводились грандиозные праздники, где кроме обычных катаний по треку можно было видеть езду на велосипедах с препятствиями, лазание на мачту, бег в мешках. К услугам публики имелись площадка для игры в кегли, тир, чайный буфет. Нередко бывали и лекции с «туманными картинками» (слайдами). В праздничные дни

здесь жгли обязательный фейерверк и приглашали «оркестр музыки».

К концу века стальных коней в городе заметно прибавилось. Дела в первом велосипедном представительстве торгового дома «Жорж Блок», коим управлял А. А. Зарайский, шли весьма неплохо (в 1894 году им было продано до сорока велосипедов). Кроме дорогостоящих машин обывателю явилась возможность приобретать подержанные экземпляры ценой до 40 рублей.

Число велосипедовладельцев год от года росло, а вот желающих циклировать спортивно становилось всё меньше и меньше. Циклодром с великолепным парком и полным спортивным обустройством опустел. В 1909 году, видя участь городской местности оставленным, гласные думы приняли решение о распланировании и сдаче его в арендное содержание.

Спортивная жизнь в городе с утратой циклодрома, однако, не замерла: циклисты прово-

дили состязания прямо на городских улицах или пригородных трактах. Неорганизованные «спортсмэны», не желая терять времени даром, совершали не только привычные вылазки до загородного трактира «Капернаум», что располагался в нескольких верстах по Галичскому тракту (один из любимейших маршрутов), но и пускались в самые отдалённые путешествия. Любителей многовёрстных велосипедных предприятий находилось немало. 25 июня 1913 года два местных велосипедиста – Романов и Альф – отправились на велосипедах в Петербург. Добравшись до Ярославля на пароходе, они через Москву покатали к столице и благополучно прибыли туда 1 июля.

Наконец летом 1914 года группа спортсменов и лиц, сочувствующих спортивному делу, взяла в аренду сад на окраине города, назвавшись товариществом «Нескучный сад». Благодаря энергичным усилиям арендаторов-энтузиастов садовая местность ожила по-циклодромовски,

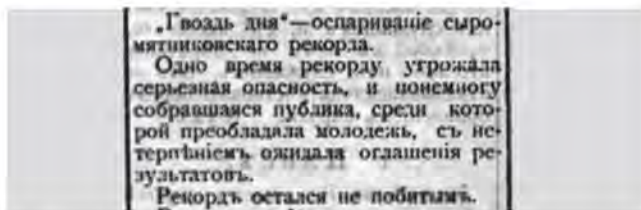
Костромские любители спорта. Сидит первый слева А. Касаткин, на переднем плане – С. Югансон. Нач. XX в.

Гонщик Сыромятников. 1910-е гг.

Жетон члена Костромского общества велосипедистов. Нач. XX в.

Наша костромская жизнь. 1911, 18 июля.

по праву став преемницей утраченной спортивной площадки за Павловской заставой. Соревнования велосипедистов приобрели регулярность. На гонки вновь стали приглашать иногородних спортсменов.

Забывтая система призов, заведённая на заре костромского велосипедизма, возродилась с новой силой. Когда-то в качестве призов назначали специальные жетоны, большие и малые, из серебра и золота, дорогостоящие вещи, ленты с надписью «Лучший ездок города Костромы», почётные ленты сезона. Велосипедные фабрики и торговцы использовали гонки для рекламы своего товара и жертвовали для награждения «ценные серебряные вещи». Губернаторы позволяли учреждать призы своего имени. От публики женское общество назначало «дамский» приз. Всё это вновь вошло в спортивный обиход, только вместо жетонов учредили переходящий приз – бокал весом в один фунт серебра, который вручали по окончании сезона лучшему гонщику.

Для усиления зрелищных эффектов вечерами устраивали «огненные гонки». К стальным коням прикрепляли бенгальские снаряды, и заморожённые потрясающим действием зрители имели удовольствие наблюдать летящих в искрах по кругу велосипедистов.

В Нескучном саду впервые состоялись гонки мотоциклета и велосипеда. Заметим, кстати, что победу одержал велосипедист, ибо езда на мотоцикле по садовому треку с его крутыми виражами не представлялась лёгкой. Чтобы возбудить интерес публики, многие заезды объявлялись анонимно: гонщик-маска «Чёрная смерть», «Чёрная маска» и т.п. Обыкновенно гонщик, скрывающийся под маской, представлялся публично на следующий день.

Выдающийся садовый сезон остановила Первая мировая война. На другой год сад возобновил работу, но гулянья и гонки назначались уже не так часто. Цель празднеств была теперь одна – сбор средств в пользу воинов и их семей, помощь больным и раненым в костромских госпиталях.

Последние выступления велосипедистов состоялись в 1916 году, но успеха у малочисленной публики не имели. Военное время не располагало к развлечениям. Упал и интерес к гонкам по кругу. Стальной конь вошёл в привычку, стал обыкновенным и доступным средством передвижения.

ДЕЛО О СОБАКАХ

Регулировать «собачий вопрос» в Костроме начали в 70-х годах XIX века. Подвигло к тому новое Городовое положение 1870 года. С этого времени городские самоуправления стали жить согласно статьям этого документа. В нём был и основополагающий раздел «О введении в пользу города сбора с собак». Гласные думы обратились к обсуждению этого вопроса в декабре 1871 года. Им следовало разработать своё постановление, приспособив предложенное к местным условиям. Создали подготовительную комиссию. Она постановление разработала не тщательно, и дело отложилось в рассмотрении и уточнениях до 1873 года.

Собаководителям той поры, казалось, повезло! Принятое постановление гласило: «Находящихся в городе Костроме собак можно на первое время особым сбором и не облагать», а бывших на привязи дворовых собак навсегда изъять «от всякого налога». Обыватель обрадован: в других городах платят, в Костроме – нет!

Но дело повернулось к горожанам другой стороной. То же постановление обязывало всех владельцев собак к покупке установленных ошейников и намордников. К ним следовало приобрести номер из городской управы, который заносился в специальную книгу, где напротив каждого ошейника и намордника были про-

писаны «звание, фамилия, место жительства лица их приобретшего». За неисполнение сего виновные подвергались штрафу в пользу города. И получалось, что в Костроме не платят, а ошейник, намордник, номер – оплаты!

Хозяевам предоставлялось право иметь «более роскошный ошейник» или намордник для своих воспитанников, но непременно к ним нужно было прикрепить установленный номер. Без последнего условия собака, даже будучи в ошейнике и наморднике, считалась без таковых и могла быть забранной «особо нанятыми для того людьми». В середине XIX века с появлением в городе собачьего бешенства власти стали нанимать таких людей, приобретали для них сети, и те ловили и истребляли собак до тех пор, пока положение не исправлялось. Затем ловцов рассчитывали до следующей вспышки бешенства.

После принятия постановления городская служба ловцов собак стала постоянной. Ловцы обосновались во дворе пожарного депо. Здесь город выстроил помещение для содержания пойманных собак. В нем зачастую пленились и хозяйские собаки с ошейниками, но без намордников. В этом случае владелец собаки об её поимке уведомлялся повесткой. Если хозяин в течение трёх дней собаку не забирал, то её выставляли на аукцион в пользу города, а если покупателей на неё не было, собаку убивали. За повестку платили «в пользу рассыльного 10 коп.», а других затрат было: «за содержание собаки (по цене городской управы) 25 коп. в

Бродячая собака на Воскресенской пл. Нач. XX в.

пользу лица, задержавшего собаку, и 75 коп. в пользу городских доходов».

Конечно, с выходом постановления обыватели не бросились покупать ошейники, намордники и выправлять номера в управе. Одни не спешили вводить себя в расход, другие вовсе не собирались выбрасывать деньги зазря. Разумеется, состоятельные и законопослушные владельцы приобрели собачьи аксессуары и не пускали своих питомцев в свободный выгул. Но в основном, по свидетельству современника, «жители города собак своих не держат дома, а пускают бродить по городу не только без намордников, но даже без ошейников».

Кроме собак обывательских, хозяйских, в городе время от времени появлялись бездомные, ничейные собаки-бродяги, заражённые бешенством. Дикие, бешеные существа обитали на окраинах города. Излюбленной местностью их было пространство у городской скотобойни, в конце Марьинской улицы. В загородных местностях, там, где находились действующие свалки, собаки обживались, стаи росли, разделялись на новые, и те уходили, приискивая себе свободные удобные пристанища. Бешенство в стаях переходило из поколения в поколение. Блуждая в поисках корма, собачья вольница объявлялась в городе, где бесчинствовала, приводя горожан в нервное состояние и даже панику. Дикие псы бросались на людей, лошадей, домашний скот, но более всего от болезненных укусов доставалось детям.

Беспокойство и неуют от бешеных четвероногих обыватель-костромич испытывал всегда, ни одного года без укушения людей не обходилось. Когда размеры этого бедствия приобретали нетерпимый вид, вопрос о собаках вновь поднимался в городской думе. Защищая обывателя, гласные принимали даже такие безжалостные и жестокие постановления: «пойманные собаки без намордников немедленно будут убиты за городом». Впоследствии постановлению дали более нравственный вид: «пойманных собак без намордников тотчас не убивать, а содержать в

течение 3-х дней на дворе главного пожарного депо».

К 1898 году в городе создалось такое положение, что «собачий вопрос» в очередной раз разбирался в думе, и теперь гласные обсуждали введение налога на собак, видя в этом спасительное средство к уменьшению числа «бродячих собак и несчастий с людьми». Сбор с собак ввели с 1 февраля 1899 года. Теперь хозяева должны были уплачивать за каждую собаку по 2 рубля в год. От сборов освобождались дворные-цепные собаки, а равно принадлежащие лицам, временно пребывающим в городе (не более месяца), а также «содержимые для целей охоты и для применения в войсковой службе».

После оплаты вместе с квитанцией в городской управе собаководы получали значок, на котором выбивался номер квитанции. Значок прикреплялся к ошейнику собаки на «видном месте».

С введением сборов улучшилось благосостояние ловцов бродячих собак. Они считали свою службу вредной и опасной при малом девятирублевом жаловании, а посему добивали средства с клиентов, пришедших за четвероногими друзьями на «собачий двор». От сборов отряд бродячих собак с ошейниками в городе значительно пополнился: владельцы не желали платить за значок. Прибавили усердия в деле и ловцы. Один из гласных думы сообщал, «что нанятые лица для ловли собак стараются ловить не бродячих собак, а с ошейниками и значками управы и затем продают их посторонним лицам».

В среде обывательской к собаководам было отношение весьма отрицательное. Их числили за людей порочных, распущенных, составляющих низ социального положения в обществе. Сами ловцы считали, что им как людям особого рода дозволено все, поэтому в отношениях с хозяевами собак они подчеркнуто хамили и унижали бранным словом, которым, конечно, владели в совершенстве.

Порой эта взаимная «любовь» от общества горожан выражалась в виде откровенного рукоприкладства к ловцам. Один из гласных думы сообщал: «Ловцы часто встречают со стороны обывателя не только препятствия и угрозы, но даже и побои». В связи с такими обстоятельствами городская дума просила ходатайствовать управу «пред г. губернатором о командировании двух городских, которые, по одному при каждой фуре, сопровождали бы ловцов для оказания содействия в случае препятствий со стороны обывателей».

Препятствий, вероятно, было довольно, поскольку теперь уже озабоченные собственным положением собаководы подали заявление в городскую думу «о том, что на днях, при ловле собак, они встретили сопротивление и угрозы толпы человек в пятьдесят».

Пёс и его хозяин у Сусанинского сквера. Нач. XX в.

Отряд ловцов, не получив понимания у властей, сторицей отыгрывался на горожанах во время расцвета эпидемии бешенства. Тогда полномочия ловцов расширялись, время для ловли увеличивалось до 14 часов в сутки против обычного ночного. Дума обращалась с просьбой к домовладельцам «предоставить ловцам право забирать бродячих собак и во дворах, в случае, если собака забежит во двор». Ловцы понимали эту просьбу по-своему, по-хозяйски входя на обывательские дворы.

В начале века «собачьи» постановления видоизменились – пойманные без намордников собаки выдавались владельцам после подачи заявления в городскую управу. Сделано это было в связи с тем, что в городе был введён ветеринарный надзор, и все пойманные собаки подвергались осмотру на предмет выявления бешенства. В этом отношении много потрудились служащие земской лечебницы для животных, что располагалась на Никитской улице.

Во время эпидемии бешенства ловцы трудились с величайшей охотой, потому как материальное положение их значительно улучшалось. Деньги собаколовы делали сами. По свидетельству очевидца, один из способов был такой: «Наши собаколовы, очевидно, задались целью уничтожить всех собак в городе: производится не только ловля бродячих, но вообще всех собак, не исключая и тех, которые в ошейниках, причем последние тотчас срезаются, вероятно, во избежание недоразумений».

Затем по обыкновению бывало так. Хозяин в поисках собаки непременно приходил на «собачий двор». Здесь его ждали. По действующему постановлению владелец забранной собаки должен был подать заявление в городскую управу и ожидать, пока собака пройдёт ветеринарный контроль. После проверки владелец уплачивал за её содержание 20 копеек в сутки и забирал невинную животину домой. В этом случае старания ловцов оставались без оплаты. Горожане старались избегать хождений по казённым учреждениям и предпочитали оплатить вредный труд ловцов из рук в руки. После этого сам хозяин отводил собаку на обследование в лечебницу для животных.

В разные годы число отлавливаемых собак было различным. Для наглядности приведем несколько цифр. В 1899 году поймано и истреблено 207 собак. В 1905 году было поймано 308 собак, из них 299 убито, 9 – возвращено владельцам. В 1910 году поймали 573 собаки, из которых владельцам выдали 166, а 407 уничтожили.

Едва ли не ежегодно «дело о собаках» становилось предметом думских разбирательств, но очистить город от бродячих собак и защитить от бешенства его обывателей так и не удалось. Фургоны ловцов с арканами и сетками наготове, набитые рвущимися на свободу со-

баками так и раскатывали по городу в поисках очередной жертвы.

Среди обывателей отношение к собакам, своим и случайным, не было одинаково добрым. Время от времени можно было наблюдать избиения животных, их травлю и даже убийства. В 1908 году полицмейстер города вынужден был обратиться к жителям с просьбой: «Ввиду часто повторяющихся случаев избиения животных, оказывать содействие чинам полиции в деле защиты животных от напрасных мучений», а приставам и их помощникам было «предписано в случае заявления со стороны жителей об истязании животных безотлагательно составлять протоколы, постовым-городовым внушено: всех лиц, причиняющих домашним животным напрасные мучения, задерживать и препровождать в полицейские части».

В городе существовало Общество покровительства животным, но, разумеется, члены его не могли уследить за всеми проявлениями людского зла. О всех случаях составления протоколов по случаю истязания животных сообщалось в местных газетах. В 1902 году некто В. Никольский напечатал редкостное скорбное уведомление: «Отравившему мою собаку-сенбернара объявляю, что его зверство достигло цели, мой Нептун после шестидневных мучений, несмотря на принятые меры, издох».

Полное благополучие в беспокойном «собачьем деле» всё же случилось, правда, длилось оно недолго – 19 и 20 мая 1913 года в высокаторжественные дни визита царской семьи по случаю 300-летия царствования Дома Романовых. Два дня обыватели держали своих собак под надёжными запорами, упрятав их от греха подальше в сараи, амбары и бани.

Наказ полицейских был строг! Накануне визита ловцы особо очистили улицы, подобрав всех болтающихся «двор-терьеров». Два дня полиция и дворники беспримерно зорко следили, как бы не занесло на государев путь случайного бездомного пса-сироту. К удовольствию горожан, все обошлось ладно! Государь с семейством отбыл, и вскоре привычное собачье положение восстановилось.

Домашние питомцы. Фотограф М.М. Слюдор. Нач. XX в.

РЕТИРАДЫ

Ретирадное место – отхожее нужное при доме.
В. И. Даль.

Толковый словарь живого великорусского языка.

Ватерклозет – уборная с приспособлением для механической промывки водой.
Словарь русского языка.

Губернская Кострома – краса русской провинции. Город с чудесными равнинными и нагорными ландшафтами, великолепными садами, славными постройками благодетельных градостроителей.

Среди городских красот и замечательностей, при внешнем благополучии, незаметны были неурядицы городского хозяйства. Но когда обыватель или приезжий человек оказывался лицом к ним, то поражался несовершенству ведения городских дел всякого рода. Тогда настроения и горожан, и приезжих, а порядочной публики в особенности, омрачались. Не было в Костроме пада во многом, а общественные ретирадные (отхожее) места были давней застарелой болезненной язвой, позором губернского центра.

В XIX веке места общественного пользования имелись только в тех людных частях города, где обойтись без них не было никакой возможности. В городском саду (бульваре) еще со времён устройства имелась дамская уборная, мужское отделение по высоконравственным соображениям не могло находиться рядом, за стенкой, и потому противоположный пол удовлетворялся специальным местом под Соборной горой, или за непотребные действия привлекался полицейскими к ответу. Поскольку сад действовал только пять месяцев в году, то обычно с конца апреля именно на этот срок для наведения порядка в женских ретирадах нанималась прислуга.

Исполняя чёрную работу за мизерное жалование, служительницы использовали всякую возможность услужить чем-либо посетительницам. Возможность приработать внутри отхожего места была невелика, и прислуга сама изобретала всякие способы. Один из них – это отсутствие настенного зеркала. Оно то появлялось, то исчезало. Дамам приходилось обращаться к прислуге, и та ссужала собственные зеркала под условием получения за такую ссуду себе «на чай». В мужских отделениях вешать зеркало было вообще не принято.

Второе центральное людное место города – плац, бывший между Гостиным двором и Большими Мучными рядами. Два раза в году во время Фёдоровской и Девятой ярмарок он обрастался в шумный многолюдный городок. На

дни торговых съездов здесь устраивали временные отхожие места.

Торговая Сенная площадь была иного свойства. Здесь кроме тех же ярмарок торговля совершалась и в обычные дни, в связи с чем общественное отхожее тесовое место было постоянным – «за Кузнечным рядом».

Разумеется, такого количества мест никак не доставало для публики, и впервые управители города обратили свой взор на общественные нужды в 1871 году. Тогда «обязательным» постановлением думы было предписано: «Торговому сословию, имеющему лавки в гостиных дворах и прочих корпусах, поставляется в непременную обязанность избирать места для устройства в них ретирадных мест истроить их». Торговцы, имеющие дела в «прочих корпусах», постановление оставили без внимания, а гостинодворцы в 1874 году устроили внутри Гостиного двора тёплое каменное ретирадное место с водопроводом. Здание было исполнено «подрядчиком, временным купцом Шишовым».

На пятом году жизни постановления, в 1878 году, город, признавая, что «ретирадные места в видах соблюдения чистоты внутри гостиного двора должны удовлетворять естественным потребностям не одних лиц, торгующих в лавках, а всей публики», принял здание «навсегда» в собственность города.

Торговый люд вздохнул облегчённо: теперь ремонт, отопление, освещение и очистка, всё бремя и хлопоты по содержанию места легли на городское управление. Лавковладельцы должны были только уплатить не более 3 руб. текущего сбора в год с лавки, но и эту сумму платить не спешили, состоя у города в вечных недомысликах.

Гостинодворное место быстро снискало любовь обывателей и наполняемость сборной ёмкости была соответствующей. Два раза в году ассенизационные кареты вывозили нечистоты на свалки. С устройством ретирады в Гостином дворе дело по охранению общественного благочиния, надо полагать, не улучшилось, потому как в 1885 году городская дума издала дополнение к документу 1871 года, где постановила: «Строго преследовать вредный обычай испускать мочу на улицах около заборов и домов» и в качестве примечания предлагала: «Во многолюдных местах города и дворах, где много жильцов, устраивать особые писсуары». Последних устройств обыватель, увы, так и не увидел. С таким ретирадным устройством Кострома благополучно перебралась в новое столетие.

XX век мало что изменил в благоустройстве мест общественного пользования, он был скуп на такие траты, и численно ретирадное хозяйство города выросло более чем скромно.

В 1905 году на толкучем рынке случилось отрадное явление. Рынок, что бывал по вос-

кресным дням у стен Анастасиина монастыря, против Больших Мучных рядов по Лыняной линии, к радости публики, украсился тесовой ретирадой. За местом рынка давно закрепилась дурная слава как о пространстве засорённом, отвратительном, гадком... Посетителями его были по большей части простолюдины, крестьянский и фабричный люд, привычный ко всякого рода лишениям и неудобствам. Спустя некоторое время от установки тесового домика, стало понятно, что отхожий павильон, несмотря на малый размер, обратился в достопримечательность рынка – от него постоянно несло «невыносимым зловонием».

Следующие перемены санитарного общественного свойства коснулись ещё одной многолюдной торговой местности. В 1909 году, исполняя постановление думы 1871 года, лавковладельцы Рыбных, Железных, Шорных, Мясных и Овощных рядов созрели для устройства собственной ретирады. Городская управа определила постройке быть «между каменным зданием, занимаемым чайной и живорыбной торговлей Бильгельдиева, и каменным корпусом мясных лавок с трактиром Бархатова, в одну линию с чайной». Ретирада должна была состояться на средства лавковладельцев, а содержание её управа пожелала отнести «на счёт городских сумм».

Составили проект, смету в 4087 руб. 77 коп. и, казалось бы, можно было приступить к делу, но тут вышло неожиданное обстоятельство. Присланный из управы казённый подписной лист на участие в расходах вернулся обратно чистым. Помощник пристава послал в управу донесение, из которого явствовало, что лавковладельцы в лице старост (были в каждом ряду) «участвовать в расходах по устройству каменного ретирады не согласны». Старосты от всяких объяснений отказались. А объяснение сему могло быть только одно. Умудрённые опытом сметливые старосты-хитрецы, народ тёртый и шельмоватый, заранее просчитали, что к грядущему юбилею по случаю 300-летия

Къ вопросу о канализаціи.

Въ засѣданіи 12 января Городская Дума рассмотрѣла слѣдующій чрезвычайно важный докладъ о необходимости устройства въ Костромѣ канализаціи, въ которомъ говорится.

Вопросъ объ оздоровленіи города Костромы является безусловно самымъ важнымъ вопросомъ, который надлежитъ разрѣшить вышнему составу Думы. Азиатская холера, свившая въ Россіи прочное гнѣздо, сдѣлала вопросъ объ оздоровленіи русскихъ городовъ вопросомъ государственной важности, и всякое промедленіе въ рѣшеніи его нетерпимо, т. к. оно грозитъ прямо національнымъ бѣдствіемъ.

Губернская администрація въ лицѣ Костромской губернской санитарно-исполнительной комиссіи уже неоднократно брала на себя инициативу въ разрѣшеніи этого вопроса и обращалась къ Костромскому городскому самоуправленію съ предложеніями объ издаваніи особыхъ обязательныхъ постановленій, по которымъ бы часть домовладельцевъ была обязана соорудить бетонныя выгребныя ямы, а другая часть болѣе бѣдная на недостаткомъ средствъ ограничилась бы смолеными ящиками и бочками, недопускающими просачиванія нечистотъ въ почву.

Мясной ряд – счастливый обладатель ватерклозета, 1910-е гг.

Дома Романовых Особая по благоустройству города комиссия готовила ряд преобразований, которые непременно должны были коснуться и их торговой местности. А посему следовало выждать и не вводить себя в затраты.

Расчёт вещей старцев оказался верен. Хладнокровно выждав, лавковладельцы радостно взирали на устройство каменной ретирады, возводимой городом за счёт «займа». В марте 1913 года строительная контора А. Н. Барыкина и Г. И. Киселёва закончила строительство ватерклозета в Мясном ряду и одновременно с ним, к удивлению обывателя, второго каменного тёплого ватерклозета на Сенной площади. Многим горожанам ещё памятно то краснокирпичное здание, которое простояло до 1968 года.

Оба санитарных дома с системой «ватер» обошлись городу недёшево, и заслугу в их явлении надо отнести целиком на счёт Особой по благоустройству города комиссии. Она проектировала эти постройки ещё в 1910 году. Тогда же вспомнили о писсуарах, полагая их в количестве десяти расставить «на людных местах». Назначили им места: «под откосом у Рыбных рядов, на Молочной горе, на плацу, в Лыняном ряду, у пристаней». Но, как уже говорилось выше, устройства особых кабин так и не случилось.

К приезду государя в 1913 году обновлённое благодаря высочайшему визиту ретиранно-

ватерклозетное хозяйство города приобрело устойчивый вид. К сказанному выше добавим: в городском саду к дамской уборной подвели водопровод, и заведение превратилось из клозета в ватерклозет. Уединённо устроили мужское отделение. Клозет под Соборной горой, вследствие устройства нового на Мясной площади, сломали. На этом труды в деле общественного благочиния в предреволюционной Костроме закончились.

ЖИЗНЬ И ПРАВЫ «ЗОЛОТОЙ РОТЫ»

К вечеру внешняя городская жизнь мало-помалу стихала. Гасли фонари, город пустел. Ближе к ночи тишь безлюдных улиц нарушали лишь привычные мерные удары стукалок ночных сторожей да редкие экипажные звуки извозчицких пролёток, спешащих доставить врача к больному или подгулявших обывателей к домам. В город, пребывающий в покое и отдохновении, заступали на службу люди ассенизационных занятий.

Согласно действовавшим постановлениям время их труду отводилось от 12 часов ночи до 5 часов утра летом и от 10 часов вечера до 7 часов утра зимой. С началом служебного часа по ночному городу неспешно и негромко, оберегая обывательский покой, разъезжались их непривлекательные унылые экипажи темно-серого, грязного цвета. В повозках покоились весьма

вместительного объёма порожние, с подтёками нечистот осмолённые бочки, на задней стенке которых двухвершковой высоты красное число сообщало номер ассенизационной кареты.

Неспешность хода – профессиональная привычка – спасала возниц от разлива содержимого из переполненных ёмкостей при движении по неровным вымощенным булыжником или вовсе не мощёным улицам, из каковых, по большей части, состоял город. Вдоль санитарной телеги покачивался на длинном древке бадейный черпак – главный аксессуар редкостной специальности.

Управлял номерным экипажем – частным или казённым – ассенизатор, обыкновенно малый угрюмого вида в бесформенной одежде цвета ночи. Повозки тянули, как правило, лошадей дрянной масти. Собственную лошадь имел редкий очиститель, в их упряжках больше трудились арендные экземпляры. Сыскать лицо для несения такой службы – это исстари считалось делом нелёгким, ибо во все времена таковая публика была «на вес золота». Оттого и окрестил народ ассенизационных людей «золотарями», а их общество именовал «золотой ротой».

Золотарь. Нач. XX в.

Охоту к золотарскому делу в Костроме имели крестьяне пригородных деревень и всякие «нижние лица», которым судьба как бы уготовила вечное положение при зловонном деле. Неблагодарная, грязная, вредная служба по очистке отхожих мест, помойных ям, возке нечистот, служба, без которой общество не мыслило существования, втягивала в занятия разного рода неудачников, не могущих по каким-либо обстоятельствам приложить себя к другим делам. Одна из причин, которая надёжно удерживала санитаров в промысле, – относительное постоянство в устойчивом заработке.

Окрестные крестьяне занимались ассенизацией в основном по зимам, когда сокращались работы в деревне, во всякую другую пору только нужда толкала их на ночные приработки. Горожанам-золотарям жилось много хуже: очистное дело было их главным ремеслом. Особость занятий отменила их жизнь печатью неустройства, сделала быт серым, печальным, неупыбчивым. Городские золотари вели замкнутый, уединённый образ жизни, слыли известными нелюдимами. Компании водили только между собой. Редкий из них имел собственное жилище, они обыкновенно снимали углы в скверных домах и плохих квартирах, расположенных в последних городских кварталах.

Питались «господа» кой-как: в дешёвых лавках, где второсортный продукт шел за только что полученный. Трезвое лицо – явление в ассенизационном обществе чрезвычайно редкое. Здоровье из них высасывал труд крайней вредности, мучило пьянство, неустройство в быту, и всё вместе приводило к чахотке. Она доводила дело до известного конца. Заразных больных, вонючих людей обывательское общество не жалело, вспоминало о них по случаям исключительной нужды.

Самая желанная пора в году для золотарей – лето. С приходом его очистители получали облегчение, преображались: каждодневное купание, стирка рабочей одежды изменяли их вид, что давало возможность на сезон свободно, без оглядки чувствовать себя полноправным человеком в обществе чистых горожан. С приходом осени жизнь очистителей возвращалась к прежнему положению.

Зимний сезон для ассенизационных дел всегда был малоходным, тревожным, убогим. Городской обыватель предпочитал очищать выгребы и помойки весной и летом. Зимой чистка велась больше в общественных зданиях, учреждениях, во всех казённых местах. Такие подряды отдавались с торгов заранее. Их брали владельцы сильных ассенизационных обозов, золотарям-одиночкам работы не хватало. И если договорённость на работы загодя понять не удавалось, они шли в наём к хозяевам частных обозов.

В 60-х годах XIX века вывозкой городских нечистот занимались «вольные люди», которые, следуя давнему местному обычаю, вывозили городские отходы «за версту от заставы и вдаль от больших дорог». А горожане зимой прибегали к ещё более бесхитроственному, малозатратному способу: вывозили нечистоты на реки. Надлежащего санитарного надзора в силу малочисленности врачебного персонала не было. Последствия зимних вывозок обыватель ощущал весной, когда «после весеннего спада вод более твердая часть экскрементов не уносится водою, остаётся на берегу рек и, разлагаясь, пропитывает вонючими остатками почву и таким образом производит вредные миазматические испарения».

В 1873 году вышел указ Правительствующего Сената «О недозволении вывозить из города нечистоты на лёд Волги и Костромы». Указ в городе начал исполняться только в 1875 году. Места будущих свалок городское управление определило на загородных пустопорожных землях: первое – при Вологодском тракте, в конце Еленинской улицы, второе – от конца Мясницкой улицы. Поначалу свалочные площадки никаких устройств не имели (впоследствии их снабдили тёплыми сторожками). Завести собственную ассенизационную службу в те годы город не мог: затраты на заведение её требовались весьма значительные. В городе объявились ассенизаторы-одиночки, а первой ведомственной очистительной службой стал обоз исправительного арестантского отделения, располагавшийся на Верхне-Набережной улице. Городские владения приводились в порядок арестантским трудом.

В 1880-х годах открываются частные конторы ассенизации. Но маломощная очистительная служба не могла справиться даже с очисткой общественных мест, и главные регулярные работы по содержанию города в чистоте исполняли арестанты. Если с уличной свозкой назёма (смеси грязи и навоза), мусора, снега дело обстояло более-менее благополучно, то деятельность золоторотцев и ассенизационных предприятий, занятых вывозкой обывательских нечистот, носила вид далекий от желаемого.

В конце 1903 года ненормальное положение по вывозке нечистот разбиралось в собрании гласных думы. Картина представлялась в следующем виде: «нечистоты вывозятся крайне небрежно, часто разливаются в ночное время по улицам и сваливаются на окраины города. С наступлением тёплого времени все эти нечистоты разлагаются и издают сильное зловоние, заражая воздух на значительном расстоянии, что, без сомнения, весьма вредно отражается на здоровье жителей не только окраин, но и всего города».

К началу века загородные вместилища нечистот оказались в состоянии едва ли не полно-

го заполнения. В 1904 году город осваивает в местах «лучших и более удобных» новые участки для свалок площадью по четыре десятины (десятина = 1,09 га) каждая. Одно место облюбовали в 250 сажнях (сажень = 2,13 м) за Черной речкой, другое – между Молвитинским и Вологодским трактами».

Новые свалочные места обустроивались теперь обдуманно: стороны участков, обращенных лицом к городу, засаживались деревьями, прорывались специальные канавы, приём отходов велся по плану. Переместили сюда и старые тёплые сторожки.

О местах прежних свалок управители города не забывали. По прошествии некоторого времени к ним возвращались. Когда комиссия из компетентных лиц находила, что естественные биологические процессы закончены, составлялось заключение о дальнейшем использовании земельных участков. Их осушали, разрабатывали и по готовности объявляли к сдаче в арендное содержание.

Жители улиц, по которым следовали ассенизационные экипажи с «исправными» полными бочками, более других горожан испытывали на себе всю прелесть очистительного промысла, а жительствовавшим в последних кварталах, на выезде из города, доставалось в ещё большей степени. Участки этих дорог стояли без замощения, были не осушены, никакого ухода не знали.

Еленинской улице в этом отношении весьма не везло: со времени устройства в конце её первой городской свалки она на многие десятилетия приобрела статус особой дороги. В 1911 году она выглядела так: «Еленинская улица в конце её так затоплена грязью, что проехать по ней с бочкой очень затруднительно, почти невозможно, почему ассенизаторы и открывают краны. Эта улица на вершок (4,4 см) залита вонючей жидкостью».

В крайне тревожном, угрожающем санитарном положении оказался город во время мировой войны. Число жителей постоянно росло (1915 г. – 71109 человек против 59202 в 1913 г.), город заполнялся беженцами, эвакуированными предприятиями, госпиталями. Ассенизационные потребности резко возросли. В 1914 году рабочий и ассенизационный обоз города состоял из 42 лошадей, нескольких машин – для качки нечистот сил его не хватало. Городской управе пришлось вынужденно отказаться в услугах обывателям, переключив заботу обозов на обслуживание только общественных зданий. Война затронула частные ассенизационные обозы: в них «произошло сокращение лошадей по случаю взятия их в войска, крестьяне и совсем перестали ездить на работу в город».

Ко всему положение осложнялось отсутствием рабочей силы. Массовый уход со службы

рабочих из городского рабочего и ассенизационного обозов был вызван недостаточностью получаемого вознаграждения. Город увеличил численность людей в обозах и повысил жалованье рабочим. Принятые меры, конечно, отчасти оздоровили обстановку, однако довести её до надлежащего вида никак не могли.

Угрюмые мужики-ассенизаторы из общества «золотой богемы», облачённые в длинные клеёнчатые фартуки, в одежды из грубых материй, вооруженные черпаками, скребницами, щётками, при свете тусклых фонарей трудились со знанием дела, освобождая от отходов казённые и обывательские дворы. Тряпичные маски-противогазы закрывали их лица, спасая расстроенное большое дыхание от «нестерпимых испарений». Когда замолкали голоса ночных стукалок, гружёные бочечные экипажи отбывали в последний рейс, на улицы выходил новый сорт очистительных людей – дворники.

*Колокольчик «Золотарь».
Торговый Дом «Русская бронза». XXI в.*

ЧАСОВЫЕ ОБЫВАТЕЛЬСКОГО ПОКОЯ

Наступал вечер, суета на улицах и площадях Костромы стихала. Город отдыхал, готовился к покою. Прохожих становилось всё меньше. Им слабо подсвечивали дорогу обывательские окна, от которых на тротуары шёл свет разноцветных абажуров керосиновых ламп. В домовладениях на окнах первых этажей, где располагались торговые и ремесленные заведения, дворники закрывали ставни. Они же замыкали ворота, спускали с цепей дворовых псов. У помещений промышленных и крупных торговых дел было наоборот: собак приводили к ним и сажали на цепь. Ночные сторожа «от хозяев» заступали на службу.

А в ресторанных местах жизнь была в самом разгаре. Из окон в засыпающий город летела музыка оркестров, граммофонов, доносился шум пьяного веселья подгулявших посетителей. В уличной прохладе эту публику терпеливо ожидали извозчики, полагая иметь барыш «от самых добрых седоков». Лошади в экипажах стояли покорно, изредка оглашая улицу фырканием и ржанием. Тут же у заведений прогуливались «ночные феи», желтобилетницы свободного полёта, в надежде обрести солидного клиента. Кое-где ещё копошились фонарщики: завершали вечерний обход участков, гася на ночь фонари.

В вечерней мгле выезжали на промысел господ «золоторотцы». Их ассенизационные кареты постукивали железками колёс о камень мостовых, металлически гремел на неровностях дороги тяжёлый инструмент.

С девяти вечера в городе наступал час всеобщей ночной сторожи. Часовые обывательского покоя составляли самое многочисленное из ночных караульщиков города общество. В 1903 году в правилах ночной сторожи сделали перемену: продолжительность караулов увеличили на октябрь месяц и изменили часы выхода на караул: с 10 часов вечера вместо девяти.

Кроме надзора за порядком главным назначением ночных сторожей было уберечь город от пожаров – самого страшного бедствия, которого так боялись жители деревянного губернского города.

Все недвижимое имущество, из которого состояла Кострома, принадлежало разным владельцам. Часть зданий находилась в собственности городского самоуправления. Другими постройками владели земство, духовное ведомство. И самая многочисленная часть строений, деревянных в большинстве своем, была в обывательской собственности.

Вся эта разноэтажная недвижимость требовала заботливого охранительного глаза. Город не мог целиком принять на себя расход средств по содержанию исправной ночной охраны. Денег на сей предмет в общественной кассе не имелось. Только на одну сторожу частных строений затрачивалось жителями до 10 тысяч рублей (1880 г.). И затраты эти почти ежегодно вырастали.

Сторожей от города нанимали только для охраны зданий общественного пользования и тех, которые по закону содержались за счёт общества, хоть бы они и находились в наёмных домах. Сверх того, городу приходилось нани-

мать сторожей для охраны земельных и лесных пространств: лесов, садов, бульваров и мест свалок.

В первой половине XIX века ночную сторожу в городе несли нижние воинские и полицейские чины. Им в подспорье привлекались и обыватели. В 1870-х годах ночная охрана частных городских владений специальным постановлением самоуправления была возложена на плечи домовладельцев. Одни обыватели, нанятые сторожами, охраняли покой других.

Организация ночных дозоров представлялась в следующем виде. Городская управа поделила весь город на участки. Протяжённость

участка «по прямому направлению улицы» не должна была превышать 200 сажен (425 м). Домовладельцам дано было право для своего спокойствия нанимать особого караульного. Дело ночной сторожи в участке возглавлял пожарный староста. Его выбирали жители участка из своей среды. Обязанности старосты были довольно пространны. Он отвечал перед жителями за исправность караулов, нанимал и увольнял ночных сторожей, заключал с ними «условия» службы, принимал в залог паспорта. Лица, не имевшие их или состоящие под судом, не могли быть приняты в ночную охрану.

*Здание, в котором находились Дума и Управа. Здесь выдавали для «колотушников» стукалки, свистки и значки.
Нач. XX в.*

От старосты сторожа, зачисленные на службу, получали свистки, стукалки и нагрудные караульные значки. Сам староста имел неограниченные полномочия: беспрепятственный вход в любые дома и дворы своего участка. Староста ведал и сбором денег за сторожу с охраняемых жителей, а сторожа получали жалование в полиции.

С давности в обывательском мозгу накрепко утвердилось неотступное правило ко всякого рода платежам: когда дело доходило до положения «платить», то тотчас у горожан возникали обстоятельства... Жаль было денег из своего кошелька! Поэтому городские власти ввели для них плату за наём ночных сторожей «по соглашению». Но «соглашения» часто не наступало, и тогда староста делал раскладку денег между всеми жителями участка по городской оценке недвижимых имуществ. В этом случае недовольными оказывались домовладельцы с большим числом недвижимости. Они с оплатой «задолживали», и деньги с них приходилось взыскивать с помощью полиции.

К караульной страже от обывателей допускались не все желающие. Брала на службу лиц мужского полу в возрасте не моложе 17 лет и не старше 60. Народ дряхлый, больной, увечный просили не беспокоиться. Лицам женского полу в караульной службе состоять запрещалось.

Ночная обывательская сторожа действовала в городе не круглый год, а лишь с 1 апреля по 1 октября. Эта часть года признавалась местной властью наиболее опасной в смысле разного рода происшествий. Продолжительный тёплый и светлый период времени года собирал в Костроме немало всякой «пёстрой» публики – неблагонамеренных гастролирующих лиц, по большей части из криминальной среды. Сюда съезжались бродяги и беглый народ, воры и бандиты, профессиональные нищие и проститутки, а равно во множестве «искатели приключений» всяких специальностей.

От деятельности этой «вольницы» и страдали горожане. В связи с этим в обязанности ночным сторожам, кроме как высматривать места задымления, было вписано: «Всматриваться во всех в ночное время проходящих, замечать наружный вид и одежду, откуда и куда они идут». Навещали город и неблагонадежные, опасные гости, которые клеили на улицах листки возмутительного содержания, ратующие за подрыв государственного строя. За ними охранителям спокойствия было особо наказано «строго следить, чтобы никаких бумаг на заборы, дома и ворота не наклеивали, а на дома и дворы не бросали бы никаких предметов».

Когда вечерняя тьма сгущалась и заполняла город, караульщики выходили на улицы. Сверху на их одежде был укреплен специальный значок-ярлык из жести с указанием номера

участка их деятельности. В руках сторожа несли своё главное сторожевое орудие – стукалку-колотушку. Она представляла собой примитивное деревянное устройство, походившее на игрушку в виде лапты. К дощечке с ручкой при помощи короткой бечёвки прикреплялся небольшой деревянный шар. Сторож, манипулируя этим прибором, производил стуки с определённой частотой, это означало: «Все спокойно!». Подавались они сторожам соседних участков и засыпающим обывателям.

Ещё из сторожевых атрибутов сторож имел свисток, которым пользовался в случае происшествий, сзывая на помощь сторожей-соседей. Свист мог подаваться только в случае, когда сторож был в полной уверенности в происходящем. Звук свистка служил для сбора жителей и прихода полиции. Свистки, стукалки и значки заготавливались городской управой за счёт города.

Ничего завидного в караульной ночной службе не было. Работа однообразная, скучная, требующая присутствия во всякую непогоду, к тому же небезопасная (сторожей иногда поколачивали пьяные гуляки), да ещё и за неве-

Колотушка сторожа.

ликую плату. К обязанностям своим сторожа относились по-разному: одни по инструкции, добросовестно, другие отбывали время, страдали от безделья и, чтобы скоротать службу до утреннего часа, придумывали, как обратить время с пользой для себя.

Самое хорошее вознаграждение имели сторожа от тайной продажи водки. За услугу жаждущим они брали хорошую цену, которая была несравнимо выше стоимости водки в казённой лавке. Горожане звали таких караульщиков «ходячие шинки».

Имели стражи покоя слабость и к карточной игре. Уличный ночной игорный дом – это было обыкновенное, привычное явление в ночной стороже. Оно имело одну особенность: играя в карты, сторож должен был не забывать время от времени подавать звуки колотушкой-стукалкой. Но порой азарт игры захватывал, и о стукалках забывали, а это могло служить причиной для наказания штрафом.

Из других развлечений ночные дозорные весьма уважали винопитие и сон. Горячительные напитки сторожа употребляли в холодную погоду, в ненастье, а сном развлекались в тепло. Впрочем, после обильных возлияний хорошо спалось и в холоде. Стукалки в это время, понятно, молчали.

В обществе отношение к ночным охранительным стукам было неровное. В пустынном городе деревянная музыка колотушек распространялась далеко за границы соседних участков. На иных жителей спящего города сторожевой звук действовал раздражающе, особенно беспокоил людей, страдавших разного рода недугами.

В 1898 году дело о стукалках удостоилось даже разбирательства гласными городской думы. Поводом к тому послужило заявление одного из гласных, который утверждал, что «стукалки пользы никакой не приносят и скорее наносят вред и дают возможность неблагонамеренным лицам, благодаря стуку, укрываться от надзора сторожей». Часть горожан бранила колотушников, обвиняла их в неумелом обращении с доверенным им инструментом. Большинство же к стуку относилось терпимо, понимая его необходимость, пользу («не все сторожа спали и занимались карточной игрой»). Собрание городских гласных вопрос рассмотрело всесторонне, выслушало всякие суждения и оставило право караульных стуков на существование.

Во время несения караулов сторожа были предоставлены сами себе. Пожарные старосты ревностным надзором за колотушниками себя не отягощали, заботясь, главным образом, о своевременной явке караульных на сторожу. Неявки сторожей случались и не были редкостью. Староста, не обнаружив караульного на участке, наутро уведомлял о том полицию, а судья привлекал нерадивого охранника к от-

Лесной сторож. Нач. XX в.

ветственности, для начала назначая наказание штрафом в 1 рубль. При повторных невыходах сумма увеличивалась.

В 1900 году обязанности надзора за сторожами стали исполнять три конных объездчика. Нововведение отчасти укрепило дисциплину сторожей и контроль за ними – всадники на скорых лошадках попевали везде. Тогда же произошли перемены и в облике сторожей: номер, носимый прежде на одежде, стал украшать форменную шапку.

В последнее число сентября заканчивался сезон охраны обывательского покоя сторожами, теперь эти заботы переходили к домовладельцам. Стукалки умолкали. Горожане, страдавшие от звуков деревяшек, обретали покой, и теперь их раздражителями становились пьяное уличное пение да лай соседских псов.

Для караульщиков этот день был знаменательным. В городской управе их рассчитывали, возвращали паспорта, и они, обладая некой денежной суммой, были готовы отметить праздник Покрова, который приходился на следующий день.

III ЧАСТЬ
ПРОГУЛКИ
ПО КОСТРОМЕ

ИСТОРИЯ «СКОВОРОДКИ» КАК НАРОДНОГО СКВЕРА

Век-старец XIX состоял на исходе, годы его последнего десятилетия катились к концу. Сусанинская площадь – детище уходящего века, красота провинциальная – по-доброму служила костромичам, радуя их взоры строгой красотой линий и лёгкой воздушностью разбегающихся перспектив.

В центре её мощёного ковра в окружении четырех керосиновых фонарей одиноко возвышался памятник царю Михаилу Фёдоровичу и крестьянину Ивану Сусанину. Жизнь на площади шла обыкновенным порядком, и, казалось, ничто не предвещало перемен. Однако в 1898 году произошло событие, которое существенно изменило привычное существование площади.

В тот год, 11 июня, гласные городской думы заслушали доклад санитарной комиссии «о санитарно – гигиеническом состоянии Костромы».

Комиссия предлагала для улучшения городской среды в гигиеническом отношении устроить сквер на Сусанинской площади, полагая при этом и посадки деревьев на плацу, между корпусами торговых рядов. Но поскольку плац был местом ярмарочным, чтобы не стеснять торговли, проект озеленения его оставили без последствий. Относительно другой части площади гласные постановили: «Уничтожить Сусанинскую площадь и вместо её устроить, согласно представленному плану, сквер, с таким расчётом, чтобы памятник Сусанину приходился в начало сквера, а кругом сквера проходили бы достаточной ширины улицы».

Первоначальный план поддержки у гласных не получил – сквер был велик в размерах, и его разбивка требовала значительных затрат. «Проект» пересмотрели. План сквера уменьшенной квадратной площади утвердили к производству.

Осенью под наблюдением члена городской управы П. Ф. Ламехова началась работа по устройству сквера, которая на другой год завершилась вполне. Правильной формы зелёный уголок переменял вид площади. Сквер, обнесённый лёгкой металлической решеткой, как бы отчасти повторял самую площадь: от центральной свободной площадки веером рас-

ходились семь аллей – улиц. Восьмая – широкая и короткая – упиралась в памятник. Внутри сквера, вдоль всей решетки, проходила сквозная аллея, прерывавшаяся у памятника. Сквер обсадили кустами спирей и акаций, взятых «с местности Муравьевка». В начале века к ним прибавились пихты, а в годы последующие – липы и тополя.

Вся площадь сквера была очищена от каменного покрова, новые аллеи дорожки гладко «убили» щебнем. В 1904 году их для лучшего высыхания подняли, а вокруг сквера устроили асфальтовый тротуар, в качестве ограждений и газонов использовали огородки из кольев, а

в центре сквера сделали палисадную изгородь, вдоль которой установили диваны для отдыха.

Городские власти проявляли о месте особую заботу, содержали зелёный оазис в исправности: ночами здесь круглогодично дежурил сторож, а с апреля по декабрь для ухода за посадками нанимался дворник, он же занимался поливкой участка. Водопроводная магистраль была подведена ещё при разбивке сквера согласно плану иметь здесь фонтан. Проект не осуществился, а проложенная магистраль отлучно служила делу благоустройства.

Удобный, чистый, ухоженный сквер сразу полюбился горожанам. Правда, в дневные часы летней поры диваны больше пустовали – сквер от солнца не укрывал, и публика предпочитала прогуливаться в тенистом городском саду за царстве покоя и безветрия. Места в сквере обыватель занимал к вечеру. Сюда сносились все городские события, случаи, сплетни.

Когда благополучные граждане расходились по домам, в сквер стекалось общество городского «дна»: бродяги, зимогоры, нищие, дамы с «жёлтыми билетами» и без таковых. Сквер обращался в гнездо разврата, игорный и распивочный дом. Припозднившиеся мирные обыватели сие небезопасное пристанище бродяг предпочитали обходить стороной. Полиция нарушала ночную «скверную» жизнь, устраивала облавы.

Сусаннинская площадь до разбивки сквера. 1890-е гг.

*Панорама Сусанинской площади со сквером.
Фотограф В. Н. Кларк. Нач. XX в.*

На какое-то время ночной сквер исправлялся, затем всё повторялось сызнова.

По зимам белый сквер с расчищенными дорожками являл собой место полной благопристойности. Принадлежа главной торговой площади города, сквер имел одну весьма замечательную особенность: никогда никакой торговли здесь не устраивалось: обращать общественное место отдыха в деловое считали неудобным и недопустимым.

С годами сквер у памятника «повзрослел», поднялся и сгустился кустарник, вытянулись деревья, из которых особенно выделялись скорорастиющие пихты. С приходом революций, митингов, демонстраций сквер без ухода зарос, одичал. Памятник – гордость костромичей – сломали. Фигуры царя и крестьянина-спасителя продали как металл в переплавку. На прежнем постаменте утвердили деревянно-кумачовый обелиск с портретами «вождей революции». В феврале 1920 года умер революционер-большевик Д. И. Долматов. Его похоронили на сквере. Спустя несколько дней президиум горрискома постановил: «Переименовать для увековечивания памяти т. Долматова Сусанинский сквер в «Долматовский». Место общественного отдыха обратилось в почётный погост.

Празднества в феврале 1913 г.

Обелиск с портретами вождей, воздвигнутый на старом постаменте. Фотограф Д. И. Пряничников. 1920, 1 мая.

СУДЬБА ПАМЯТНИКА

14 марта 1851 года в знаменательную годовщину российской истории на главной площади Костромы состоялось торжественное открытие первого и единственного в России памятника царю Михаилу Федоровичу и крестьянину Ивану Сусанину. Горожане творение скульптора В. И. Демут-Малиновского полюбили, гордились им. Для удобства в обиходе называли его коротко – памятник.

Ноябрьским днём 1887 года в городе случилось небывалое: памятник – гордость костромичей – подвергся порче. К сожалению, сегодня мы не имеем возможности восстановить точ-

ную картину тех печальных событий – не найдены архивные документы. Однако некоторые обстоятельства случая известны.

«Крестьянин Сергей Иванов Арсенов... сломал на памятнике «Сусанин» от фигур шляхтичей голову и руку, за что и предан суду». Пострадал горельеф памятника, укреплённый в лицевой части постамента, изображавший мученическую смерть Ивана Сусанина. Нет в нашем распоряжении документов судебного разбирательства, и потому давайте не будем спешить записывать крестьянина Арсенова в злоумышленники и попробуем проследить за его возможными действиями.

Произвести отделение части от горельефа – дело весьма непростое. Картина имела достаточную прочность. Из экспертизы видно, что «работа рельефных фигур на картине памят-

ника сделана гальваническим путем (красная медь осажена в гипсовые или другого материала формы)...». Руками такую «работу» испортить невозможно. Быть может, Арсенов использовал какой-нибудь увесистый предмет? Возможно, но скорее всего поломка произошла случайно. Просмотренные мной фотографии горельефа во всяких ракурсах наводят на мысль, что крестьянин имел попытку влезть на памятник, а картина послужила ему опорой в этом устремлении. Травмированное место как раз представляло собой удобную на этот случай ступеньку, единственную во всем произведении.

Если это так, то можно только догадываться о тех чувствах, которые подтолкнули крестьянина к особым действиям. Возможно, он пожелал в нетрезвом виде публично продемонстрировать самые благородные чувства к собрату по сословию или преследовал ещё более высокую цель – засвидетельствовать любовь к первому монарху из дома Романовых. Нельзя отвергать и то предположение, что крестьянин совершил некоторые действия из самых худших побуждений. Пока, до обнаружения архивных доку-

ментов, ноябрьский день 1887 года остается загадкой.

Городские власти стали искать мастера, способного исправить металлическую картину. Мастер нашёлся. Местный «физико-механик» Карл Альбертович Царнах, проведший экспертизу, подтвердил возможность исправления и спросил за работу сто пятьдесят рублей серебром. Картину с памятника сняли, и в 1888 году Царнах работу исполнил. На место горельеф установлен, видимо, не был. Какие превращения случились с ним, неизвестно. Но в мае 1889 года Царнах подал заявление в городскую управу, в котором писал: «Согласно картине, снятой с памятника и находящейся у Сарры Васильевны Акатовой, на памятнике недостает двух рук – у шляхтича и Сусанина и щита на руке шляхтича, которые были сделаны ранее не эффектно и в сравнении с другими кажутся очень грубыми...» Далее он просил отдать ему работу. В тот же год деньги за исправление он получил. «Эффектно» или нет он исполнил её – неизвестно, но к 1913 году какие-то исправления на памятнике производились.

Горельеф, изображающий гибель Ивана Сусанина, пострадавший в 1887 году. Фотограф В.Н. Кларк. Нач. XX в.

Полное окончательное «исправление» памятника сделала уже новая власть. Декрет СНК от 12 апреля 1918 года «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг...» революционные пролетарии Костромы исполнили в точности: «царя и слуг» свергли с постамента и отправили в переплавку. В первую годовщину революции на освобожденном постаменте воздвигли обелиск, по сторонам которого утвердили «портреты вождей пролетарской революции».

Властям, перегруженным всякого рода «исправлениями», о состоянии обелиска заботиться было некогда. С основания его смотрели «в светлую жизнь» строки истории, вызывающие возмущение новых обывателей. Один из них в 1923 году писал: «На сквере есть злосчастный памятник: вверху портреты вождей пролетарской революции, а внизу мерзкая надпись о том, как Сусанин спас царя и как за это его «благодарит» потомство. Неужели нельзя бы затянуть постамент досками, если уж не прочна материя, когда-то затягивающая эти позорные для трудящихся строки».

В 1930-х годах постамент с обелиском снесли. Осталась от него только гранитная колонна,

не разбитая в суете строительства социализма. Нынче её собираются установить рядом с памятным местом, и теперь круглый столп станет новым памятником: царю Михаилу Федоровичу и крестьянину Ивану Сусанину да ещё историческому декрету о вандализме 1918 года.

Памятник-трибуна. 1920-е гг.

ГОРОД С ЧАСАМИ БЕЗ ВРЕМЕНИ

Кострома – хранительница традиций! Всяких...

Многие явления, окружающие нас сегодня, родились не вчера, пришли из костромской давности, и мы бережно храним их.

– Скажите, пожалуйста, который час? – Просьба, хорошо знакомая всем. Мы довольно часто сообщаем время случайным прохожим. Да и сами в этом отношении порой пользуемся услугами незнакомцев, забыв дома наручный хронометр. Время меняет обывательский лексикон. Теперь всё чаще слышишь в речи горожан, молодых в особенности, косноязычные словосплетения вроде: «Слушай, вообще, типа там, скока часов?» «Типа там» – это, надо полагать, в Костроме, которая часовым устройством похвастаться никак не может.

Если бы город обзавёлся разумным количеством общественных часов, то это отчасти избавило бы горожан от выслушивания лихих, невежественных обращений молодых граждан, а уличные циферблаты могли бы стать украшением города с пользой для всех жителей.

Давайте вместе попутешествуем по известным часовым местам города.

Самое многолюдное и шумное от транспорта место – это пространство напротив универмага «Кострома», оно имеет два часовых устройства. Световой экран одного возвышается над зданием АО «Электросвязь» (ул. Поддипаева, 1), другого – часы с рекламной картинкой – приземлен на газоне близ филармонии, через улицу. Часы принадлежат разным ведомствам и, стало быть, «справедливо» высвечивают каждые своё время, вероятно, более подходящее их владельцам.

Впрочем, редким днём можно наблюдать и счастливое совпадение: их циферблаты-экраны светят время точно, секунда в секунду. Переместившись к центру, к галерее торговых рядов против городской мэрии, увидим симпатичные, современного вида часы, которые особенно хорошо заметны в вечернее время. Они принадлежат магазину «Сталкер». Поблизости от них, у сквера между Красными рядами и мэрией, не так давно появилась часовая коробка изящного дизайна с рекламным местом. Поначалу часы время выдавали, но тоже как-то по-своему, а нынче они бездействуют. Устали, вероятно.

Есть в городе и по-настоящему усталые часы, точнее – часы-памятник. Их много лет назад установили над магазином «Аметист» (ул. Советская, 7). Смотреть с улицы – часы стоят, а если заглянуть внутрь, то вполне даже служат. По хозяйству! В часовом чреве Нина Ивановна, хо-

*Часы на колокольне Богоявленского собора.
Фотограф Б.И. Дунаев. Нач. 1910-х гг.*

зяйка квартиры, в окно которой «удачно» вписан часовой механизм, устроила прекрасную кладовку-холодильник. Банки и горшки с заготовками всегда под рукой!

– Одно неудобство – посетовала Нина Ивановна, – дует, холод идёт в квартиру, и банки от грязи пачкаются.

– А не мешают Вам часы? – поинтересовался я.

– Да вообще-то, не дело. Надоели. Думаю снять их и вторую раму поставить. Светлее будет в комнате, и кладовке лучше.

– Ремонтировать их не собираются?

– А кто их знает... Приходили какие-то люди, вроде от города, месяцев восемь назад. Будто часы собирались пускать. Поглядели, покрутили стрелками и ушли с Богом. Если вы там кого из начальников увидите, так скажите, что она всё равно их снимет. Лучше бы пришли да сами

убрали, а то ждать не буду, всё равно раму поставлю. Лето скоро...

Когда мы расставались с хозяйкой «часовой кладовой», с улицы послышался колокольный звон. Звонили монахини Богоявленско-Анастасиина монастыря на колокольне церкви Спаса в Рядах. Сегодня для города это единственная живая часовая мелодия, звучащая каждый полдень. Колокольные звуки полудню не соответствуют, но костромичи уже привыкли к ним и знают, что с боем колоколов время «где-то в районе двенадцати». Здесь, как мне кажется, дело не в точности соответствия истинному времени, а в том, что есть в городе полуденный колокольный звон для людей! За него нужно благодарить монахинь и послушниц монастырских.

А когда-то в часовом отношении Кострома была устроена весьма неплохо. С давности о времени наступившего часа горожане узнавали по колокольному часовому бою и из циферблатов церковных хронометров, устроенных на звонницах некоторых храмов. В XVII веке «боевые часы с перечаьем» украшали звонницу Ипатьевского монастыря. Их часовой колокол имел вес почти 1100 кг. Его сильный мелодичный глас люди слышали не только в городском пространстве, но и далеко в уездной округе.

«Боевые русские часы с перечаьем и получаьем» в начале XVII века имелись на звоннице Богоявленского монастыря. В 1835 году навели часовой звон «боевые часы» звонницы Ризположенской церкви Анастасиина Крестовоздвиженского монастыря (местность от Больших Мучных рядов между улицей Островского и проспектом Текстильщиков).

1820-й год стал для костромичей замечательным в часовом устройстве: они порадовались новому часовому бою. Часы заняли лучшее положение в городе: их утвердили на красавице-колокольне Богоявленского собора, расположенной на волжском холме в пространстве бывшего костромского кремля. Этот почетный заказ костромичи доверили тульским мастерам, мещанам Полутиным.

Протоиерей Успенского собора Павел Островский, дядя драматурга, относился к часам с большой симпатией, он написал о них: «Выше 4-го яруса квадратный выгиб образует четырехсторонний парапет византийского стиля, он украшается большим, от колокольных часов, на каждую из четырех сторон, циферблатом, на темном поле которого ярко вызолоченные стрелки по золоченым же римским цифрам, правильно показывают целому городу часы дня, размеряя вообще время на часы и четверти через боковые колокола».

В дореволюционную пору для учащих города устраивали экскурсии на соборную колокольню. Здесь детвора воочию наблюдала работу часового механизма.

Столетний юбилей своего хода костромским курантам отпраздновать не пришлось: рабоче-крестьянская власть в 1918 году остановила их. Горожане новой эпохи удовольствовались только их внешним видом, а окончательно они исчезли из городской панорамы после взрыва в 1934 году «всей соборной канители».

Часовое положение Костромы XIX века весьма точно представляет высказывание добропорядочного гражданина господина А. Сыромятникова, относящееся к 1878 году: «часы редко у кого с другими сходятся, контроля на них в Костроме нет». Господствовали в оповещении горожан текущим часом соборные часы. Но «недремлющий брегет» города стал давать сбои, привирад, и получалось: «В полдень – половина шестого, в 8 часов вечера – полдень». По таким случаям обыватель сочинял всякие остроты, шутил, «будто стрелки на часах церковный сторож переводит... пальцем».

Самое точное или, как тогда говорили, «верное» время показывали часы в витринах часовых магазинов. Часовые мастера подбирали для «эталонных» экземпляров часы лучших конструкций и обязательно привлекательного вида с понятным циферблатом. Для полной защиты от случайностей часы закрывались стеклянным колпаком. У этих витрин горожане сверяли ход своих карманных и, редко, ручных хронометров.

В начале XX века кроме соборных в городе были ещё часы при почтово-телеграфной конторе и железнодорожном вокзале за Волгой. Но они давали обывателям больше неудобств, чем пользы – их циферблаты показывали петербургское время, то есть на 42 минуты больше местного. Поэтому «верному» времени витринных часов педантичный обыватель доверял больше.

Была в Костроме местность, население которой в часах большой надобности не имело. Обитатели фабричной окраины в домах в лучшем случае держали гиревые часы – «ходики» или вовсе не заводили никаких циферблатов. Они жили «по хозяйским» часам: свисткам, гудкам. Их первые утренние голоса будили народ в два приёма, вторые напоминали о начале рабочего дня, вечерний гудок давался к окончанию работы. Каждое промышленное предприятие имело гудок своего тона, который его рабочие отличали от всех других. Среди фабричных звуков особое отличие имел гудок Михинской фабрики («Знамя труда»). Он выделялся из всех силой звучания и тяжёлой густотой тембра, поэтому и говорили: «орёт как михинская труба».

Сменилась эпоха, всё царское, государево отошло в прошлое. Новая власть, остановив соборные часы, лишила горожан «открытого циферблата времени». Фабричный люд жил по привычным гудкам, для всех других обывателей естественным источником для сверки

Карманные часы фирмы Г. Мозер и К^о.

собственных «мозеров», «буре», «омег» и прочих марок оставались «часы-эталон» в витринах магазинов и мастерских.

В 20-х годах XX века в Долматовском сквере на деревянном столбе власти установили для народа часы механической системы. Но не везло «сковородочным» часам, творилось с ними всё время что-то непонятное: то они стояли, то они исчезали, появлялись вновь, некоторое время шли без огрехов, но потом начинали врать и опять исчезали. И надолго. Водворяли часы на место после газетных напоминаний дотошных обывателей, которые бурно негодовали и возмущались в адрес ответственных за часы лиц.

Путешествовали часы на «сковородку» после ремонта методично на протяжении 20–30-х годов. В 1935 году часы заменили на электрические, их «верный» ход оставлял желать лучшего. Во время войны, когда за опоздание на работу можно было получить срок, часов на «сковородке» не было.

В 50-х годах в Костроме наступил «часовой ренессанс». Часы для народа на «сковородке» установили одними из первых. Теперь их укрепили на металлическом фонарном столбе. Сюда же присовокупили и большой термометр. По радость костромичей от созерцания циферблата часто сменялась недоумением. В 1956 году газета поместила коротенькую заметку с картинкой и стихком:

Часы пока идут,
И стрелочки вращаются,
Но так ужасно врут,
Что люди поражаются.

Это справедливое замечание относилось целиком ко всем часам, бывшим в центре города: у почтамта, у сквера на Советской площади, в парке отдыха. В 50-х годах электрическими часами обзавелись все промышленные предприятия. Они украшали проходные и цеха. Гудки – производственные часы – к этому времени были отменены, и за электрическими часами следили специалисты предприятий, вероятно, от этого их циферблаты стали показывать правильное, «верное» время.

Кострома в часовом отношении перебралась в XXI век не очень достойно. Совсем скоро юбилей города, и, надо полагать, положение переменится к лучшему, и часы для народа больше не будут в городе редкостью. Хотелось бы!

Часы на пл. Революции. 1950-е гг.

ИЗ ЖИЗНИ БЕСЕДКИ

Всякому костромичу известно это белокаменное сооружение с колоннами и сферической кровлей, украшающее наш волжский берег – беседка А. Н. Островского. Она уже давно стала символом города, уютно пристроившись в один ряд с прославленными историческими памятниками архитектуры: древним Ипатием, величественной пожарной каланчой, изумительным храмом Воскресения на Дебре...

В течение многих лет виды достопримечательностей Костромы многомиллионными тиражами распечатывались на почтовых конвертах и открытках. И всякий раз среди городских красот – беседка. Как случилось, что новодельная постройка в классическом духе заняла столь почетное, особое положение? Надо полагать, «повинны» в этом и автор-архитектор и, конечно, имя гения-драматурга. Официально ли получило строение имя А. Н. Островского, или советский обыватель его так поименовал – этого, увы, не знаю.

В точности год устройства здесь первой беседки неизвестен. Время её возведения связано с переустройством местности вокруг костромского кремля. В 10-е годы XIX века велись работы по срытию крепостных валов. Трудами и стараниями К. И. Баумгартена, костромского губернатора и радетеля о городском благоустройстве, древнее укрепление, бывшее вдоль Ильинской улицы, частично срезали, и на нём спланировали бульвар, а прилегающий к насы-

пи склон обратили в сад. В конце новоустроенного бульвара поставили беседку. Местность стали называть «Малый бульвар» – городской бульвар (сад) уже существовал. Что собой представляло это строение, подробно видно на до-революционной фотографии.

Во время пребывания в Костроме в 1848 году А. Н. Островский записал в дневнике: «Вид из этой беседки вниз и вверх по Волге такой, какого мы ещё не видели до сих пор». Заметим, что Волга в пору Островского была совсем неширокой: в городском течении – 300–500 метров, а в летнюю меженную воду усыхала так, что пароходы стояли по нескольку дней.

Несмотря на то, что беседка стояла на значительном расстоянии от Волги, отделяясь от нее широкой песчаной полосой, во время весенних разливов вода всё-таки подбиралась к ней. А еще доставалось беседочной насыпи от ледоходов. Для защиты от ледяной стихии у подножия склона устраивали специальную бревенчатую стену. Её, по обыкновению, лед разметал, насыпь же страдала меньше. После весенних водоразливов едва ли не каждогодно приходилось укреплять насыпь, мостить её камнем.

Старая деревянная беседка благополучно дожила до лета 1932 года. Тогда, прокладывая береговую железнодорожную ветку, её сломали, и значительную часть длины бульварного вала срыли. Укороченная малобульварная дорожка стала оканчиваться смотровой площадкой с деревянным ограждением.

К осени 1956 года площадка Малого бульвара украсилась новой каменной беседкой-ротондой. Автором проекта был архитектор костромских реставрационных мастерских Г. Зосимов. По

Крепостной вал и беседка со стороны Верхней Набережной. Фотограф Д.И. Пряничников. Нач. XX в.

Крепостной вал и беседка со стороны Ильинской ул. Фотограф С.И. Желоховцев. 1912 г.

первоначальной идее местных зодчих «должна быть выстроена ажурная деревянная беседка». Главный архитектор области И. Журавлёв подготовил её проект. Однако градостроители, рассмотрев оба предложения, отдали предпочтение проекту Г. Зосимова.

Сейчас, когда на пороге 850-летие города, я надеюсь, реализуется проект переустройства

городского парка с восстановлением соборов и колоколни, исправится запущенная набережная, и наша белокаменная беседка станет органически неотъемлемой частью реконструируемого берегового ландшафта.

Малый бульвар. Нач. XX в.

ТОРГОВЫЕ ПРОСТРАНСТВА КОСТРОМЫ

Любезный читатель! Если бы вам случилось оказаться в начале XX века на смотровой площадке костромской пожарной каланчи, то вашему взору открылась бы чудесная панорама, умело сотканная из обилия зелёных бульваров, садов общественных и частных, милых архитектурных построек – храмов, домов обывательских и казенных...

Отсюда, с каланчовой высоты, как на ладони пред вами бы предстало едва ли не всё торговое пространство губернского города с чередой больших и малых торговых рядов и главной ярмарочной Сусанинской площадью, поражающей простором и воздушностью.

ГОСТИНЫЙ ДВОР

Путешествие в торговый мир Костромы мы начинаем с Гостиного двора – блистательного архитектурного памятника, первого торгового пространства, появившегося в Костроме после

многих грустных событий, предшествующих тому.

Близилась к завершению последняя треть XVIII века. Бедственный пожар 1773 года опустошил всю юго-западную часть города, которая являлась средоточием торгового дела. Не успели костромичи оправиться от потрясений, как новый пожар 1779 года прибавил им хлопот.

Город начал отстраиваться по вновь утвержденному плану 1781 года, и в нём определили место будущему Гостиному двору. Решение о его постройке было принято Костромским наместническим правлением четырьмя годами раньше. Не ослабил ни сил, ни усердия жителей Костромы к восстановлению города пожар 1789 года.

Местное купечество определилось в потребном количестве лавок двора, и в 1791 году работы по возведению их начались. Спустя пять лет 80 торговых помещений образовали гостиное торговое кольцо с церковью Спаса и его надвратной колокольней.

Гостиный двор – детище костромских архитекторов, строителей, торговцев предстал в виде корпуса замкнутого четырехугольника с внешними и внутренними галереями-аркадами, которые с четырех сторон прорезывались арками с металлическими воротами для въезда во

Гостиный двор со стороны соборной площади. Нач. XX в.

внутренний двор. В четырёх угловых радиусах имелись специальные проходы для пешеходов.

Каждый арочный пролёт галереи соответствовал одному торговому помещению (лавка «в один раствор»), имеющему два склада: невысокий с круглым окном во втором этаже, второй – подвальный. У каждой лавки на фасадной части колонн были устроены особые металлические кольца. Всякий горожанин или крестьянин, прибывший сюда по делам или за покупками на собственном тележном экипаже, мог привязать поводья лошади к кольцу, тем самым обезопасив тягловое животное от неожиданных внешних проявлений (от причинения внезапного испугу, например).

На рубеже XVIII – XIX веков в Гостином дворе торговали «разных родов хлебными и прочими съестными припасами..., бархатом, парчой, плюсом, полуплюсом, глазетом, штофом, люстрином, атласом, гарнитуром, тафтою, флёром, позументом золотным, разными шелковыми платками и с золотом, и с бумажным стеганьем, саржей, миткалью, кисеёй, полотнами, ситцем, выбойкой..., камлотом, каламенком, стамедом, рукавицами барановыми, чулками немецкими, русскими варяками, котами, валенцами, сапогами козловыми, опойковыми и яловишными башмаками, воском, ладаном, маслом деревянным, свечами восковыми и сальными, сахаром, кофией, чаем, писчей разных сортов бумагой, сургучом, клеем рыбным, оловянной, медной и хрустальной посудой, виноградными разного звания винами и водками, холстом, крашеной и прочими мелочными товарами, лаптями, рогожами, деревянной посудой и конской упря-

жью, свежей и солёной рыбой, икрой..., пряниками и прочими разными фруктами...»

Изначально лавки лицевых и внутренних галерей двора устраивались по принципу сосредоточения в торговых линиях товаров одного рода. Например, Суровская линия – та, что была обращена в сторону плаца, состояла из лавок, торгующих шёлковыми, бумажными, шерстяными тканями, одним словом – в один ряд была сведена мануфактурная торговля. Товар съестной был сосредоточен в Бакалейной линии, которая располагалась против Пряничных рядов.

К началу XX века торговли смешались, изначально заложенный порядок был нарушен. Это произошло оттого, что с течением времени торговые помещения меняли владельцев, арендаторов, а те обращали помещения под торговлю товарами другого назначения.

Названия линий ряда, которые бытовали в городе в начале XX века были таковы: линия против Присутственных мест (здание современной мэрии), линия против бассейна. Бассейн – водонапорная башня, поставленная в 1870 году на Воскресенской площади (современное положение – вблизи сегодняшнего фонтана). Пряничная линия, то есть против Пряничных рядов, линия против плаца, то есть против площади между Гостиным двором и Большими Мучными рядами.

Внутри Гостиного двора торговля шла в галереях и деревянных лавках, которые заполняли свободное пространство. В начале XIX века часть дворовой галереи перестроили под Рукавичный и Холщовый ряды. Затем последовало

Гостиный двор со стороны Воскресенской пл. Нач. XX в.

устройство четырёх Мелочных рядов, к которым позже прибавились ещё два корпуса.

В 1860-е годы лавковладельцы, желая повысить доходность своих дел путём увеличения складских помещений, просили городское самоуправление о разрешении заложить арки дворовых галерей. Разрешение вышло. Постепенно почти все галереи оказались закрыты.

В 1875 году гостинодворная площадь совершенно переменяла вид, обогатившись шестью корпусами Мелочных рядов, и обрела жизненно необходимое устройство доселе невиданное здесь: тёплое каменное ретирадное место с водопроводом, причём созданное на собственные средства гостинодворцев! Случай, заметим, весьма выдающийся и для местных торговцев более чем не характерный. Столь благородное деяние их можно объяснить только одним обстоятельством: доведение дворового участка до крайней степени невозможного состояния.

Поскольку ни в самих лавках, ни в ближайшей округе ретирадных мест не имелось, то и сами приказчики, и обыватели принуждены были справлять нужду по дворовым закоулкам. В 1874 году дружным участием торгового люда дело поправилось, и теперь они страдали только два раза в году, когда ассенизационные кареты вывозили содержание ям-резервуаров на свалки.

Ещё из общественных благодеяний, служащих всем краснорядцам, надо отметить устройство «всем миром» в 1909 году керосино-калильного фонаря. Содержание его обходилось каждому лавковладельцу по 28 копеек в месяц. Платили, как всегда, неохотно, но староста ряда деньги «выжимал» из всех.

На электрическое освещение гостинодворцы не потратились, хотя с лета 1906 года лавки купца В. Г. Ермолина освещались лампами накаливания, ток для которых шёл от его собственной небольшой керосиновой установки. Ермолинская станция питала светом и несколько крупных лавок-магазинов. Одним из покупателей электричества был В. Г. Клеченов, владелец мануфактурно-галантерейного торгового дома.

Впоследствии каких-либо значительных перемен Гостиный двор изнутри не испытал, капитальных построек не прибавилось. Изменения происходили лишь на свободной местности, что распространялась от алтарной части церкви Спаса. В начале XX века здесь нашёл пристанище воскресный рынок, или «толкучка». Благопечительное городское начальство поспешило определить его сюда, но, опомнившись, в 1906 году перевело на Льянскую площадь. Эта дворовая территория застраивалась беспорядочными рядами, составленными из

Гостиный двор и Табачные ряды. Нач. XX в.

Торговое пространство между Молочной горой и кремлёвским холмом. 1890-е гг.

разнотипных тесовых палаток, полков, парей и вешалок для торговли платьем. Из года в год место видоизменялось. В зависимости от того, кто становился арендатором торговых мест, владельцы преобразовывали их согласно своим запросам: палатки перестраивались в лавки, лари обращались в полки и т. д.

По городским законам лица, желающие иметь торговое дело в этой части Гостиного двора, могли установить в отведённом месте, в зависимости от средств, палатку, ларь, полку. Затратив средства, устроители их владели собственностью только пять лет. Затем она, согласно контрактам, отходила городу. Бывший хозяин их мог быть теперь только арендатором, да и то после того, как выигрывал торги на сдачу мест в аренду.

К содержанию собственных торговых помещений хозяева дел относились серьёзно, а то, что находилось за дверьми магазинов – галерея, ступеньки, наружный фасад – всё это считалось «не моим», и тратиться на поддержание этого в должном виде им, увы, не хотелось. Шли долгие переговоры со старостой ряда, в итоге деньги ремонтникам за работу неохотно, но выплачивались.

На состоянии Гостиного двора в 1911 году посмотрим глазами очевидца: «На галереях грязь, железные ворота развалились и не крашенные со времен постройки, лесенки, ведущие на галерею, кривы, выбиты и неровны. Когда-то развешивавшийся над центральными воротами флаг

давным-давно изорван и брошен. Флагшток спилили, так как он грозил падением».

Ещё один пример отношения краснорядцев к общественной беде – 1905 год: «в нескольких сводах и столбах галереи образовались трещины», и по распоряжению полиции вход закрыли. Лавковладельцы сами положение исправлять не хотели и желали переложить ремонт на плечи городской управы. Управа убедительно доказывала неправоту их прошения, и в результате общими усилиями, со скрипом, дело уладилось. И так всякий раз, из года в год, нескладными усилиями торговцев заделывалась очередная гостинодворская рана.

Последний общепользовательный поступок был совершен краснорядной торговой братией под нажимом городского самоуправления в 1913 году. В тот юбилейный год по случаю визита царской семьи в Кострому на празднование 300-летия царствующего Дома Романовых крыши Гостиного двора впервые за всю историю были выкрашены в один цвет! Если бы государь не приехал, то кровля двора по-прежнему блистала бы разноцветьем красок всех оттенков, которые только мог предложить российский рынок.

В торговом мире Гостиного двора господствовала конкуренция, а потому никакой речи о единении, товариществе среди торговцев не могло быть, хотя внешне подчас складывалось иное впечатление. Например, в июле, в день святого великомученика Пантелеимона, которого они считали своим покровителем, хозяе-

ва и приказчики всех торгово-промышленных заведений города собирались в кафедральном соборе. После службы в храме совершался молебен в центре Гостиного двора. По окончании его многочисленное торговое сообщество распадалось – все расходилось по своим делам. Ежегодно в Гостином дворе совершалось по разным поводам четыре молебна.

В начале XX века никого из горожан не удивляла следующая картина: среди бела дня, невзирая на присутствие людей, приказчики выносили на галерею залежавшийся товар – рулоны ткани, одежду – и усердно выколачивали из него пыль. Тут же можно было оказаться свидетелем «коммерческого уловления» покупателей. Положим, супружеская пара проходит по галерее, и вдруг, под действием скорых прихватистых приказчиных рук муж оказывается в одном отделении, жена – в другом. Бывали случаи, когда приказчики соседних лавок не могли «поделить» клиента: один тянул его за одежду к себе, другой – в свою торговлю. Отступить никто не хотел, кроме «растаскиваемого» лица, и тогда, забыв о последнем, приказчики схватывались в драке. Справедливость восстанавливал полицейский страж, который писал в протоколе: «за насильное зазывание покупателей и драку между собой...». Виновников «награждали» штрафом, а далее судьбу их решал хозяин.

Размеренную, устоявшуюся, отлаженную жизнь Гостиного двора сломал 1918 год. Новая власть торговые помещения национализировала. Часть бывших собственников недвижимости перешла в арендаторы своих помещений, другая исчезла с костромского рынка. Во времена нэпа на несколько лет двор возродился, ожил, но в результате государственных налоговых действий магазины совершенно освободились от имён бывших владельцев.

БОЛЬШИЕ МУЧНЫЕ РЯДЫ

В год зарождения Гостиного двора – 1791-й – начались работы по возведению и второго архитектурного красавца города – комплекса Больших Мучных рядов. Арочные галерейные сооружения росли как братья-близнецы. Правда, Гостиный двор (Красные ряды) несколько обошёл в развитии своего собрата. Случилось это оттого, что по поводу последнего городские власти вели долгую переписку с графом А. Р. Воронцовым – он владел частью земельного участка, который попадал под строительство. В результате почтовых сношений вельможный граф в 1794 году землю уступил. Спустя два года лавочные помещения Мучных рядов обустроились, и новое пространство города обрело торговую жизнь.

С возведением этих двух архитектурных шедевров, разделённых пространной площадью (плацем), Кострома стала обладательницей ро-

скошного и удобного торгового пространства, коему могли бы позавидовать не только поволжские города, а и столицы, пожалуй.

Если по внешнему виду белокаменные торговые корпуса почти не отличались друг от друга, то внутреннее их устройство разнилось весьма существенно. Лавки Мучных рядов по площади были вдвое больше гостинодворских и потолки имели плоские, а не сводчатые.

Внутренний двор рядов обустройством не блистал, а если говорить точнее – обстановку имел скудную. Против задней стены каждой лавки, обращённой во двор, существовал вход в подвальное помещение. При нём имелся погрузочно-разгрузочный рундук. Он представлял собой горизонтальный двустворчатый распашной люк размером более 4 кв. м, несколько возвышавшийся над землёй. Створки рундука имели небольшой уклон для тока воды. Отдельные рундуки были снабжены деревянными наветсами на случай непогоды.

Территория двора размером 94x134 м большей частью была отдана горшечной и щепяной торговлям. Торговые места имели вид деревянных балаганов и навесов, выставленных в линии. Чтобы телеги внутри двора двигались беспрепятственно в обе стороны, линии отделялись друг от друга десятиметровым пространством.

В начале XIX в. в Больших Мучных рядах торговали «всякими хлебными товарами, маслом постным, деревянной разной посудой, рогожами, лаптями, мочальными верёвками и дровными, сеном, горшечною глиняною посудой и пригонным скотом, мясом, свежеею рыбою и прочим съестным товаром».

Торговля перед Большими Мучными рядами. Нач. XX в.

Из питейных заведений в 1870-е годы здесь существовал «Татарский питейный дом», принадлежавший купцу А. Щербакову. После его закрытия несколько лет в этом помещении действовало трактирное заведение.

С годами внутреннее убранство двора менялось. В начале XX века здесь выстроили одноэтажную каменную сторожку и важню. Последнее устройство – это специальные возовые весы, на которых высчитывался вес гружёных товаром телег. После разгрузки телега взвешивалась отдельно, и граница в весовых цифрах составляла собственно товарный вес.

В начале XX века во дворе выстроили на городские средства корпус каменных лавок (не сохранился), и более никаких устроительных малостей здесь не случилось. Прогресс коснулся Мучных рядов только слегка, в виде телефона, да и то «линии» имели исключительно состоятельные оптовые торговцы.

В рекламном отношении мучной ряд роскошью не блистал, напротив, вывески при лавках были просты, без излишеств и по обыкновению малым числом. Мучнорядцы считали, что рекламировать жизненно необходимый товар нет никакой необходимости.

Торговая жизнь в лавках и дворе шла спокойно, деловито-размеренно. Причиной, создавшей такую умиротворённую среду, был, разумеется, здешний товар особенного рода, который и положил печать простоты и незатейливости

на всё. Посетитель рядов тоже был особенный и органично вписывался в этот торговый мир люд крестьянствующий, мастеровой, ремесленный...

В пространствах рядов мелькали купеческие и приказничьи поддёвки, крестьянские тулупы, домотканая одежда простолюдинов. Местная молодежь сюда заглядывала мало, персоны же в щегольских одеждах были и вовсе в редкость. Шик и роскошь этому торговому островку были чужды.

Следует отметить, что вообще здешняя среда не отличалась чистотой как в санитарном отношении, так и в смысле нравов людских. Внутри рядов и вокруг них витал особородный устойчивый запах естественного происхождения. Здешний дух смешивался из запахов конского пота, навоза, фуража, льна, дерева, голубино-го помёта... Кроме того, дворовые закутки распространяли особый дурного свойства аромат, поскольку торговцы и посетители использовали их для отправления естественных надобностей. Винить люд в таких деяниях было несправедливо – никакого сортирного устройства Мучные ряды не имели.

Немало хлопот испытывали мучнодворцы от голубей, которые расплодились здесь безмерным числом, а точнее говоря, это было настоящее бедственное явление, против которого, в силу безнадёжности, лавковладельцы даже не боролись. Кроме того, голуби у обывателей счи-

Большие Мучные ряды со стороны Сусанинской пл. Нач. XX в.

тались «божьими тварями» и общество торговцев относилось к распространителям антисанитарии с чувством симпатии, и при открытии хлебных лавок-лабазов хозяева выбрасывали им горсть или совок зерна.

Вольная пернатая стая облюбовала обильную кормом местность, вероятно, сразу по открытии рядов и прижилась здесь более чем на век.

Каждодневно, кроме неторговых дней, приказчики скребли и очищали против своих лавок полы галерей, лестниц и тротуарных проходов от голубиного помёта. Самые неприятные ощущения испытывал обыватель в момент, когда на его головной убор или непокрытые власа припечатывался птичий «привет». Явление это в здешней местности было родным и привычным.

В начале XX века представителями наиболее сильных торговых дел Больших Мучных рядов были: наследницы торгового дома купца И. Я. Аристова, торгового дома «М. Н. Чумакова сыновья», 1-й гильдии купца П. Н. Стоюнина, Н. А. Толстопятова, братьев Киселёвых, мещанина И. Ф. Стригалёва, мещанской вдовы А. Г. Таруниной.

С именем братьев Киселёвых связано редкое по тому времени явление. Братья хлеботорговцы в компании с предпринимателем М. Трофимовым в сентябре 1912 года

организовали автомобильное сообщение между Костромой и Судиславлем. Линию обслуживал один шестиместный автомобиль с названием «Пионер». Первоначально рейсы авто были не регулярны. О времени отхода «Пионера» от лавки Киселёвых обыватели узнавали из газетных объявлений. Сюда же к Мучным рядам автомобиль и возвращался.

С 1906 года напротив Мучного ряда, против Анастасиина монастыря в воскресные дни развёртывалась «толкучка», переведённая сюда на Льяную площадь из Гостиного двора. Это был свободный торг без платы за места для обывателей любого звания. Торговали здесь всем и вся, проще говоря – это была барахолка. Зачастую места барахольщикам не хватало, и они для раскладки своего товара использовали цокольную часть Мучного ряда. Приказчиков в лавках это, конечно, раздражало, и скандалы по сему предмету были довольно частым явлением. Случалось, дело доходило до драк, мордобоя, и тогда без вмешательства полиции не обходилось.

В 1918 году как и Гостиный двор, Большие Мучные ряды национализировали. Затем нэп немного поддержал торговцев, но ненадолго – непосильные налоги сделали своё дело, и частник ушёл в небытие. Большие Мучные ряды стали полностью государственной торговлей.

Большие Мучные ряды. Конец 1910-х гг.

«ЗЕЛЁНЫЙ» ТОРТ ПОД СОБОРНЫМ КРУТОЯРОМ

Местность, что склоном прилегает к парку культуры под памятником вождю мирового пролетариата известна всякому горожанину – здесь расположено водопроводное ведомство. Серые здания, питающие город водой, с кровлями рубероидно-гудронного цвета «гармонично» вписаны в береговой ландшафт. Всякому видно: они являют собой дурные образчики нашей промышленной архитектуры. Если смотреть от Волги, то панорама здешняя весьма неприветлива. Унылый вид! Сверху, от памятника вождю, картина совершенно страшная и для обозрения невозможная.

В начале века вид этой береговой части был не лишён некоторых погрешностей, однако смотрелся красиво, умиротворяюще. Здесь на протяжённом склоне уютно и ладно покоился торговый мир губернской Костромы.

Летними старокостромскими утрами по табельным (дозволяющим торговлю) дням к месту под соборным крутояром спешил торговый люд. Одни шли рядом с тележными экипажами, другие толкали пред собой колёсные тележки. К берегу причаливали большие гружёные хозяйственные лодки-завозни. Все транспорты поклажу имели одну: товар сельскохозяйственный. Значительно меньшим числом подъезжали конные повозки мясо- и рыботорговцев.

Торговая площадка на склоне напоминала в плане треугольник. Началом её был спуск от Соборной площади, именуемый Яблочной горой, который ниже переходил в Зелёную гору. Заключался склон широкой открытой площадью, упиравшейся в провиантские магазины, что числились за городом и военным ведомством. Место называли «Нижняя базарная площадь». Справа граница склона проходила у Мясных, Рыбных, Зелёных (Фруктовых) лавочных рядов и оканчивалась у изгороди ночлежного дома. Впрочем, и ряды, и площадь на склоне составляли единое торговое пространство, которое рядами продолжалось до Малых Мучных рядов и оканчивалось на торговой Молочной горе.

Устройством склон не блистал. На нём неровными рядами лепились друг к другу вперемежку тесовые палатки, полки, лари самой простейшей архитектуры. В торговые дни к ним «живыми линиями» пристраивались лотошники, торговцы мелочным зелёным товаром.

В здешней продаже имелся весь набор местных садовых и огородных продуктов. Баржами приходил товар иногубернский, больше из южных районов России. Артели зимогоров споро разгружали суда. Часть товара тотчас шла в продажу, другая складировалась в овощных сараях.

Верхняя часть зеленого базара. Нач. XX в.

Зеленной базар никогда не был скудным и даже в обстоятельствах непогодных, неурожайных лет всегда благоухал изобилием привозного продукта. Если выходило благоприятное, «спелое» лето, базарный сезон отмечался наивысшим подъемом в торговле: избытком товара и низкими ценами.

Внутри торгового времени отмеряло свой календарь. Он разделял торговый сезон на «огуречное», «яблочное», «капустное» и другое время. В изобильные лета случалось так, что базар не вмещался в установленные границы – количество лиц, желающих продать свою продукцию, вырастало до неизмеримого числа. Торговые места стихийно открывались на Верхне-Набережной улице, поднимались на верхнюю площадь у собора. Одних только огурцов завозили в день «до 800 возов».

Главными поставщиками овощной продукции были «зарецкие» (из-за реки Костромы) крестьяне. Они с давности славились искусством по части выращивания добротных овощей, да ещё и слыли великими умельцами по овощным заготовкам впрок, по особым ароматным засолам, например. Жители заволжских слобод тоже преуспевали в производстве овощей и вместе с зарецкими составляли торговую компанию, властвующую в базаре, добросовестно конкурируя друг с другом.

Земля «под базаром» принадлежала городу. Центральность места и приволжское положение участка, по мысли городских властей,

должны были давать и хорошую доходность. Сдаточная цена постоянным закрытым (с кровлей) местам была немалая: 40 руб. за квадратную сажень (4,5 кв. м.) на всё летнее время. Такого, «саженного», пространства торговцам хватало, а более, в силу серьёзной цены, они не брали. Кроме контрактной отдачи мест существовал и разовый вид: за открытое место от 1 до 3 руб. за июль и август. Земля базарная всё время «таксировалась» по-разному в зависимости от времени в сезоне и положения в участке. Полки, балаганы, ларьки арендаторы возводили за свой счет, и после окончания контрактного срока строения переходили в собственность города. При сдаче их в аренду назначались торги.

Кроме овощной провизии здесь торговали цветами, ягодами, грибами, маслом да сверх того крестьяне приторговывали «случайными вещами» непродовольственного свойства.

Городские власти о состоянии площади говорили часто, пытались проявлять заботу, однако средств, как и на многое другое, увы, не хватало. Торговый склон не был замощён и опрятностью не отличался. В шумные базарные дни он, однако, дышал свежестью цветов, садово-городных и лесных продуктов. Атмосфера была приятно-вкусная! Однако, в дни, когда склон «не служил», здесь часто господствовал дурной запах, источаемый отбросами от продаваемых продуктов.

Зеленной базар со стороны соборной площади. Фотограф А. А. Макаревский. Нач. XX в.

Как и во всяком торге, публика тут была пёстрая: торговцы, покупатели, выискивавшие качественного продукта подешевле, зимогоры-одиночки, высматривавшие заработка, да еще особый сорт людей, имеющих делом проверку состояния обывательских карманов.

Широкий базарный сезон заканчивался осенью «капустными» днями. Начинались дожди, торговля слабела, а с октября свёртывалась вовсе. По пустому склону ветер гонял гнилые капустные листья, птицы выискивали корм, носились бездомные собаки в поисках поживы.

Выпавший снег выбеливал воздушную местность, а когда его прибывало в достатке, склон для санных и лыжных катаний занимала ребятня. Торговля шла теперь только в Зеленных лавочных рядах, куда и путешествовал обыватель, желающий иметь что-нибудь из особых

солений, брусничных яблок или целительных ягод.

Зелёный склон жил по-базарному долго. Благообразия прибавилось в нём отчасти к приезду государя в 1913 году. Склон, запруженный народом, император соизволил обозреть из павильона, бывшего при месте закладки памятника в честь 300-летия Дома Романовых. К предреволюционным годам здесь выстроили каменный Мясной ряд, местность пригладили, чем дело устройства и завершилось.

При новой власти крутояр, уже не под собором, сохранялся до 1960-х годов. Вскоре водопроводное ведомство начало планомерно осваивать бывшие торговые просторы. И освоило...

Нижняя часть зеленого базара. Нач. XX в.

ГОРОДСКАЯ ДУМА – ДРУГ ТОРГОВЦЕВ

Всё новое – это хорошо забытое старое. Оказывается, и сто лет назад городские власти Костромы чинили всяческие препятствия мелким торговцам, а губернатору приходилось за них заступаться.

Деловых, суматошных, громкоголосых торговых дней в неделе, кроме ярмарочных, было три – понедельник, среда, пятница. Существовал еще особый вид торговли – праздничная и воскресная.

Торговля, как известно, есть организм живой, самоприспосабливающийся, не любящий сторонних советов и указаний. В Костроме торговые отношения регулировались властными постановлениями городского самоуправления. Городская дума – законодательный орган города – главной своей целью считала изыскание всяческих способов для получения как можно большей прибыли от сдачи в аренду городской земли и недвижимости, в том числе и под торговлю. И в этом отношении, надо признать, городские власти сделали немало полезного для пополнения городского кошелька.

Изобретённым думскими гласными постановлениям обрести право на законный вид было непросто. Принятые думой, они рассматривались в Губернском по земским и городским делам присутствии, после чего утверждались губернатором.

Случалось, что и утверждались. И губернатор, и городская дума принимали постановления на основании одного общероссийского документа – «Городового положения 1892 года». Правда, статьи закона они читали каждый по-своему. Постановления, утвержденные губернатором, вступали в силу через две недели «по напечатании их в третий раз в «Костромских губернских ведомостях».

В 1903 году городская дума, побуждаемая исключительно высшими интересами и полезностью дела, приняла постановление «О переводе на Сенную площадь торговли с возов съестными продуктами и другими сельскохозяйственными произведениями». Дело в том, что торговля фруктами, овощами и вообще сельхозпродукцией была сосредоточена под соборной горой (сейчас эту территорию занимают службы водоканала). Верхняя часть горы называлась Фруктовой или Яблочной горой. Низ склона занимала нижняя базарная площадь. Вся гора именовалась Зелёной. В верхней и средней части горы располагались лари, прилавки, палатки, полки, то есть торговые места, которые отдавались желающим в аренду. Нижняя базарная площадь никаких торговых устройств не

Городская дума. Нач. XX в.

имела, была свободна и предназначалась для торговли с возов, телег. А собиралось их здесь столько, что в хороший огуречный сезон количество возов с огурцами доходило в день до восьмисот и они заполняли всё пространство от Молочной горы до подсоборного спуска, обращённого к Волге.

За возовую торговлю с крестьян платы не брали. Остальные торговые места Зелёной горы были платными. Местоположение базара было весьма удобно по отношению к Волге: сюда подходили баржи с низовьев Волги с арбузами, астраханской капустой. Торговля шла прямо с барж. Кроме того, часть обывателей увозила приобретенный товар на подках.

И вдруг этот долгими годами устоявшийся торговый мир гласные городской думы решили изменить, сломать, а точнее говоря, изгнать крестьянские подводы с товаром, с которых не бралась плата, и, следовательно, городская казна не пополнялась. Рассматривая сочинение гласных, губернатор Л. М. Князев пояснил, что «он не нашел возможным утвердить такое обязательное постановление, во-первых, потому, что оставление на прежнем месте всякого рода торговли в лавках съестными продуктами может создать, так сказать, монополию для торговцев-горожан и тем возвысит цены на эти столь необходимые продукты, в особенности при удалении торга этими же продуктами на Сенную площадь крестьянами окрестных селений, во-вторых, еще потому, что местность, где производится торг сеном, так называемая «Сенная площадь», представляет из себя весьма низкое место, которое при всяком дожде и в особенности весной и осенью превращается почти в сплошное болото или, во всяком случае, в общую грязную малопроезжимую лужу, и через то плоходоступную, как для продавца, привозящего свои произведения, так и для горожанина-потребителя...».

Аргументы губернатора были приняты Присутствием. Постановление городской думы признали не подлежащим утверждению, о чём и уведомили городского голову. Зелёная гора с Нижне-базарной площадью по-старому слу-

жила горожанам, и более попыток изгнать возовиков-крестьян не было.

Известные события 1905 года свернули Россию на другие рельсы, и паровоз прогресса покатил... Столицы по обыкновению были впереди, им вослед дышала провинция – лишь бы только не отстать!

В сентябре 1905 года городская дума издала обязательное постановление «О производстве торговли в воскресные и праздничные дни». Испечённый документ «по своей неясности» внёс в торговую жизнь города полную неразбериху, хаос – торговый люд занервничал, потребитель оказался в недоумении. Постановительная бумага была приготовлена настолько «искусно», что даже сами авторы затруднились давать какие-либо объяснения по её применению.

С изданием постановления торговля в воскресные и праздничные дни ограничивалась и могла производиться «с 12 часов утра до первого дня» – пятнадцать торговых минут! И началось: «одни не торгуют, другие торгуют с 9 до часу по-прежнему, а некоторые торгуют весь день». За четверть часа торговцы могли лишь открыть заведение, приготовить товар к продаже, и – снова закрывай! Более всего от этого постановления страдали малосостоятельные торговцы и широкий потребитель, не могущий создать дома запасы жизненных продуктов. К

таким относились крестьяне пригородных деревень, делающие покупки только в дни отдыха, фабричный и рабочий люд. Последние закупали продовольствие в основном в воскресенье и праздничные дни, поскольку вознаграждение за работу выдавали накануне, и в день «дачек» уже ничего купить было нельзя, торговли были закрыты.

Готовя постановление, гласные думы прежде всего радели за приказчиков, наёмных служащих в торговых лавках и заведениях, а всякий другой род торговли оставался для думцев как бы забытым. Когда постановление было уже готово, то оказалось, что в Костроме заведений, которые по своим оборотам совсем не имеют приказчиков, «в два раза больше, чем заведений с приказчиками».

Ко всему, гласные пренебрегли высочайше утвержденным законом 1904 года, где записано: «Добровольное занятие работою в воскресные, праздничные и торжественные дни – церковные и гражданские – предоставляются усмотрению каждого, и никакая власть не должна чинить трудящимся каких-либо в сем препятствий». В случае с постановлением проявился обычный подход городских властей к делу: сначала надо издать постановление, а разбираться будем после. Обычай, как знает читатель, прижился, и теперь живет!..

Торговля у Пряничных рядов со стороны Волги. Нач. XX в.

Разбираться городскому самоуправлению пришлось спустя месяц, когда под единый вопль торговцев думу заваливали прошениями и заявлениями о пересмотре постановления. Бумаги шли и от торговцев-одиночек, и от многочисленных групп предпринимателей. Самый большой и оскорбительный удар получили торговцы, «что в толкучке», числом семьдесят шесть человек. Толкучка – мелочной рынок – находился тогда внутри Гостиного двора. «Мелочники» занимали свободные от строений пространства, где устанавливали свои временные (на время торговли) палатки и вешалки для одежды. Большая часть тамошних предпринимателей торговала «вразвалку» на подстилках. Потребителями их товаров были по большей части всё те же крестьяне, пригородные да городские простолюдины – народ фабричный и мастеровой.

Поскольку за пятнадцать минут от открытия четырёх ворот Гостиного двора до раскладки товара никакой торговли быть не могло, то толкучка вообще предлагала отказаться от участия в этой четверти часа. Так и сделали, переменив место на свой вкус. Теперь при закрытых воротах Гостиного двора толкучка действовала у арки-въезда со стороны Сусанинского плаца, где образовался «громадный подвижный ба-

зар». Полиция составит протокол, базар как бы разъезжается, ушла полиция – базар опять на месте. Доволен продавец – доволен и потребитель!

К ноябрю в торговле города сложилось нетерпимое положение, которое надо было исправлять. Плоды своего труда теперь воочию увидели и разработчики постановления. Один из гласных думы честно заявил: «Лучше сознаться в своей ошибке, исправить её – это нисколько не стыдно, не оставлять столь серьёзный вопрос в том положении, в каком он находится теперь». Другой гласный указал на то, что «дума следовала моде, она только не хотела отстать от других городов, а какие из того выйдут осложнения – об этом она не подумала».

Для решения этого безотлагательного дела было постановлено: создать комиссию с приглашением всех гласных, господ торговцев и приказчиков. Комиссия чего-то рассматривала, но дело до конца не довела. Торговля и без всяких постановлений восстановилась.

Осенью 1906 года благопопечительная власть города вновь «порадовала» торговый люд дурным постановлением. На основании правительственных узаконений городская дума разработала «симпатичный, заботливый» документ «Об обеспечении нормального отдыха в ремеслен-

Воскресная толкучка у стен Анастасиина-Крестовоздвиженского монастыря напротив Мучных рядов. Фотограф Д.И. Пряничников. 1910-е гг.

ных заведениях г. Костромы». Передать в общем смысле этого документа весьма затруднительно, а потому только заметим, что речь в нём шла об установлении 12-часового рабочего и 11-часового торгового дня с двухчасовым перерывом «для приёма пищи». Кроме того, сокращалась торговля в предпраздничные и торговые дни. Думцы опять всё перемешали, внесли неразбериху, нервозность в жизнь торговых и ремесленных заведений. Вновь досталось мелочной торговле – бьют всегда по самым малоимущим!

Доведённый неразберихой до последней стадии терпения торговый люд обратился за защитой к губернатору: «Ваше превосходительство! Осмеливаемся обратиться к Вам с просьбой. Вы, как защитник правды и справедливости, отзовётесь на нашу просьбу. Мы все, мелочники, то есть, владельцы мелочных лавок, люди бедные и обремененные большими семьями. Мы только и кормимся этим, чем торгуем, и главная

наша торговля – это по вечерам и праздничным дням. Эта торговля нас только и выручает. Все мы, мелочники, не имеем приказчиков, да нам и незачем их иметь, да и не на что, а торгуем мы лишь сами. И вот гроши, что мы зарабатываем для существования наших семей, этот последний кусок хлеба у нас отнимают, нам не дают трудиться. Кто хочет трудиться – трудись, а кто хочет пьянствовать и бражничать, то и бражничай! Справедливо ли это, Ваше Превосходительство, просим и земно кланяемся, заступитесь за это дело...»

Не быстро, с созданием всяких комиссий, многих заседаний гласные думы уступили и более приемлемый вариант постановления был создан. Всё это время торговля не ждала добрых думских узаконений, а торговала так, как ей нужно было.

Мелочная торговля на плацу. Нач. XX в.

ГЕННАДИЙ БОТНИКОВ И ЕГО СКВЕР

Геннадий Николаевич Ботников – потомственный почётный гражданин, 1-й гильдии купец, промышленник, бессменный городской голова Костромы с 1898 по 1912 год, общественный деятель, благотворитель. Окончил Костромское реальное училище. Имел высочайше пожалованные награды: шейную золотую медаль «За усердие» и орден Св. Анны 3-й степени.

27 февраля 1897 года городским головой Костромы был избран потомственный почётный гражданин, 1-й гильдии купец И. Я. Аристов. Спустя год, 11 февраля, он подал прошение об увольнении от должности, вероятно, по состоянию здоровья. До окончания выборного срока ему оставалось 2 года и 10 месяцев. В связи с этим губернатор назначил производство новых выборов на вакантную должность городского головы.

Выборы состоялись 1 марта 1898 года. В экстренном заседании думы гласные в закрытой баллотировке избрали кандидатом на эту должность гласного думы 1-й гильдии купца Г. Н. Ботникова. Голоса гласных изобразились в виде 38 избирательных и 8 неизбирательных шаров. Губернатор кандидатуру Ботникова утвердил. 19 мая Геннадий Николаевич впервые заступил в собрании гласных думы в качестве городского головы. Содержание ему было определено в 3000 рублей в год.

Отчего же выбор пал на Ботникова? Аргументов в его пользу было вполне достаточно. Он – костромич, 37-летний первогильдийный купец, человек довольно состоятельный, зем-

левладелец, происходивший из известного и уважаемого купеческого рода Ботниковых. К тому же, состоя в гласных думы, он накопил порядочный опыт работы, знания, был доброжелателен к людям, показал себя как знаток нужд города и горожан, сердечно радеющий за их процветание.

По общественной деятельности своей он был весьма известной в городе личностью. Одним из самых заметных и значительных благодеяний Ботникова было устройство им на собственные средства народного училища. Он выстроил его в 1894 году на своей земле близ усадьбы Рыжково, что находилось в Пушкинской волости Костромского уезда.

Заняв кресло думского главы, Ботников, обременённый новой деятельностью, о собственных благотворных для общества делах не забывал. Историческое и, можно, пожалуй, сказать, эпохальное для города событие, связанное с именем Ботникова, произошло в 1900 году. Тогда, в сентябре, против здания Присутственных мест (мэрия Костромы) артель рабочих, присланная городской управой, огородила рогатками часть мостовой и смело начала ломать каменное замощение. Вынутый булыжник аккуратно вывозили. Обыватель спокойно взирал на происходящее – в городе уже все знали: началось устройство нового сквера-аллеи. Рождение нового зелёного городского уголка было не случайно.

В заседании городской думы 5 октября был заслушан доклад городской управы, в котором прозвучало: «С устройством сквера на Сусаннинской площади стала резко бросаться в глаза пустыньность Воскресенской площади между

Ботниковский сквер у Присутственных мест. На перестеи плане - церковь Воскресения. Нач. XX в.

зданием Присутственных мест и Гостиным двором, и потому было бы очень желательно это пустынное место заполнить аллеею из высоко растущих деревьев». Дума устройство сквера одобрила, а городской голова Ботников пожелал принять затраты «на свой счёт», за что и был награждён благодарностью думцев.

В том же сентябре разбивку сквера, а точнее говоря, левой его части, закончили. Продолжение скверу – правую часть, что ближе к «сковородке», – дали в 1904 году, удлинив его на 47 метров. Официально никакого названия скверу присвоено не было, горожане именовали его «Новый» или «Ботниковский», последнее закрепилось в городском лексиконе.

Если считать от начала, от 1900 года, то в нынешнем сентябре-октябре Ботниковскому скверу исполняется 100 лет! Мне думается, что, прочтя эти строки, и старожитель, и всякий молодой горожанин, придя в сквер, с благо-

дарностью вспомнят Г. Н. Ботникова и давних чиновников городского самоуправления, оставивших нам «удобное тенистое место для отдыха прохожих на скамейках».

В 1911 году 276 десятин (более 300 га) земли, на которых находилось выстроенное им Рыжковское училище, он передал в дар костромскому уездному земству. Филантропический поступок Ботникова стал сенсацией и многих обывателей поверг в изумление. Крепостной акт на пожертвование совершён 13 июня 1911 года. Тотчас в городе начались пересуды, перетолки, разгульно заработала беспредельная обывательская фантазия.

Люди толковали «царский подарок» костромского головы по-разному: одни видели в сём событии добродетельный поступок, другие говорили о собственном спасении Ботникова, о желании его удержаться в привычном кресле городского головы – до новых выборов оста-

вался год. Последнее предположение имело не беспочвенное основание. Недовольство части местного общества могло объясняться и личным чувством зависти к засидевшемуся главе города, который к тому же в продолжение пяти лет состоял членом Государственной думы. Его отъезды на заседания думы в Петербург кое-кого из гласных стали раздражать.

В выборы 26 июля 1910 года, когда Ботников вновь баллотировался на должность городского головы, в одной из поданных записок некто из думцев писал, что готов отдать свой голос за кандидата «при условии, если тот откажется от звания члена Государственной думы». Записка, конечно, никак не повлияла на ход выборов, Ботникова вновь выбрали на четырехлетие городским главой. Кстати, в течение 1910 года Ботников не участвовал только в 6 заседаниях городской думы из 24 состоявшихся.

Поначалу келейно, а затем и открыто в городе стали отзываться о Ботникове неодобрительно. Говорили, что он стал забывать о своих обязанностях, больше отсиживается в столице, переложил дела города на плечи думских собратьев. Ком слухов, обывательских страстей и придуманностей рос. Пад и безмятежность в жизни

Г. Н. Ботников в Париже. Нач. XX в.

городского головы прошли, и он, чувствуя поворот судьбы, подает прошение. 20 ноября 1912 года последовал «высочайший приказ об увольнении его, согласно прошению, от должности костромского городского головы». Ботников остался в гласных думы. От всего происшедшего дух его не упал, он ровно продолжал заседать в думе и благотворительствовать на собственной ниве.

Геннадий Николаевич – душа неуёмная, требующая внимания и общественного звучания. В январе 1913 года он взбудоражил заседание городской думы заявлением, сам при сём не присутствуя: он прилагает 300 рублей к просьбе о перечислении в благотворительный капитал «как этих денег, так и оставшегося недополученным им по должности городского головы жалования в сумме 1846 руб. 48 коп.».

Последняя сумма – это деньги, не полученные Ботниковым в 1910 и 1912 годах за время его отсутствия в Костроме как члена Государственной думы. И в другие годы, занятый в Государственной думе и не исполняя должности городского головы, он «не желал пользоваться этими деньгами».

В заявлении в городскую управу Ботников просил «перечислить их... навсегда в благотворительные суммы с прибавлением при сём 300 рублей и, образовав особый капитал его, Г. Н. Ботникова, имени, обратив означенные деньги в 5%-е облигации внутреннего займа 1905 года первого или второго выпуска или другие какие-либо процентные бумаги, приносящие доход, каковые и выдавать в распоряжение Городского попечительства о бедных в Костроме или другого учреждения, его заменяющего, для раздачи бедным г. Костромы на праздники Св. Пасхи и Рождества Христова, по равной части».

Разразился весьма немалый скандал. Одни гласные приветствовали шаг Ботникова, другие пытались доказать, что недополученное жалование ему уже не принадлежит, а стало быть, образовывать его имени капитал не из чего. Третьи утверждали, что деньги за неисполнение обязанностей городского головы он получал.

Когда стали разбираться, то выяснилось, что «господин Г. Н. Ботников и прежде не пользовался жалованием городского головы за время нахождения его в Петербурге, а передавал его на городские нужды, например, на приобретение керосино-калильных фонарей, на ремонт здания городского училища и на покупку юбилейных изданий-книжек для раздачу ученикам городских училищ». Ботниковское разбирательство закончилось благородным решением гласных: «перечислить указанные в заявлении Г. Н. Ботникова деньги в благотворительный капитал его имени и выразить ему благодарность за это пожертвование».

«Безглавие» Костромы длилось с 20 ноября 1912 года по 6 мая 1913 года. В начале мая состоялись перевыборы гласных думы, следовало избрать кандидата на должность костромского городского головы. По действующему законодательству кандидаты на должность городского головы определялись путем подачи записок гласных.

После четвертого сбора записок оказалось два кандидата – Г. Н. Ботников и В. А. Шевалдышев. Последний и «изъявил желание» баллотироваться. Ботников, как другие до него, от баллотировки отказался: 43 избирательных шара и 21 неизбирательный определили кандидатом на должность костромского городского головы В. А. Шевалдышева.

Владимир Алексеевич Шевалдышев – юрист, выпускник Лицея цесаревича Николая, директор Большой Костромской льняной мануфактуры, гласный городской думы. Через 13 дней он как хозяин города поднесёт хлеб-соль государю-императору. Вероятно, грустное и неуютное чувство испытал Геннадий Николаевич в те минуты (он участвовал в церемонии) – все хлопоты и подготовка к высочайшему визиту лежали на его плечах. Правда, при дележе наград о нём не забыли: ему был пожалован орден Св. Анны 3-й степени.

Если всмотреться в то время, когда Ботников занимал пост городского головы, нам предстанет картина думских дел в постановлениях и решениях, в которых вполне естественным образом переплелись успехи, неудачи, ошибки городского самоуправления. Слово самого го-

родского головы при обсуждении того или иного предмета не имело большого влияния на ход дела, потому как всё решало пёстрое общество собрания гласных. Думский голова мог выражать свое мнение лишь только в личном пожелании законотворцам города. При этом следует признать, что при хронической нехватке городских средств Ботников был весьма неплохим отцом города, заботливым хозяином, умело и бережно расходовал скудные средства. А когда кошелек города окончательно пустел, «затрачивал иногда свои средства на городские нужды» или, как было однажды, «принёс незаметно для других десять тысяч в ссуду городской кассе».

Суммами разной величины Ботников благотворительствовал всегда, а с началом войны 1914 года, когда Кострома заполнилась госпиталями и лазаретами, его филантропические свойства пригодились особо. Он помогал обществу, взявшим на себя заботу о раненых. Собственный дом на Никольской улице (ул. Свердлова, 10) он безвозмездно предоставил под нужды лазарета Человеколюбивого общества.

После революции Геннадий Николаевич исчез из города, как бы растворился во времени, ушёл в небытие... Где и когда закончил он дни свои, увы, неизвестно.

Нынче имя Ботникова знают лишь архивисты да краеведы, а сквер – его дар – 100 лет служит костромичам, официального же названия «Ботниковский» от них он так и не заслужил!

Присутственные места до разбивки сквера. Кон. XIX – нач. XX в.

СТАРЫЙ «СТАРЫЙ ДВОР»

Последняя четверть XVIII века. Кострома – центр наместничества – исправлялась и отстраивалась после опустошительных пожаров 1773 и 1779 годов. В 1784 году в столице утвердили «вновь сочинённый план», по которому предстояло возродиться древнему граду. Мало-помалу Кострома обрастала новыми улицами с каменными казенными и обывательскими строениями.

В 1778 году губернский прокурор Пётр Яковлевич Казаринов «на росчистной земле», бывшей после последнего пожара близ храма Пророка Ильи, также безжалостно расстроенного огнем, выстроил трёхэтажный каменный «наугольный» дом в пересечении улиц Русиной и Ильинской. Чем и закрепил угол будущих уличных перспектив. Существует предположение, что авторами замечательного сочинения были братья Баженовы. Василий Иванович – талантливый русский художник-архитектор – спроектировал дом, а Дмитрий Иванович, служивший в ту пору в Костроме, возвёл его.

Красивым домом Казаринов владел недолго: в 1785 году дом приобрёл здешний помещик Карцов. Верхние этажи он, вероятно, использовал под жилые покои, а первый занимали «три лавки по лицу улицы», имелись и два каменных флигеля, соседствовавшие с церковным двором.

В начале XIX века дом был перестроен, расширен. В 1820-х годах в здании несколько лет действовал частный театр, который содержал А. С. Карцов. Домашнюю сцену он предоставлял профессиональным актерам, костромское общество с удовольствием посещало их представления. Театр перестал действовать в конце 1820-х годов. К 1850-м годам вид здания был таков: «каменный двухэтажный дом с антресолями и с трёх сторон каменные корпуса».

В 1860-х годах в доме открылась гостиница «Старый двор». Главным пользователем меблированных номеров был служилый, чиновничий, путешествующий люд, а из прочих более всего – торговый. Избиравшие дом для постоя были людьми состоятельными, ибо жизнь в номерах была недешева и с оплатой за место на постоянных дворах, конх было довольно в округе, разнилась весьма существенно. День в стародворном номере «с кроватями и бельём» стоил от 50 копеек до 2 рублей с полтиной. Убранство комнат было от скромного до роскошного. Равно для всех постояльцев действовали кухмистерская и буфет. Коридорный по требованию подавал в номер самовар «за пятак».

Гостиница «Старый двор» до перестройки. Фотограф Д.И. Пряничников. Нач.XX в.

По-видимому, дела Карцовых в 1870-х годах пошатнулись, или, быть может, срочно потребовались средства: дом был заложен в Самарском земельном банке. В 1879 году банк через газету «Костромские губернские ведомости» объявил, что «в случае невзноса срочных платежей дом на углу Кинешемской и Ильинской улиц Г. В. Карцова будет подвергнут продаже». Здание владельцам удержать не удалось, и дом с «номерным» хозяйством в 1883 году приобрёл с торгов личный почётный гражданин Фёдор Михайлович Жуков.

Гостиничное хозяйство он сохранил. Правда, при новом владельце сколько-нибудь существенных изменений в «Старом дворе» не произошло. Дом приносил доход от сдачи номеров, торговых помещений, от квартир с постоянно проживающими жильцами как в номерах, так и во вторых этажах флигелей. Последних имелось четыре: два по лицу Кинешемской и два по лицу Ильинской улиц.

На рубеже XIX – XX веков «Старый двор» вместе с каменными приделками образовывал единый угловой торговый ряд, составленный из лавок, магазинов, контор, мастерских и мелких предприятий. С годами арендаторы помещений менялись, вместе с ними менялись и виды торговли, а равно и характер предприятий. В начале века здесь размещались: представительство компании Зингер по торговле швейными машинами, нитками, магазины часов, золотых, серебряных и бриллиантовых изделий И. Азерского и М. Мусина, шляпно-корсетная мастерская Я. Раббот, булочное заведение Т. Зауралова, ренсковый погреб П. Сапожникова, музыкальный магазин Н. Вавилова, типо-литография А. Азерского. Оканчивался торговый ряд слесарным заведением А. Колосова, в подвальном

помещении которого знаменитая колбасная фирма братьев Головановых имела коптильное заведение.

По каким соображениям – нам неизвестно, но в октябре 1903 года Ф. М. Жуков обратился в городскую думу с предложением «принять его «Старый двор»... со всеми принадлежащими и обстановкою в меблированных комнатах в собственность города с тем, чтобы ему по день смерти выдавать ежегодно по десяти тысяч рублей».

Заманчивое предложение долго рассматривалось гласными в заседаниях думы, и наконец в феврале 1904 года они приняли решение: «приняв во внимание, что Ф. М. Жуков имеет 64 года от роду приобрести от него указанный дом».

Приобретение городом архитектурного шедевра никак нельзя было признать выгодным на таких условиях. При детальном осмотре местности и дома оказалось, что кроме двух тысяч квадратных метров центрального городского участка было: «каменных домов, флигелей и пристроек к ним – всего шесть, столько же деревянных холодных строений. Вообще жилые помещения внутри за исключением некоторых представляют довольно запущенный вид, и в том числе помещение, занимаемое самим хозяином».

Когда гласные города ещё более углубились в финансовые подсчёты, то получилось, что затраты по содержанию дома и всех служб после ремонта не оправдаются. Город стал собирать деньги на содержание «замечательной» покупки. Но эксплуатация «Старого двора» в новых руках успехами не блистала. Деньги из городского кошелька на поддержание строения в мало-мальски приемлемом виде шли немалые. С годами дом ветшал, и «многие квартиранты уже из опасности жизни стали выезжать из помещений этого дома».

Любопытно отметить, что в 1911 году на кровле здания над угловой частью был установлен изрядных размеров щит с электрическими лампами. Это была первая в городе световая реклама! Владел ею известный предприниматель М. С. Трофимов, хозяин синемаатографа «Современный». Реклама питалась электроэнергией от его собственной электростанции. Просуществовала она недолго: началась реконструкция «Старого двора».

В 1911 году составила особая комиссия по разработке проекта переустройства «Старого двора». Наконец, после долгих споров и обсуждений был принят проект в стиле «модерн». Осенью того же года началась разборка здания и снос флигелей. В 1912 году разобрали правое крыло дома. Один из флигелей был сломан совершенно. Другой был надстроен предпринимателем С. К. Бархатовым. Позднее он открыл здесь пивное заведение, а к нему через арку-проезд пристроил синемаатограф «Пале-театр».

Исправления, реконструкция дома на местный доходный лад могли закончиться весьма плачевно: костромичи рисковали навсегда потерять замечательный памятник архитектуры. К счастью для города, в это время в Ипатьевском монастыре проводились реставрационные работы по случаю предстоящего 300-летнего юбилея царствующего Дома Романовых. Руководил работами художник-реставратор Д. В. Милеев. Он с помощью Императорской археологической комиссии остановил вандализм местных властей. Уже в значительной степени разрушенное здание стали восстанавливать под его руководством.

Сохранив старые части, его значительно расширили. К 1913 году совершенно обновлённый «Старый двор» был готов к эксплуатации. Вместо старых флигелей по Кинешемской (Русиной) улице к дому прибавился трёхэтажный корпус гостиницы и ресторана.

Самостоятельно вести дела по эксплуатации гостиницы и ресторана город не решился. Были назначены торги на сдачу их в аренду. Торги выиграл предприниматель В. К. Андреев. Он стал распорядителем-арендатором новой гостинично-ресторанной пристройки. Гостиница и ресторан были отнесены к разряду первоклассных заведений – в них было электрическое освещение. Гостиница имела до 50 роскошных отдельных номеров, плата за проживание в которых взималась от одного до пяти рублей в сутки. Погреб ресторана изобилдовал кавказскими, русскими и иностранными винами. Часть гостиничных номеров, как и в былые годы, сдавалась под квартиры.

Нижние этажи здания после перепланировки город эксплуатировал сам, сдавая помещение всем желающим в аренду. Здесь нашли пристанище: представительство оптово-розничного предприятия «Проводник», аптекарский и парфюмерный магазин Л. Д. Шкляринского, аптека Половицкого, вино-колоннальный магазин А. Н. Петрова, парикмахерский магазин, фотография.

С переменой власти «Старый двор» национализировали и первоклассные номера превратили в квартиры для ответственных совпарработников.

ПЛОЩАДЬ В КУЗНЕЦАХ

В стародавнюю пору теперешняя часть городской местности, что имеет быть вокруг площади Мира, именовалась Кузнецкой слободой, по старому городскому лексикону – Кузнецы. Жительствовали здесь мастерские люди: кузнецы, каретники, ремесленники самых разнообразных занятий. Со временем расстроившийся губернский центр обволок обывательскими усадьбами подгородную слободу, сделал её своей частью. Одни кривые слободские улочки, проулки исчезли, другие выпрямились, беспорядочная застройка приобрела правильный вид.

В конце XVIII века город постиг разорительный пожар. Возрождалась Кострома уже по вновь сочинённому плану. По соседству с обширной, пустынной площадью спроектировали улицу Павловскую, одноимённо назвали и площадь. В начале XIX века на ней устроили сеной торг, вместе с которым утвердилось здесь конское торжище. Эти обстоятельства навсегда зачислили вторую по величине площадь Костромы в разряд особого крестьянского базара, который предлагал обывателю товар житейской направленности.

Никакими внешними красотами площадь не блистала, постройками была бедна. В 1870-х го-

дах с устройством городского водопровода она обзавелась водоразборным колодцем-башней, к которому впоследствии прибавилось краснокирпичное здание ретиранных мест. Кой-где по краям площади имелись деревянные полки для торговцев, да поблизости от колодца на высоких подставках располагались водопойные лотки для лошадей.

В обыкновенные, не дозволенные к торговле дни площадь пустовала. Людская суета наблюдалась только у водоразборного колодца. Служитель водопровода мерно отпускал воду в тележные бочки водовозов и в ёмкости обывателям, жительствовавшим в округе. У лотков приезжие крестьяне поили лошадей.

Дважды в году площадь преображалась: три мартовских дня (13–15 марта) с особой страстью здесь шумела ярмарка Фёдоровская, три летние недели, много тише весенней, сдержаннее вела себя широкая Девятая ярмарка. Для Павловской площади деловые, суматошные, радостные мартовские дни – торг, приуроченный к празднеству в честь Фёдоровской иконы Божией Матери, чтимой городской святыни, – главный годовой торговый праздник.

При обозрении мартовского действия с какой-нибудь ближней церковной колокольни представлялась весьма живописная, запоминающаяся базарная картина: площадь, запруженная народом, разнопородными лошадами, случалось, числом до тысячи, сотнями возов с сеном и

Конная ярмарка на Сенной пл. «в Кузнецях». Фотограф Н.А. Карякин. 1907 г.

прочим кормом, телегами, санями, пролётками, самого необыкновенного вида экипажами в любую цену.

При внимательном рассмотрении в сплошной площадной массе были заметны крохотные свободные островки, центром которых были разномастные кобылы и жеребцы. Зрительское кольцо вокруг них состояло из истинных любителей и знатоков, способных оценить достоинства того или иного конного экземпляра или отыскать незаметный скрытый изъян в рекламируемом товаре. Уже при подходе к ярмарочной площади слышалось ржанье и топот коней, звонкие удары молотов в кузницах напротив, у Медного пруда. Голосили на крохотных звонницах поддужные колокольцы – клиенты подбирали желаемый тон.

Эти и другие звуки составляли сплошной гул, в котором различались и лихое пьяное пенье под гармонь, и радостные возгласы удачливых покупателей, и слёзные – обманутых, соблазненных дешёвой ценой за весьма «порядочную» лошадку, только что бывшую в полной исправности в руках ловкого продавца, мгновенно исчезнувшего.

В развлекательном отношении площадь мало что имела. Весьма редко разворачивался цирковой балаган, да, случалось, ставили наскоро сколоченный из бросовых тесовых досок синемаграфический павильон. Особый колорит придавали площади праздничные драки. Они

были здесь явлением обыкновенным, привычным. Главные же ярмарочные развлечения устраивались в центре, на Сусанинском плацу, где одновременно проходила торговля «красным товаром».

После себя ярмарка оставляла унылую, серую, грязную картину: не мощёная площадь была завалена навозом, убирать её не спешили. Весеннее солнце растапливало снежно-навозную массу, по округе распространялся соответствующий дух. Мало-помалу грязь вывозили на свалки, и к летнему торгу площадь состояла в порядке.

Девятая ярмарка начиналась на девятой неделе после Пасхи. На Сенной вновь разворачивалась праздничная торговля, правда, размах её, сила не шли в сравнение с мартовскими днями: площадь была малолюдна, торговля шла вяло, конного товара бывало совсем немного. Основное торжище захватывала главная городская площадь – Сусанинская.

После перемены власти с 1918 года площадь приняла официальное название – Сенная, дожив с ним до 1967 года. Теперь некогда деловая площадь стала праздной, отдыхает от ярмарочной суматохи, ржанья коней, кузнечных стуков, всей прежней жизни. Всё в Кузнецках ушло в прошлое.

Цыгане на конной ярмарке. Фотограф Н.А. Карякин. 1907 г.

ДОМ НА МУРАВЬЁВКЕ

Люди всех возрастов стремятся сюда для прогулок, отдыха, деловых встреч, свиданий... Они находят здесь покой от шумных, суетных городских магистралей и вместе с тем получают возможность подышать особым волжским воздухом: чистым, прозрачным, свежим.

Соседствует с Муравьевкой, а точнее, составляет с ней единое целое улица Дзержинского. Еще недавно проезд по ней для всякого автотранспорта оканчивался у здания детской поликлиники. После неё движение надежно защищал утвержденный посреди улицы страж – дорожный знак, именуемый у водителей «кирпичом».

Впрочем, «кирпич» разрешал проезд некоторым автомобилям, но только особым, с нолями в номерных знаках.

Нынче по чистому, гладкому, без выбоин полотну улицы может проехать всякий... Подъезд к главному в области зданию, где расположены исполком областного Совета народных депутатов и областной комитет Компартии РСФСР, свободен!

В начале века всякий костромич (любого звания и сословия), пожелавший осмотреть волжские просторы с четырёхэтажной высоты этого здания, такую возможность имел: дом принадлежал епархиальному женскому училищу. Оно занималось подготовкой учительниц для преподавания в школах губернии. Название «епархиальное» сегодняшнего читателя приводит к мысли о подготовке в стенах заведения лиц со специальным духовным образованием. Нет. Воспитанницы училища получали обычный светский аттестат, а название определяло ведомственную принадлежность.

К концу XIX века в губернии повсеместно устраивались или предполагались к открытию церковно-приходские школы, министерские и земские начальные народные училища, библиотеки. Сеть их год от года росла. Нехватка педагогических сил ощущалась весьма заметно. Готовить свои губернские кадры педагогов в требуемом по тому времени количестве было негде. Костромская женская гимназия была переполнена, а желающих попасть в число её воспитанниц год от года становилось всё больше.

Многочисленное и влиятельное костромское духовенство, всегда принимавшее живое участие в деле народного образования, учитывая сложившееся положение, решило заняться под-

Панорама Всехсвятской улицы. На переднем плане - мужская классическая гимназия, за ней - здание епархиального училища, в конце улицы - церковь св. Бориса и Глеба. Фотограф Д. И. Пряничников. 1910-е гг.

Ученицы и преподаватели епархиального женского училища. Нач. XX в.

готовкой своих просветительских кадров. Решение об открытии в Костроме женского епархиального училища было принято в 1898 году, разместили его на Ивановской улице, а уже в 1899 году епархиальный съезд духовенства принял постановление о постройке каменного здания на шестьсот учениц с общежитием на четыреста – пятьсот мест.

В мае 1905 года состоялась торжественная закладка каменного здания на Всехсвятской улице. Бывший дом Сергеева (общежитие) снесли и, вырубив часть усадебного сада, приступили к постройке. К концу 1905 года училищный корпус с четырнадцатью классными комнатами, прекрасными церковью и залом, квартирами для начальницы и воспитательниц и пансионом на 250 – 300 человек был в основном выстроен. Началась отделка помещений. В следующем году строительные работы завершились.

В октябре 1906 года училище переместилось в новый корпус. В ноябре того же года освятили домовую училищную церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы, бывшую ранее в корпусе на Ивановской.

Новый училищный корпус, устроенный стараниями и заботами епархии, представлял собой великолепный образец современного учебного заведения, оснащенного новейшим оборудованием, необходимым для успешного ведения учебного процесса. Примечательно также, что это было одно из первых в городе зданий с пароводяной системой отопления.

В 1906 году училище имело полное шестиклассное устройство (512 чел.), затем по указу Священного Синода здесь открыли седьмой педагогический класс, курс обучения которого был рассчитан на два года. В педагогическом классе имелось два отделения: историко-литературное и физико-математическое. Воспитанницы этих классов свою педагогическую деятельность начинали в женской образцовой школе, которую устроили при училище в 1906 году.

По-хозяйски использовалась принадлежавшая училищу обширная территория. Часть старого сада, запущенного прежним владельцем, стараниями воспитанниц преобразилась, приняла надлежащий вид. Сад украсился новыми посадками плодовых деревьев и кустарников,

Муравьёвка. Нач. XX в.

двор освежили цветники. По соседству с садом воспитанницы заложили огород, целиком приняв на себя заботы по его содержанию. Во дворе устроили также спортивную и игровую площадки, одна из которых в зимнее время превращалась в каток, а на другой сооружали ледяную гору.

Об эстетической стороне воспитания будущих учителей заботилась особая комиссия, составленная из преподавателей училища. Она заведовала литературно-музыкальными вечерами, устраивала чтения с «волшебным фонарем», проводила экскурсии, прогулки.

Из необязательных предметов по желанию за отдельную вполне умеренную плату воспитанницы могли брать уроки музыки, а также живописи и рисования, причем последние позже ввели в обязательный курс.

О здоровье воспитанниц заботились серьёзно. Их наблюдали врачи городских больниц, устраивавшие систематические осмотры. При училище имелась и собственная больница с терапевтическим и инфекционным отделениями. В случае вспышки какого-либо заболевания осмотру подвергались все воспитанницы.

Ныне в Костроме еще здравствуют выпускницы последних училищных лет. С некоторыми я знаком. Несмотря на преклонный возраст они ещё с завидной лёгкостью, живо, непринуждённо могут исполнить «на фортепьянах вещь» и вполне уместно вставить в разговор очаровательный каламбур на французском или другом языке, перевод которого представят вам тотчас. Училищное время для них – свет, откуда бывшие «епархиалки» продолжают черпать энергию для сегодняшнего непростого существования.

В 1918 году училище было закрыто, здание передали новому советскому учебному заведению – рабфаку. После него домом владел окрисполком. В 1932 году корпус определили под только что образованный текстильный ин-

ститут. В годы Великой Отечественной войны некоторое время в здании размещался госпиталь.

Нынешние владельцы известны.

Из хозяйственных построек, в прошлом принадлежавших училищу, перешла в общественное пользование баня. Она – первое каменное строение, сооружённое для нужд училища (1905 г.). Баня и сегодня исправна, по-доброму служит костромичам.

Сегодняшний «дзержинско-муравьёвский» вид ничего общего с прежней предреволюционной картиной не имеет. Сам краснокаменный дом не переменял облик, лишь только и разнится со старым тем, что теперь он несёт на своей кровле красный союзный флаг. Правда, дом врос в асфальт: улица с тротуарами в отдельных местах поднята больше, чем на метр.

Растительность самой Муравьёвки истреблена совершенно: террасы её людским участием очистились от старых посадок, опустели. Взамен густо посаженных кустарников они «обогатились» прогулочными асфальтовыми площадками и дорожками. В верхней аллее высокие акации, представлявшие собой живое естественное ограждение от проезжей части, уничтожены. Их заменили низким кустарником.

Впрочем, кусочек живой Муравьёвки ещё можно видеть за изгородью областного онкологического диспансера.

Изменённая «заботливыми» руками Муравьёвка лишилась и двух замечательных храмов – Всехсвятского и Борисоглебского, которые составляли вместе с ней единый живописный ансамбль, радовавший взор. Их призывный благовест больше не беспокоит горожан новой эпохи, не отвлекает руководителей главного областного дома от решения глобальных проблем. И всё же, несмотря на многие утраты городского устройства, этот единственный в своём роде уголок остаётся одним из любимых мест отдыха костромичей.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ КОСТРОМЫ (1903–1913)

К грядущему юбилею царствующего Дома Романовых, выпавшему на 1913 год, костромичи готовились задолго. Уже в 90-х годах века XIX-го «юбилейные» мысли, разговоры, предложения, обращенные в будущее, звучали из уст благородных, разумных, образованных людей, составивших в 1885 году корпорацию краеведов-энтузиастов – Костромскую губернскую учёную архивную комиссию.

Уходящий век для участников комиссии заключился вполне успешно: их научные поездки, изыскания, исследования привели к появлению добротных исторических трудов, повествующих о начале царствования Романовской династии. Работа эта в последующие годы продолжилась, привлекая к делу всё новых и новых сотрудников.

Городские власти впервые «заглянули» в будущее в 1903 году. В январском собрании гласных думы городской голова Г. Н. Ботников напомнил собравшимся, «что в настоящем десятилетии наступает трёхсотлетие избрания Первого Государя из Дома Романовых». Господа гласные с восторгом приняли доклад и предложение председательствующего: «достойным образом почтить трёхсотлетие столь важного события». Избрали Особую комиссию, возложив на неё исполнение поставленной задачи. Обдумывая, каким способом достойным образом увековечить память о великом историческом событии, члены Особой комиссии обратились за советом к маститому историку И. Е. Забелину и известнейшему художнику В. М. Васнецову.

По их авторитетному мнению, «наиболее соответствующим важности и историческому значению события 1613 года было бы сооружение величественного памятника... на берегу Волги, недалеко от собора, на месте бывшего крем-

ля, в стенах которого находился осадный двор бояр Романовых».

В майском заседании городской думы Особая комиссия ознакомила гласных с мнением уважаемых людей России, и они большинством голосов приняли предложение об устройстве «величественного памятника». Тогда же был возбуждён вопрос о ходатайстве перед государем императором о разрешении всероссийской подписки для сбора средств на устройство па-

Царская беседка. 1913 г.

Романовский музей на Павловской ул. 1913, 19 мая.

мятника. От майского «исторического» заседания городских гласных в 1903 году Кострома вступила в предъюбилейное десятилетие. Но, как водится, по русскому обычаю, с делами, пусть бы даже и царскими, особенно не спешили.

Внешне жизнь Костромы в ту пору была ничем не примечательна: шла по-старому, неторопливо и даже, пожалуй, вяло. Перемены в городе, конечно, происходили, правда, они ещё никак не были связаны с будущей эпохальной датой, а просто являли собой осуществление замыслов девятнадцатого века. Представить полную картину городского переустройства – задача вряд ли кому посильная, а посему ниже представлены лишь короткие фрагменты дел и событий, выстроивших юбилейных город.

От 1903 года на общественных домах, частных усадьбах и квартирах постепенно стали на столичный манер появляться номерные таблички. Сотрудники почтово-телеграфного ведомства облегченно вздохнули: казалось, постоянная неразбериха, путаница при вручении адресатам корреспонденции закончилась. Правда, дело по утверждению дощечек для домов и квартир растянулось на несколько лет: горожане никак не желали платить собственные деньги за приобретение в городской управе «железных номеров».

Кампания, начатая в 1902 году, по замене «ветхих и гнилых досок для расклейки афиш»

продолжилась в следующем году. Город украсился афишными столбами в виде «круглых колонн, окрашенных в жёлтый цвет».

По Нижне-Дебринской улице состоялось освящение и открытие собственного здания Общины сестёр милосердия. Аллею против здания Присутственных мест, начатую устройством в 1900 году на средства городского головы Г. Н. Ботникова, в 1904 году доустроили на его же пожертвование. Сквер получил законченный вид.

Еврейская община, пожелавшая иметь собственный молельный дом, выстроила в Козьмодемьянском переулке, вблизи Павловской площади, синагогу.

Но вскоре период благоденствия закончился. Время 1904–1907 годов в размеренную, отлаженную городскую жизнь внесло беспокойство, тревогу, неуверенность. С театра военных действий шли неутешительные вести. Оттуда, из далекой Маньчжурии, прибывали эшелоны с ранеными воинами. В городе открылись госпитали. Их, за нехваткой помещений, устраивали даже в учебных заведениях. К частым похоронным процессиям, увечным военным, форменно-платью сестёр милосердия горожане вскоре привыкли.

И в без того напряжённую, нервную, вздоржавшую жизнь большевики внесли разлад, смуту и непонятное пугающее слово – революция. В городе в особенности по вечерам стало

Сквер у здания Дворянского собрания на Павловской ул. Нач. XX в.

небезопасно. Для наведения порядка прибыли казаки. Жители предпочитали отсиживаться по домам.

Усталый, грустный город военной, крамольной поры перестал жить привычной жизнью – он почти не развивался. Из достойных, по-настоящему светлых явлений этого времени можно назвать два – три первостепенной важности. В 1904 году в фабричном районе в конце Власьевской улицы Попечительство о народной трезвости выстроило здание из красного кирпича – Народный дом. Рабочие фабричной окраины получили прекрасное место культурного отдыха. Впрочем, на другой год дом отчасти изменил своему назначению: революционеры устроили здесь свою резиденцию.

В 1905 году на Еленинской улице, в здании, которое занимало прежде офицерское собрание, открылась частная мужская гимназия. Муравьевка украсилась новым значительных размеров краснокирпичным учебным корпусом женского епархиального училища.

Постепенно жизнь входила в нормальное русло. В 1907 году в центральной городской части, у Ботниковского сквера, начали действовать книжно-газетные киоски. Позднее книжные домики открылись при некоторых приходских храмах. Стал оживать городской газетный мир: небогатая изданиями Кострома обзавелась га-

зетами новых названий, самого разного толка. Кое-какие из существующих газет, имея в недалёком прошлом устойчивые тиражи, будучи вовлечены в политическую круговерть, окончили жизнь плачевно – закрылись. Таковая участь выпала на долю почти всех новоявленных изданий. Лишь к одной газете, вышедшей в 1906 году – «Поволжскому вестнику» – судьба отнеслась благосклоннее: счастливица, завоевала любовь костромских граждан, с успехом здравствуя до самой смены эпох.

Многие горожане, в особенности из малоимущих слоев, не имея возможности выписывать и покупать газеты, пользовались услугами библиотек-читален. В 1907 году Общество лиц, занятых частным трудом открыло общедоступную библиотеку-читальню на Русиной улице в доме ремесленного общества. Новое просветительное учреждение поддерживалось городом и вскоре сделалось любимым книжным домом горожан.

Из последующих событий культурной жизни к самым выдающимся, бесспорно, относится состоявшийся в Костроме в 1909 году IV Областной историко-археологический съезд. Его делегаты – ученые историки, археологи, краеведы, просто любители истории, прибывшие сюда из столиц и провинций России, выступали с докладами, слушали и обсуждали научные со-

Электростанция на Верхней Набережной ул. Фотограф Д.И. Пряничников. 1910-е гг.

общения, дискутировали. Они приняли участие в закладке на Павловской улице здания Романовского музея.

Разумеется, далеко не все дела, события, явления, случившиеся в городе в предъюбилейное десятилетие, были связаны с будущим российским торжеством, однако, весьма многие из них несли на себе юбилейную печать, а некоторые своим рождением были целиком обязаны ожидаемой исторической дате. Начиная, пожалуй, с 1909 года мало-помалу в людских речах слово «трёхсотлетие» начало звучать всё отчётливее, а вскоре не только прочно вошло во все сферы жизни государственной и общественной, но захватило и жизнь частную, взволновав головы значительной части губернского населения.

По мере приближения торжественных дней на крестьянских сходах, на съездах дворян, духовенства, деятелей земства, в собраниях городских и уездных гласных – повсюду говорили теперь горячо, спешно о близости 1913 года, серьёзно думали о способах участия, выстраивали планы, изыскивали средства для их воплощения, имея в душах доброе желание: послужить великому российскому торжеству. Кострома обустроивалась, изменялась.

В 1910 году костромичи отметили весьма значимое событие. На углу улиц Марьинской и Загородной открылось пожарное депо До-

бровольного пожарного общества. Теперь эта городская часть, бывшая на значительном расстоянии от центра, застроенная преимущественно деревянными обывательскими домами, находилась под надзором собственных пожарных. В этом же году «питейный дом», что в центре Масляных рядов, навсегда утратил своё первоначальное назначение: здание перешло к губернскому земству. Оно разместило здесь склады: книжный – «Костромич», сельскохозяйственный и кустарный. Во втором этаже разместились музеи – естественно-исторический и кустарных изделий. Вскоре при доме спланировали сквер с посадками и обнесли его невысокой металлической оградой.

Городское начальство всегда внимательно, участливо относилось ко всяким попыткам и предложениям со стороны любых лиц в части древонасаждений. Да и само оно, насколько удавалось, продвигало дело, признавая за озеленением города исключительную пользу как в санитарном, так и в эстетическом отношении. В связи с предстоящими торжествами Особая комиссия для выработки мероприятий по устройству города уделяла городскому зелёному хозяйству повышенное внимание.

В 1911 году в фабричном районе, против Крестовоздвиженского кладбища, члены «Общества лиц, занятых частным трудом» посадили

Больница Красного Креста на Дебринской ул. Фотограф Д.И. Пряничников. 1910-е гг.

деревья и устроили сквер с детской игровой площадкой. Пустынное место рядом с церковью Воскресения на площадке в 1912 году усилиями городской управы также обратилось в сквер. Липовая аллея на Павловской улице, существовавшая с 1900 года, оканчивавшаяся у здания городского театра, была продолжена до конца квартала. В этом же году прежде запущенный тенистый, богатый вековыми деревьями сад при первой мужской гимназии на Всехвятской улице был приведён в надлежащий вид и открылся для публичных гуляний.

Накануне 1913 года в городских бульварах, садах, скверах, уличных посадках поломанные, нездоровые, засохшие долголетние деревья, а равно не прижившиеся и поздние посадки были заменены новыми. Некоторые улицы, бывшие вообще без зелени, были обсажены деревьями и кустарником. Тщательной ремонтровке подверглось всё садово-бульварное оснащение. Устроены были новые и исправлены старые изгороди. Их вместе с лавками и скамейками выкрасили заново. Дорожки для гулянья в садах и парках исправно посыпались чистым речным песком.

В заботе о санитарном состоянии города заросший, источавший зловоние Боровков пруд на углу Рождественской и Дмитриевской улиц по постановлению гласных думы был засыпан. На его месте выстроили городское училище.

Более всего новшеств случилось в центральной градской части. Отдельные уголки города изменились до неузнаваемости. Начиная с 1909 года стала менять облик Ильинская улица. В срок невиданно малый подрядчик строитель-предприниматель М. С. Трофимов, удачливый предприниматель, выстроил на правой стороне улицы первое в городе специальное здание синематографа «Современный театр». Внешне деревянное здание так искусно отделали штукатуркой, что всякий принимал его за капитальную каменную постройку. Синематограф питался от собственной электростанции. По соглашению с владельцем электричество от неё отпускалось для освещения некоторых казённых зданий и главного городского бульвара.

В 1911 году город приступил к перестройке старейшей гостиницы «Старый двор». К зданию пристроили боковые крылья. В большей его части по Русиной улице разместили ресторан и номера, в пристройке по Ильинской сделали только номера. В 1912 году предприниматель С. К. Бархатов против синематографа Трофимова выстроил свой синематографический дом – «Пале-театр». Пространство между ним и «Старым двором» он застроил, открыв здесь пивную лавку.

К концу 1912 года на Верхне-Набережной улице на берегу Волги, была окончена постройкой и готова к эксплуатации городская электростан-

Синематограф «Современный театр» М. С. Трофимова. Нач. XX в.

ция. Теперь на улицах телеграфно-телефонным столбам добавились электрические опоры. Велась энергичная работа по замене керосиновых и газо-капельных фонарей на электрические. Конечно, сперва старались обустроить центральные улицы и площади, оставляя по обыкновению окраинные районы «на потом».

Изменился и вид Московской заставы, оказавшейся по соседству с электростанцией. К её отремонтированным обелискам с блистающими на солнце орлами пристроили торговые помещения. Одно из них тотчас же сдали под пивную лавку. Рядом, от перевозной пристани с началом навигации 1912 года стал рейсировать собственный пароход «Горожанин».

Наконец, летом 1912 года, самого урожайного на юбилейные дела, между улицей Воскресенской и Никольским переулком артели плотников начали возводить причудливые деревянные павильоны Губернской земской промышленной, сельскохозяйственной и кустарной выставки, устраиваемой в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых...

Наступил 1913 год. До мая оставалось рукой подать. Город нервничал, суетился, торопился покончить с делами, дабы не предстать перед государем в невыгодном положении. Лихорадочно ремонтировались общественные и владельческие здания, в особенности те, мимо которых предполагался проезд высочайших

особ. На улицах кипела работа по исправлению мостовых, тротуаров, чистили и красили фасады зданий. В центре города появились асфальтовые дорожки. Оконченное постройкой здание Романовского музея, заложенное в 1909 году, заполнялось экспонатами, относящимися к истории рода Романовых. К дому Общины сестёр милосердия пристроили замечательное здание больницы, которое получило название в честь юбилейного события. К маю закончилась реставрация Троицкого собора в Ипатьевском монастыре, летний путь к которому через реку Кострому проходил теперь по новому наплавному мосту.

Вблизи соборов, на месте закладки «величественного» памятника, фундамент которому был уже готов, рядом со склоном выстроили деревянный павильон, исполненный под камень – место экспозиции проекта, чертежей будущего памятника. Зелёную гору, место под склоном, очистили от временных торговых мест и полков, а бывшую ещё недавно свалку мусора запретили. Вся подгорная местность, на которой обосновался наполовину построенный корпус Мясных рядов, занимала довольно порядочный вид.

Вверху, недалеко от изящного павильона, слева от места закладки памятника, поставили великолепный шатер, убранный дорогими материями, предназначенный для августейшей

«Старый двор» после перестройки. Справа пристроен синематограф «Пале» С. К. Бархатова. 1910-е гг.

Августейший визит. Царская семья выходит из Троицкого собора Ипатьевского монастыря. Фотограф К. К. Булла. 1913, 19 мая.

семьи. Поодаль соорудили высокую трибуну в несколько ярусов для участников торжеств. На волжском берегу, также приведённом в порядок, против пароходных пристаней, заканчивалось строительство триумфальной арки – места вхождения государя в город.

К маю 1913 года архитектурный проект П. Р. Сологуба был полностью реализован. Готовые экспозиции с самой благоприятной стороны представляли губернию практически во всех отношениях, наглядно демонстрируя таланты и трудолюбие её населения.

Накануне юбилейных дней довольно заметно изменился состав городского населения. Оно численно выросло. Город наполнился приезжими, паломниками, нищими. Квартиры в нём отдавались за повышенную плату. Извозчики на время торжеств испросили у властей разрешение на повышенную таксу и теперь в ожидании начала действия предвкушали получение добрых барышей. В лавках и магазинах отметились некоторое вздорожание продуктов. Штат городских увеличился еще в 1912 году, а службы специальной охраны императора были числом неопределенно большим. Город наполнил-

ся войсками, прибывшими для охраны царской семьи и участия в праздничных парадах.

За десять лет ожидания высочайшего визита Кострома расцвела, преобразилась, помолодела! На этом пути она повидала немало: эпидемии, годы скудных урожаев или неурожаев вовсе, беды от градобитий, засух, пожаров. Случилось ещё довольно всяких нежелательных обстоятельств, но она – красавица – справилась с ними, обрела силы, и ладной, чистой, нарядной предстала выдающейся дате истории.

19 мая 1913 года, когда царская флотилия, набрав пары, отваливала от места красносельской стоянки, Кострома «верноподданная и счастливая своею любовью и близостью к Дому Романовых» по-доброму взволнованными толпами народа, запрудившего волжский берег, ожидала в гости Российского государя.

ЮБИЛЕЙНЫЙ ГОРОДОК

Летом 1912 года участок городской местности, бывший между улицами Нижне-Набережной и Дебринской, недалеко от Воскресенской, что на Девре церкви, обнесли деревянной изгородью. Значительных размеров площадка мало-помалу стала заполняться разного рода строительными материалами и скоро приобрела вид прибрежного склада лесного инвентаря. Старательные извозчики-ломовики сопровождали тяжеловозные повозки, нагруженные брёвнами, брусом, досками и многим другим, потребным в строительстве. Началось возведение юбилейной, в честь 300-летия царствующего Дома Романовых, выставки, устроителями коей состояло костромское губернское земство.

Впервые мысль об устройстве «общегубернской по району действия» выставки, посвящённой выдающейся дате истории, прозвучала на сессии земского губернского собрания 1911 года. Тогда же избрали подготовительную комиссию, которая, рассмотрев предмет и сделав некоторые общие подсчёты, представила следующему заседанию губернских гласных доклад-заключение. Доклад был принят, и гласные постановили, что «в предвидении Высочайшего посещения гор. Костромы и безотносительно к тому, состоится ли такое посещение, губернскому земству безусловно следует летом 1913 года организовать чисто

местную выставку Костромского края». В части устройства её гласные выставили одно неперемutable условие: «выставка должна... представить не частную картину одной какой-либо отрасли народно-хозяйственной жизни, а полную картину этой жизни в главных её проявлениях».

С тех пор и без того беспокойная служебная жизнь земского руководства закипела вокруг выставочной идеи. Начались хлопоты об ассигнованиях, привлечении средств других ведомств, подробнейшая разработка устройствых документов-положений, правил, программ. Искали годную для дела землю непременно в порядочном месте. Удобный участок нашёлся вблизи Волги: между улицей Воскресенской и Никольским переулком. Одну часть его заарендовали на выставочный срок, другую приобрели в земскую собственность.

После определения места выставки встал вопрос о проекте. Земцы поступили мудро: не вручили заказа по составлению проекта какому-либо случайному архитектору, а приняли к производству грамотное, соответствующее идее архитектурное сочинение после ознакомления с ним архитекторов-специалистов.

В марте 1912 года в столичном журнале практической архитектуры «Зодчий» губернская земская управа объявила конкурс на составление проекта костромской юбилейной выставки. Спустя три месяца авторитетная комиссия присудила первую премию проекту художника-архитектора Л. Р. Сологуба. В ходе строительства выставки автору пришлось его дорабатывать, а точнее говоря, прибавить в существующий план несколько сооружений, ибо отдельные

Павильоны земской выставки в процессе строительства. Зима 1912-1913 гг.

Общий вид земской выставки в день её посещения царской семьёй. 1913, 20 мая.

лица-экспоненты по примеру более состоятельных собратьев-предпринимателей пожелали иметь собственные выставочные павильоны.

В мае 1912 года артели плотников подрядчика М. С. Трофимова, взявшего заказ на строительство выставки, начали возводить первые терема-павильоны деревянного приволжского городка, замысленного автором в древнерусском стиле XVII века. Городское общество проявило к стройке неподдельный интерес. Теперь каждый день жители группами разной численности и в одиночку навещали местность или обозревали действие с верхней террасы Муравьевки, отмечая всякий раз перемены в затеянном предприятии.

Величайшие неудобства испытывали мастера-плотники от нашествия городской детворы. Она, несмотря на заборы, строжайшие запреты, просачивалась сквозь ограждения через толково устроенные лазы и щели, обращая отдельные конструкции в игровые снаряды. Справиться с ней не было никаких сил, и работным людям оставалось лишь мириться с действиями озорной любознательной публики. Сторожевая служба, также не найдя способа отвадить энергичную ребятню от места, вынуждена была благосклонно принимать детское общество, имея от него заверение – не курить, огня не разводить!

Положения и правила для экспонентов выставочный комитет распространил по всем городским и уездным управам губернии и опубликовал в газетах. Торговцы и производители увидели в сём событии удобный случай разрекламировать собственные дела, продукцию, услуги. Весьма скоро в губернскую управу начали поступать предложения от учреждений и частных лиц, заявлявших о желании участвовать в выставке. Согласно выставочным правилам экспонентом мог стать любой житель губернии независимо от звания, сословия, имущественного положения, оплативший экспозиционную площадь (место) с любым числом экспонатов, прошедших отбор. К участию в выставке допускались представители фирм или дел из других губерний при условии, что их экспонаты имели «непосредственное отношение к задачам выставки и интересам местного хозяйства». В отдельных случаях по заключению губернской управы экспоненты от платы освобождались.

К зиме работы по постройке павильонов несколько замедлились, и внешне казалось, прекратились вовсе. Однако ход их не прекращался всю зиму – они продолжались внутри зданий. С весной звонкие голоса топоров и певучие пилы с новой силой зазвучали.

чали на территории городка. На фасадах его павильонов-теремов, вставших вдоль правильно проложенных улиц, мастеровые, рабочие-искусники, с поспешностью и аккуратностью производили последние доделки, наносили заключительные штрихи, доводя его архитектурное лицо до совершенного состояния. В павильонах царил рабочий хаос: служащие, забыв об отдыхе, выкладывали плотные ряды экспозиций. К маю «древний» с башенными постройками, окрашенными «под цвет слегка начинающего темнеть дерева с разнообразной разделкой в русском вкусе», городок предстал костромичам в совершенно законченном виде.

Государь с августейшим семейством удостоил его посещением 20 мая. Почётные гости были встречены хлебом-солью. В сопровождении губернского, городского и земского начальства император и великие княжны подробно осмотрели выставочные отделы, приняли «угощение чаем». Всё в целом и некоторая часть экспонатов удостоились высочайшего одобрения. Представители делегаций и частных фирм «имели счастье» поднести Его Императорскому Величеству подарки, которые были всемилостивейше приняты.

Сквозь живой коридор, составленный из воспитанников учебных заведений, под звон колоколов-экспонатов, «при неумолкаемых криках “ура”» августейшее семейство изволило отбыть на специальную пристань, откуда императорская «Межень», дав прощальный гудок, доставила его в «царскую ставку» близ Ипатьевского монастыря. На следующий день выставочный городок открылся для публики.

Парадный вход в новоустроенный «древний» град был обращен к Волге. Его надвратная башня с высоким шпилем венчалась древней ладью – символом Костромы. В выставку посетители входили с Нижне-Набережной улицы. Сразу от входа начинались павильоны-терема и располагалось здание ресторана и театра. В последнем демонстрировались синематографические ленты и, в частности, через три дня по отъезде государя с успехом весь летний сезон сверх программы давали хроннику костромских юбилейных торжеств. Тут же устраивались музыкальные представления, дивертисменты, спектакли.

Взору всякого посетителя, вступившего на территорию городка, тотчас открывался воздушный живописный вид с великолепным образом устроенной просторной площадью. В середине её действовал главный фонтан. В центре круглого изрядных размеров бассейна на массивной возвышенности покоилась приятной работы чаша с невысокой пирамидой, из которой била струя чистой волжской воды высотой до трёх-четырёх метров. У внутренней стороны бассейна кольца с четырёх сторон на подставках устроились сказочные птицы,

рассыпающие из клювов прозрачные шипящие веера влаги.

Рядом с фонтаном стояла музыкальная беседка. В определённые часы посетителей одаривал порядочной игрой оркестр, исполняя знакомые публике и любимые ею произведения. Фонтан и беседку окружали созданные умелыми руками искусные клумбы, пёстрые и мелкие цветы которых производили на всякого приятное впечатление.

Против музыкальной беседки в окружении островков-газонов стояла конная статуя «русского богатыря, олицетворяющего силу и мощь русского народа».

Нарядная площадь переходила в улочку, образованную линиями павильонов, в центре которой лежали цветные ковры, на последнем из которых имелся фонтан более скромный по размерам и устройству. Короткая улочка завершалась звонницей колоколотейного завода С. Н. Забенкина. По просьбе посетителей звонарь, приставленный хозяином, мастерски выводил над городком самые разнообразные звоны. Отдельные колокола-экземпляры на звоннице были украшены портретами царствующих особ. Колокол особой отливки Забенкин преподнёс в дар государю.

Невдалеке от звонницы, в уединённом зелёном уголке, действовал ещё один небольшой фонтан с круглым бассейном. Центром его была скульптура сидящей девушки-русалки, против которой над водой возвышалась голова лешего. Фонтанное место, окружённое деревьями, отбрасывающими в жаркие дни спасительную тень, привлекало для отдыха на скамьях экскурсирующую публику. Всякий день здесь наблюдалось скопление людей – с фонтаном соседствовали два «вкусных» павильона: булочной и кондитерской М. Ю. Заблоцкого и пивоваренного завода «Новая Бавария» Э. И. Куни. Их продукция всегда славилась исключительными вкусовыми свойствами.

Нижне-Набережная улица разделяла выставку на две части. Вход в прибрежную часть располагался между зданием ресторана-театра и площадкой «торжок», которая представляла собой торговый ряд с почтово-телеграфным отделением и междугородным телефоном. Барышни обеспечивали телефонную связь с Нерехтой, Ярославлем, Москвой.

Публика по неширокому деревянному пешеходному мостику, перекинутому через улицу, проходила для осмотра береговых экспозиций. Из капитальных построек здесь имелся только павильон российско-богемского пивоваренного товарищества «Богемия» в Рыбинске. В павильоне с гордостью демонстрировался автоматический буфет с холодными закусками. Остальной участок занимали навесы отдела животноводства, шатры и показательные пчельники земского пчеловодного отдела. В ве-

сеннее половодье местность почти целиком заливалась водой, оттого и благоустройство этой части выставки состоялось только после спада вешней воды.

В павильонных строениях числом около тридцати, имеющих разный архитектурный облик, в тысячах экспонатов было представлено всё, чем богата губерния. Фотографии, диаграммы, модели, образцы природных богатств, продуктов производств, многочисленные отчёты о состоянии и полные характеристики всех отраслей и видов деятельности губернского населения – вот самый короткий перечень павильонных внутренностей выставки.

Многие посетители выставочного городка, пребывая в нём, испытали истинное наслаждение. Вся атмосфера к этому располагала. В восторг, изумление гостей-экскурсантов приводило всё: и вид внешний, и внутреннее убранство сказочных теремов, их экспозиции, составленные доходчиво с исчерпывающей полнотой, хорошо запоминающиеся объяснения служителей и возможность наблюдать в действии работу многих машин и механизмов. В особенности долго помнились бесплатные угощения всякими разностями, приготовленными тут же, на глазах восхищённых наблюдателей.

Всё лето приволжский городок принимал группы учащихся, студентов, путешественни-

ков, прибывавших сюда со всей России. На украшенных площадках городка устраивались праздники, состязания, детские утра и вечера отдыха. За лето состоялось несколько временных выставок: молочного хозяйства и маслоделия, птицеводства, крупного рогатого скота и т.д. Победителям вручались награды: медали, похвальные листы, свидетельства. В августе на многих экспонатах появились ярлыки «Продано».

Первого сентября в торжественной обстановке был спущен флаг выставки. Началась пора распродажи, состоялись аукционы. Павильоны освобождались от экспонатов. Часть их по желанию владельцев переместилась в естественно-исторический музей губернского земства.

Мало-помалу территория городка приобрела неустроенный вид: замолчали фонтаны, исчезли скамейки с чугунными литыми ножками, лепные вазы с цветами. Разобрали и изгородь. Ломовики развозили теперь брёвна от павильонов, «проданных на слом», по обывательским усадьбам.

К поздней осени юбилейный городок исчез совершенно. На пустынной площадке теперь целиком властвовала городская детвора, приспособившая к играм забытую конную статую русского богатыря. Через год исчезла и она.

Устроители выставки. Фотограф Д.И. Пряничников. 1913 г.

ДОМАШНИЙ МУЗЕЙ

И. Л. ЛАПИНА

Двухэтажный дом на перекрёстке улиц Мясницкой (№ 47/22) и Ивана Сусанина выделяется среди рядом стоящих строений особой неустроенностью. Дом грустный и усталый. Кажется, его скоро снесут...

Впервые пришёл сюда я двадцать лет назад в дождливый весенний вечер. За столом с газетой в руках, со сдвинутыми на нос очками, под светом абажура, прикрытого выгоревшей газетой, сидел хозяин. Еще не старый, лысеющий, сутуловатый. Он первый протянул мне руку: «Лапин, Николай Иванович». Я отрекомендовался любителем старых книг и открыток костромской тематики. Он предложил раздеться. И прозвучало старое, доброе: «Чем могу служить?»

Анна Ивановна, его жена, собрала на стол, позвякивая посудой. Разлила чай в старые потрепавшиеся от долгого употребления кузнецовские чашки. «Остатки, так сказать, фамильного сервиза – заметил Николай Иванович и указал рукой, – Прошу!»

Он стал рассказывать мне о книгах, об отце, Иване Леонтьевиче Лапине, костромском букинисте и антикваре. Время летело незаметно. Потом он замолк. И вдруг резко преобразился и с улыбкой на лице сказал: «А сидим-то мы с вами сейчас в музее!» Я растерянно огляделся – не шутка ли? Как в музее? «В этой комнате – рассмеялся Николай Иванович, – изволите ли видеть, родитель имел домашний музей для собственного удовольствия. Правда, смотреть ходил кто ни попадя – и соседские, и прочая всякая публика. В этой комнате никогда при отце не жили. А было тут собрание всяких предметов старинных: картины да гравюры, фарфору всякого без счёту, одежды старинные и мебель. Вроде, значит, особо ценное. Правда, случалось, что и отсюда другой раз он продавал что-либо. Но это уж случай редкий – видно, ценной значительной брал покупатель. Но местного, костромского, или, скажем, что до губернии относилось, каких вещей или книг – никогда на сторону не продавал. Тут уж никакой ценой не возьмёшь!»

Я поинтересовался: «А куда же всё девалось потом?» Улыбка сошла с его лица, и он ответил: «Часть разворовали, а другую мы съели. В голод меняли на продукты – пояснил он. – Так вот опять о книгах костромских...»

Я сидел у них более трёх часов. Было уже очень поздно, но рассказчик мой всё продолжал вспоминать, и, казалось, воспоминаниям этим конца не будет. Его отец, Иван Леонтьевич Лапин, был родом из крестьянской семьи

волжской слободы Густомесово. Родился в 1865 году. Сначала был матросом, кочегаром и, наконец, лоцманом. Навигация за навигацией! Новые города, люди, встречи. Тогда выучился и читать.

Первые уроки грамоты дал местный дьячок. Книгами снабжали свои, слободские. Они привозили тоненькие лубочные, больше на исторические темы, книжки с красочными картинками на обложке. Родители, будучи неграмотными, книжное «расточительство» поощряли и чтение хвалили.

До середины 1890 годов ходил Лапин на судах, но по неизвестным ныне обстоятельствам оставил судовую службу и переменял занятия, стал книгоношей, офеней. Из рассказов сына известно, что книжный товар доставлялся домой с пароходов. Молодой книготорговец нагружался книжками и отправлялся по деревням, где и реализовывал печатную продукцию. Занятия эти в течение нескольких лет дали ему возможность скопить некоторые средства.

В городе он снял квартиру в начале Мясницкой улицы и начал подготавливать собственное дело. Занимался сбором всякого старья: вещей и книг. Отделяя среди брошенного нужное, приводил к товарному виду и распродал в торговые дни. Вероятно, эти занятия давали ему необходимые средства для прожит-

Коллекция И. Л. Лапина на выставке в Дворянском собрании. 1909 г.

тия и для открытия собственного антикварно-букинистического дела.

В начале века в костромских газетах можно было видеть объявления: «Антикварная торговля Ивана Леонтьевича Лапина в Костроме. Гостиный двор». Далее шёл длинный список вещей, предназначенных к покупке и продаже: «Золото, серебро, бронза, картины, фарфор, монеты, гравюры». Особо крупным шрифтом выделялось: «Книги и рукописи». Почти во всех объявлениях имела фраза «Покупаю для своего музея. Особенно желательны что-либо о Костроме и её губернии».

Под лавку он снял помещение внутри Гостиного двора. Дела его шли успешно, – он купил собственный дом на углу улиц Мясницкой и Лазаревской. Первый этаж был сдан купцу К. Яковлеву, второй этаж заняла семья. Одна из комнат была оборудована под домашний музей, в прошлом не отмеченный ни одним путеводителем по городу.

В столицах он завел прочные деловые отношения с книгопродавцами, издателями, музеями, научными обществами. Часто бывал Лапин в Москве у издателя И. Д. Сытина. С ним долгие годы связаны они были тёплой, сердечной дружбой. В Москве останавливался только у него. Здесь он был принят, как родной, несмотря на постоянную занятость Ивана Дмитриевича, который всегда выкраивал время на общение с земляком-книжником. Многие вечера провели они в беседах. За чаем (оба не употребляли спиртного), всегда шел разговор о Костроме, о книжной жизни, о культуре.

В Лапине Иван Дмитриевич Сытин видел, прежде всего, товарища по книжному делу, подвижника просвещения, носителя знаний в народ. Лапин имел в издательстве значительный кредит, а в моменты материальных прорух и помощь земляка.

Костромское заведение Лапина скоро приобрело в городе репутацию дешёвой лавки. Здесь можно было купить книги по самой сходной цене, да ещё и в рассрочку. Появилась своя клиентура из всех слоев населения. Людям малообеспеченным, но желающим иметь книги, хозяин к покупкам по баснословно низким ценам прибавлял от себя книги-«призы». Это был подарок книжника читающей неимущей публике, его забота о ней. Часто отдавал и так, бесплатно.

Я знал не один десяток костромичей, кто пользовался его услугами, получал и «призы», и бесплатные книги. А какими тёплыми словами говорили о нём старожилы. Так вспоминать о человеке спустя 50–60 лет после смерти – это ли не лучший памятник крестьянину-книжнику!

В городе существовала тогда Губернская учёная архивная комиссия, с которой Лапин тесно сотрудничал. Собирал предметы и для своего домашнего музея. В 1909 году в Костроме со-

стоялся Областной историко-археологический съезд, участником которого был и Лапин. В дни работы съезда в доме Дворянского собрания устроители развернули экспозицию музейных экспонатов, принадлежавших архивной комиссии и частным лицам. Экспонировалась и часть собрания Лапина.

В дни работы съезда состоялась торжественная закладка Романовского музея. Средства на его строительство собирались по подписным листам. В списках жертвователей был и Лапин. Позднее, в день открытия музея в мае 1913 года среди «лиц, пожертвовавших значительные суммы» на устройство музея, Лапин был лично представлен государю.

Во время высочайшего визита в Кострому произошёл «домашний случай у Лапина». В пересказе Николая Ивановича это звучало так: «Под вечер на второй день приезда царской семьи в город к дому подкатили две пролётки. В первой ехал городской, во второй ехали отец и ещё два незнакомых господина. Мать в окно увидела эту процессию, переменялась в лице и запричитала: «Что-то случилось! Видно, несчастье у Леонтьича». Побежала встречать. Городовой остался у дома и во двор не входил. Получив от матери подзатыльник – не вертись под ногами, – я был водворен на всякий случай в кухню под запор.

Сидя там, по разговору я определил, что это гости пожаловали в отцов музей. Случай известный! Беспокоиться было нечего. Слышалось отцовское: «прошу, прошу» и «осторожнее». Как выяснилось позднее, одним из важных господ оказался великий князь Константин. Просидели около часа. Слышны были голоса, споры, затем всё стихало и через какое-то время начиналось вновь. Я понял, что идёт торг. Мать стояла в коридоре. Я слышал, как она шептала: «Зачем спорить, дурак. Неприятностей не оберешься. Нашел, кому перечить...» Высочайший визит закончился вполне благополучно.

Сегодняшний читатель может представить себе состоятельного антиквара-букиниста, толстосума. И газетную рекламу «золото, серебро»... Нет! Нет! Никогда не было больших денег у этого человека. А если и скапливалась значительная сумма, то целенаправленно шла по назначению: на благотворительные сборы, пожертвования на устройство библиотек, читален, «на призы», на бесплатную раздачу книг. И он сам, и его семья жили без бытовых излишеств. Все попросту, по-крестьянски.

Я как-то спросил Елену Ивановну, младшую дочь Лапина, отчего у них такой неустроенный дом. Она ответила: «Он всегда был таким. У отца не было денег на ремонт. У нас постоянно текла крыша, и мать тайком от него скопила денег и купила железа для замены кровли. Но так её и не поменяли. После смерти отца железо продали. Надо было на что-то жить».

Единственной роскошью в доме было его детище – музей и библиотека, где он отдыхал в часы досуга. Читал, любовался собранными предметами. Он знал их. Видел и ощущал красоту, восторгался работой старых мастеров. Он одинаково видел эту красоту и в иконе, и в изящной фарфоровой статуэтке, и в ржавом амбарном замке. Любовь свою ко всему прекрасному и к книгам старался привить Лапину и детям.

Летом 1914 года, на одиннадцатом году жизни, исполняя родительскую волю, Николай отправился в Петербург, на «выучку». С рекомендательным письмом отца к руководству петербургского отделения фирмы «Товарищество М. О. Вольф». Здесь и началась практическая книжная школа провинциального мальчика. Он служил разносчиком книг и продавцом в разных магазинах товарищества.

«Счастлирое время, – вспоминал Николай Иванович, – там я по-настоящему узнал книгу и начал читать. Отношения с хозяевами были очень хорошие, и я ощущал себя частью громадного издательского организма. Время для чтения было. Я читал без счета томов по русской истории, философии, наукам и особенно астрономии. Тогда, в «Товариществе», я впервые за казённый счет, без вычета жалования, заимел отличный костюм и хромовые сапоги. «Книжный мальчик», одетый с иголочки, книжный служащий, – говорил Николай Иванович, – в таком обличье я стал представителем фирмы. Работа книгоношей доставляла мне радость. Даже вес тяжёлых связок книг, которые я таскал по крутым лестницам доходных домов, порой в самые высокие этажи, не омрачали моего существования. Это была приятная тяжесть. А каких людей я знал! Писатели, учёные, художники, книгопродавцы, букинисты, книжники – культура российская! Где она теперь?»

Книжная столичная выучка воспитала и сформировала для провинции подлинного русского книжника, насквозь пропитанного идеями русской философии. Подготовила она молодого провинциала к служению просвещению.

В марте 1919 года от туберкулёза умер отец. Многочисленные толпы знакомых и незнакомых, друзей и почитателей отца собрались в их доме. В газете сообщали: «После продолжительной и тяжёлой болезни, Волею Божию, скончался Иван Леонтьевич Лапин». Отпевание состоялось в Покровской церкви. Оттуда гроб с телом Ивана Леонтьевича несли на руках до места захоронения на Лазаревском кладбище.

Пришла телеграмма от И. Д. Сытина из Москвы, где он сожалел об утрате земляка-книжника и выражал соболезнование семье. Вместе с телеграммой пришёл и денежный перевод.

По предложению нерехтского промышленника Н. И. Кожина, в прошлом клиента Лапина, большая семья стала периодически обменивать

вещи из домашнего музея на продукты. Это был единственный выход из создавшейся ситуации в то голодное время.

Николай работает истопником в банке, сторожем в книжном киоске. Во внеслужебное время целиком отдаётся книжному делу. Разбирает домашнюю библиотеку отца, сводит знакомство с местными книжниками, бродит в поисках нужных книг для себя и для других. Он много читает. Продолжает самообразование. Круг общения его обширен: местная интеллигенция, художники, коллекционеры, книжники.

Встречи, споры, многочисленные контакты привели его в 1931 году к аресту. «За мысли русские, философские», – говорил Николай Иванович. Семь месяцев провёл он в пересылках и следственных изоляторах Ярославля и Иванова. Но «за отсутствием состава преступления» был отпущен домой. А в 1951 году его снова арестовали – «за инакомыслие». Вернулся в 1956 - м.

У Николая Ивановича был очень неразборчивый почерк, и он часто просил сестру Елену переписывать его труды. Она исполняла эту работу. Что это были за литературные упражнения? Елена Ивановна объяснила мне, что это были записки свободно мыслящего человека, философа-книжника, где он высказывал свой взгляд на мир, на рациональное устройство жизни. К сожалению, записки эти не сохранились. Их по незнанию сдали в макулатуру.

С открытием в конце 1956 года в Костроме букинистического магазина жизнь Лапина приобрела общественный смысл. Там хорошо знали его и уважали как общественного консультанта за знания, за помощь.

Скоротечная болезнь прервала его жизнь в 1975 году.

Три с половиной года я был знаком с ним. Николай Иванович вселил в меня книжное начало. Сам он в то время книг уже не приобретал, но читал, хотя зрение его было изрядно утрачено. Незадолго до смерти часть своей библиотеки он распродал. Это были книги по русской истории, философии, этнографии. Некоторые из них я и сегодня встречаю в букинистических магазинах. Экземпляры отмечены номерами, проставленными красными чернилами или красным карандашом на внутренней стороне переплета.

Когда я открываю их, то сразу вспоминаю его слова: «Истина посажена в книги из космоса».

ПАРКОВЫЙ ПРОЕКТ 1915 ГОДА

Недавно в Фонде содействия развитию Костромы прошло обсуждение проекта воссоздания храмов бывшего Костромского кремля и обустройства прилегающих к нему территорий центрального парка. Автор проекта планировки – П. Щербинин, авторы проектов восстановления соборов: Успенского – А. Чернов, Бого-успенского – П. Васильев.

Вниманию архитекторов-реставраторов, специалистов был представлен довольно подробный макет. Авторы: П. Щербинин, Е. Перельгина, А. Плотникова. Его главная архитектурная мысль сосредоточена на утраченных в 1934 году двух соборах с колокольной. В адрес авторов проекта высказаны замечания, которые они приняли с благодарностью. Проект ещё будет дорабатываться и вновь предстанет на обсуждение специалистов. Реализуется он или нет – покажет время, а сегодня мы знакомим читателя с проектом той же местности,

которому не случилось осуществиться вследствие революции. Нынешнее решение отчасти использует некоторые предложения дореволюционного варианта.

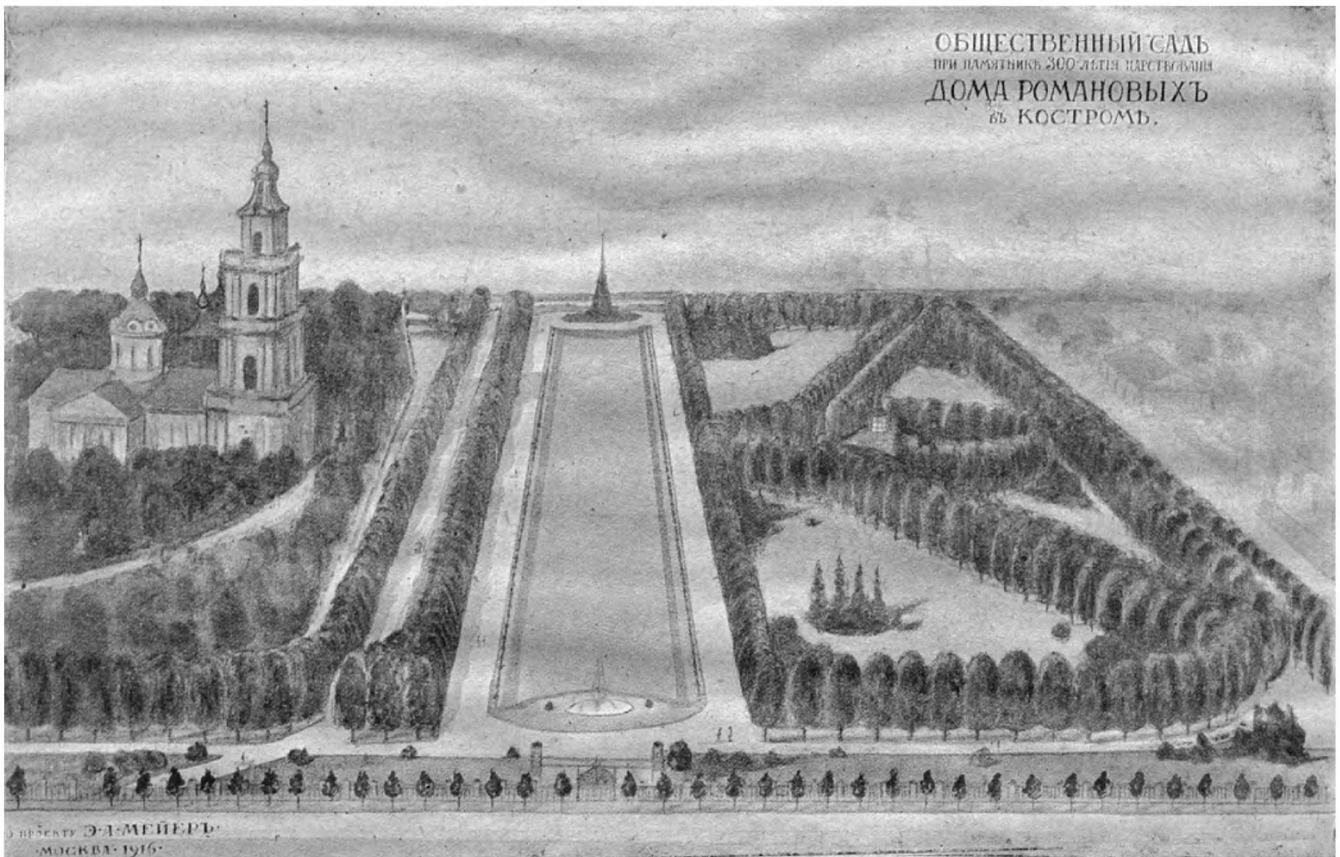
Торжественный, юбилейный 1913 год канул в историю. От царской милости и государственных субсидий кое-что переменялось во внешности города в лучшую сторону. Кострома отчасти поправила свое городское хозяйство, прибавила в постройках, из которых наиглавнейшей был постамент памятника в честь 300-летия царствования Дома Романовых.

Особая комиссия обратила взор на историческую местность, где располагалась Соборная площадь и памятник. Шел 1915 год. 13 мая по приглашению городского головы В. А. Шевальде в Кострому приехал главный садовод Петроградского сельскохозяйственного института Э. Мейер.

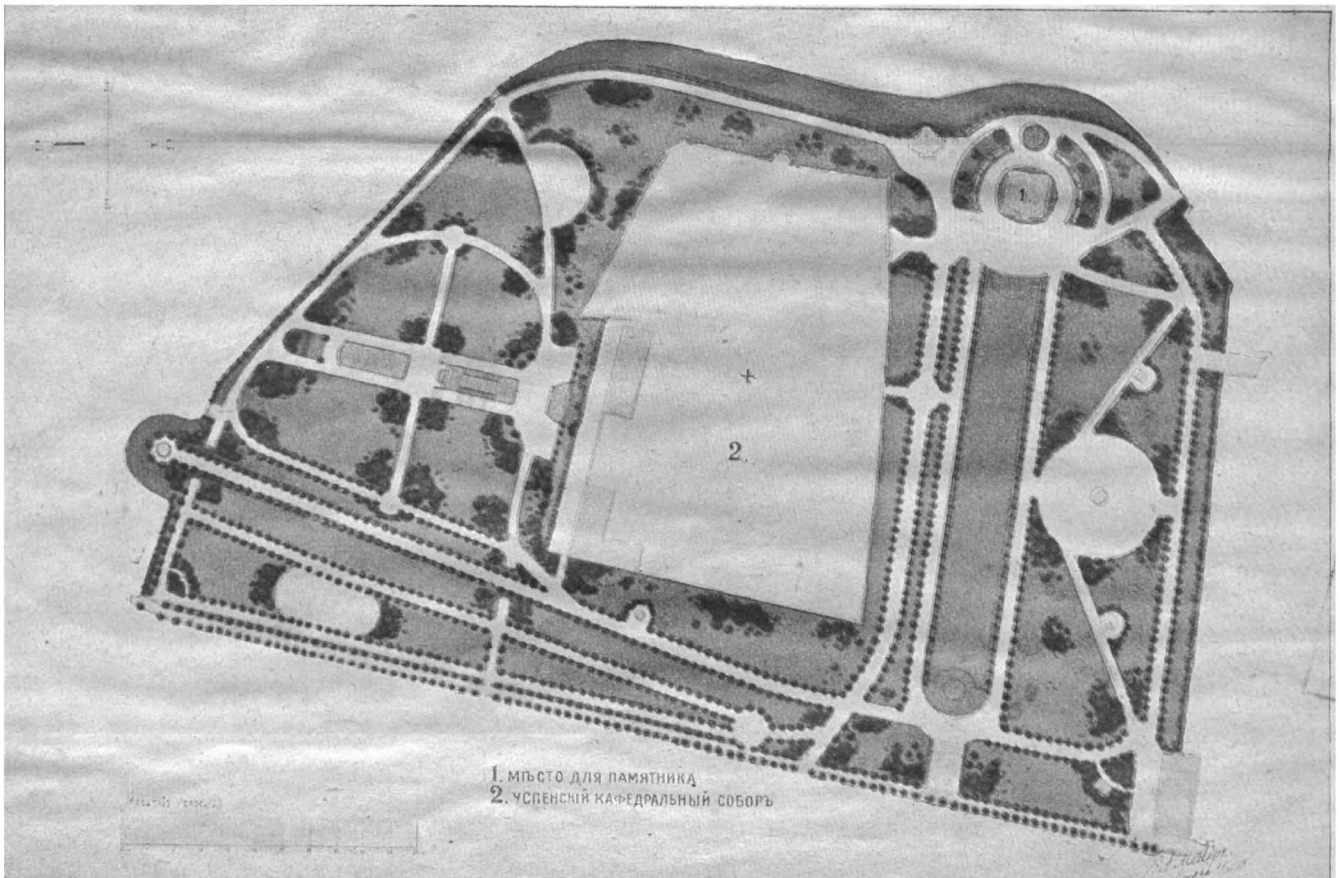
Его визиту предшествовало обсуждение городской управой предложения думы: «место вокруг памятника в честь 300-летия царствования Дома Романовых обратить под сквер, соединив его с городским садом».

Макет будущего памятника в Белом зале Дворянского собрания. Нач. 1910-х гг.

Проект общественного сада при памятнике 300-летию царствования Дома Романовых. 1915 г.

Результатом пребывания Э. Мейера в Костроме стал его проект, впитавший в себя предложения Городской думы под названием: «Проект устройства общественного сада при памятнике 300-летия царствования Дома Романовых в Костроме». Главная мысль сводилась к следующему: городской сад (прежде он занимал лишь правую часть территории сегодняшнего центрального парка, если смотреть от главного входа с ул. Чайковского) соединить с новосадовыми устройствами при памятнике и объединить в единое садово-парковое пространство территорию Малого бульвара с беседкой и склонов под соборами.

Соборная площадь нарушалась, на смену ей полагалась аллея с широкими газонами по обеим сторонам, перед памятником – большой газон до главного входа в парк с Ильинской улицы. Ограду газона намечали из «штамбовой сирени и дикого винограда». У главного входа в сад проектировалась «большая цветочная клумба или бассейн с фонтаном».

В этом проекте много всяких замечательностей, разумных оправданных решений, но более всего восхищает смелое своеобразное решение об использовании подсоборного склона, выходящего на волжский берег: «часть сей новой разбивки занять системой бассейнов, террасовидно спускающихся начиная от подножья высокого откоса Успенского собора, в направлении к Волге. Весь бассейн разбит на три части: в верхнюю из них вода подаётся насосами через откос в форме небольшого водопада из дикого камня. Подземным каналом вода перетекает далее во вторую, верхнюю часть бассейна, каскадно спускающуюся до 2-й большой, нижней, террасы, где расположен 3-й, наибольший из всех бассейнов – 3600 ведер. Вдоль этого устройства – широкие дорожки с каменными лестницами. Откосы около стен Успенского собора предполагается декорировать группами из дикого камня (валунов) и обсадить их отдельными экземплярами горной сосны, карликовой формой ели, пихты, можжевельника». Для обеспечения более лёгкого прохода со стороны Ильинской улицы к террасам бассейна вал, по которому проходит аллея к беседке, предполагалось прорезать туннелем.

Всякий, кто познакомился бы даже с кратким описанием проекта, тотчас согласился бы, что всё в нём направлено на создание живописного пространства, места подлинного отдохновения горожан для их «приятных прогулок». Действующий летний ресторан был обречён на снос. Его место отдавалось под площадку для детских игр. Никаких питейных заведений запроектировано не было, а были только будки для торговли мороженым и освежающими напитками. В преображённой городской местности должны были воцариться покой, приятность и разумные развлечения.

Аллея парка, заложённая в день открытия памятника В.И. Ленину 1 мая 1928 г. 1950-е гг.

Первая мировая война, революция... Не был достроен памятник 300-летию Дома Романовых, не преобразилась и местность вокруг него. За ненадобностью новой эпохе проект 1915 года остался невостребованным. Полного «преображения» местность достигла в 1934 году со взрывом уникального соборного ансамбля.

В ГОДЫ ВСЕРОССИЙСКОГО БЕДСТВИЯ

В 1914 году жители стали часто наблюдать на улицах города необычные процессии людей, во главе которых шли конные повозки, украшенные российскими флагами в сопровождении военных и гражданских лиц. Немногочисленные процессии двигались по улицам нескоро, делали кратковременные остановки у обывательских домов и общественных зданий. Несколько таких подвижных групп двигались по разным городским маршрутам. Скоро горожане к ним привыкли, они стали обычным явлением в городе.

Транспорты от начала шествия до городской управы постепенно обрастали ребячьей толпой, часть которой бежала впереди по пути следования отрядов, выкрикивая горожанам всякие призывные пожелания о помощи семьям воинов.

В городе существовало общество «Помощь семьям воинов», которое устраивало сбор вещей и средств для неимущих и малоимущих семей, мужчины из которых находились на театре военных действий. О времени вещевого сбора общество заранее извещало жителей расклеенными афишами и через газеты.

Горожане пересматривали свои домашние запасы, отбирали, пусть и старые, но годные к употреблению, носильные и бытовые предметы

и выносили их во время прохода благотворительного транспорта. Деньги опускали в специальные опечатанные кружки. Члены общества вели правильный учёт всем поступающим вещам и средствам, для чего всякий жертвователь записывался в журнал. О распределении вещей горожане узнавали из газетных сообщений: позднее газеты публиковали все отчёты о сборах.

Помощь нуждающимся семьям воинов оказывало всё городское население: рабочие промышленных предприятий отчисляли проценты от заработной платы, владельцы частных больших и малых дел вносили денежные суммы в фонд поддержки неимущих. Деньги горожане приносили в общество сами или вкладывали в кружки, сбор в которые, кроме всего, назначался обществом и в отдельные дни.

В адрес общества шли посылки из многих стран, в том числе из Северо-Американских Соединенных Штатов. Широкое распространение получила «питательная» благотворительность: общества и частные лица устраивали для нуждающихся бесплатные обеды.

Семьи, оставшиеся без кормильцев, оказались в тяжелейшем положении, и женщинам-солдаткам и их детям сыскать работу в городе, заполненном беженцами, было крайне затруднительно. При городской управе члены городского самоуправления учредили бюро труда. Оно занималось «приисканием занятия для лиц обоёго пола» из семей с призванными в действующую армию.

Таковыми были в Костроме годы лихолетья, когда время всеобщей беды объединило усилия неравнодушных людей всяких званий, сословий для оказания посильного вспомоществования слабым и неимущим жителям.

Сбор вещей семьям воинов. Фотограф Д. И. Пряничников. 1914, 26 окт.

IV ЧАСТЬ
ГУБЕРНСКИЕ СВЕТОПИСЦЫ

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ СВЕТОПИСЬ

Родившись в 1839 году, светопись очень скоро овладела русскими столицами, откуда в какие-нибудь полтора-два десятилетия распространилась и по российской провинции, пустила корни в городках «не столь отдаленных» и «отдаленных».

О знаменитостях, составивших честь русской фотографии, написаны монографии, изданы альбомы, снимки их стали хрестоматийными. Теперь из забвения пока ещё робкими шагами прокладывают путь к зрителю труды провинциальных светописцев, которые долгое время считались лишь фоном творчества известных мастеров.

Костромская сторона не пополнила своими представителями ряды классиков. Невелики числом их награды – медали, дипломы, похвальные листы за участие в фотографических вернисажах России. Все они независимо от социального положения и званий – скромные труженики, фотографы, незаметно служившие истории. Но как знать, быть может, и среди костромских светописцев время отыщет своих мастеров.

Кто и когда впервые ступил на костромскую землю, вооруженный «дагерротипным снарядом», мы не знаем. Какого звания и сословия был тот «живописец без кисти»? Каков был объект-пионер, зафиксированный светописной пластинкой – ландшафтный вид или портрет состоятельной особы?

На эти вопросы ответов пока нет. Не отыскан и сам дагерротип-пионер, не более известен и его автор. Знаем лишь, что первые фотографические заведения в Костроме появились в 50-х годах XIX века. Открывали их приезжие фотографы, подыскивая для этого удобные, хорошо освещенные помещения вблизи центра города; они, как правило, перекраивались на светописный лад: стена или две стены и потолок остеклялись для улучшения освещенности. Павильон обставлялся набором обычной и фотографической мебели сообразно вкусу владельца, оснащался достаточным количеством художественно исполненных фонов.

***

Первым известным нам стало ателье художника Э. Мюкке, открытое в 1856 году. Павильон, где производилась съёмка «дагерротипических и фотографических портретов», функционировал сезонно, преимущественно зимой и весной. С началом навигации на Волге Мюкке отпра-

влялся по городам Поволжья, кратковременно практикуя в них.

Отъезды фотографа были неслучайны, они были неотъемлемой частью существования большинства провинциальных светописцев. Поиск клиентов составлял главную их заботу, заставлял часто передвигаться, менять места обитания. А потому и Мюкке, обслужив фотографией местного потребителя за известный период, оставлял город. В 1858 году он закрыл павильон в Костроме.

Иногородние фотографы приезжали в город обыкновенно в летнее ярмарочное время. Именно в пятидесятых годах наряду с традиционными ярмарочными постройками – балаганами, паноптикумами, каруселями – появились и лёгкие остеклённые павильоны фотографий, став впоследствии непременным сооружением на любой провинциальной ярмарке.

Здесь, на площадях, и началось массовое знакомство публики с удивительным изобретением человечества – светописью. Любопытную публику привлекали своей необычностью диковинные стеклянные домики с броскими рекламными щитами, где под стеклом выставлялись виды и портреты местных особ с их разрешения. Эти витрины по сути являлись первыми публичными фотографическими выставками, доступными для всеобщего обозрения.

А вот желающих иметь собственное изображение было совсем немного, что было следствием дороговизны фотографической продукции. Главными клиентами светописных заведений были обеспеченные, состоятельные горожане.

Фотографический процесс получения снимков в ту пору был дорог и для фотографа, и для клиента. В качестве примера стоимости снимков приведем свидетельство редактора «Костромских губернских ведомостей» П. Андроникова, который в ярмарочную пору 1859 года писал: «Цена недорогая, от 2 до 15 р. за портрет». Быть может, «недорогая» цена и была по карману самому редактору, но никак не людям малоимущим, для которых четыре копейки, уплаченные за фунт пшеничного хлеба, составляли определённую сумму.

После Мюкке в городе случались лишь временные заведения. Периоды, когда город совершенно оставался без светописцев, наблюдались часто. Ситуация несколько изменилась к середине шестидесятых годов, когда освобождённые реформой крестьяне стали уходить в город. К этому времени усовершенствовался и несколько удешевился процесс получения фотографий, став более доступным публике.

***

В 1864 году в Костроме существовало уже два светописных заведения, а к концу года была

открыта ещё одна «фотографическая галерея» под вывеской «Светопись А. Ф. Шмидт».

Добропорядочный провизор, ставший фотографом, полюбился горожанам сразу. С годами он заслужил к себе такое отношение публики, что люди всех возрастов и званий при встречах считали своим долгом оказывать ему знаки внимания и почтения.

Конечно, первыми посетителями были особы состоятельные. По истечении же времени возможность посещать его галерею получил всякий – от высокого чиновника до крестьянина. Шмидт был из тех редких подлинных ревнителей светописи, кто понимал её истинное назначение – служение обществу. История его павильона во многом является примером, когда все лучшие предпринимательские и человеческие качества были употреблены фотографом для одной цели – приближение светописи к людям. В павильоне всё новое, наиболее совершенное из светописной науки он применял на практике, стремясь к удешевлению продукции.

Заведение Шмидта, подобно многим, было оснащено тумбами, скалами, пнями и прочей атрибутикой, сработанной из палье-маше. Салонные и ландшафтные задники картинно за-

нимали одну из стен помещения. В то начальное время павильоны различались лишь размерами помещений да их местоположением, копируя друг друга убранством и следуя большей частью столичным образцам.

Что касается приготавливаемых в павильонах портретов, они, бесспорно, принадлежат к регистрирующим памятникам светописи и не могут претендовать на звание художественных произведений, поскольку большая их часть изготавливалась по апробированным рекомендациям альбомов «изящной позировки», которые составляли в ту пору неотъемлемую принадлежность всякого более или менее приличного заведения.

Работы Шмидта, как и последующие костромские портреты шестидесятых-семидесятых годов XIX столетия, были неким светописным слепком с моделей, передающим лишь чисто внешнее, «абрисное», сходство с оригиналом.

Состояние портретируемых было задано атмосферой ателье и исполнителем действия – фотографом. Люди предстают на снимке в напряжённых позах, с застывшими лицами, отсутствующим взглядом. Неестественность – общий недостаток всех изображений. На бледных

шмидтовских снимках фоном служат гладкие материи или специальные рисованные картины с изображением частей комнат, балконов, колоннад...

Вины самих светописцев в том не было. Причины, которые делали невозможным создание образцовых портретных и жанровых картин, имелось достаточно. Одна из них – работа мокрым коллоидным способом. В трудное положение ставило их и отсутствие достаточно чувствительных материалов, позволяющих производить моментальные съёмки, малые возможности в создании необходимого освещения.

Иное дело – съёмки на воздухе, использовавшие все возможности естественного источника света. В этом виде деятельности фотографы преуспели, как бы компенсировав тем самым малоудачную павильонную службу.

Шмидт, как никто другой из костромских профессионалов XIX века, потрудился над созданием видовых светописных листов. Особенно успешны его архитектурные снимки. Они наглядно иллюстрируют опыт фотографа. Удачный, неслучайный выбор местоположения камеры при съёмке указывает на предварительную продуманность фотографических действий. Оттого и запечатлённые его камерой памятники старины, храмы и просто интересные здания переданы выразительно, подчёркнуты их форма, красота, неповторимость авторской мысли их создателей.

Фотограф оставил немало замечательных видов и панорам губернского города и уездных мест. Однако, несмотря на всю прелесть запечатлённого в них времени, даже неискушенный зритель отметит некоторую статичность сюжетов, которые как бы просят оживления.

Такой изъян имел место во многих работах подобного рода и был вызван несовершенством светочувствительных материалов, которые требовали длительной выдержки. А потому фотограф, задумавший городские съёмки, был зависим от состояния погоды, в частности, от ветра, колыхавшего ветви деревьев и кусты, приводившего в движение части одежды, сбивавшего причёски. Приходилось следить за передвижением публики в кадре, занимая выжидательное положение и выбирая благоприятный момент. Нарушение этого правила было чревато появлением смазанных деталей в готовых фотографиях, для устранения чего прибегали к ретуши, снижающей достоинства изображения.

В среде собратьев-светописцев Шмидт слыл образцовым павильонщиком, ревностно следящим за всеми проявлениями фотографической культуры в России. Одним из них, по мнению стародавних мастеров, был фотографический бланк – плотная картонная подкладка для наклейки фотографий и вместе с тем своеобраз-

ная рама, придающая снимку законченный вид. Он же был и визитной карточкой фотографа: на его обороте владелец сообщал заказчикам о себе, подчеркивая всю серьёзность затеянного им предприятия. Со времени появления бланк видоизменялся, совершенствовался и позднее достиг такого художественного вида, что иные его образцы можно бесспорно отнести к произведениям полиграфического искусства.

Шмидт постоянно вводил в обращение новые типы бланков, предоставляя заказчикам довольно широкий их выбор сообразно вкусам и возможностям. Первым в Костроме он дополнил бланк «этикетом», который представлял собой лист тонкой папиросной или иного сорта прозрачной бумаги в размер бланка, подклеивавшегося к нему, тем самым предохраняя фотографию от случайных повреждений. Часто охранительный листок снабжался рекламной или повторял изображение самого бланка. Вероятно, именно это новшество Шмидта стало основанием для награждения его за работы, представленные им на московской фотографической выставке 1889 года.

Мир фотографов Костромского края знал его и как умудрённого светописца-учителя. Павильон Шмидта многие годы был фотографической школой для людей, желающих искусно постичь светописное ремесло, отдав себя впоследствии этому занятию профессионально или любительски.

С приходом в фотографическую практику сухих моментальных бромо-серебряных пластинок процесс съёмки сократился по времени до долей секунды и ощутимо упростился. Возможности фотографов расширились. Шмидт одним из первых в Костроме освоил работу с ними.

Появление моментальных пластинок совпало с выдающимся событием: начала свою многопользую деятельность Костромская губернская учёная архивная комиссия. Это первое в истории края объединение людей, усилия которых были направлены на изучение его прошлого, памятников старины, заботу об их состоянии, научную организацию архивного дела.

Комиссия привлекла к сотрудничеству фотографов, которые понимали важность создания светописных документов. Шмидт к тому времени уже состоял членом-сотрудником Археологического института в Петербурге, в который был принят за отменную фотографическую работу. С образованием местной архивной комиссии он стал её членом, удовлетворяя её потребность в точных фотографических снимках, не считаясь с затратами и личным временем. Его вклад в дело комиссии, быть может, наиболее ощутим по объёму и значимости среди трудов фотографических авторов Костромской губернии XIX века.

Коротко о трудах Шмидта сообщается в отчёте комиссии: «Помещение музея архивной комис-

сии украшено...и фотографическими снимками с разного рода по преимуществу церковных древностей г. Костромы и Костромской губернии, самая большая фотографическая коллекция фотографических снимков с церковных древностей Ипатьевского монастыря».

Связи с архивной комиссией Шмидт не прерывал до самого окончания в 1902 году содержания им павильона.

***

В конце XIX-го века костромичи имели возможность наблюдать устройство и деятельность немалого числа заведений, открываемых разными лицами, и весьма часто быть свидетелями расстройств их дел. Среди предприимчивой публики оказывались люди всякие, часто случайные, чуждые фотографии, но желающие извлечь из занятий ею значительные выгоды.

Впрочем, не все устроители-фотографы были таковых свойств и помыслов. Случалось наблюдать и подлинных мастеров, тех, кто умением и трудом покорял почтеннейшую публику, оставаясь в её памяти порядочным человеком и после ликвидации дела. К их числу принадлежал и Н. А. Хитрово.

Этикет.

ПРОДАЖА

Разныхъ видовъ
СНИМКОВЪ ДРЕВНОСТЕЙ.

Увеличеніе съ карточекъ
И СНИМАНІЕ
ДО НАТУРАЛЬНОЙ
ВЕЛИЧИНЫ.
Снимка дѣтей и
группъ
моментально.

А. ШМИДТЪ.

Павильонъ зимой
хорошо отопляется
ИЗЪСТАТИВЪ

ХРАНИТСЯ
не менѣе года.

ЦѢНЫ САМЫЯ УМѢРЕННЫЯ.

Кострома, Евангелиннѣ улицѣ, собственный домъ.

В самом начале семидесятых годов XIX-го столетия Николай Александрович взял в содержание ветхий павильон, «имеющий быть в частном строении на Павловской улице». Бывший его владелец М. Вейнерт занимался больше основным делом – торговым, а фотографию открыл как бы на случай. Заведение не пользовалось популярностью у клиентов и вскоре прекратило существование.

Хитрово выправил павильон, сделав из него в короткий срок процветающее предприятие. Имея главную заботу в павильоне, он не ограничивался производством только портретной продукции. Выдающиеся и значимые городские события его камера отражала не менее охотно.

У костромичей Хитрово слыл завзятым театралом. Возможно, что и место своему павильону он приискал не случайно: здание городского театра располагалось тут же поблизости, на Павловской.

Он дружил с актёрской братией разных трупп, со всякими театральными людьми. Часто снимал игру актёров на сцене, исполнял их павильонные портреты, которые потом раздавал им бесплатно. Все прочие желающие запастись такими изображениями могли приобрести их в фотографии, где Хитрово занимался ещё и распространением театральных билетов.

Хитрово принадлежит весьма ценное фотографическое новшество: устройство публичной витрины, демонстрировавшей его искусство, в значительном удалении от павильона. В месте людном, центральном, на стене гостиницы «Старый двор», он придумал рекламную выставку.

Это нововведение пришлось по вкусу остальным владельцам фотографий, они присовокупили к витрине Хитрово свои снимки. Получилась доступная уличная выставка. Менялись фотографы – менялись и витрины со снимками. Публичное выставочное место в начале девятидесятых годов исчезло навсегда. Тогда на время ремонта здания владельцы витрин разобрали их, а с его окончанием не возобновили. Вскоре оно забылось.

***

О смене владельцев фотографических заведений костромичи узнавали из вывесок. В окнах или стоящих неподалёку витринах появлялась и продукция нового фотописца. Имена одних фотографов исчезали навсегда, другие через какое-то время обнаруживались вновь, изменив лишь место прежнего бытования.

Фотографы искали случая и использовали всякую возможность для устройства павильонов вблизи мест многолюдных, не считаясь с затратами. Их устремления направлялись к главным городским площадям, центральным улицам, местам, предписанным для устройства торговли – приближение к потребителю несло с собой известную выгоду.

В таком светописном месте в 1885 году обосновался петербургский мещанин Н. П. Федотов. Он арендовал павильон после ликвидации светописы Хитрово. Сотрудником новой фотографии присоединился и младший брат главы фирмы С. П. Федотов. «Фотографические братья» – таким прозванием наградили горожане выучеников петербургских фотографов – дело повели отлично. Перестроили павильон, сделав его более поместительным. Оснастили лучшим

заграничным убранством, потратились на художественную рекламу. Употребив к занятиям накопленный опыт, который к тому времени составил весьма солидный капитал знаний и умений, открыли предприятие.

«Ночная фотография» – съёмка при свете магния, употребление моментальных пластинок, эмалировка и окраска при отделке готовых отпечатков – всё это стало обычным явлением в салоне. Дело Федотовых ладилось, заведение процветало.

Для привлечения заказчиков они придумали и ввели необычное новшество: постоянное хранение негативов, отпечатки с которых заказчик мог получить по удешевленной сниженной цене, не посещая фотографии. Достаточно было уведомить владельцев павильона почтой.

Деятельность Федотовых прошла целиком в губернских границах. По обстоятельствам семейным и деловым они меняли места практики, уезжали в уездные города, но более всего были связаны с Костромой.

В сознании горожан запечатлелись Федотовы как славные порядочные фотографы, «павильонные деятели» и как хроникёры городских

спортивных событий. Из всех видов спортивных состязаний они отдавали предпочтение спорту велосипедному. Уже в начале девятых годов этот роскошный спорт привлекал многих. Зрелищные гонки на стальных конях пользовались особым вниманием фотографов за скорость и быстроту действий. «Велосипедные» снимки вместе с портретными они помещали в своей витрине на стене гостиницы «Старый двор», дополняя рекламу предприятия.

На всех местах светописных практик Федотовы оставляли в памяти бывших своих клиентов добрые воспоминания о себе. В их адрес всегда звучала сердечная людская благодарность.

***

В 1903 году после закрытия павильона Федотовых на Павловской в том же помещении было открыто филиальное отделение «Большой Московской фотографии Г. П. Куракина», оформленное на имя жены фотографа В. Ф. Куракиной. Открытие филиала свидетельствовало о процветании фирмы, костромская история которой началась в 1900 году.

Григорий Павлович Куракин происходил из крестьян Ярославской губернии. Ещё будучи совершенным ребенком, по воле родителей он оказался в Москве в фотографическом учении. В память об этом он и включил в вывеску на-

звание «Московская». Познав светопись от начала, с мальчика-прислуги, начинающим фотографом он попал в Петербург, где в разных фотографических фирмах прослужил наёмным фотографом почти 15 лет, после чего имел собственное дело в г. Шуе Владимирской губернии. А отсюда уже недалеко и до Костромы, куда он перебрался на жительство, как уже было сказано, в 1900 году.

Новоустроенное заведение задумывалось с размахом, по убранству и обстановке – мебель в стиле модерн, богатство аксессуаров – оно не имело себе в городе равных. Казалось бы, такая постановка дела подразумевала обслужи-

вание избранной публики, между тем услугами фотографии пользовались все.

Природная наблюдательность и, без сомнения, того же происхождения вкус, отточенный затем в столицах, личный опыт и сметливый крестьянский ум позволили Куракину в совершенстве овладеть искусством перевоплощения: портрет чиновника снимал чиновник, портрет крестьянина – крестьянин. Этим качеством фотограф и заслужил популярность как мастер «шикарной общедоступной фотографии».

Перво-наперво он устроил фотографическую витрину. «Работа изящная на различных новых бумагах», представленная на уличной выставке, вызвала интерес у состоятельной части городского общества, представители которой тотчас же стали клиентами модного заведения.

«Новые бумаги», в частности, с успехом применяемый тогда способ платинотипии, широко развернули дело. Платинотипия отличалась тончайшей передачей полутоновых оттенков, приятным окрасом изображения, что придавало светописным произведениям весьма эффектный, совершенный вид.

Дело «Московской фотографии», заваленной заказами, процветало, когда в 1903 году Куракин открыл филиал в бывшем павильоне Федотовых. Он ввёл у себя удобный универсальный ряд цен, доступных всем, включавший в себя продукцию от дешёвых копеечных портретов до изображений многорублёвой стоимости. Конечно, портреты были разного достоинства.

Если в качественном отношении все его снимки являли собой безукоризненные образцы, блистающие как дорогой, так и скромной отделкой бланков, то содержание их нередко страдало композиционной небрежностью, подбор света не отличался тщательностью. Безучастное выражение лиц портретируемых тоже встречалось. Можно только догадываться, отчего рождались подобные неудачи: возможно, какое-то особое состояние автора было тому виной. Но такие фотографии в общей массе выполненных Куракиным работ не занимают главенствующего положения. Преобладают достойные, грамотные работы культурного фотографа. Впрочем, установить авторскую принадлежность Куракина к тем или иным снимкам, отмеченным его фамилией на бланках, представляется затруднительным: в его павильоне исполняли фотографические съёмки по найму разные люди.

Вести светописное дело в одиночку – дело хлопотливое, да и не всегда возможное. Фотографы принимали в помощь на определённых условиях собратьев по труду. Одни задерживались в найме на значительное время, другие – по соображениям личного свойства или обстоятельствам, кратко отслужив, оставляли заведение. На году таких перемещений у фотографов бывало не по одному случаю.

***

В 1903 году главная улица Костромы – Кинешемская (она же Русина) – украсилась новой вывеской, которая известила горожан об открытии «Большой Санкт-Петербургской фотографии А. П. Васильева». Рядом, в соседнем строении, располагалась «Большая Московская фотография Г. П. Куракина». Названия обеих столиц были упомянуты, понятно, из соображений рекламных: надо было привлечь публику. Но ни тот, ни другой не слухавили перед ней – Куракин был учеником московских светописцев, Васильев – петербургских. Конкуренцию друг другу фотографии не составляли, костромичи одинаково хорошо посещали оба павильона.

А. П. Васильев, костромской мещанин, был действительным членом Русского фотографического общества в Москве. Свою деятельность на этом поприще он начал разъездным фотографом. Его походное заведение в девяностых годах часто видели в уездных местечках губернии – Унже, Парфентьеве, Кологриве, Кадые, Юрьевце. Непродолжительное время работал он, имея стационарные павильоны, в Макарьево и Кинешме. Васильев, вероятно, тяготел к броским, интригующим названиям и оттого свои заведения украшал вывесками «Универсальная» или «Художественная фотография», «Артистическое заведение».

Определившись после долгих скитаний на жительство в Костроме и разместив ателье рядом с куракинским, он вынужден был вскоре закрыть фотографию, исполняя ранее данное обязательство Товариществу светописцы «Русь». Правда, в том же году на имя жены, Н. В. Ва-

сильевой, он открыл новый павильон в небольшом отдалении от центра города, который тоже просуществовал недолго: в 1907 году А. П. Васильев вместе с семьей удалился в Кологрив, где открыл своё новое уездное светописное дело.

Где бы ни практиковал фотограф, он имел репутацию добросовестного мастера. Среди его работ без труда отыщется довольно много умело исполненных, удачных снимков. В добрых, порой наивных, но душевных и милых портретах современников ему удалось правдиво передать дух эпохи.

Существование фотографа Васильева никогда не отличалось достатком, он жил, едва обеспечивая прокорм семье, но это никогда не было поводом для недоброкачественного исполнения работ, что, по его разумению, считалось поступком непозволительным.

***

Клиенты заведений получали заказы-снимки, украшенные именем владельца ателье, которое оставалось на бланках, рамках, паспорту неизменным. Такое практическое положение приводило к обезличиванию павильонного фотографа, служившего в найме, поскольку имя подлинного создателя снимка скрывалось под тиснеными именами законных владельцев.

Именно поэтому фотографическое существование В. А. Кузина долгое время оставалось неизвестным публике. Судьба его во многом типична для талантливых, но неимущих лиц из социальных низов.

С мальчиков, начав учеником, Владимир Архипович оттачивал свой талант, добившись весьма значительного умения в непростом портретном жанре. Главное время его жизни прошло в светописных павильонах Шмидта, Куракина, Касаткина.

В 1913 году с помощью Г. П. Куракина он открыл собственное дело. Обладая отменным художественным чутьем, он создавал достойные портреты, лишней раз подтверждая законное право фотографии на принадлежность к разряду изящных искусств.

Мастер изготавливал портреты и в беспокойное время 1917 года, когда уже отошло искусство бланков и паспорту, ещё недавно являвшихся заказчикам блистающие золотом обрезы и искусные типографские фирменные знаки. В картонных бланках роскошь уступила место простоте, поблёк блеск, поубавилось витиеватости в декорах, всё это сменилось бесцветностью, невзрачным серым видом.

Город наполнился беженцами, эвакуированными с театра военных действий. Многие коренные горожане переменили место жительства. Желания новых заказчиков отличались нетребовательностью, скромностью. Павильонный портрет как произведение искусства увядал. Он уменьшился до малоформатного, сжался на визитный манер как более пригодный для карманного ношения, особенно в действующей армии.

Среди костромских павильонщиков Кузин выделялся тем, что в ряду бесконечных скорых визитных съёмок находил время делать неспешные портреты в скромном интерьере, оставаясь верным себе. Пусть и с разной степенью успеха, он оформлял свой труд, как и полагается мастеру-светописцу, в изящные бланки с неизменным золотым тиснением городского герба и собственного имени.

***

Одновременно с Куракиным владел одним из городских ателье Л. Л. Ермолинский. Леонид Леонтьевич – потомственный почётный дворянин, поручик. Служил батальонным адъютантом в резервном батальоне, расквартирован-

ном в Костроме. Выйдя в отставку в 1906 году и ища способ существования, он избрал для себя светопись. Потратившись на обустройство всем необходимым, пустился в устройство «артистического заведения».

Время основания павильона пало на конец года – «мёртвый» сезон в фотографии: зимний световой день короток. Для расширения возможностей съёмки он завел ночную фотографию, которая не была новостью и в других павильонах. Однако после её применения в течение короткого срока он понял безуспешность этого приёма: из-за яркости вспышки магниевых порошков ломалась вся композиционная подготовка, нарушая тем самым изначальный авторский замысел. Да и клиент, ослепленный светом, ощущал неудобства, беспокойство, растерянность. От павильонного использования магния он отказался, оставив его лишь для выездных съёмок групп и собраний. Ермолинский придумал новое, спирто-калильное, освещение, и, научившись управляться с необычным светильником, начал вечерний приём клиентов.

В заботе павильонно приготовить портреты, по красоте и изяществу не уступающие произведениям «господ художников», он вёл бесконечные хлопотливые поиски новых методов их создания. Человек достаточных знаний, образованный, увлечённый собственной идеей, в ничтожно малый срок он получил удачные работы.

Пришлось весьма кстати опыт живописца-любителя. По приглашению Ермолинского в его ателье сошлись господа художники, чтобы оценить светописные труды владельца, и общим мнением дали весьма лестный отзыв представленным произведениям. Эту оценку Ермолинский для привлечения публики включил в рекламу, где отдельно подчеркнул особенность своих занятий: «фото-этюды и фото-картины».

Однако завоевать широкое расположение местного общества он не смог. Заведение, несмотря на усилия фотографа создать художественно-выразительные светописные картины, влачило жалкое существование. Будучи натурой мечтательной, романтической, не желая отказываться от принципов подлинно эстетических, он не обладал достаточными качествами предпринимателя. Всё это губительно сказалось на его положении, он вошел в долги. Заведение в 1912 году закрылось, а сам неудачник покинул город, вновь определившись на военную службу.

***

В том же 1912 году открылось представительство светописной фирмы, владелицей которого была предприимчивая мещанка города Кольно К. В. Следзинская. Увидев в светописи прежде всего средство для извлечения доходов, она организовала светописные заведения к тому

времени уже в нескольких городах. Костромское «электрографическое заведение» получило громкое название «Гелиос».

В ту пору электрическое освещение ещё только входило в быт костромских павильонов, да и в быт города вообще. Упоминание электричества в вывеске нового заведения обещало клиентам необычность нового прогрессивного метода съёмки.

Для управления фотографией владелица пригласила опытного фотографа В. В. Власова, в прошлом крестьянина Владимирской губернии, имеющего за плечами хорошую фотографическую школу. Вячеслав Викторович действительно был образцовым управителем вверенного ему дела. Электросалон имел обстановку строго-спокойную, с выдержанными в одном тоне фонами, лёгкой неброской мебелью. Оттого и приходящие клиенты не чувствовали здесь давления аксессуаров в отличие от других павильонов. Образцовый порядок, безукоризненное обращение с каждым посетителем в кратчайший срок обеспечили непрерывный поток клиентов.

Ателье «Гелиос» полюбилось людям среднего достатка. Их устраивали качественные портреты, которые, возможно, были далеки от светописных шедевров, но вызывали хорошее чувство при просмотре, являли собой пример аккуратности мастера, не терпящего никакой небрежности.

Власова часто приглашали фабричные рабочие, заводские делегации на фиксацию их собраний и юбилеев, где он исполнял групповые портреты в помещениях и на воздухе. Во время празднования российских торжеств по случаю 300-летия Дома Романовых в Костроме в съёмках принимали участие многие замечательные фотографы-репортёры. Был среди них и Власов, фотографии которого поместили многие столичные газеты, освещавшие юбилейные события.

***

Так же как и К. В. Следзинская, владелица фотографического заведения М. В. Зимина

(Воробьёва) светописью сама не занималась. Будучи женой титулярного советника, она лишь вложила деньги в предприятие, которое открылось для публики в 1892 году.

За время существования её павильона в нём трудились многие светописцы, костромские и иногородние. Какими-либо выдающимися особенностями ателье не блистало. Достоинства фотографической продукции разного рода целиком зависели от фотографа-исполнителя, имя которого скрывалось под фирмой владелицы ателье.

Впрочем, на одно отличие этого предприятия всё же укажем: его облюбовали воспитанники городских учебных заведений. Среди них широко распространилась откуда-то пришедшая мода обмениваться фотографиями визитного размера, с годами превратившаяся в традицию. В ателье Зиминой, как значилось в рекламе, «сняткам с учащихся» предоставлялась пониженная цена. Вероятно, это и было причиной успеха ателье у городских учащихся.

В девяностых годах XIX столетия в ярмарочные дни появляются на городских торжищах фотографы-«моменталисты», приготавливающие портрет в пять минут. Продукция их имела вид необыкновенный: изображение представлялось на металлической пластинке. Это называлось ферротипией.

М. Воробьева
Зимина

КОСТРОМА
ВОЗНЕСЕНСКАЯ УЛ. СОБЪЕД.

На жестяной пластинке, облитой светочувствительным эмалевым составом, получалось чёткое контрастное изображение чёрного или шоколадного тона в единственном экземпляре, как некогда в дагерротипах. Этим и объясняется уникальность «металлических фотографий».

Портреты по качеству, разумеется, не могли быть причислены к разряду изящных, но быстрота получения и завлекательный вид пришлись публике по душе. Облюбовали жестяные снимки люди неспросливые, в большинстве своем из малоимущих сословий: мелкие ремесленники, фабричные рабочие, крестьяне да нижние чины. Рекламные щиты призывали уважаемую публику посетить заведение – «Американскую моментальную фотографию» – более известную в быту как «скорая фотография на металле».

Первые ферротиписты, приезжавшие с новым заморским способом работы, относились, как правило, к числу иностранных подданных. Со временем выучились и свои, костромские. Правда, услуга эта по большей части находила потребителя лишь в городские ярмарочные дни или в уездных местах губернии.

Обыкновенно «моменталисты» возили с собой достаточный запас оправ из всяких металлов: брошки, медальоны, булавки, запонки, брелочки, которые по желанию заказчика снабжались фотографическими портретными миниатюрами на металле. Наличие таких оправ, имеющих практическое применение, и создавало спрос у любителей оригинальных, но зачастую безвкусных, вещей.

*Портрет рассказчицы, 90-летней Татьяны Васильевой.
Фотограф Н.М. Бекаревич. 1895 г.*

Археологическая выставка КГУАК в Белом зале Дворянского собрания к лекции Н.В. Миловидова. Фотограф Н.М. Бекаревич. 1896, 11 декабря.

***

Изобретение моментальной пластинки обозначило собой начало одного из самых замечательных явлений общественной и культурной жизни конца XIX века – любительской фотографии. К ней приобщились прежде всего представители обеспеченных кругов – предприниматели, купцы, чиновники, военные, врачи...

*С. Долмино. Церковь на месте, где стоял дом Шестовых.
Фотограф Н. М. Бекаревич. 1895 г.*

*Дер. Деревеньки, родина Ивана Сусанина.
Фотограф Н. М. Бекаревич. 1895 г.*

К их числу относился и Н. М. Бекаревич, служивший ветеринарным врачом, в свободное же время – археолог, исследователь, краевед и «частный любитель фотографического искусства», поставивший светочисное увлечение на службу историческому познанию, причём без какой-либо личной выгоды.

В качестве члена архивной комиссии он выполнил серию снимков местности села Домнино – родины народного героя Ивана Сусанина. Снимки, сделанные в 1895 году, представляют ландшафтные виды, панорамы селений, улицы, храмы и сохраняемые в них предметы старины. В серии, к сожалению, только один весьма порядочно исполненный портрет местной долгожительницы. Фотографические оттиски окружены добротностью и теплом скромных паспарту, снабжённых типографскими ярлычками.

Труд Бекаревича высоко ценили не только члены комиссии, но и фотографы-профессионалы. Большая часть его фотографий удачно сочетала научность и художественность, будь то снимки археологических находок, мест древних стоянок или памятников костромской старины.

***

Другим замечательным фотографическим лицом архивной комиссии по праву считался фотограф-любитель В. Н. Кларк, продолжатель шмидтовской традиции в создании иллю-

*Лютеранская кирха на Власьевской ул.
Фотограф В. Н. Кларк. Нач. XX в.*

В.Н. Кларк. Нач. XX в.

страций исключительной научной ценности. Его участием в делах комиссии создан весьма объёмный светописный фонд.

Василий Николаевич нёс инспекторскую педагогическую службу в министерских народных училищах и школах, а вместе с тем вёл там курс русского языка и литературы.

Жительствовал Кларк в Костроме и уездных городах губернии, где кроме педагогического служения имел по обыкновению и общественные заботы, обременяя себя просветительскими лекциями. Там же, в уездных местах, вырастил он свой неординарный фотографический талант.

Кларк общеизвестно числился одним из лучших фотографов-специалистов, фотография же в начале века всё больше и больше входила в быт разных слоёв общества, удовлетворяя самые разнообразные нужды. Однако заручиться участием Кларка в каком-либо деле оказывалось непросто. Заказчику требовалось запастись терпением, начать переговоры или переписку. Полученное предложение он обдумывал самым серьёзным образом, а его участие или неучастие в предлагаемом предприятии зависело целиком от его личного интереса к теме съёмки.

Оплату своего труда он подразумевал всегда, но она никогда не была причиной отказа, какой бы малый гонорар не выставляла сторона. Участие в каком-нибудь сомнительном деле, несмотря на возможность получить за работу зна-

Ус. Григорьевцево Купреяновых. Солигаличский у. Фотограф В.Н. Кларк. Нач. XX в.

Солигалич в наводнение. Фотограф В.Н. Кларк. Нач. XX в.

Участники IV Областного археологического съезда в Костроме на пароходе. Фотограф В.Н. Кларк. 1909.

чительное вознаграждение, исключалось им совершенно. Горожане знали его как человека порядочного, безупречной честности, весьма рационального во всём, в высшей степени экономного.

Втянуть Кларка в благотворительность можно было в какой угодно форме, только вне связи с фотографией. Многие расценивали это как проявление скупости со стороны инспектора-фотографа, он же просто высоко ценил свой фотографический труд, будучи уверенным в его бесспорной надобности.

Но изредка в учебных заведениях, где он преподавал, по какому-нибудь особому поводу он

составлял из воспитанников живописную группу, устанавливал на треноге камеру, сам устраивался с краю или в центре группы, поручая нажать спуск затвора случайному лицу. Снимки раздавал бесплатно.

Главным заказчиком интересных светописных тем была архивная комиссия, для которой он выполнил немало заданий. Коротко сообщим читателю историю самого значительного поручения комиссии, которое с блеском представляет фотографическое мастерство Кларка, серьёзность его увлечения.

В 1908 году по поручению комиссии, которая готовилась к проведению в Костроме в 1909 году IV Областного археологического съезда, Кларк совершил поездку по губернии. В Варнавинском, Ветлужском, Галичском уездах он занимался фотографированием памятников старины, церковных предметов, старинных костюмов...

Из отснятого материала, отличавшегося разнообразием, составила недурная коллекция снимков и диапозитивов. Её в дни работы съезда выставили для обозрения участников – учёных историков, археологов, краеведов многих губерний. Более трёхсот работ – такого изобилия фотографий никогда прежде, на предыдущих съездах, не предлагалось.

Коллекция Кларка наглядно продемонстрировала всем разумное применение светописки к практическим научным целям. Сам автор уча-

В.Н. Кларк с ученицами на экскурсии. Нач. XX в.

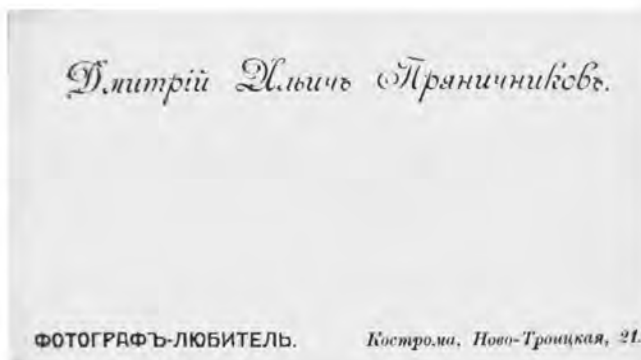
ствовал в работе съезда как член комиссии и как фотограф-любитель, снимки которого запечатлели некоторые занятия участников съезда.

После устройства съезда деятельность комиссии заметно ослабела по ряду естественных причин. Позже она вошла в состав нового объединения, образованного в 1912 году, – Костромского научного общества по изучению местного края, для которого Кларк продолжал выполнять снимки на тех же самых известных условиях. Правда, случались они не так часто.

Оценивая известное на сегодня светописное наследие Кларка, можно с полным правом признать в авторе грамотного, с чувством меры мастера-светописца, не лишённого творческого начала. Безукоризненное оформление, высокое качество исполнения снимков, умение преподнести объект съёмки – всё добросовестно, фотографически продуманно. Хотелось бы, правда, при взыскательном рассмотрении закрыть глаза на некоторые ошибки, относящиеся больше к композиционной стороне дела.

***

Среди членов фотографической подсекции Научного общества заметно выделялся фотограф-любитель Д. И. Пряничников. Костромской мещанин, служащий губернского земства, к фотографическим занятиям Дмитрий Ильич обратился в годы, предшествующие приходу «кодаковской волны», которая с полной

Визитная карточка Д.И. Пряничникова. Нач. XX в.

силой вошла в пределы губернии в середине 1890-х годов.

Влечение к светописии он испытал в юности, когда они всей семьёй отмечали какое-нибудь домашнее событие редким выходом в фотографию. Их жизнь не отличалась материальным достатком, если не сказать больше, – они нуждались. Поэтому фотографическую камеру – предмет юношеских мечтаний – он занял только к двадцати пяти годам.

Не обладая фотографическими знаниями и получая в первых опытах нежелательные результаты, он обратился за помощью к профессионалам. Фотографы братья Федотовы участливо проявили заботу о молодом человеке. В их ателье в свободное от службы время он стал

Летние стога. На покосе в психиатрической колонии. Фотограф Д.И. Пряничникова. Нач. XX в.

учеником и помощником. Набив руку, начал самостоятельную съёмку, не прерывая отношений с наставниками, у которых всякий раз находил и совет, и помощь.

Поначалу снимал беспорядочно. Неизвестно, как бы повернулось дело, если бы не состоялась благословенная встреча, изменившая его положение и во многом предопределившая будущее существование в фотографии. В девятых годах в Костроме он случайно встречается с нижегородским фотографом-бытописателем М. П. Дмитриевым. Можно с уверенностью сказать, что это событие дало костромской земле своего фотографа-«событийщика», хроникёра.

Но таковым он стал не сразу. Требовалось время для фотографического самообразования и более сносного оснащения аппаратурой. Только в начале девяностых годов Пряничников, уже начинённый светописными знаниями, начинает годами выношенный осмысленный процесс подлинного служения светописси. Началом его стала фотографическая хроника костромской губернии: он становится зачинателем репортажной съёмки в Костроме.

С тех пор его редко видели без камеры. Он таскал её с собой всюду: на службе, вне её, в командировках, на отдыхе. Неутомимый искатель сюжетов повсюду, где только мог, он пытался применить своё умение к практическим целям.

*Д. П. Пряничников в магазине
Костромского общества потребителей. 1903 г.*

Городские бедствия-пожары, волжская жизнь, собрания обществ, торжественные закладки зданий, народные гуляния – весьма обычные и характерные темы его снимков.

Пряничников, связанный службой, разумеется, не мог быть осведомлён обо всех городских новостях. Требовались помощники. Первыми осведомителями стали мальчишки. Зная чудаковатого, но доброго фотографа, они с радостью доставляли свежие известия, за что были вознаграждаемы конфетами или мелкой монетой. К юным помощникам прибавились и взрослые – в благодарность, когда просили, фотограф делал им карточки.

Вообще деятельность Пряничникова-фотографа настолько разнообразна и обширна, что обрисовать круг его интересов дело в значительной степени непростое. На протяжении многих лет снимки его фиксировали состояние города в разные времена года – его площади, улицы, здания... Редкие городские строения не подвергались снятию с них «светописных слепков».

Много лет отдал он земской службе статистика. Такая должность предполагала долгие отъезды для сбора подворных описаний разных населённых мест. Из этих командировок он привозил снимки отдалённых уездных уголков – зарисовки провинциальной жизни.

Со временем отснятый материал скопился числом весьма значительным. Фотографии домашнего архива доступны были немногим – друзьям, сослуживцам да некоторым близким соседям по улице. Желание показать накопленные труды всем и привело его к мысли об издании почтовых фотографических открыток.

Специальная бумага к услугам господ-фотографов имелась в продаже – всяких сортов и всяких фирм. Книжный склад «Костромич» губернского земства охотно взял на себя продажу его изделий.

Открытки раскупались отменно хорошо. Особым спросом у покупателей пользовались виды с событиями. Главное их достоинство – скорое, на другой день, поступление в продажу. Многие горожане находили на них своё изображение, отчего популярность открыток росла. Издатели типографских открыток заметили такой интерес публики к его открыткам, и многие сюжеты Пряничникова распечатали тысячными тиражами.

Светописно-беспокойные дни его летели в постоянной занятости. Короткий отдых вновь предполагал занятие фотографией. Другой бы обратил такое увлечение в дело прибыльное, а он, фотограф-филантроп, отзывчивый бесребреник жертвовал, жертвовал, жертвовал... Жертвовал даже тогда, когда ничего не имел: участием в подписных кампаниях в пользу нуждающихся, в займах, помогая недостаточным книгами, вещами, фотографическим участием.

Кроме научного общества состоял Пряничников членом многих городских объединений, где за исполненную фотографическую работу платы не брал никогда.

Не скопил он средств и для покупки собственного дома. Размещался обыкновенно в скромных комнатах вечно снимаемой им квартиры. Лабораторного помещения не имел никогда. Под занятия приспособлявал, как мог, всякий сносный на этот случай угол. Без электричества и водопровода, при тусклом свечном свете лабораторного фонаря вечерами и по ночам отдыхал он душевно – изготавливал снимки своей светописной хроники.

Горожане уважали Пряничникова за доброту, открытый характер, за порядочность. Он был приятным и красивым собеседником и вообще числился у людей славным симпатичным человеком.

Многие отмечали у него незаурядные учительские способности. Их он употребил на вовлечение в фотографические занятия всяких людей из своего окружения без различия возраста и, поселив в них любовь к фотографии, принимал на себя труд их практического обучения светописи. Кое-кто из тех учеников по-настоящему проникся его светописными идеями и под воздействием пряничниковского фотографического обаяния, которое он рассыпал повсеместно, сам стал участником процесса создания исторических кадров, которые обогатили костромское отделение российской светописи.

***

Дружба с Пряничниковым положила начало увлечению фотографией лучшего из его учеников – М. Ф. Риттера. Он – литограф, совладелец небольшого типографского предприятия в Костроме.

Михаил Фёдорович бесспорно обладал хорошим фотографическим чувством, которое умело применял, создавая великолепные городские кадры. Он снимал город по-своему: изыскивал необыкновенные ракурсы, которые представляли зрителю привычные места так ново, как никому не удавалось это сделать до него. Снимки его начисто лишены всяких традиционных подходов, такое авторское видение сообщало его работам привлекательность, делало их запоминающимися.

В светописных трудах Риттера выделяются кадры одной общей сюжетной направленности, которую можно определить как панорамные картины. В них город передается в обыденном, будничном состоянии, где неширокие улицы, площадки, городские островки будто раздвинулись, увеличились в размерах, подчёркивая тем самым неповторимость и красоту губернского города.

Как всякий фотограф-костромич, Риттер не оставил вниманием и животрепещущую волжскую жизнь. Всё речное волновало его как

истинного волгара и дожилось сюжетом в добротачественные снимки. В них всякий раз подчёркивал автор ширь и простор величайшего из водных трактов России. Транспорт Волги – разноцветные красавцы-паровички – пользовались особым расположением фотографа. С не меньшей любовью снимались им и небольшие судёнышки, скромные буксиры, обычные дощанки-лодки.

Чрезмерная занятость в литографском деле не позволяла уделить увлечению большего внимания, – риск для семьи оказаться в положении без содержания возникал нередко.

Риттер был человек предельно аккуратный, с присущим ему типографским педантизмом владеет камерой совершенно, за что и отзывались о нём в кругах товарищеских уважительно. Труд его – блистательный пример действительно творческого отношения фотографа, вложившего в свои произведения любовь, отчего и кадры его звучат профессионально красиво.

***

В костромском земстве в бытность Д. И. Пряничникова статистиком приступил к службе в строительном отделении А. А. Макаревский.

Александр Александрович несмотря на казальность бы сугубо техническую специальность – техник-строитель – обладал душой артистической. Он знал и любил музыку, сам недурно играл на многих музыкальных инструментах, имел страсть к изящной литературе, прилично живописал, а, освоив фотографию, предстал тонким знатоком и этого вида творчества.

Ледоход на Волге.

Фотограф А. А. Макаревский. 1910-е гг.

Серьёзный подход ко всякому делу – служебному, общественному или личному – был свойствен Макаревскому всегда. Природный художественный вкус, знание и понимание прекрасного во всех его проявлениях – багаж, вынесенный из родного дома, предполагал только творческое приложение сил к участию в какой угодно деятельности. В его фотографиях это отношение звучит красноречиво. Да, любитель фотографии Макаревский – добрый, элегантный, симпатичный интеллигент-земец – исполнял только хорошие снимки под стать самому их автору.

С фотографией он познакомился и увлёкся ею в «московском» салоне Г. П. Куракина, с которым подружился в самом начале века. Дружба двух порядочных людей, ученика и учителя, не прекращалась до конца жизни.

Кроме умения снимать Макаревский перенял от учителя качество, которое заботило фотографов-любителей: безукоризненное оформление своих произведений. Куракинская культура отделки и приведения фотографии к конечному, потребному виду занимала одно из достойных положений – считалась среди лучших в городе. Дружба с мастером-павильонщиком во многом определила фотографический вкус Макаревского, особенно в портретном жанре.

С вступлением в земскую службу разъезды по уездным местам губернии обратились для него в дело привычное, обыкновенное. Он занимался составлением проектов сооружений самой различной земской надобности: больниц,

библиотек, школ, мостов, дорог, а кроме того, вёл наблюдение за их постройкой.

В таких поездках фотоаппарат неотступно находился при нём. Если опустить всегдашние мелкие служебные неурядицы и дорожные неудобства, то поездки, в сущности, всегда оказывались благополучными и полезными. В них Макаревский познавал край, его памятники, ландшафты природы, наблюдения которых рождали мысли о совершенстве, слаженности, гармонии мира.

Он лучше узнавал людей, поскольку сам находился в непосредственной близости к простолюдинам-мастеровым, трудами которых воплощались в жизнь его инженерные замыслы. Сама яркая внешность строительного техника не отпугивала, напротив, имела притягательную силу: люди видели в его глазах уважение к себе, понимание, участие. В уездных встречах с работными людьми находил Макаревский героев своих фотографий, милых сердцу автора: дорожных строителей, землекопов, разнорабочих и прочих помощников делу...

Привозил фотограф домой во множестве изображения уездной природы, городков, памятников церковной старины. Давал их для просмотра друзьям и домашним часто в виде стереоснимков, желая поделиться с окружающими объёмными картинками разных уголков губернии.

Макаревский любил Кострому. Ей посвятил он немало светлых необычных кадров, которые несомненно составляют гордость костром-

Земляные работы при строительстве земских дорог. Фотограф А.А. Макаревский. Нач. XX в.

ской светописи. Художественный взгляд фотографа безошибочно выбирал из многообразия городских видов те особенные, отличающиеся красотой места, которые и в снимках с той же силой несли всю прелесть состояния и волновали зрителей так же, как и сами виды.

Кадры его естественны. Умение манипулировать камерой на публике, искусно скрыв от неё свои действия, есть уникальный дар фотографа. «Скрытая камера» Макаревского работала безупречно, полное невмешательство фотографа в сюжет съёмки очевиден.

Влекли его и живописные картины воскресных базаров, шумных ярмарочных действий равно как и безлюдье, уличная тишина. Не оставлял вниманием Макаревский и прибрежную волжскую жизнь, наблюдая которую мысленно обращался к далёкому времени детства и юности, проведенному на тверской Волге.

Пытливым взором подмечал фотограф красоты в явлениях обыденных, не привлекающих общего внимания. Он подолгу наблюдал за бабами, полошущими бельё, останавливался у резвящейся группы купальщиков-мальчишек, дожидаясь отвала товарного или пассажирского парохода, наслаждаясь выкриками судовых гудков.

Часто одна из комнат его дома становилась фотографическим павильоном: хозяин исполнял портреты. Домашние портреты Макаревского хороши. Он до мелочей, весьма обстоятельно, заботливо выстраивал композицию, призывая к делу всё своё умение. Его домашние

работы – приветливые, ласковые – дышат свежестью и естественностью. Пожалуй, наиболее успешны его детские изображения – Макаревский очень любил детей.

***

Важнейший шаг в своём развитии сделала русская фотография в годы «плёночной революции», которую произвела в России американская компания «Кодак».

Как всякое новшество, плёнка входила в фотографический быт с трудом, постепенно. Обыватель не спешил изменять привычным, испытанным стеклянным пластинам – выжидал. Но вскоре российский фотографический рынок быстро насытился легковесными, портативными, доступными по цене камерами «Кодак», удовлетворявшими желаниям как профессионалов, так и любителей. Поклонники светописи убедились в достоинствах камеры – и появился широкий потребитель. Превью фотографическая аппаратура стала дешевле.

То благодатное, замечательное российское время вкладывало в руки всякого, кто этого желал – мелкого служащего, крестьянина, рабочего – доступную фотографическую технику. Представители всех социальных слоёв пополняли постоянно растущую армию фотографов-любителей, из которых в скором времени вышло немало подлинных светописных творцов, в особенности в провинции.

Н. А. Карякин, инженер-педагог, может быть с полным правом отнесён к числу последних.

Н. А. Карякин. Нач. XX в.

Директор Чижовского училища А. А. Флоров. Фотограф Н. А. Карякин. 1906 г.

На рубеже веков он приобрёл фотокамеру «Кодак» и, по достоинству оценив приобретение, стал ревнителем всего «кодаковского», которое он почитал за лучшее из фотографического оснащения.

К началу светописных занятий Карякин обладал уже значительным опытом живописца-любителя, небольшие этюды которого являли собой весьма грамотные работы. Знание живописных законов и истории искусств весьма существенно помогали ему в новом увлечении.

Педагог Карякин отличался в жизни разносторонностью интересов. Кроме живописи, он серьёзно занимался музыкой и считался в городе весьма порядочным музыкантом, имел склонность к естественным наукам и общественной деятельности, был культурным, образованным преподавателем. Так что, вполне естественно, овладение новым умением произошло без труда: он познал его по обычным учебникам и наставлениям. С девятисотых годов его «кодак» начал работать на пользу костромской истории.

Тотчас с началом занятий стал складываться его домашний фотографический архив. Отснятые негативные плёнки постепенно поселялись им в специальных миниатюрных хранилищах-портфелях, где каждому предназначалось своё отдельное место в пергаментном нумерованном конверте. По краю негативных полей фотограф делал пометки о времени и обстоятельствах съёмки, будто предвидя надобность своего труда потомкам.

От многих знакомцев-любителей фотографии Карякин отличался необыкновенной педантичностью, обстоятельностью во всём да, кроме того, обладал художественным мышлением, умением внимательно наблюдать окружающую жизнь. Эти качества сделали его вдумчивым, искусным светописцем. Всякий кадр его про-

думан до деталей и выстроен выгодным автору ракурсом.

Считался Карякин большим охотником до сюжетов всякого народного действия. Особое душевное расположение вызывали в нём городские торговые праздники с их грохочущей разноголосицей, беспокойные толкучки и степенные крестные ходы.

Прогуливаясь среди занятой собственным развлечением праздной ярмарочной толпы, в её гуще, фотограф и отлавливал фигуры звонкоголосых карусельных зазывал, под аккомпанемент бубнов и рожков рекламирующих удовольствия «скоростных» катаний, раёшника – владельца райки, аппарата с рисованными картинками, поясняющего их содержание самосложными стихами, торговцев красным товаром и прочих живописных типов губернского города. Снимки такие доставались непросто...

Фотографы всегда терпели от любопытствующей толпы, желающей взглянуть на чудо-инструмент. Их обступали, спрашивали, толкали, мешали работать. Им приходилось приспосабливаться, исхитряться в настройке аппарата так, чтобы не вызвать к себе интереса, а это требовало ловкости, отточенности движений, недюжинного мастерства.

«Внезапная камера» Карякина работала безупречно. Получая результат от таких хлопотных суетных съёмки, мастер в большей степени испытывал чувство удовлетворения, нежели от обычной спокойной процедуры. Прогулки с камерой по торжищам обыкновенно заканчивались у него весьма урожайно – и видов, и типов набиралось достаточно. Однако их поиск продолжался всегда в уличной толпе, в местах отдыха, на службе.

Рутинную ежедневную работу Карякин имел в училище, где вёл курс практических занятий. Здесь обучались дети из всех слоёв общества,

*Троицкое гулянье в ограде Ипатия.
Фотограф Н.А. Карякин. 1906г.*

*Крестный ход с Фёдоровской иконой Божией Матери у
церкви Косьмы и Демьяна на Гнощице.
Фотограф Н.А. Карякин. 1905.*

В тарантасе. Правит Н. А. Карякин. Нач. XX в.

и были представлены, пожалуй, все губернские уголки. Воспитанников часто посещали родители или соседи и знакомые из родных мест, с оказией прибывшие в город. Они приходили в училище и становились объектом наблюдения фотографа. Он обладал величайшим умением общения, беседы, выпрашивал и предлагал сняться, убеждая в нужности такого снимка.

Семья Карякина, как водилось, летом неизменно селилась в деревне, снимала дачу. Там «кодаку» тоже находилось дело. Карякин воистину считался знатоком деревни, жизни простолудинов. Он водил дружбу с крестьянами всяких мест, которых частенько запросто принимал в своём доме.

С окончанием каникул он пополнял негативные хранилища новыми редкими и выразительными сюжетами сельской жизни. Архив любителя фотографии пополнялся с годами после многочисленных путешествий, без которых он не мыслил своего существования. Из всего разнообразия поездок более всего склонялся фотограф к путешествиям пароходным, волжским. Истый волгарь, он с малолетства имел беззаветную преданность реке, прибрежным городам и селениям и их обитателям. Волжских сюжетов у него немало, среди них и пароходы, и виды, и люди.

Деятельность Карякина-фотографа при жизни не была оставлена вниманием: снимки его публиковались в печатных изданиях, а некоторые волжские зарисовки составили красивую серию печатных открыток.

***

Выдержать конкуренцию многочисленных костромских светописцев было непросто, однако выжить в условиях маленьких уездных городков фотографу было ещё труднее.

Имя владельца «Русской фотографии А. И. Перепёлкина» было хорошо известно в восточных уездах Костромской губернии. Александр Иванович жительствовавал в Чухломе, где был уважаем тамошними жителями как часовых дел мастер и фотограф. Принадлежность к озёрному городу подчеркивал он изображением парусного судна на оборотной стороне фотографического бланка.

Зимой он проводил время в собственном доме за починкой хронометров и лишь по требованию местных клиентов открывал павильон. Часы для починки стаскивали сюда со всей округи. Клиенты убивали двух зайцев: и часы для ремонта определяли, и «снимались на портрет».

Местные, чухломские, и жители соседних уездов знали причуды Перепёлкина: летом он «бродяжничал» неделями, обслуживая светопись иногородних клиентов, поэтому часы ему приносили «пользовать» лишь по острой необходимости.

Вот один из образчиков продукции Перепёлкина, типичный для средней провинциальной фотографии: павильонная сценка «Привал на охоте».

Здесь нет разнообразия охотничьих предметов – оружия, шкур животных, специальных фонов. Зато на двух кирпичях, имитирующих

таганок, греется чайник, здесь же присутствует самовар с заварочным чайником и ... гармонь, вероятно, в качестве истинно охотничьего атрибута. Трое сотоварищей одинаковыми движениями свели вместе сосуды для получения стаканного звона, но лица их отчего-то смотрят в разные стороны.

Бросается в глаза поспешность, неряшливость, непродуманность композиций. Видна явная убогость и нищета павильонного реквизита. Несведущий зритель поспешит обвинить «съёмщика» в некомпетентности. В его защиту скажем: для всякого фотографа прошлого действовал общепризнанный принцип: желание клиента – закон для исполнителя. Ему в нашем случае следовал и Перепёлкин – в полную меру своих возможностей.

Долго использовал он своё монопольное право – часовое и светописное, конкуренты этим занятиям являлись редко. Но пришло время, и в городках, некогда обслуживаемых им, появились свои собственные фотографические заведения. Да и в самой Чухломе возникли новые павильоны. Практикуя с 1871 года, к 1910-м годам он оставил практику, уступив молодому и энергичному Д. П. Юдину – уже сказывался возраст. Вывеска «Русская фотография А. И. Перепёлкина» сменилась надписью «Часовых дел мастер».

***

Мещанин Д. П. Юдин возвратился домой в Чухлому из петербургского учения в 1898 году. Многолетняя практика у профессионалов-фотографов Москвы и Петербурга подготовила хоть и молодого, но уже достаточно опытного фотографа для светописного служения в провинции.

Дмитрий Павлович употребил столичные знания и опыт для устройства собственного заведения – «Общедоступной фотографии». Павильон обустроил изрядной мебелью и прочей необходимой атрибутикой. Убранство заведения венчалось добротной павильонной камерой. Приходящие клиенты оставались довольны – порядочная работа соответствовала вывеске: была доступна всем.

Павильонная деятельность давала основные средства к существованию, хватало и на совершенствование дела. Однако извлекать постоянный доход от предприятия в маленькой уездной Чухломе с населением чуть больше тысячи человек, где функционировала стародавняя фотография А. И. Перепёлкина, представлялось затруднительным. «Усадебные» заказы случались нечасто, поскольку дворянство имения посещало предпочтительно летом, и поэтому дорогие парадные портреты изготавливались редко.

В сложном положении находились, в сущности, все уездные фотографы, имевшие делом

только светопись без одновременных занятий другими ремёслами. Особенно остро нуждались они в работе зимой, когда в холодные дни впустую отапливали павильон в ожидании хоть каких-нибудь посетителей.

Летний сезон обыкновенно был гораздо более беспокойным, хлопотным, поскольку в это время создавалась материальная основа будущему существованию. В разбросанных по уезду селениях фотограф Юдин, как и многие его собратья по ремеслу, проводил светописный сезон в поисках заработка, в каждодневных трудах почти без отдыха. Тут уж бездорожье и непогода не могли остановить движение «светописных» экипажей, владельцы которых при остановках постоянно натывались на предпринимателей деревенской власти, старающихся стянуть с приезжего фотографа «за место» некоторую плату, выговаривая при торге её верхний предел.

Вообще разъездная практика, хоть и казалась со стороны однообразной, несла всегда множество неожиданностей и всяческих обстоятельств, препятствовавших делу. Но случались и отрадные поездки.

Провинциальные уездные фотографы весьма распространённо пользовались вызовом по заранее существующей договоренности с заказчиком или приглашением. Уведомляли фотографа почтой или с оказией: прибыть в определенный день «по случаю...». А случаев, да ещё в летнюю пору, бывало достаточно: дети из учения прибыли в отчий дом на каникулы, храмовый или деревенский праздник подоспел, новое заведение сельского предпринимателя открылось, близится домашний юбилей...

С получением такого извещения Юдин, не мешкая, складывал лошадей и, спеша попасть к сроку, обращался в путь. А там, глядишь, известие о его приезде разносилось по округе, и число желающих посетить фотографию прибавлялось. Только безукоризненным трудом, проявлением должной фотографической этики, предъяснением высококачественной продукции можно было заставить гарантией будущих заказов, от которых в значительной степени зависело положение фотографа, а, в конечном счёте, и всё его дело. Юдин исполнял эти общезаведённые требования, и заказчики могли удовлетвориться его примерной работой.

***

В его ателье проходили учение всякие люди, «желающие обучиться фотографическим приёмам». Одни, восприняв курс, становились фотографами-любителями, другие открывали собственные фотографии. Из числа последних был крестьянин Чухломского уезда Н. А. Щебрёнёв.

Николай Александрович Шебрёнёв освоил светопись в павильоне Юдина. Достигнув практических успехов в светописном деле, в 1902 году в посаде Парфентьеве он открыл «Универсальную фотографию».

Посадские жители пользовались услугами заведения весьма охотно. Возможность иметь изрядного вида в изящном исполнении за доступную цену портрет привлекала клиентов. В условиях стационарного павильона качество, как правило, было выше, нежели выполняемая наскоро в походных условиях продукция заезжих фотографов.

После нескольких лет процветания заведения Шебрёнёв, вероятно, по семейным обстоятельствам перенёс своё детище в Чухлому, где кроме светописного дела завёл магазин писчебумажных товаров и разных предметов. Он не оставлял и парфентьевских жителей – наезжал и разворачивал павильон для желающих.

***

Всякими путями проникала светопись в отдалённые, уединённые селения губернии... Из великого их разнообразия мы выбрали один, особый, по степени важности представляющий исключительный интерес. Этот способ светописного утверждения вызван уникальным жизненным явлением предреволюционной России, именуемым отходом.

Для северо-восточных мест особенно и части некоторых других уездов Костромской губернии отходничество – временное перемещение жителей на сезонные заработки – явление с давними традициями. Оно было вызвано неблагоприятными климатическими условиями и малопродуктивностью земель, обработка которых у тамошнего крестьянства исстари считалась делом неприбыльным. Мужское население тех мест предпочитало иметь занятия ремесленные, потребность в коих всегда имелась на стороне, в особенности в столицах.

Отходнические связи мест российской глуши с районами развитыми, столичными оказали весьма ощутимое влияние на культурное развитие жителей, которое начиналось с домашнего быта. Оттого в местах отходных «светские картинки» – фотографии – распространились раньше и прочно укрепились в крестьянских жилищах.

Через отходное дело оказался в фотографических занятиях крестьянин Солигаличского уезда С. А. Орлов. В «питерщики» – так величали отходников в просторечии – он попал с мальчиков, когда перенимал наследственное отцовское ремесло – малярное искусство.

В один из неудачных сезонов в Петербурге случай определил его в услужение к фотографу. Предполагаемое устройство в павильон на зиму обернулось для него переменной занятий. С того времени начал Орлов отсчёт фотогра-

фического служения. Со сменой фотографов-наставников изменялся и ученический быт: порой шикарные заведения сменялись на обыкновенные, простые.

Тотчас после окончания ученичества обстоятельства сложились так, что открытие собственного светописного дела пришлось отложить. Деревенское предприятие крестьянина-фотографа состоялось лишь в 1902 году. Жители родной деревни и соседних волостей приняли известие об открытии фотографии восторженно: потребность в нём ощущалась давно, и связано это было с тем же отходом. Мужская половина, как известно, дом посещала редко, наездами. В такие посещения родных мест и завезли кормильцы-«питерщики» городскую привычку хорошего тона – иметь фотографическое изображение с себя.

Женское население пожелало того же. С той поры начался устойчивый обмен портретными изображениями: домашние мастеровых вешали на стену труды столичных павильонщиков, отходники брали в разлук семейные снимки – продукцию уездных, деревенских, заезжих светописцев.

Как известно, содержать фотографическое заведение в деревенском положении в отличие от городского значительно более хлопотно.

С.А. Орлов. Нач. XX в.

Анастасия, старшая дочь С.А. Орлова. Нач. XX в.

*Крестьянские девицы Великовской вол.
Солигаличского у. в праздничных нарядах.
Фотограф С. А. Орлов. Нач. XX в.*

Фотограф-крестьянин в равной мере нёс бремя забот фотографических и чисто крестьянских по содержанию семьи и хозяйства. Кроме того, существование это предполагало бесконечные поездки – фотографическое отходничество.

Часть окрестного населения по дальности жительства, занятости неотложными делами или иным житейским обстоятельствам не могла посещать павильонное заведение и ждала приезда фотографа к себе. Близкие и дальние, короткие и многодневные путешествия с походной светописной кладью утомляли фотографа Орлова суетой, дорожными беспокойствами о состоянии хрупкого груза – негативов и камер. Требовалось предельное внимание, чтобы избежать поклажу от случайностей.

Жизнеспособность сельского фотографического дела всегда находилась в зависимости от положения деревенских дел, от благосостояния деревенских жителей. Страдало, скажем, общество от градобития, засухи, неурожая, недоимок, эпидемий – страдал и крестьянин-фотограф, только терпел в ещё большей степени.

Единственное из общенародных бедствий – война – выделялось в этом смысле из ряда других несчастий и горестей: она приносила павильонщикам доход. Военные действия увеличивали приток клиентов, которые спешили перед отъездом в войска получить портреты близких и семейные снимки.

Была в деятельности Орлова особенность, отличавшая его от многих деревенских светописцев. Более десяти лет трудился он над созданием серии снимков, которые тиражировал в сотнях экземпляров, на обороте ставил оттиск «Коллекция фотографа Орлова», а рядом сообщал о сюжете, помещённом на лицевой стороне.

На фотографиях коллекции были представлены виды уездных городов и деревень, глубоко спрятанных в губернской глуши, изображены их жители за разного рода занятиями или в моменты важных общественных событий, деревенские избы, церкви, монастыри, часовни, фрески и другие церковные древности. Снимки из коллекции были замечены деятелями столичных обществ, занятых изучением старины, их приобретали, а затем публиковали в популярных и научных изданиях.

***

Из разнообразных фотографических судеб, связанных с Галичем, мы выбрали одну, представляющую, по нашему мнению, исключительный интерес.

В светописном развитии Галич принадлежит к числу благополучных городков Костромской губернии. Может быть, особая живописность местоположения озёрного уездного красавца была причиной более раннего появления фотографов здесь, нежели в других, тоже весьма живописных, местностях края.

Братья Марк Самодур (слева) и Михаил Смодор. Нач. XX в.

Михаил Маркович Смодор, по рождению помещик Могилёвской губернии, с приездом в Галич влюбился в этот город и целиком посвятил себя составлению его светописной хроники. Фотографической науке он обучился в Варшаве у фотографа Тираспольского, в ученье к которому отдал его родители.

По окончании учения Смодор какое-то время работал в столичных павильонах, затем, скопив необходимые для покупки фотооборудования средства, приехал в Галич с кратким ознакомительным визитом, намереваясь открыть

Галич. Рыбачихи. Фотограф М. Смодор. Нач. XX в.

Галичское озеро. Крестный ход в Духов день. Фотограф М.М. Смодор. 1911 г.

Пионеры Галича. Фотограф М.М. Смодор. 1920-е гг.

собственное дело. Вскоре он уехал из города, но через некоторое время вернулся, решив остаться в нём навсегда.

С получением разрешения на открытие фотографии Смодор начал завоевывать доверие галичан. Нанял хорошее помещение, обустроил его, оснастил всем необходимым. Всё вынесенное им из варшавского учения нашло место здесь, в «Универсальной фотографии».

Первые клиенты определили начальный успех дела, которое от посещения к посещению набирало силу и расцветало: павильон состоялся. В городе заговорили о новом фотографе. Добродушный, простой в общении, интеллигентный и грамотный павильонщик полюбился галичским жителям.

Павильонные будни не оттеснили на задний план творческие поиски, никогда им не прекращавшиеся. С началом Первой мировой количество клиентов возросло: уходя на фронт, каждый хотел сохранить на память дорогое ему лицо в надежде на встречу. Он же отыскивал среди них лица-образы, художественные типы.

Военное лихолетье не отразилось на облике старого Галича, и Смодор, как прежде, снимал его улицы, площади и события, разворачивающиеся на их фоне, его людей – продолжал летопись озёрной жизни. Вошла в привычку начиная с приезда его в этот город в 1907 году натурная

*Пожилая галичанка. Первая четверть XX в.
Фотограф М. М. Смодор.*

*Дети. Постановочная фотография.
Фотограф М. М. Смодор. Нач. XX в.*

съёмка, которая стала для него безотчётной потребностью. Многие его видовые сюжеты разнеслись по России безымянными открытками, издатели которых, как правило, не указывали имени фотографа. Тем не менее имя Смодора становится известным и за пределами маленького Галича.

Он принимает участие в выставке по случаю приезда августейших особ в Кострому на празднование 300-летия правящей династии. Два года спустя, в 1915 году, его снимки экспонируются на фотографической выставке Костромского научного общества по изучению местного края. После революции Смодор продолжает работу в павильоне, параллельно участвуя в качестве фотографа в деятельности Галичского отделения Костромского научного общества. Его камера ведёт фотолетопись Галича, снимая каждодневную жизнь города такой, как она есть.

После относительно благополучного времени нэпа наступили тяжёлые в материальном отношении дни, но творческий поиск не останавливался: Смодор выступил в новом качестве – фотографа-сказочника, оборудовав павильон для работы с детьми. Однако в советской действительности особенно тех лет не было места сказке: в 1935 году по доносу фотографа арестовали. Он подобно тысячам других был брошен на строительство канала Москва – Волга, где использовался на каторжных общих работах, но, благодаря случаю, позже смог устроиться почти по специальности.

В 1937 году Смодор вернулся в Галич, где его ждала семья и, увы, немногочисленные друзья, сохранившие верность старой дружбе. Он нашёл место в своей же бывшей, но принадлежавшей теперь государству фотографии. Однако нетворческая работа не удовлетворяла, к тому же сказывались последствия заключения. Здоровье его постепенно ухудшалось, и в 1942 году галичского фотолетописца не стало.

Ф ОТОГРАФИЧЕСКИЙ ВЕРНИСАЖ

Если обратиться к фотографической истории Костромы и проследить весь путь, проделанный фотографией за 150 лет в нашем городе, то можно заметить, что нечасто костромские фотографы являлись публике с показами своих работ. Но всё же выставочная история, начатая ещё в дореволюционное время, продолжается в наши дни.

Я останавливаю внимание читателей лишь на одной выставке, довольно давней и самой выдающейся, которая не имела себе равных ни по объёму выставленного материала, ни по его содержанию среди всех известных фотографических выставок в нашем городе.

Устроили выставку члены Костромского научного общества по изучению местного края (далее – КНО), объединившиеся в 1912 году для совместной краеведческой работы. Члены общества для удобства распределились в секции, где в составе физико-математической имела подсекция фотографическая: Д. А. Девочкин и Д. И. Пряничников – служащие губернского земства, М. А. Исаков – ветеринарный инспектор, П. М. Друлис – лесной кондуктор, Н. А. Карякин, Д. С. Селезнев, Д. Н. Сизов – преподаватели учебных заведений, В. Н. Кларк – инспектор народных училищ.

В непродолжительный срок подсекция организовала любителей фотографии – костромичей и жителей уездных городов – в небольшой коллектив, который стал в истории края первым объединением любителей фотографии. Результатом работы его явилась фотографическая выставка 1915 года.

В дождливый майский день в доме Общественного собрания на Русиной улице состоялось её открытие.

«Фотографическая выставка открыта в большом зале, знакомом всем костромичам. Здесь был кинематограф («Прогресс», – А. А.), – стоит ряд щитов, обтянутых серым коленкором и увешанных фотографиями. Вот Кострома, но такая красивая, что её можно принять за Венецию, вот старинные усадьбы Костромской губернии, выстроенные в стиле ампира, их большие комнаты с колоннами, отдел церковной старины с образцами старинной церковной архитектуры. Вот промыслы Костромской губ., сцены из народной жизни, виды природы.

На возвышении помещены портреты костромских деятелей, собранные А. А. Апушкиным. На экранах – художественные диапозитивы и авторомы В. Н. Кларка».

Это описание выставки сделано одним из её устроителей в день открытия.

Дом Общественного собрания, в котором проходила выставка. 1910-е гг.

Специальный раздел был посвящен фотографической технике: фотокамеры русские и иностранные, всевозможное специальное оборудование, проекционный и кинематографический аппараты, стереоскопы всяких систем с наборами снимков. Демонстрировались рентгеновские снимки пулевых и шрапнельных ранений, сделанные в губернской земской больнице и военных госпиталях на «позициях». Ежедневно врачи земской больницы с помощью «рентгеновских трубок» демонстрировали получение рентгеновских лучей, давая при этом публике необходимые пояснения.

На выставке читались популярные лекции по фотографии, стереоскопии цветной фотографии с использованием «волшебного фонаря», при этом демонстрировались цветные и чёрно-белые авторские диапозитивы. Члены фотографической подсекции всем желающим давали консультации по работе с фотоаппаратурой и принадлежностями к ней.

Мысль об устройстве выставки появилась у членов Общества ещё в год образования, но «по недостатку средств к организации её не решились приступить». Подготовку к выставке возобновили в 1914 году. На заседаниях подсекции решались вопросы, связанные с её проведением. Тогда же был избран выставочный комитет, (председатель – В. Н. Кларк, секретарь – Д. А. Девочкин), который разработал «Положение о выставке», где определялась цель её проведения: «Выставка устраивается обществом в Костроме, с одной стороны, для того, чтобы показать фотографический материал, имеющий отношение к изучению местного края, с другой стороны, чтобы наметить пути, на которых фотография могла бы полнее служить цели общества».

В феврале 1915 года члены общества через местную газету обратились с просьбой к любителям-фотографам и профессионалам присылать в адрес общества снимки, «не стесняясь качеством своих работ». Приглашались и жители губернии, учреждения и фирмы, располагающие материалом, относящимся к изучению Костромской губернии (в виде позитивов,

диапозитивов, а также рисунков, гравюр, картин...).

К участию в выставке была привлечена и Губернская учёная архивная комиссия (далее – ГУАК), существовавшая в городе с 1884 года, которая имела в своем архиве значительную коллекцию фотографий.

Сегодня восстановить весь выставочный материал в полном объеме пока не представляется возможным: не найден ещё каталог выставки. И всё же некоторые фотографии-экспонаты и серии снимков известны, известны и их авторы. Вот краткие справки о некоторых лицах, участвовавших в выставке.

А. А. Апушкин, служащий губернского земства, председатель КНО, представил собрание фотографий выдающихся уроженцев Костромского края. Его собрание в 1915 году насчитывало более трёхсот фотографий с биографической картотекой уроженцев края.

Из богатейшего архива ГУАК выставлялись снимки археологического и этнографического характера. Из этого уникального собрания выделим фотографии Н. М. Бекаревича. Он – ветеринарный врач, археолог, краевед – запечатлел в 1885 году места, связанные с жизнью прославленного земляка Ивана Сусанина. Виды Домнина, Деревенек, Молвитина – всего 34 фотографии удивительного качества, наполненные авторской любовью и вдохновением.

В. Н. Кларк представил диапозитивы и фотографии работы 1908 г., сделанные по заданию ГУАК. Это снимки «церквей и предметов церковной старины», а также «типов населения, облачённых в местные одежды, в уездах Ветлужском, Барнавинском и Галичском».

Излюбленная тема в фотографиях Н. А. Карякина: костромская Волга с её пароходами, баржами, пристанями, городской быт – ярмарочная и базарная торговля, фотопейзажи – городская природа во всякое время года. Все эти снимки разместились на стендах выставки.

Единственно известный на сегодня полный список работ с названиями составляют снимки Д. И. Пряничникова. Вот некоторые из них: серия «Кустарные промыслы в Костромской губ.», «Типы крестьян Тоншаевской волости Костр. губ.», «В казённом лесу. Обмер деревьев», «Рыбаки на Галичском озере», «На даче для детей. Игра в крокет». Всего в списке 57 фотографий, сделанных им в 1900–1914 годах.

М. А. Исаков выставил снимки наличников окон, выполненные в Костроме и уездах Костромском и Нерехтском, а также виды Унжи и интерьеры земского естественно-исторического музея и выставки экскурсионных принадлежностей, устроенной обществом в 1914 году.

В. И. Смирнов, преподаватель гимназии, секретарь КНО, показал фотографии каменных орудий коллекции Поливановых из Московского исторического музея.

Основной материал представили на выставку члены Общества – фотографы-любители. Значительно дополнили экспозицию снимки из семейных альбомов горожан, сделанные в костромских ателье начиная с 60-х годов XIX века.

Немало потребовали места почтовые открытки, в которых фотография получила вторую жизнь. В Костроме открытки издавались по негативам Д. И. Пряничникова, В. Н. Кларка, Н. А. Карякина и чиновника почтово-телеграфной конторы С. И. Желоховцева. Из уездных городов открытки прислали М. Д. Дмитриев, И. И. Хохряков – фотографы из Солигалича, М. М. Смодор – фотограф из Галича и другие.

В течение двух недель работы выставка являлась своеобразным центром по ознакомлению посетителей с культурой, историей, бытом края, демонстрировала публике достижения современной на тот момент фотографии в области техники, медицины, краеведения. Для одних она стала событием, праздником, для других прошла незаметно. Вероятно, сказалось напряжённое военное время.

Посетило выставку всего 350 человек, и ожидаемого дохода она не принесла. Но кто знает, быть может в кого-то из этих немногочисленных посетителей заронила она фотографическую искорку, которая впоследствии разожгла в них страсть к фотографии, превратив их в подлинных любителей и профессионалов светописи.

По окончании выставки часть материала – 270 фотографий и негативов – поступила в архив Общества, что и послужило основанием для устройства фотографического отдела.

В том же году один из ведущих российских фотографических журналов «Вестник фотографии» дал костромской выставке самую серьёзную оценку и призвал научные общества других городов России последовать этому примеру и основать в своих обществах краеведческие фотографические отделы.

Спустя семь лет, в 1922 году, в отчёте Общества его председатель В. И. Смирнов писал: «устроенная в 1915 году фотографическая выставка широкого успеха не имела, хотя по количеству и качеству экспонатов она представляла выдающийся интерес. Один крупный плюс имела эта выставка – это поступление в общество во от отдельных учреждений и лиц богатого фотографического материала, составившего надёжное основание для фотографического отдела музея».

Фотографический фонд, заложенный более 70 лет назад, сегодня находится в музее-заповеднике. За время с 1915 года фотофонд вырос, продолжая пополняться новыми материалами. Часть их представлена на всеми любимой выставке «Старая Кострома в фотографиях».

СВИДЕТЕЛИ ПРОШЛОГО

ФИЛОКАРТИЯ И КОСТРОМА

В начале XX века в России стал широко распространяться новый вид печатных изданий – почтовые открытки, видовые и художественные. В столицах и ряде губернских городов появились свои издатели и целые компании по их производству. Пионером по изданию открыток был Петербургский попечительный комитет о сёстрах Красного Креста (община Св. Евгении). За двадцатилетнюю деятельность им было выпущено более 6400 наименований открыток, среди которых были и открытки с видами Костромы.

Первая же художественная открытка, посвященная Костроме – репродукция с картины художника Н. Гриценко «Волга у Ипатьевского монастыря», – появилась в самом начале работы комитета. Затем вышли три художественные открытки – репродукции с картин художника В. Плотникова, также изображающих Ипатьевский монастырь. Позднее вышли ещё двадцать открыток с видами города, выполненные по фотографиям замечательного петербургского фотографа А. Павловича.

Популярность изданий комитета была велика среди населения, поэтому приходилось переиздавать открытки до пяти – шести раз. Некоторые виды Костромы были выпущены повторно. Издания общины Св. Евгении отличались великолепным полиграфическим исполнением благодаря работе в издательстве лучших фотографов, полиграфистов-художников, вовлеченных в дело организатором издательства И. И. Степановым.

Открытки с изображением Костромы выпускала и московская фирма-фотогипия «Шерер, Набгольц и К^о» при посредничестве книжного склада губернского земства «Костромич». Подборки открыток включали в себя до двухсот видов города, в основном, центральной его части.

Книжный склад «Костромич» в доме Маянского на Русинной ул. Фотограф Д.И. Пряничников. 1900-е гг.

Книжный склад «Костромич» выпустил подборку открыток при участии московского графического заведения «Друкарь». Хотя качество их было ниже, чем у фототипии «Шерер...», по содержанию они гораздо интереснее. Здесь и «Масленичное катанье на Воскресенской площади», и «Молочная гора во время ярмарки», и «Затёртые льдом суда под Татарской слободой», и множество бытовых сцен из жизни города.

В 1912–1918 годах в связи с празднованием 300-летия Дома Романовых Кострому буквально наводнили открытками с её видами, в издании которых кроме столичных приняли участие и одиннадцать местных издателей. Среди них Городское попечительство о бедных, книжные и писчебумажные магазины «Просвещение», «Труд», Л. Зак, О. Бекенёвой, аптеки А. Фурманова, Л. Домбек... Большую подборку открыток, посвящённых промышленной выставке 1913 года, выпустил петербургский архитектор Л. Сологуб, по проекту которого выставка устраивалась.

Количество выпускавшихся открыток росло, а вот качество зачастую отставало. Здесь можно встретить грамматические ошибки, надписи, не соответствующие изображению, низкое качество печати, несоблюдение формата.

Из открыток, выпущенных местными издателями, пожалуй, самыми интересными, как по качеству, так и по содержанию, можно считать открытки Городского попечительства о бедных. Выполненные по фотографиям В. Кларка, они запечатлели не только центральную часть города и наиболее выдающиеся памятники старины, а и интерьеры зданий – «Вход из притвора в летнем соборном храме Успения», отдельные здания и жилые дома – «Дом на Сенной», «Дом причта Сергиевской церкви», фрагменты памятников старины – «Колонна святых врат у ц. Воскресения на Дебре», церковную утварь – «Выносной фонарь из слюды в Ипатьевском монастыре» и т.д. Эти неброские мягких тонов кусочки плотной бумаги мы вправе отнести к лучшим костромским изданиям открыток.

Александровская часовня и церковь св. Иоанна Предтечи. Фотограф Д. И. Пряничников. 1915 г.

Наряду с открытками, полученными типографским способом, широко издавались и пользовались популярностью фотооткрытки – фотоснимки установленного формата, имеющие на оборотной стороне вид почтовой карточки. Из местных издателей следует упомянуть о «фотографе-любителе», как он себя называл, Д. И. Прянчиникове, страстном любителе и пропагандисте фотографии. Его работы в жанре открытки отличаются замечательной техникой, аккуратностью исполнения и содержанием. Неоценимую услугу оказала нам его камера, оставив множество снимков, запечатлевших старый город – они позволяют нагляднее представить жизнь провинциального города начала XX века.

Старые открытки, свидетели прошлого, они и по сей день несут свою службу, помогая историкам, краеведам, реставраторам, преподавателям в повседневной работе, в изучении прошлого нашей страны.

После октября 1917 года – новый, советский, период в истории издания открытки. Начало 1930-х годов, недавно закончилась гражданская война, идёт восстановление разрушенного хозяйства. Казалось бы, уж какие тут открытки! А они есть, первые советские: портреты деятелей революционного движения, открытки-плакаты, призывающие на борьбу с голодом и разрухой...

Преобразуются старые и рождаются новые издательства. Уже знакомая нам Община Св. Евгении, с 1924 года преобразованная в «Комитет популярных художественных изданий», работает над выпуском агитационных, антирелигиозных и художественных открыток. В 1924 году в связи с созданием Государственного издательства начат массовый выпуск видовых и художественных открыток новой России.

В конце 1930-х годов в серии «Города Союза» появились две подборки по Костроме. Многим знакомы эти открытки, отпечатанные на бумаге невысокого качества и несколько увеличенного формата против старого с издательским значком «ГИЗ» на оборотной стороне.

*Оборот открытки.
Худ. Е. Лансере. 1904-1914.*

Как же выглядел наш город на этих открытках? Облик его, конечно, резко изменился. Декрет Совета Народных Комиссаров, подписанный В.И. Лениным 12 апреля 1918 года «О памятниках республики», предусматривал «снятие с площадей и улиц памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг» и настоятельно рекомендовал «подготовить замену надписей, эмблем, названий улиц новыми». Снят памятник «царю М. Романову и крестьянину Ивану Сусанину», на средства костромичей установлен памятник В.И. Ленину (1928 г.), для которого использован постамент 1913 года, снесены соборы и на их месте устроен парк культуры и отдыха трудящихся. На месте бывшего плаца между Красными и Мучными рядами работает стадион КИМ.

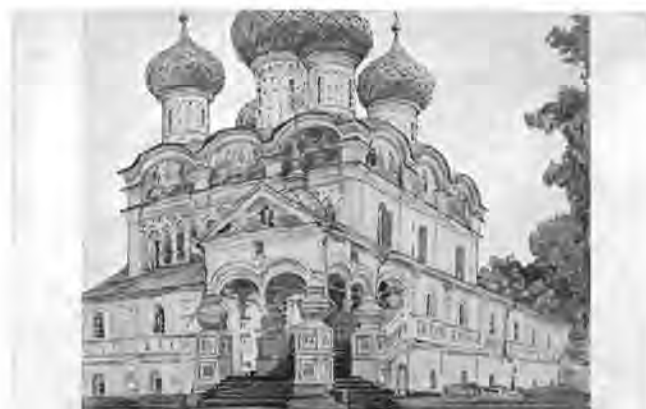
В классах епархиального училища разместились рабфак, бывшая чайная «Колпаки» оборудована под типографию «Северная правда», выстроено здание цирка, через Волгу перекинулся железнодорожный мост...

Появились новые названия улиц и площадей: улица Советская (Русина), улица Ленина (Еленинская), улица Пролетарская (Царевская), площадь Революции (Сусанинская)...

Подборки открыток с видами города в послевоенное время – а их уже появилось значительное количество – выпускались специализированными издательствами «Советская Россия», «Планета», «Изобразительное искусство», «Филателия». Великолепные по качеству и оформлению, они полно раскрывают жизнь современного города с его новыми районами, домами, улицами, учреждениями... Порадовала и последняя работа в области издания костромской открытки, только что преподнесённая костромичам и всем любителям филокартии издательством «Аврора» – подборка «Искусство древней Костромы».

Открытки 1970–1980-х годов! Придёт время, и вы, свидетели современности, расскажете свою историю новому поколению собирателей и коллекционеров.

*Репродукция картины В. Плотникова «Кострома. Собор».
Открытка. Печ. И.С. Латин. Париж. Издание в пользу общины св. Евгении.*

НИЖЕГОРОДСКИЕ СВЕТОПИСЦЫ

Рекламные щиты г. Горького извещают публику прекрасно исполненными афишами об открытии новой выставки. Она разместилась в выставочном зале горьковского отделения Союза художников СССР. «Глазами предков» – так назвали её организаторы – областная организация Союза журналистов, Государственный архив Горьковской области и горьковская организация Союза художников СССР. Посвящена она 150-летию фотографии. Выставка составлена из работ двух выдающихся мастеров русской художественной фотографии – А. О. Карелина и М. П. Дмитриева. Имена этих художников-фотографов золотом вписаны в историю мировой светописы.

Зрителям представили работы XIX и XX веков: портреты особ знатных и «беспашпортных» босяков, жанровые сценки, виды Нижнего Новгорода, городов и сёл Поволжья. Здесь и павильонные постановки, и репортажные зарисовки, и снимки событий радостных и печальных.

А. О. Карелин. Кон. XIX – нач. XX вв.

Андрей Осипович Карелин (1837–1906) – выпускник Академии художеств, после окончания которой поселился в Костроме. Каких-либо сведений о занятиях молодого художника в нашем городе нет. Имеется лишь одно объявление в губернской газете за 1865 год, где он сообщает, что «намерен здесь заняться живописью портретной и церковной, а также уроками. Портреты карандашами цветными и чёрными, красками масляными, акварельными и восковыми».

Спустя некоторое время Карелин переехал в Нижний Новгород, где и начинал фотографические занятия. В 1876 году он был удостоен звания фотографа Академии художеств. Известен Карелин и как автор серьезных фотографических изобретений. На этой выставке фотографий Костромы, выполненных Карелиным нет. Их предстоит разыскать.

В конце XIX века Карелин открыл в Нижнем Новгороде мастерскую по изготовлению световых картин (диапозитивов) для «волшебных фонарей». За годы работы мастерская выпустила не один десяток диапозитивов с костромскими сюжетами. Некоторые из них: Ипатьевский монастырь, памятник Ивану Сусанину, село Домнино и другие виды. Световые картины рассыпались в учебные заведения всей России.

Максим Петрович Дмитриев (1858–1948) – фотограф-художник, основатель и основопо-

Горьковская областная организация Союза журналистов СССР
Государственный архив Горьковской области
Горьковская организация Союза художников РСФСР

ПОСВЯЩАЕТСЯ
150-летию
ФОТОГРАФИИ

А. О. Карелин
(1837–1906)

М. П. Дмитриев
(1858–1948)

**ГЛАЗАМИ
ПРЕДЕДОВ**

Коллекция фотографий прославленного фотохудожника-вокатера А. О. КАРЕЛИНА и основателя русского публицистического фоторепортажа М. П. ДМИТРИЕВА (Нижегородское Поволжье и Вала на рубеже XIX–XX вв.)

Сотрудники Горьковского научно-технического центра «Потенциал», Арт-клуб
Студия телевидения
При участии Горьковского отделения Советского фонда культуры

Выставка работает

ложник бытового публицистического репортажа, блестящий мастер жанровой фотографии. Фотоальбомы, созданные Дмитриевым, широко тиражировались в виде фототипий. Наиболее известные из них: «Виды Нижнего Новгорода и Нижегородской ярмарки», «Неурожайный 1891-92 год в Нижегородской губернии». Почти десять лет труда положил художник на создание «Волжской коллекции», где отразил жизнь

всех волжских селений от истоков до устья великой реки. Одна из костромских фотографий 1894 года – «Соборный ансамбль с Волги» – экспонируется на выставке.

Выставка поражает небывалым объёмом – около 800 фотографий, отпечатанных с авторских негативов из фондов горьковского архива...

*Девушки с альбомами.
Фотограф А.О. Карелин. 1870-1880 гг.*

Л

ЕТОПИСЕЦ ВОЛГИ. М. П. ДМИТРИЕВ

В 1880-х годах с возникновением нового и дешёвого вида почтового отправления – «открытого письма» – в России на рубеже веков широкое распространение получили художественные и видовые письма-открытки, выпускавшиеся как зарубежными, так и отечественными издателями. В первые десятилетия века зарубежные издания открыток стали вытесняться русскими столичными изданиями. Крупные издательства, специализировавшиеся на массовом выпуске открыток, начали возникать и в губернских городах.

В Нижнем Новгороде основатель портретного ателье Максим Петрович Дмитриев в первые годы начала века выпустил свои видовые открытки, посвящённые Волге.

Выходу их в свет предшествовала трудная и напряжённая работа. М. П. Дмитриев, «летописец и поэт Волги» – так называли его современники, проделал гигантскую работу по сбору материала для издания своих открыток. Он не просто прошёл путь от истоков до низовья Волги, но и запечатлел массу волжских притоков, заливов, селений – от деревень, малых и больших городов, до спрятанных в лесах старообрядческих скитов. Встречи с простым народом – ярославскими зимогорами, рыбинскими крючниками, астраханскими рыбаками, крестьянами – нашли отражение в его открытках. Сколько труда, каждодневного и напряжённого, скрыто за этими кусочками плотной бумаги – открытками. Представьте себе работу фотографа XIX века, отправившегося на поиски интересных сюжетов, основательно нагруженного отнюдь не легкими аппаратурой и материалами, порою в несколько десятков килограммов, делающего зарисовки и не только на суше. Встречающиеся на пути ручьи, болота, мелководные речки, казалось бы, пустяковые преграды, приходилось преодолевать согнувшись под тяжестью груза.

Даже при самом беглом просмотре открыток, выполненных, кстати, на высоком полиграфическом уровне, проникаешься уважением к их автору и чувствуешь любовь издателя к великой русской реке, к её необозримым просторам, к её народу. В выпуске почти 900 видов открыток с разделами «Волжские типы и сцены», «В заволжских лесах», «Волжские кустари», «Из альбома голодного года Лукояновского уезда»...

Особенно интересна по содержанию созданная М. П. Дмитриевым галерея волжских типов: босяк в рваном армяке и опорках, крючник, странники-богомольцы, крестьянин Нижегородской губернии, обитатели ночлежных до-

М. П. Дмитриев. Кон. XIX – нач. XX вв.

мов, скитские уставницы, кучер, возивший Н. Мельникова-Печерского во время разорения скитов.

Несколько десятков открыток М. П. Дмитриев посвятил и Костроме. Это памятники старины, архитектуры и волжские виды города, которые впоследствии неоднократно переиздавались.

Работа М. П. Дмитриева над выпуском открыток раскрыла его как блестящего художника-фотографа, пейзажиста, портретиста, бытовика. Ему принадлежат редкие портреты Шаляпина и Горького, последний высоко ценил творчество Дмитриева. Известны несколько писем А.М. Горького к нижегородскому издателю с просьбой прислать ему виды волжских городов, ночлежек и типов босяков, необходимые писателю в работе над пьесой «На дне».

Станиславский, Немирович-Данченко и многие поколения театральных режиссёров обращались к «дмитриевским типам», используя открытки для отыскания нужных костюмов героев спектаклей. Открытки М. П. Дмитриева всегда служили и продолжают служить подлинным историческим иллюстративным материалом к учебникам, путеводителям, художественной литературе. В частности, они используются как прекрасная иллюстрация к рассказам В. А. Гиляровского. Эти открытки помогают при постановке спектаклей, при съёмке документальных и художественных фильмов. Кроме огромной исторической ценности они содержат в себе богатейший географический и этнографический материал.

Наследие М. П. Дмитриева, художника-фотографа, провозвестника русской публицистической фотографии, бережно изучается и притягивает к себе всё новых и новых исследователей.

Г. Кострома.

31

Общій видъ.

Собств. изд. фот. М. Дмитриева, Н.-Новгородъ.

Ложкарный базар в городе Семёнове. Фотограф М.П. Дмитриев. 1897 г.

СВЕТОПИСЬ ШМИДТА

Семья костромских музейщиков, культурный мир области отметил столетие первого краеведческого музея на костромской земле! Он, скромный по размерам музей-первенец, своим появлением заложил надёжный фундамент, на котором покоится ныне столетием созданное современное музейное дело края. Устроился музей трудом и стараниями членов Губернской учёной архивной комиссии, образованной в Костроме в 1885 году.

С началом её деятельности в губернии начался упорядоченный, систематический, подлинно научный процесс изучения края, с успехом продолжающийся и сегодня. За первые шесть лет исследовательского и собирательского труда комиссия накопила значительный архив «бумаг и предметов», составила и порядочная библиотека.

По ходатайству тогдашнего её председателя Н. Н. Селифонтова ученые-энтузиасты получили

разрешение обосноваться в здании Дворянского собрания на Павловской улице. В 1891 году детище комиссии – музей – открылся для публичного обозрения.

Сотрудниками комиссии были люди всяких сословий и положений в обществе. Любовь к делу объединила увлечённых историей людей. И высокий чиновник, и мелкий служащий, и крестьянин – все были равными тружениками, создателями первой музейной экспозиции. С одним из них – Адольфом Федоровичем Шмидтом, прилежным и деятельным членом комиссии, мы сегодня знакомим читателей.

В Костроме поначалу знали его как провизора, а с открытием в 1864 году фотографической галереи «Светопись. А. Шмидт» он сделался уважаемым и любимым фотографом у горожан. Заслужить репутацию добропорядочного искусного фотографа-мастера в те годы было совсем непросто.

Несовершенство аппаратуры, фотографических материалов, трудоёмкий, хлопотный процесс получения снимков привлекал немногих. Охотников подкормиться от светописи насчитывалось единицы, да и те по большей части, испробовав светописного труда, бросали дело. Шмидт был иных свойств. Природное трудолюбие, аккуратность, провизорское знание химии позволили ему в совершенстве изучить светописное дело и добиться в результате фотографического первенства на тридцать пять костромских лет.

Понятно, что такой человек, обладатель редкой специальности, не мог остаться незамеченным. В 1884 году Шмидт писал: «за фотографическую работу свою я недавно удостоен звания члена-сотрудника Археологического института в С. - Петербурге».

В эти годы выходит в свет описание «Костромские церковные древности», к которому был приложен альбом «Двадцать снимков, исполненных местным фотографом А. Шмидтом». Подборка фотографий включала в себя снимки с древностей Ипатьевского монастыря, храма Воскресения на Дебре и кафедрального Успенского собора. Фотограф запечатлел иконы, складни, кресты, листы церковных рукописей, отдельные храмовые интерьеры.

Фотографирование предметов в храмах, съёмка внутри помещений в то время представляли известные трудности. В работах же Шмидта, выполненных вполне искусно и, пожалуй, безызынно, чувствуется творческий подход и довольно солидная подготовительная работа. Вся шмидтовская продукция несёт на себе печать такого отношения мастера-фотографа к делу.

Он, как никто другой из мастеров-любителей XIX века, потрудился в создании видовых светописных листов. Архитектурные снимки его успешны. Они наглядно иллюстрируют опыт

*Строительство мастерских Чижовского училища.
Фотограф А. Ф. Шмидт. 1890-е гг.*

*Строительство здания среднего механико-технического
училища им. Ф.В. Чижова. Фотограф А.Ф. Шмидт. 1890-е гг.*

фотографа. Вероятно, это и стало причиной присуждения ему на Всероссийской фотографической выставке в Москве в 1889 году награды за фотографический труд.

В 1891 году Шмидт становится членом Губернской учёной архивной комиссии. За годы деятельности комиссии Шмидт весьма значительно пополнил её архив. Исполнял фотограф съёмки по частным и общественным просьбам не только в Костроме, но и в уездных городах, деревнях, селениях губернии, оставив после себя фотографии немалым числом... На время отъезда работы в «Светописи» продолжали его ученики. Их он держал всегда.

Просторный дом фотографа на Еленинской улице всегда давал приют лицам, прибывавшим в Кострому по фотографическим делам. За советом и помощью часто приезжали фотографы из губернии, а многие стали выучениками профессионала, слушателями «шмидтовской школы». В этом ещё одна заслуга педагога-фотографа, который вырастил, подготовил к самостоятельной работе людей, чей труд впоследствии обрратился на пользу многим поколениям.

Фотографическими изображениями из XIX века небогата костромская земля, в этом отношении работы Шмидта – бесценные экземпляры, раритеты, требующие самого бережного отношения.

ХРОНИКА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ФОТОГРАФА. Д. И. ПРЯНИЧНИКОВ

Если систематически закреплять при помощи фотографического аппарата всю проходящую мимо нас жизнь, то получается в результате бесконечно длинная полоса изображений прошлого. А прошлое, чем дальше оно отходит, тем делается для нас дороже.

А. Франс

Теперь лишь немногие городские старожилы помнят этого человека среднего роста с аккуратной бородкой и усами, постоянно таскавшего с собой фотоаппарат. А в городе он был человек известный – Пряничников-фотограф. Его можно было видеть всюду, где происходили события, большие или малые – значения не имело, и были они, порой, незаметные для многих, значительными для него. Он фотографировал, делал свои документальные снимки «не для себя – для потомков».

Дмитрий Ильич Пряничников – костромич, родился в 1870 году в семье мелкого служащего фабрики Зотова. Детство провел здесь же,

в фабричном районе, среди ребяташек себе подобных. С малолетства выучился грамоте и мог прилично читать сначала церковные, а затем и гражданские книги. Всю жизнь он занимался самообразованием, по возможности собирал любимые книги и к тридцати годам собрал порядочную библиотеку, составленную из сочинений русских классиков и специальной литературы. А специальная литература была со вкусом подобрана целиком по одной теме – фотографии. И вряд ли кто в городе имел столь удивительное собрание от копеечных брошюр и журналов до альбомов известных в России фотомастеров.

Рано началась его трудовая деятельность, он служил мальчиком в лавке, продавцом, в разных отделениях губернского земства – статистиком, делопроизводителем, бухгалтером, счетоводом.

Но вовсе не служебная деятельность привлекает нас в нём сегодня, а работа его как фотографа, создавшего богатейшую фотохронику более чем за сорокалетний период.

Первое знакомство с фотографией Пряничников получил в фотоателье «Светопись», принадлежавшем А. Ф. Шмидту, старейшему костромскому фотографу. Здесь, в павильоне А. Ф. Шмидта, он впервые увидел «волшебный»

Отделение государственного банка. Фотограф Д.И. Пряничников. Нач. XX в.

В палате губернской земской больницы. Фотограф Д.И. Пряничников. Нач. XX в.

ящик-гармошку – фотокамеру, а сам мастер предстал волшебником. С той поры желание стать обладателем фотоаппарата прочно укрепилось в нём.

В 90-х годах XIX века ему удалось скопить необходимую сумму, и он приобрёл дешёвенькую фотокамеру немецкого производства. Первые опыты начинающего фотолюбителя – снимки домашних, дворовых и соседских детей, уличные снимки детей фабричных рабочих. Затем стал фотографировать памятники архитектуры, церкви, ландшафты, и снимки эти, выполненные по устоявшимся фотографическим канонам, никак не удовлетворяли его. Зачастую не получался кадр: главное растворялось в мелочах.

Пряничников начал самостоятельное глубинное изучение предмета с азов истории фотографии. Выписанная им фотолитература, основательно проработанная, дала прочно усвоенные теоретические знания. Желание подкрепить теорию практикой свело его с фотографами-профессионалами братьями Федотовыми, снимавшими в городе помещения под свои фотоателье. Под наблюдением Семёна Петровича Федотова, в его павильоне Пряничников сделал первые шаги по изучению практической фотографии. В период учебы он помогал фотографу: мыл посуду, заряжал кассеты пластинками, выполнял нехитрую ретушь негативов, работал над составлением растворов. Время, проведенное в фотографии С. П. Федотова и оказалась той практической школой, столь необходимой начинающему фотолюбителю. Павильонные опыты успешно закончились, и он начал снимать свой город.

В одну из таких прогулок с фотоаппаратом случай свёл Пряничникова с известным нижегородским фотографом М. П. Дмитриевым, собиравшим материал для своих волжских открыток с изображениями местностей и типов жителей от истоков Волги до Астрахани. Быть может, эта встреча с большим фотохудожником и определила дальнейшую творческую судьбу Пряничникова в фотографии.

Трудовая терапия в психиатрической колонии Никольское. Фотограф Д.И. Пряничников. Нач. XX в.

Беззаветно влюбленный в Волгу, он с детства наблюдал и хорошо знал жизнь волжского люда. Он обратил свою камеру туда, где и появляться порой бывало небезопасно. Героями пряничниковских работ стали теперь зимогоры, береговая рвань, голь перекатная, находившая на волжских пристанях свой сезонный кусок хлеба.

Зачастуи фотограф и на ярмарки, базары, где бойко торговали игрушками и красным товаром, а «пушкари» – фотографы-моменталисты – в считанные минуты выдавали «патрет» за пятак. Снимал он и процессии во время церковных праздников, столь изобиловавшие в городе.

Пряничникова привлекали события, и к 1904-1905 годам он уже совершенно определился как событийный фотограф, прочно вставший на путь репортажной фотографии. Сегодня мы вправе считать его зачинателем, основоположником репортажа и репортажно-жанровой съёмки в истории фотографической жизни города.

Работа продолжалась. У автора начал составляться собственный архив, постоянно им пополняемый и насчитывавший уже несколько

Дом Акатовых на Русиной ул. Фотограф Д.И. Пряничников. Сер. 1910-х гг.

Ледоход. Фотограф Д.И. Пряничников. Нач. XX в.

сотен снимков, лежавших без движения, с содержанием которого был знаком лишь небольшой круг друзей-художников, фотографов и товарищей по службе.

По предложению книжного склада губернского земства «Костромич» Пряничников сделал пробную партию «открытых писем», которая была с успехом реализована. Он стал для склада постоянным поставщиком открыток, которые служили прекрасным почтовым отправлением. Их покупали охотно, и очень быстро горожане привыкли к ним и предпочитали всем прочим. Открытки Пряничникова были свидетелями ежедневных событий, очевидцами и участниками которых становились сами покупатели. Они служили замечательным иллюстративным дополнением к местным периодическим изданиям, не помещавшим фотоснимков.

Фотооткрытки изготовлялись оперативно, на другой же день и, рассылаемые по почте, разъезжались не только по России, но и за рубеж, неся в себе всем понятную визуальную информацию, не требующую специальных комментариев, снабженную лаконичной авторской подписью. Вскоре Пряничников получает предложения от издателей типографских открыток, которые начинают печатать их по его негативам отдельными сериями. Отдельные фотографии стали всё чаще публиковаться в различных печатных изданиях, а путеводитель по Костроме, составленный врачом-краеведом Л. П. Скворцовым, целиком был иллюстрирован его фотоснимками.

В этом путеводителе помещено объявление: «Вся Кострома на открытках. Фотографии на бромистых бумагах Д. И. Пряничникова». «Вся Кострома» – быть может, преувеличение? Или обычный рекламно-издательский прием? Нет, объявление правдиво! Действительно, к 1913 году фотокамера Пряничникова зафиксировала весь город – неполно были представлены лишь частные жилые дома. Государственные учреждения, памятники старины, культовые постройки, учебные и больничные заведения, торговля, промышленность, волжская жизнь, кустарные промыслы и занятия на-

Молочная гора. Фотограф Д.И. Пряничников. 1920-е гг.

селения – вот далеко не полный перечень тем его фоторабот.

С организацией в Костроме в 1912 году Научного общества по изучению местного края Пряничников становится одним из деятельных его членов. Он выполняет множество фотографических работ для нужд общества, а специальная фотографическая выставка, устроенная обществом в 1915 году, готовится при его непосредственном участии.

На выставке экспонировались 57 его работ со снимками памятников костромской старины и промыслов населения в уездах Костромской губернии. Фотоработы после экспозиции поступили в музей местного края. Работа в обществе оказала влияние на самого фотографа, он ещё более творчески стал подходить к фотосъёмке, повысил требовательность к получаемым им отпечаткам. Отсюда появление снимков одного и того же объекта, сделанных с разных точек съёмки и ракурсов, с последующим отбором лучших отпечатков после изготовления.

В предреволюционные годы из-за прекращения импорта ухудшилось снабжение фотопродуктами. Дороговизна материалов снизила возможности фотографа, и работа значительно затормозилась. Но, вырывая из своего небольшого бюджета средства для приобретения хотя бы нескольких столь дорогих и необходимых фотопластинок, он продолжал снимать. Отснятый материал лежал, бывало, по несколько месяцев непроявленным – не было химикалий.

Положение улучшилось в 1919 году, когда исполком провел учёт всех фотопродуктов, находившихся в частных магазинах и складах, и распределил их сообразно нуждам заинтересованных организаций. В это время фотографы – профессионалы и любители – организовали «Фотографическое общество», одним из главных учредителей и организаторов которого был Пряничников. Общество в кратчайший срок объединило более семидесяти человек, которые на полученных материалах выполняли работы для учреждений и организаций города.

В том же 1919 году при губернском отделе народного просвещения организовался фото-

киноподотдел, в состав которого вошёл и Пряничников, возглавивший новое, агитационно-просветительское, направление в работе. Он изготавливал снимки для вновь создаваемых музеев, школ города, изб-читален, снимал театральные постановки.

Материал Пряничникова всё чаще с успехом помещают местные газеты и журналы. Он становится одним из главных поставщиков фотоинформации и инициатором газетных фоторубрик: «С фото по городу», «С фото по губернии».

По инициативе губернского отдела народного просвещения при фотолаборатории фотокиноподотдела для учеников школ города и членов социалистических и молодёжных клубов устраиваются курсы практических занятий по фотографии. На курсах ведут работу фотографы с богатым практическим опытом: Д. Девочкин, Ф. Иванский, Н. Карякин, Д. Пряничников. Пряничников преподаёт на вечерних курсах практическую съёмку и лабораторную обработку. Впоследствии он читает популярные лекции по фотографии в рабочих клубах, устраивая при этом небольшие выставки собственных фотографий.

Вместе с членами фотокиносекции в соответствии с приказом губполитпросвета «О производственной пропаганде» он участвует в фотосъёмках производств промышленных предприятий города. Общественная работа не мешает ему продолжать выпуск своих фото-

открыток, которые теперь отражают новую жизнь и быт горожан 1920-1930 годов.

Фотографии Пряничникова из номера в номер помещает «Окно "Северной правды"», выставленное с 1932 года первоначально в витрине «Пале-театра». «Окно», организованное редакцией, монтировалось из центральной фотохроники «Союзфото» и фотохроники местных репортеров и любителей, информация от которых составляла раздел «Костромская жизнь».

Одна из самых больших коллективных работ, в которой участвовал Пряничников, – оформление кабинета советского и партийного строительства, организованного при орготделе горсовета в 1935 году. На стендах кабинета было выставлено более четырёхсот фотографий, иллюстрирующих успехи советской власти на государственном и местном уровнях.

В сентябре 1936 года Д. И. Пряничникова не стало, но наследие его служит нам и будет служить следующим поколениям, изучающим историю нашего края. Лишь небольшая часть негативов передана автором при жизни в Музей местного края, остальные работы рассеяны. Предстоит ещё разыскать их, собрать воедино. И тогда мы будем иметь возможность еще раз оценить всю проделанную им работу и отдать дань глубочайшего уважения труду этого скромного летописца исторических событий.

Зимогоры. Фотограф Д.И. Пряничников. 1912 г.

Ф ОТОГРАФИЯ ИЗ ФЕВРАЛЯ 1908 ГОДА. Н. А. КАРЯКИН

Видеть на улицах Костромы в зимнюю пору человека с фотоаппаратом было в то время явлением чрезвычайным. Владельцы «светопищущих машин» трепетно оберегали их от соприкосновения с морозным воздухом, который неблагоприятно действовал на их механизмы и мог вывести камеры из дела. Однако случилось – погода смягчала, город освещало солнце. В эти благоприятные дни одержимый фотографический народ выходил «на воздух».

В ясный февральский день 1908 года Н. А. Карякин, инженер-педагог из «чижовки» (Чижовское техническое училище), запечатлел своим «кодаком» очередную премилую картинку: перед нами Сусанинский сквер, дворники тщательно очистили от снега проход для публики и скамейки, на одной из них в центре сквера в окружении белоснежных сугробов устроились трое мужчин. Быть может, отдыхающие на диванчике вовсе и не знакомцы фотографа-педагога, а просто случайные люди. И он, увидев прелесть в обыкновенной уличной сценке и сделав щелчок затвором, отправился дальше, выискивая новый сюжет, могущий задеть его художественную душу. А таких сюжетов Карякин имел немало.

На Сусанинском сквере. Фотограф Н. А. Карякин. 1908, февраль

ИСКУСНИК ТИПОГРАФСКОГО МАСТЕРСТВА М. Ф. РИТТЕР

Служителям типографского дела прошлого,
полиграфистам будущего посвящается.

В январе 1911 года костромские газеты поместили частное объявление, уведомляющее публику об открытии новой типографии. Содержателем её значился хорошо известный в типографских кругах Костромы мещанин М. Ф. Риттер. Он устроил заведение в подвальном этаже дома Ремесленного общества, занимавшего угловое положение в перекрестке Русиной и Богословской улиц. Ещё до получения официального разрешения на типографский промысел в декабре 1910 года он заключил

договор на аренду помещения с Ремесленным обществом, а в качестве управляющего пригласил С. П. Федотова, бывшего владельца типографии, у которого некогда сам состоял в мастерах-печатниках (1).

К этому времени Кострома имела вполне пристойный типографический вид: действовало девять разных по силе и оборотам казённых и частных производств. В условиях того сложившегося, устоявшегося типографического рынка не всякий предприниматель рискнул бы начать новое дело. Михаил Федорович смело открыл свое предприятие, не опасаясь никакой конкуренции, не боясь риска. Он до тонкостей знал типографские заведения города, их возмездности, оборудование, а главное – людей, служивших в них...

М. Ф. Риттер родился в Костроме 14 февраля 1871 года в семье бывшего колониста Петербургской губернии Фёдора Михайловича Риттера, портного по ремеслу (2). Риттеры, несмотря на выпукло звучащее немецкое происхождение, имели русское подданство и были верными ревнителями православия.

М.Ф. Риттер с родителями и сестрой. Нач. XX в.

В 1879 году Михаил поступил в костромское Константиновское приходское училище и в 1883 году окончил его курс. В тот же год его приняли учеником в типографию Ф. А. Фалька (3), что располагалась на углу Марьинской и Никольской улиц в доме Благовещенской церкви. В 1893 году заведение обосновалось на Марьинской улице в собственном доме Фальков. Фердинанд Александрович стал первым типографским учителем Михаила, в его предприятии Риттер постиг печатное ремесло с самых низов, овладев впоследствии типографским искусством в совершенстве.

Фальк был весьма доволен успехом старательного, с пытливым умом юноши-типографа, но в 1899 году Михаил Федорович перешёл на службу в типолитографию С. П. Федотова (4), которую тот приобрел у родственника Ф. А. Фалька в 1892 году (5). Заведение Федотова тогда располагалось в доме А. Н. Сунгурова на Русиной улице, а позже – на Пятницкой улице в доме И. П. Третьякова. Причин к перемене Риттером места было две: весьма существенное увеличение жалованья – на четыре рубля и должность мастера-управителя. Кроме того, Сергей Павлович предложил молодому знатоку-типографу для жизни отдельную комнату в своей квартире, которую снимала его семья в доме Крюковых на Никольской улице (6).

К 1905 году финансовое положение предприятия Федотова заметно пошатнулось. Сергей Павлович был человеком в высшей степени порядочным, знатоком типографского дела, но при этом не обладал той интуицией, на которой в сложных условиях рынка при любых обстоятельствах держалось предпринимательское дело. По недостатку оборотных средств типография кой-как сводила концы с концами, дело пришло в упадок, и всё типографское оборудование пришлось заложить у сестёр Александры, Натальи и Надежды Грузинцевых.

Вероятно, с этим обстоятельством и связано мартовское прошение Риттера в губернскую земскую управу, в котором он изъявляет желание определиться в число служащих оценочно-статистического отделения (7). В земские статистики Риттер не определился, а вновь оказался в месте своего первоначального учения – в типографии Фальков. К тому времени Фердинанд Александрович умер, и делом управляла его жена Екатерина Владимировна (8).

К 1908 году Михаил Федорович, опытный мастер-типограф, скопил достаточный капитал для открытия собственной типографии. Он подаёт прошение губернатору с просьбой об открытии типографического заведения, но неожиданно получает отказ. Причиной тому стала некоторая непонятность политического свойства, вкраившаяся в биографию Михаила Федоровича. Вероятно, некто из полицейских чинов, переусердствовав в службе, дал непро-

веренные сведения, из которых следовало, что «на основании сообщения местной полиции и агентурных сведений был подвергнут (Риттер. – А. А.) в порядке положения о государственной охране обыску... на предмет обнаружения у него на квартире брошюры под заглавием: "Рабочие всех стран, соединяйтесь"». И ещё: якобы Риттер в 1907 году ездил в Перехту по каким-то партийным делам. При этом в бумагах жандармского управления утверждается: по поводу обыска – «ничего преступного обнаружено не было», а относительно перехтской поездки – «фактических утверждений в делах управления (жандармского. – А. А.) нет» (9).

Все эти объяснения с казёнными охранителями государственного покоя изрядно нарушили размеренный деловой ритм мастера, отрицательно сказались на его здоровье. Он всё стойчески пережил, и в марте 1910 года, направляя губернатору новое прошение об открытии собственного печатного дела, писал: «За всю свою жизнь – не был судим и не судился, не принадлежал ни к каким-либо политическим партиям...» (10).

Свидетельство на открытие типографского заведения Риттер получил 19 января 1911 года. К этому дню он был готов ещё два года назад, т.е. имел в собственности полное типографское оснащение. Тогда, после отказа губернатора, Риттер не успокоился и стал искать делу компаньона, который мог бы получить разрешение на открытие типографии. Риттер участвовал бы в деле как пайщик, и от него документа, подтверждавшего благонадежность в политическом смысле, не требовалось.

Такой компаньон нашёлся: вологодский мещанин И. И. Смирнов. Однако компания со Смирновым не состоялась, и отношения их закончились на том, что Иван Иванович выдал Риттеру нотариально заверенную расписку, которая подтверждала, что «купленная им, Риттер, за его наличные деньги все требуемые принадлежности для моего, Смирнова, вновь открываемого в г. Костроме типолитографского заведения... должно считаться полной его, Риттер, собственностью...» (11).

По причинам неизвестным заведение Смирнов не открыл. В январе 1911 года Риттер через газету объявил: «Я в типографии Е. В. Фальк более сотрудником не состою». Екатерина Владимировна со своей стороны газетно подтвердила сообщение Риттера. С этого момента началось рождение нового и, как показало время, лучшего типолитографического заведения города.

По местоположению в городе заведение Риттера считалось исключительно выгодным, само же полуподвальное пространство достоинств было лишено: низкое тёмное помещение, в котором господствовали сырость и холод. Одним словом, работа шла «в самых невозможных усло-

виях» (12). Ко всему, ежегодно помещение страдало от талых и дождевых вод, да, кроме того, случались аварии на главной водопроводной ветке, проложенной вдоль Русиной улицы. Тогда вода из городской водонапорной башни своеобразно занимала помещение типографии. В силу таких обстоятельств сам владелец, его служащие, а дети-ученики в особенности, часто простужались, болели и, не выдерживая долгого пребывания в столь небезопасной для здоровья среде, уходили, несмотря на самое доброе отношение хозяина.

Фирма Риттера к этому времени крепко встала на ноги, причём так прочно утвердилась на типографском рынке Костромы, что в рекламе не нуждалась. Сообщения от типографии являлись на газетных полосах только одного содержания: приглашения на службу детей «не моложе 14 лет для обучения типографскому искусству». Дело Михаил Фёдорович поставил так, что оно носило звание образцового, процветающего и лучшего в городе печатного заведения.

Как уже было сказано выше, помещение типографии было мало удобным для производства, зато в смысле оснащения оборудованием представляло собой верх технического совершенства. Риттер внимательно следил за всеми новшествами, которые предлагал рынок России. Все типографские новинки, облегчающие труд людей и полезные в производстве, применялись в его типографии. её тёмное помещение осветилось светом электрических ламп, а машины электрический ток закрутил одними из первых в городе. В связи с этим сам владелец называл своё детище «электропечатня».

Продукция типографии Риттера выгодно отличалась от изделий других заведений. Полосы изданий оформлялись типографически грамотно, со вкусом, отличались удачным подбором разнообразных гарнитур, заставок, виньеток. Для фирмы Риттера было совершенно неважно, какой поступал заказ: будь то отчёт какого-либо общества, рекламная листовка, афиша или обыкновенная линованная бухгалтерская книга. Подход ко всякому изделию был высокопрофессиональным, исполнение – безукоризненным и за разумную плату. Поэтому и заказчиков заведение не искало. Адрес печатни – Русина, дом 8 (ныне Советская, 10), был хорошо известен всем.

Михаил Фёдорович был человек добропорядочный, обаятельный, приятный и общении, природа щедро наделила его деловыми качествами предпринимателя, мягким уживчивым характером. В делах любого рода он любил порядок и точность. В городе о нём говорили уважительно как о хозяине рачительном и справедливом. Служащих Риттер подбирал себе под стать, случайных лиц не держал. Сам хозяин

отдыха не знал: дело едва ли не целиком занимало его время.

Общался Риттер в основном с людьми одной с ним профессии (13). Имел множество знакомств среди горожан, состоял со многими в приятельских отношениях, а вот тесную дружбу водил мало с кем. Ближайшим настоящим другом был для него Д. И. Пряничников.

Они сошлись ещё в отрочестве, будучи воспитанниками приходского училища. И как-то само собой получалось, что всегда жили по соседству. Их душевные, сердечные, искренние отношения продолжались до кончины Пряничникова в 1936 году. Риттера и Пряничникова связывало многое: почти ровесники, оба выросли в наёмных домах, были старшими детьми в семьях без достатка (14). Цену труду узнали с малолетства, зарабатывая свои медяки для семейного кошелька. Друзья не употребляли спиртного, из игр предпочитали шахматы, любили книги, исторические в особенности. И были связаны одной страстью – фотографией.

Дмитрий Ильич как более опытный фотограф стал другу учителем светописи. Михаил Фёдорович, до тонкостей изучив фотографию, во многих отношениях превзошел результатами учителя-друга. Его фотографические работы легко отличить от прочих: они отмечены монограммой «МР». А вот почтовые открытки с его сюжетами авторства лишены – издатели той поры крайне редко указывали имя фотографа.

В апреле 1911 года компания Пряничников-Риттер предложила обывателям «новость»: визитные карточки, на лицевой стороне которых помещалось фотографическое изображение города самых разнообразных сюжетов – от панорамных снимков до бытовых уличных сцен (15). Обратная сторона карточки оформлялась общепринятым типографским текстом визитки. В то время визитные карточки широко употреблялись не только в качестве таковых, но и как почтовые отправления, заменяющие собой открытые письма. Изобретение друзей пришлось по вкусу горожанам и, к удовольствию авторов, даже вошло в моду.

Женился Риттер в мясоед 1901 года. А в октябре того же года Татьяна Ефимовна родила дочь Ксению (16). Спустя два года семья увеличилась: у Ксении появилась сестра Маргарита. Незадолго до открытия собственной типографии в семье Риттеров родился сын Владимир. Семья Михаила Фёдоровича вместе с его престарелыми родителями снимала квартиру в Мясницкой улице, дом 45 (дом Дроздовых). Риттер был образцовым сыном и добропорядочным семьянином. Обеспечить семье нормальное, безбедное существование было главной его заботой. Большая часть заработанных средств вновь вкладывалась в дело. Семья жила имея все необходимое, но без излишеств, в экономической строгости.

К июню 1911 года механизм типолитографии был отлажен и работал, как часы. Риттер предпринимает попытку расширить дело. На имя жены Татьяны Ефимовны 13 июня 1911 года выправляется свидетельство на право открытия пакетного заведения с постановкой в нём одной малой типографской машины (17). Появление такого рода заведений в Костроме было вызвано к жизни постановлением Костромской городской думы 1910 года, в котором речь шла «о воспрещении (торговцам. - А. А.) завёртывания и хранения пищевых продуктов и съестных припасов в исписанной и печатной бумаге» (18). Предписано было использовать для указанной цели «лишь чистую специальную обёрточную бумагу».

Указ городских отцов приживался с трудом, и, в большинстве своём, приказчики закручивали съестной товар в старые газеты. Но всё же цивилизованная часть торговцев избрала новый способ отпуска продуктов обывателям – в пакетах. Кстати сказать, это был первый прогрессивный шаг к введению новой формы торговли в виде продажи фасованных товаров. Пакет выполнял ещё и рекламные функции: лаконичный типографский текст сообщал потребителю сведения о фирме предпринимателя. По причинам неизвестным пакетное заведение Риттера не состоялось. Однако пакеты всё же производились в типографии на Русиной улице.

Заведение Риттера действовало более чем успешно, приносило хороший доход. Но он искал новых способов вложения капитала в прибыльные дела. Риттер, тонко чувствующий рынок вообще, пришел к мысли об издании собственной газеты.

Календарь показывал конец августа 1914 года. Жизнь в отечестве и в мире заметно менялась. Менялся и костромской обывательский мир: люди стали больше читать прессу. Риттер подаёт прошение губернатору на право издания газеты «Современные известия» (19), в которой намеревается принять обязанности ответственного редактора на себя. Свидетельство на издание газеты, но под другим названием – «Последние новости» – он получает 4 октября (20). Что-то изменило намерения Михаила Фёдоровича, и газета в свет не вышла.

В газетном предприятии Риттер все же участие принял, однако, не как издатель и редактор, а как типограф. В декабре 1915 года на газетный рынок города поступило новое периодическое издание – «Костромская газета». Издателем её был коллежский секретарь в отставке Н. Н. Бувевской (21), печаталась она в типографии Риттера. Ходили слухи, что он даже являлся пайщиком издания, но об этой форме его участия в газете у нас сведений нет.

В жизни Костромы риттеровские вехи остались в разных обществах, объединявших вокруг себя ремесленников, деловых людей,

предпринимателей. Любовь к русской истории привела его в Костромское научное общество по изучению местного края (КНО) (22). Помимо пожертвований в виде документов XVII-XIX веков, которые он сделал музеем общества, он участвовал в археологических раскопках, а главное, печатал для общества по весьма щадящей цене отчёты, труды, билеты, бланки...

В военное время число обывателей Костромы увеличивалось ежемесячно, город наполнялся беженцами, нашли здесь пристанище и многие предприятия, эвакуированные из прифронтовой полосы. Предприниматели-«варяги» открывали новые производства, торговли, дела всякого рода. Портфель заказов типографии Риттера полнел и, казалось, сама судьба благоприятствовала дальнейшему процветанию дела. Однако дальновидность и предпринимательское чутьё Михаила Фёдоровича подсказывали ему мысли о скором крахе построенного им типографского механизма.

Можно только догадываться, каков был следующий шаг Риттера. В нашем распоряжении есть единственный документ, отчасти проливающий свет на действия Риттера в самую неблагоприятную пору его жизни. Это письмо А. А. Анагорского, присяжного поверенного из города Шуи Владимирской губернии, датированное 3 ноября 1917 года.

Он писал Риттеру: «По вопросу о прибавке заработной платы наборщикам я всецело представляю на Ваше усмотрение. Вы уже знаете, сколько прибавить, и я нисколько не буду на Вас в претензии за необходимую прибавку» (23). И ещё: «Хорошо было бы, если бы к этому времени (к 8 ноября. – А. А.) Вы закупили всю бумагу. Тогда я принял бы меры к отправке как машин, так и бумаги вместе, а шрифт после его сборки можно было бы, в крайнем случае, отправить и багажом. Для ускорения сборки шрифта очень было бы желательно, если бы наборщики работали и по вечерам».

Из сего есть основание полагать, что Риттер продал (или собирался продать) типографию, может быть, самому Аркадию Александровичу или какому-либо лицу, чьи интересы представлял Анагорский.

Сделка эта не состоялась, 21 мая 1918 года губернский исполком выдал Риттеру удостоверение, которым ему разрешалось «получить из губернской типографии из реквизируемых запасов у него семь стоп двойной писчей бумаги (28 фунтов) для напечатания сданных ему Научным обществом по изучению местного края анкет» (24).

В 1918 году дело Риттера как частного предпринимателя перестало существовать, а сам он оказался на советской службе в качестве литографа типолитографии «Северная правда». Последним местом его службы была государствен-

ная типография «Красный печатник», бывшая на Молочной горе, дом 5.

В 1920-е годы Михаил Федорович практически реализовал свои ещё дореволюционные опыты в типографских процессах, целью которых было удешевление печатной продукции. В 1925 году специализированная газета костромских печатников «Марзан» писала: «т. Риттером осуществлена теория о “сухом способе” перевода рисунка на камень. Этот способ заключается в том, что при его применении не нужны дорогостоящие художники и гравера» [25]. В 1929 году Риттер предложил новый способ печати с проволочной сетки, при применении которой экономилась краски «до 50% против сплошной фоновой печати» [26].

В начале 1930-х годов Михаил Федорович вышел на пенсию. Здоровье его было подорвано профессиональной деятельностью: работа в полуподвальных помещениях, сырых и плохо вентилируемых, постоянные контакты с цинком, свинцом – всё это не прошло бесследно. Вялотекущая чахотка прогрессировала, и 26 августа 1948 года в возрасте 78 лет Михаил Федорович скончался от горлового кровотечения [27].

Наш короткий рассказ о славном земляке-типографе, который силой своего таланта и сверхжеланием создал образцовое типографское дело, состоялся благодаря внуку мастера Михаилу Владимировичу Риттеру, который в 1989 году передал мне часть дедовых бумаг, напутствуя словами: «Возьми, они скоро тебе пригодятся, только меня уже не будет». Так и случилось...

- 1 Договор М. Ф. Риттера с Ремесленным обществом на аренду помещения // Архив автора.
2. Государственный архив Костромской области (далее – ГАКО). Ф. 749. Оп.1. Д. 113. Л. 14а.
3. Там же. Л.14а об.
4. Там же.
5. Костромские губернские ведомости. 1892. 19 февраля.
6. ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 113. Л. 14а об.
7. ГАКО. Ф. 205. Оп. 2. Д. 718. Л. 28.
8. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 12779.
9. ГАКО. Ф. 133. Б/ш. Д. 677. Л. 88,91.
10. Там же.
11. Расписка Н.И.Смирнова // Архив автора.
12. Поволжский вестник. 1912. 12 января.
13. ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 113. Л. 14а об.
14. Там же.
15. Наша костромская жизнь. 1911. 2 апреля.
16. Свидетельство метрическое о рождении Ксении Михайловны Риттер // Архив автора.
17. Там же.
18. Журнал Костромской городской думы. 1910. 6 июня.
19. Прошение М. Ф. Риттера губернатору на право издания газеты «Современные известия» // Архив автора.
20. Свидетельство на право издания газеты «Последние новости» // Архив автора.
21. Там же.
22. Отчет Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1916. С. 34.
23. Письмо А. А. Анагорского М. Ф. Риттеру // Архив автора.
24. Удостоверение губернского исполкома на выдачу бумаги Риттеру // Архив автора.
25. Новое в литографии // Марзан. 1925. 4 мая.
26. Протокол заседания комиссии по содействию рабочему изобретательству // Архив автора.
27. Книга записи актов гражданского состояния. 1948. № 942 // Архив ЗАГС г. Костромы.

Перевоз у Костромской духовной семинарии. Фотограф М.Ф. Риттер. Нач. XX в.

ФОТОГРАФИЯ С ВЫСТАВКИ. А. А. МАКАРЕВСКИЙ

В 1986 году сотрудники Историко-архитектурного музея-заповедника устроили выставку «Старая Кострома в фотографиях». Среди выставленных снимков одна фотография привлекла внимание всех. Успеху способствовали удачный большой размер, а главное, редкий житейский сюжет изображения. Зрители подолгу задерживались у картинного кадра, меняли ракурс обозрения. О снимке говорились все лучшие слова. Им восхищались. Спрашивали об авторе. Автор был неизвестен.

...Летний день. Городской плац, занятый «Девятой ярмаркой» – главным в городе торговым губернским праздником. Против памятника царю Михаилу Федоровичу Романову и крестьянину Ивану Сусанину на мачте развевается сим-

вол ярмарки – российский флаг. Время к полудню, – людское оживление немного спало. Но в пространстве ярмарочных линий, вдоль лавок, павильонов, полков, пестрящих вывесками, заметно некоторое движение. Мужчина, внимание которого целиком отдано мальшу, сосредоточен на «уверенных», нетвёрдых шагах его. Девушки остановились под вывеской «Хрусталь» – ведут беседу. В лавке «Американского базара», где есть «любые вещи», покупатели присматривают будущую покупку.

В центре ярмарочной картины прямо на зрителя неспешной прогулочной походкой движутся дамы, ведущие за руки девочку-мальшку, рядом с ними – девочка старшего возраста. Видны отбрасываемые ими короткие тени. Можно уловить и шелест их платьев, и легкие прикосновения подошвы обуви к полотну плаца. Кажется, ещё несколько шагов, и вся группа сойдет в выставочный зал, внеся с собой ярмарочную атмосферу губернского города...

Спустя три года я установил автора снимка и узнал героев фотографии. Фотографом ока-

На Девятой ярмарке. Фотограф А. А. Макаревский. 1905 г.

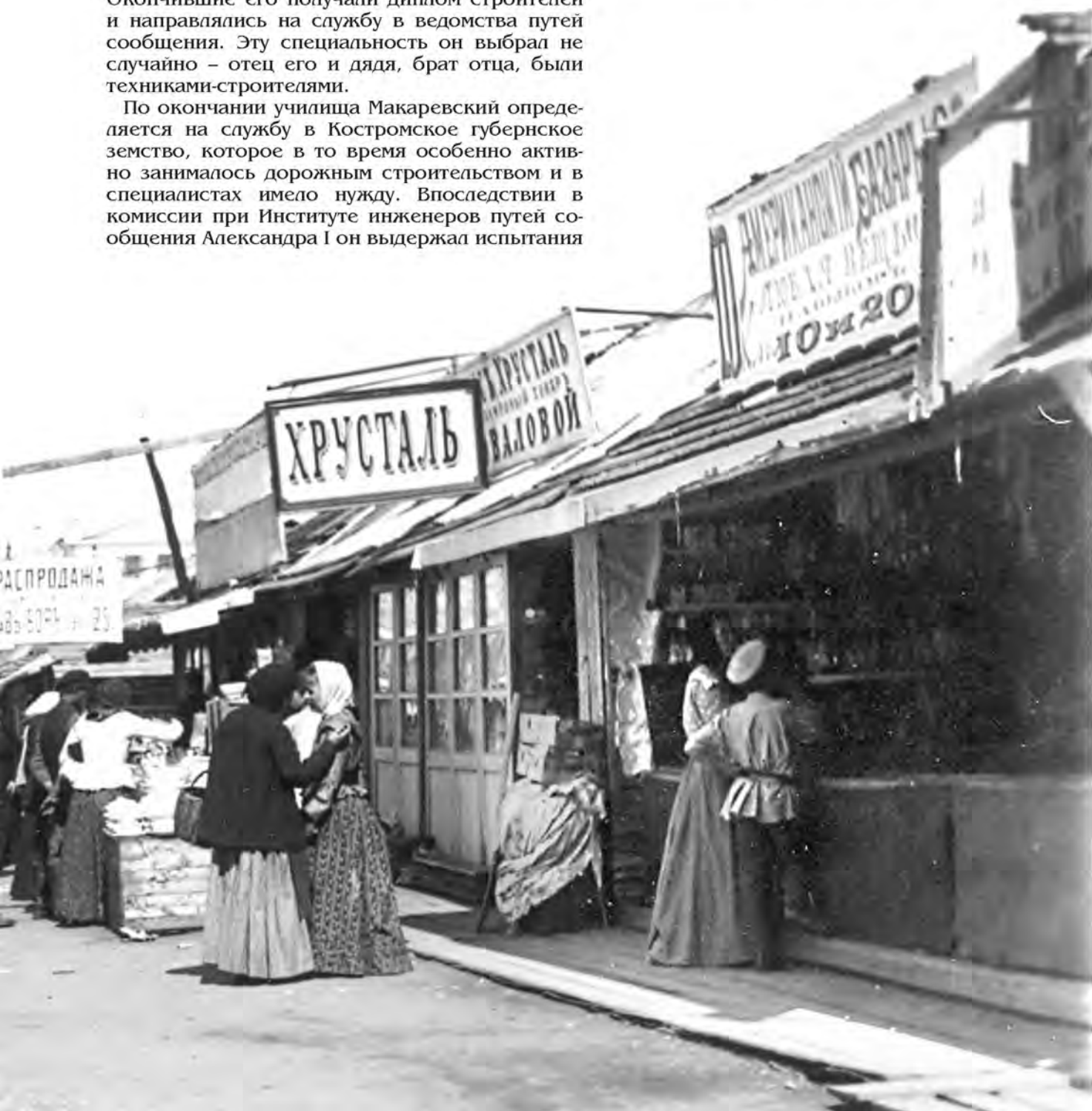
зался губернский любитель светописи А. А. Макаревский. В истории светописного дела Костромского края он своими работами оставил заметный след, обогатив провинциальный фотографический архив кадрами костромской истории.

Александр Александрович Макаревский (1876–1947) родом из Твери. По окончании городского училища он поступает в Вышневолоцкое училище кондукторов путей сообщения. Окончившие его получали диплом строителей и направлялись на службу в ведомства путей сообщения. Эту специальность он выбрал не случайно – отец его и дядя, брат отца, были техниками-строителями.

По окончании училища Макаревский определяется на службу в Костромское губернское земство, которое в то время особенно активно занималось дорожным строительством и в специалистах имело нужду. Впоследствии в комиссии при Институте инженеров путей сообщения Александра I он выдержал испытания

на звание техника. В этом звании прошла вся его дореволюционная служба в костромском земстве.

Служебные характеристики представляли его всегда как «образованного, сведущего, опытного и энергичного техника, искренне любящего своё дело и как честного безукоризненного земского работника». Земству отдал Макаревский лучшие свои годы и опыт, решая на служ-

бе большей частью задачи инженерные. По он интересен нам тем, что был ещё и необыкновенно искусным фотографом-любителем, который относился к своим фотографическим занятиям так же серьезно, со старанием, с душой и сердцем, как и к любимой работе.

Фотографией он увлекся в Костроме. В начале века состоялось его знакомство с профессионалом-фотографом Г. П. Куракиным, владельцем «Большой московской фотографии». Знакомство переросло в дружбу. Мастер-профессионал дал первые дружеские фотографические уроки, научил работать с аппаратурой. За время ученичества Макаревский взял всё лучшее из богатой петербургской практики фотографа. Началась пора самостоятельной работы.

Служба земского строителя известна: постоянные передвижения, командировки по губернии. Он строил мосты и дороги, школы и больницы и ещё множество прочих строений по заданию земства. Конечно, в передвижениях имелись обычные дорожные неудобства, но зато он получал богатейшую возможность наблюдать окружающий мир провинции. Представлялись встречи с людьми всех сословий, что в конечном счёте приумножало его знания о крае, его истории, привязанность к которой у него обнаружилась со времени приезда в Кострому.

Фотокамера часто сопровождала своего владельца в поездках. Шла неторопливая вдумчивая съёмка, результат которой – фотографии уездных уголков губернии. В них запечатлел он моменты строительства дорог и зданий, где сам фотограф зачастую присутствовал не только в качестве наблюдателя и производителя работ, но и как автор многих служебных замыслов, реализуя их на практике.

Природа наделила Макаревского способностью понимать и видеть прекрасное. Свободное от службы время он посвящал чтению, музицированию, занятиям живописью, причем, достиг в них весьма изрядных успехов. В живописи он отдавал предпочтение пейзажу. Довольно много пейзажных картин оставил он и в фотографиях. Любовь к окружающей природе во всяком её состоянии присутствует во всех его работах живописных и фотографических.

Его привлекают нагромождения льда во время волжского ледохода. Он настраивает фотокамеру, замечая среди ледяных глыб женщин, в студёной воде полощущих бельё. В зимний морозный солнечный день не проходит мимо белой от инея берёзовой аллеи с застывшими переплетёнными ветвями деревьев – фотографирует. Снимает санный путь, проложенный в сугробах. Сколько вёрст проехал он в казенных пролетках и фурах, а ещё больше отшагал по губернскому бездорожью, кто знает... Верно, отсюда и родилась его любовь к дорожным

изображениям, – может быть, профессия наложила свой отпечаток.

Жизнь Макаревского с момента рождения и до конца дней была связана с Волгой. Это обстоятельство поставило на его фотографические занятия «волжскую печать». Пароходные, лодочные и береговые прогулки его с фотоаппаратом оставили нам кадры волжской жизни. В любимой им стереофотографии отыщем немало сюжетов с волжской тематикой, которым он намеренно отдавал предпочтение.

Любил Макаревский и город. Он много снимал Кострому. Городские кадры фотографа отмечают места живописные, приятные взору, после просмотра которых сюжеты надолго остаются в памяти.

В любительской фотографической практике Макаревского следует указать на одну очень важную сторону, составляющую, пожалуй, основу подлинно творческого отношения его к фотографии, которой часто недоставало прежде и недостает сегодня многим профессионалам: присутствие у мастера высочайшей внутренней культуры.

Светопись Макаревского красноречиво раскрывает этот его дар портретиста. Светлое чувство возникает при просмотре его портретов, особенно детских. Работы безукоризненно оформлены на твёрдых профессиональных бланках, найдена нужная авторская постановка при компоновке кадра, снимкам придана художественная тональность, цвета которой искусно подобраны сообразно композиции. От этого и портреты у него выходили живые и добрые.

После смерти фотографа домашний архив его, как часто случается, «временно» за ненадобностью в бытовой суете поместили на чердак и в чулан. Менялись владельцы, жильцы бывшего его дома, а вместе с ними понемногу исчезали и негативные стекла. Фотографии разбирались родственниками, при этом большинство их пропало.

В начале 1970-х годов внук фотографа, к глубокому нашему сожалению, передал в музей-заповедник лишь малую часть негативов деда. Передачу оформили в спешке. В музейные фонды негативы поступили как безымянные стёкла и растворились среди себе подобных единиц хранения.

Некоторым из них удалось вернуть авторское имя.

...Лето 1905 года. В центре губернской ярмарки – Анастасия Николаевна, жена фотографа, его младшая дочь Мария, сестра жены Анна Николаевна и двоюродная сестра фотографа Лиля.

Ф

ОТОГРАФ ОЗЁРНОГО КРАЯ. М. М. СМОДОР

Осенью 1906 года в Галич приехал молодой человек, прежде никогда не бывавший здесь. Стройный, невысокого роста, в плечах неширок, одет неброско, аккуратно, со вкусом. Из-под мягкой шляпы виднелись чуть выющиеся чёрные волосы. Привлекательное лицо. Взгляд – открытый, приятный. Нос особых очертаний выдавал его нерусское происхождение. Всё в нем указывало на человека интеллигентного и принадлежащего, вероятно, к миру артистическому.

В городе он провел три дня. Познакомился с работой фотографических павильонов – их было два, снялся «на портрет». Сделал несколько частных визитов, получил фотографии и оставил город.

Он вернётся сюда через несколько месяцев. Озёрный город станет для него родным...

Михаил Маркович Смодор (1882–1942) родился в местечке Любавичи Оршанского уезда Могилёвской губернии. Детство прошло в семье родителей-мещан в трудах хозяйственных и земледельческих. В отроческом возрасте роди-

тели определили его к варшавскому фотографу Я. Тираспольскому. Мастер слыл культурным, требовательным, справедливым педагогом. Уважение и благодарность к наставнику Михаил Маркович сохранил до конца дней своих.

Фотографическое ученье растянулось на семь лет. Годы эти были непростыми, если не сказать больше – тяжкими, но вместе с тем и отрадными. Снизу доверху прошёл Смодор лестницу фотографической школы, прежде чем получил из рук учителя рекомендательные письма и своим трудом скопленные средства для устройства собственного дела.

Фотограф держал одновременно несколько мальчиков-учеников. Опытный глаз учителя сразу отделил любознательного, пытливого воспитанника от прочих. Смодор, не подозревая об этом, оказался на особом положении: день его в отличие от остальных учеников не оставлял времени для забав и праздного времяпрепровождения.

В обязанности Смодора было введено обязательное посещение музеев и картинных галерей, чтение книг по искусству. В конце каждой недели учитель производил испытание знаниям. Если обнаруживал незнание учеником какого-либо понятия или явления, на всю следующую неделю «неуч» отсылался на хозяйственные работы в помощь прислуге. По отбытии кухонного наказания испытание возобновлялось.

Рыбаки на Галичском озере. Фотограф М. М. Смодор. Сер. 1910-х гг.

Фотографическая программа обязывала прилично знать польский, а из «французского и немецкого языков делать разговор». Только на четвёртом году Смодор удостоился права прикоснуться к камере и покрутить ручки её массивного «статива».

Ретушёвскому искусству мастер обучал просто: ученик исполнял несколько фотоавтопортретов, в которых собственноручно должен был деликатнейшим наложением ретуши исправить изъяны изображения, довести его до безукоризненного состояния.

Курс павильонной этики после теоретических наставлений предполагал практическую демонстрацию учеником профессиональных умений. Сам мастер-экзаменатор изображал пришедшего клиента, оповещая о себе дверным звонком. Начинался экзамен: встретить, принять, выслушать, понять, предложить, исполнить, проводить. При прощании необходимо, выражая искреннюю признательность за визит, тактично вызнать, в какое время и куда доставить заказ...

Выйдя из ученья, Смодор определился наёмным фотографом в какой-то московский павильон – имя владельца неизвестно. Такой поступок его объяснялся тем, что практика в столице должна была увеличить имеющийся капитал для приобретения самой совершенной аппаратуры. Спустя некоторое время аппаратуру Смодор купил.

В 1907 г. Михаил Маркович вернулся в Галич. Теперь навсегда! Снял квартиру (собственного жилья у него не будет никогда), обустроился. Вновь посетил заведения будущих конкурентов, оба фотопавильона. Они, как и в первый его приезд, находились в удручающем состоянии. Салоны располагались в малопригодных для дела помещениях, устроенных наскоро, с кое-каким «нутром». Тем самым как бы подчеркивалась временность их существования, готовность в любой момент прикрыться. Под стать убранству была и продукция, в которой начисто отсутствовала требовательность мастера к качеству, каковой, по-видимому, не наблюдалось и у клиентов. Снимки являли собой плохую любительскую работу, следовавшую шаблонам самого низкопробного ремесла...

Свидетельство от губернатора на право открытия собственного фотографического заведения Смодор получил. Нанял помещение, светописно устроил его, без вычурности, с душой украсил своего первенца. Павильон под вывеской «Универсальная фотография М. Смодора» начал принимать первых клиентов. Галичский люд очень скоро оценил уровень обслуживания, обходительность и культуру мастера. Дело пошло в гору, новое заведение процветало, прежние же и без того малоодоходные теперь совсем захирели...

И.И. Каликин и М.М. Смодор, Перв. четв. XX в.

Галич для Смодора с первых впечатлений был и остался уездным озёрным красавцем. Он полюбил его. Полюбил и галичан, расположив их к себе своим безупречным трудом, добросердечностью. Ему отвечали взаимностью.

Смодор работал много, без усталости, случалось, по двадцать часов в день. Помощников не держал, признавая работу фотографа только в одном лице. Средства для жизни имел достаточные. На себя тратил мало, помогал родителям, вкладывал в дело, а что оставалось – это для души: он был подлинный библиофил. Деньги уходили на книги, альбомы по искусству, выписку фотографических журналов и т.д. Книжная любовь свела его и сдружила с К. В. Палиловым. Константин Васильевич был дальним родственником И. Д. Сытина и имел книжный магазин. Здесь Смодор бывал весьма часто и через Палилова выписывал интересующие его издания. Книгопродавец был старше фотографа на шестнадцать лет, но это не мешало им быть добрыми друзьями.

Однажды в павильон пришёл художник И. И. Каликин. За разговорами познакомились да так и остались друзьями до конца дней своих. Общение с Палиловым и Каликиным, естественно, привело к другим приятным знакомствам, и мало-помалу составилась круг общения Смодора с теми горожанами, благодаря которым теплилась культурная жизнь Галича. Он охотно присоединился к этому обществу.

Имя фотографа появилось в списках разных попечительных и благотворительных обществ города. Его благодарили за бесплатное исполненные снимки. Общества и учреждения, где он не состоял, тоже благодарили за бесплатную помощь.

В 1913 году состоялся визит царской семьи в Кострому. Земство к сему случаю открыло кустарно-промышленную выставку, на которой среди изобилия экспонатов из всей губернии

Война. Фотограф М.М. Смодор. Сер. 1910-х гг.

было представлено 1000 фотографий. Автором нескольких десятков из них был М. Смодор.

В 1915 году Костромское научное общество по изучению местного края (КНО) устроило специальную фотографическую выставку, на которой были представлены виды селений, типы жителей губернии, занятия населения и галерея выдающихся уроженцев края. Двадцать фотографий Михаила Марковича экспонировались там. Среди снимков была одна работа, о которой следует сказать особо.

1915 год. Война. Смодор «по слабости сердца» был освобождён от службы. В Галич приходили санитарные эшелоны из действующей армии. Как-то в его павильон зашла сестра милосердия из такого эшелона – «сняться на карточку». Смодор сделал несколько снимков. Вечером того же дня он вручил ей заказанные ею фотографии, один снимок оставил себе. О нём он умолчал.

Этот визит взволновал его: исполненное трагизма лицо совсем ещё молодой женщины несло на себе отпечаток бесконечной усталости от бедствий и ужаса который обрушила на Россию война.

Работая над своим вариантом снимка, фотограф отсёк всё лишнее, сосредоточив внимание на глазах, превратив павильонный портрет в художественное произведение. Так родился портрет-образ, который мастер назвал «Война». Он считал его одной из лучших своих работ.

Фотографические виды светописца хорошо были известны в России. Они печатались многотысячными тиражами в форме почтовых открыток. К сожалению, пользователи открыток с видами Галича не могли прочесть на них имя фотографа – они были анонимны. Более всего этих смодоровских работ выпустило в свет контрагентство А. С. Суворина, вторым издателем открыток был друг-книгопродавец К. В. Палилов.

С момента открытия «Универсальной фотографии» Михаил Маркович снимал традиционно, конечно, с разной степенью успеха. Идея отойти от укоренившихся павильонных поз и постановок давно им вынашивалась, но своё творческое «я» ещё было не найдено. Из признанных мастеров в портретном жанре он признавал искусство нижегородского фотографа А. О. Карелина. Однако копировать его павильонную идею не мог – искал собственный способ свободного светописного взаимоотношения фотографа и модели. Пройдет более двух десятков лет, прежде чем фотограф получит собственные светописные картинки, почти удовлетворяющие начальному замыслу. За эти годы в жизни фотографа случились всякие перемены.

Судьба свела его с очаровательной женщиной – Фаинной Ароновной. Вскоре красавица-доктор стала его женой. Начало их совместной жизни пало на время тревожное, беспокойное, смутное: революционная неразбериха, гражданская война с полугодным, скудным существованием. Павильон Смодора больше пустовал, заказы были редки. Оживилось дело после окончания войны.

В фотографию стали приходить родственники погибших, заказывали их снимки прошлых лет – негативы мастер хранил. За эти памятные повторные портреты он брал мизерную символическую плату. Часто отдавал снимки бесплатно.

С началом нэпа жизнь семьи Смодоров стала налаживаться, вновь появились заказы. Вместе с тем расцвёл самый нелюбимый Смодором вид творчества: «снятие карточек с групп». Поток «совслужащих» протоптал твердую дорожку в ателье фотографа. После работы, за ужином, Михаил Маркович всегда рассказывал о посетителях. Сколько иронии, смеха, улыбок бывало

в доме в те минуты, когда Смодор повествовал о группах с названием «плечо к плечу»! Деятели уездного ранга предпочитали именно эту массовую позу.

И. И. Каликин, наслушавшись в гостях у Смодоров рассказов о группах ответственных работников, изобразил это действие в рисунке, который в цикле «Провинция» был опубликован в журнале «Крокодил». Люди во френчах с особым, важным и неумным выражением лица, являли собой образ новых хозяев эпохи.

Когда в 1921 году в Галиче открылось отделение Костромского научного общества, фотографический талант Смодора пришёлся весьма кстати. Он оказывал Обществу «большую, а подчас и незаменимую помощь» – писали о нём товарищи. Особенно плодотворно потрудились Михаил Маркович во время создания музея Общества. Его снимки в витринах запечатлели жизнь Галича, Рыбной слободы в особенности, памятники церковной старины, события общественной жизни.

Рыбная слобода Галича – это любовь фотографа. Он был дружен со многими рыбаками, ходил с ними на лов, они бывали частыми гостями у него. Он много снимал рыбацкие семьи

и артели, а об их жизни знал всё в подробностях.

Похвально отзывались современники о его музейном альбоме «За десять лет Октября», где были отображены местные революционные события. К последним, кстати сказать, он относился в разное время по-разному: сначала принял революцию, затем переменял отношение, увидев плоды её социального устройства.

В 1923 году семья Смодоров увеличилась. По особенностям здоровья Фаина Ароновна не могла иметь детей, и никакие попытки врачей не могли излечить её недуг. Смодоры детей очень желали. Но когда надежды на собственного ребенка не состоялись, они приняли решение взять новорожденное дитя из приюта. Так у них появился Рафаил. Спустя почти три года – его брат Лев. Теперь в квартире Смодоров царили блаженство, домашний уют и приятные хлопоты.

До 1930 года дела Михаила Марковича шли неплохо. Но государственная налоговая система давила, поставив цель уничтожить частного предпринимателя. Под налогами трещал и патент Смодора. Он сопротивлялся, как мог, шёл на разные уловки лишь бы сохранить дело. О

Галич. Сушка сетей. Фотограф М.М. Смодор. 1928 г.

том, что он может быть лицом кооперированным, и мысли не допускал.

Несмотря на трудности существования, поиск собственных выразительных средств продолжался. Казалось, ещё один шаг – и светописная Жар-птица поселится в его павильоне навсегда. Эти творческие поиски в начале 1930-х годов всё более занимали фотографа. Выстраданной идее надо было дать жить.

Покончив с опытами, он начал реализовывать замысел в павильоне. Место фотографа в нём занял добрый сказочник, режиссер и актёр – все в одном лице. Переменился интерьер фотографии. Процедура съёмки проходила под «сказочный сказ», камеру дети не замечали, и она искусно срабатывала в нужный момент.

Смодор с женой смастерили нехитрый сказочный реквизит: шапочки, кокошники, всякие украшения. Теперь заказчики получали снимки нового качества, блестящие естественностью, свободой. Слухи о смодоровских «сказах» распространились по городу. Желающих было довольно. Фотограф ликовал.

Однако радость оказалась короткой. Новому предприятию не суждено было утвердиться. «Недремлющее пролетарское око» усмотрело в действиях фотографа извращение социалистической морали. Последовал донос. 26 июля 1935 года Галичский народный суд определил мастера «за развращение малолетних» (!) на три года к заключению в исправительно-трудовых лагерях.

Весть об аресте Смодора облетела город в тот же день. Сказочные снимки исчезли из квартир заказчиков из опасения иметь неприятности. Одни владельцы уничтожили их сами, другие упрятали настолько тщательно, что с течением времени забылись и места их потаения. Стеклопленочные негативы фотографа были изъяты как вещественные доказательства. Стёкла же, как известно, имеют свойство разбиваться, особенно в руках дурных.

И случилось так, что не стало, словно не было, никаких сказочных фотографий. Люди о случившемся сочувственно погоревали, с оглядкой пошептались, и всё забылось, ушло в небытие.

Смодору «повезло»: государство оказало ему честь быть участником созидания канала Москва-Волга. Первые месяцы в Дмитлаге НКВД он провёл на общих работах. Они были самые тяжёлые, он много болел. Затем помог случай, который сохранил Смодора от физической смерти и чудесным образом возвратил фотографа к его профессиональным занятиям.

В 1936 году на строительстве канала организовалась фотослужба. Она занималась фиксацией трудовых исторических успехов. Снимки публиковались в разных иллюстрированных изданиях, которые под нужным ракурсом освещали «динамику нашего строительства». Фотослужба

имела посты и отделы по всей трассе канала. В одном из таких постов с помощью, к сожалению, неизвестного теперь доктора и оказался Михаил Маркович. Он занимался лабораторной работой и художественным оформлением плакатов, призывов, графиков соревнований измождённых работой бригад. Живописные уроки И. И. Каликина пригодились.

22 июля 1937 года «за ударную работу» Смодор был освобождён. Больным, исхудавшим вернулся он в Галич. Люди встретили его по-разному. Как и два года назад, многие знакомцы отвернулись, не замечали. Настоящие друзья не оставили семью в беде. Помогали, чем могли, а рыбаки из Рыбной слободы приходили каждую неделю и не с пустыми руками.

В семье Смодора радостно окружили заботой, вниманием, теплом. Он поправился, начал работать, теперь в качестве «спеца-фотографа» в своей же фотографии, которая ему теперь не принадлежала. Никакой общественной деятельностью он не занимался, уединился в семье да иногда в кругу старых знакомцев «оттаивал» воспоминаниями о прошлом. Друзей тогда уже поубавилось: одни уехали, другие «исправлялись» в лагерях. К. В. Палилов скончался в 1935 году.

Смодор служил в фотографии, работал ответственно, но удовлетворения не имел. В 1941 году надломленное здоровье его расстроилось совершенно, он начал постоянно болеть. В ноябре того же года проводил на фронт старшего Рафаила, и от переживаний здоровье совсем оставило мастера. 1942 год был для него последним. Одарённый светописец, интеллигент-провинциал, он отдал свой фотографический талант краю и его людям. Он их очень любил.

Настоящее имя фотографа – Моисей Мордухов – было переделано на русский лад – Михаил Маркович для простоты общения. Так и вошло во все документы.

Фамилия была первоначально Самодур-Смодор, затем Смодор. В Буе имел фотографию брат Михаила Марковича – Марк Маркович, поэтому двойную фамилию и разделили. Буйскому брату досталась – Самодур.

Рафаил Смодор погиб в 1943 году.

Лев Смодор ушёл на фронт в 1943 году, погиб в 1945 году.

Фаина Ароновна Смодор умерла в Галиче в 1987 году в возрасте 89 лет.

СВЕТОПИСЕЦ ЕФИМ ЧЕСТНЯКОВ

Осенью 1905 года Е. В. Честняков возвращался домой, в кологривскую деревню Шаблово. Пять долгих лет провел он в учебном «отходе», употребив сей срок для изучения искусств и постижения тонкостей наук художественных в Петербурге и Казани. По приезде на родину он имел намерения серьезно трудиться, создавать «могучую универсальную культуру». В дорожных вещах его среди прочего имелся небольшой чёрный кожаный короб-футляр с никелированным запором, в бархатных внутренностях которого покоилась изящная механическая вещьца – фотографическая камера «Глифоскоп». В малом футлярном отделении находились стеклянные пластинки с петербургскими видами. Пластинки имелись и отдельно – составляли запас будущим съёмкам.

Незадолго до отъезда в столицу Ефим Васильевич запишет: «вообще желал бы ознакомиться в городе по возможности с делами всякого рода. Искусство – живопись, скульптура, архитектура, машиностроение, языковедение, астрономия, науки оккультные, театры, кинематограф и т. д.».

Как видно, фотографию в ряд дел «всякого рода» для ознакомления Ефим Васильевич не записал. Однако отметил кинематограф, целиком обязанный своему рождению именно светописю. Можно полагать, что он как человек, имеющий мыслью «ознакомиться» с кинематографическим делом, не мог не проявить интереса к светописю, и даже, быть может, влечение к «живой фотографии» началось от знакомства с ней. Наблюдать действия фотографов он имел возможность ещё в мальчишеском возрасте.

Уезд Кологривский, как и соседние с ним, с давности был подвержен «отходу». С весны до осени деревенские мужики-мастеровые уходили ремесленничать в столицы и во всякие губернские города. К зиме возвращаясь домой, многие привозили «фотографии на бумаге», что составляло городскую привычку хорошего тона. От тех лет мода на снимки пришла и в деревню. Фотографии отходников знало всё деревенское общество – их носили, как диковину, на показ из дома в дом для всеобщего обозрения.

Для домашнего любования снимки вставляли в рамы, непременно под стекло. Рамы постепенно, многими десятилетиями, заполнялись новыми снимками и служили своеобразными семейными альбомами. Их можно было видеть во всякой более или менее справной крестьянской семье.

Е.В. Честняков. 1900-е гг.

Ещё к услугам деревенских жителей для «снятия» портретов были путешествующие фотографы. В 1880–1890 годы они уже не были редкостью в кологривских селениях. Кроме того, по надобности в портретах жители уезда совершали визиты в Кологрив, в котором в 1890-е годы действовало от одного до трёх фотографических заведений.

Окончив курс семинарии и обрета учительскую службу, Ефим Васильевич, несомненно, встречался с заведениями светописю и в Здемирове, и в Костроме, и в Углеце, и в Кинешме. Он как человек, наделённый от природы пытливым умом, наблюдательностью, цепкой памятью, страстью к знаниям во всех жизненных положениях – деревенском, учебном, служебном – не мог не замечать окружающих его фотографических явлений, сколь бы невелики были те по размерам. Я глубоко убеждён в том, что мысль о чудесном свойстве светописю – останавливать время посредством фотографической камеры – осветила его душу ещё в детстве и в годы последующие развилась и утвердилась в нём.

В конце 1899 года Честняков приезжает в столицу и спустя год с небольшим, 2 апреля 1900 года, в письме к Д. М. Кирпичникову, владельцу завода по переработке древесного по-

рошка в деревне Вандышки Кинешемского уезда, испрашивает совета относительно покупки фотографического аппарата. Дмитрий Матвеевич, управляющий пересылкой благотворительных средств на содержание Честнякова, 8 апреля отвечает из Кинешмы: «Ввиду Вашего заявления я пошлю Вам 50 руб., и Вы сами решите – стоит ли приобретать фотограф. аппарат. Аппарат недорог, но не дорого ли обойдутся пластинки и проч. нужное при работе с аппаратом. Для фотографирования нужно умение, навык, приспособление; если Вы рассчитываете, что это у Вас есть, то, конечно, приобрести следует, иначе, мне представляется, пока будет лишняя затрата».

Несмотря на бедственное материальное положение, существуя на частные благотворительные пожертвования и средства, вырученные от лотерей, спектаклей, организованных кинешемской интеллигенцией, от продажи его собственных живописных работ, Честняков воплотил свою мечту: аппарат – предмет вожделенный – был всё-таки куплен.

Фотографический рынок России той поры изобилывал светописными приборами всех марок, цена которым была от двух рублей до нескольких сотен. Выбрать камеру по средствам и желаниям из имевшего быть товарного разнообразия представлялось делом весьма непростым. Честняков из присланных Кирпичниковым пятидесяти рублей мог истратить на покупку не более двадцати пяти рублей, оставшаяся сумма была неприкосновенна – составляла содержание его. Камера «Глифоскоп» французской фирмы «Ришар» (16 руб., с принадлежностями – 25 руб.) подходила расчёту Честнякова. Шабловский крестьянин стал обладателем заветного светописного прибора!

Аппарат представлял собою стереоскопическую камеру, работавшую с диапозитивными пластинками размером 45x105 мм, на которых после обработки получалось два позитивных изображения. Он легко превращался из съёмочной камеры в просмотрное устройство. В нём зритель видел картину, дающую «эффект перспективы и рельефности».

Понимая своё временное положение в столице, Честняков, конечно же, не собирался обзаводиться фотографическим архивом и устройством лаборатории, отчего и отдал предпочтение камере диапозитивной, поскольку отпадала надобность в печати фотографий. Отснятые пластинки для обработки можно было снести за небольшую плату в любой магазин, торгующий фотографическими принадлежностями. «Глифоскоп» был весьма полезен и для изучения перспективы, знания которой необходимы всякому живописцу. Таковы достоинства аппарата, и понятен неслучайный выбор именно этого прибора, купленного не для забавы.

Фотографировать Ефим Васильевич начал тотчас. Весенние снимки его не запечатлели столичных красот – выдающихся сооружений, памятников архитектуры, скульптур в роскошных садах и парках. Честняков снимал свой Петербург. Главные действующие лица его диапозитивов – дети. Изображения на нескольких пластинах представляют детские группы «на воздухе». По мнению искусствоведа В. Я. Игнатьева, дети в простых одеждах принадлежат к какому-либо приюту или обществу, возможно, благотворительному, заботящемуся о бедных. А снимки, он полагает, сделаны вблизи места жительства Честнякова на Васильевском острове.

Все кадры-первенцы разного качества и достоинства – опыты Честнякова по овладению фотографической наукой. Самостоятельны ли были его первые светописные шаги? Весьма возможно, что он приобрёл «умение, навык», изучив специальные наставления, приложив к ним знания, почерпнутые из журнала «Научное обозрение», который он читал в пору учительства, и где печатались статьи по практическому применению светописи. Нельзя исключить и того, что наставником в этом деле был сотоварищ-тенишевец, фотограф-любитель ДеБове.

Оставив столицу, Ефим Васильевич, напитанный художественными знаниями, имея некоторый опыт в делах светописных, возвратился в отеческий дом. Семья бедствовала, вела скудное существование. Он, «питерщик»-живописец, стал крестьянствовать, работая «с весны до осени на земле, пока не выпадал снег...»

Обременённый повседневными «мирскими» заботами, он всё-таки выкраивал драгоценное время для искусств, а равно и для светописи, извлекал из футляра сокровенный светописный прибор. Делал стереоскопические «слепки» с людей: «девонек и парнёков, ... баушек и дедушек, ... мужиков и баб», светописал двуглазой коробкой в избах, запечатлевая унылую деревенскую жизнь изнутри.

«Детям и взрослым» он устраивает сеансы с «туманными картинками» (слайдами), проецируя их на экран через волшебный фонарь (объектив фонаря в латунной оправе сохранился). Источником света в нём была обыкновенная керосиновая лампа.

Идея публично демонстрировать изображения на экране была, вероятно, знакома Ефиму Васильевичу ещё со времен педагогической службы: народные чтения с «волшебным фонарём» имели быть уже в 90-х годах позапрошлого века в начальных народных училищах, в городских и духовных учебных заведениях Костромской губернии. Можно полагать, что мысль о возможном устройстве световых чтений для просвещения крестьян зародилась у Честнякова в то время.

Стало быть, совсем не случайно родственник его Н. С. Скобелев, учитель 2-го начального народного Ефремовского училища, в письме к нему в Петербург упоминает: «Были чтения с фонарем...» Простейший домашний фонарь был недорог (от 5 руб.). Его Ефим Васильевич мог привезти из Петербурга, мог выписать и по почте.

Какие картины видели шабловцы на экране? Во-первых, конечно, собственные диапозитивы Честнякова с деревенским людом и, вероятно, готовые фабричные картины образовательного свойства. Зимние вечерки с фонарём были и развлечением, и полезным отдыхом, скрашивающими однообразное крестьянское положение.

Спустя какое-то время, Ефим Васильевич завёл новую стереоскопическую камеру. На этот раз он избрал аппарат немецкой фирмы (ценой от 10 до 15 руб.), работающий с пластинками 8,5x17 см. Здесь тоже получалось два изображения, однако размер их был больше, нежели в «глифоскопе». Камера в виде ящика была значительно удобней при съёмке, имея внутри магазин кассет на девять кадров, быстро заменяемых при простейшем манипулировании.

Теперь шабловский фотограф-любитель пластинки обрабатывал сам, приготавливая негатив, а сверх того прибавилась новинка – печать фотографий на бумаге. Что же заставило Ефи-

ма Васильевича, рачительного, по-крестьянски сметливого человека, войти в расход да ещё тем самым добавить себе хлопот лабораторных? Объяснить сей «странный» поступок можно единственно заботой строителя «универсальной культуры» об окружающих людях.

Появление в деревне у учёного-шаповца двуглазой волшебной коробочки, при просмотрении в которую виделись «натуральные» картины и лица, вызвало у жителей всеобщее любопытство. Начались публичные просмотры. Загадочная коробочка с заряженной стеклянной картинкой ходила из рук в руки, и разновозрастные пары глаз разглядывали чудесные изображения.

Уверен, что, наблюдая за ходом сеансов, кроме чувства радости испытывал Ефим Васильевич тревогу за судьбу прибора, который мог случайно, по неосторожности зрительских действий, обрести неисправность, а то и серьёзную поломку. Вероятно, опережая нежелательные события, он решил потратиться на приобретение новой камеры, первенца же – «глифоскоп» – бережно сохранял для собственного пользования.

Новые фотографии Ефим Васильевич пришивал нитками к картону, и те просматривались жителями через ручной дешёвый стереоскоп, которому даже в руках неумелых ничто не грозило. Процесс ознакомления крестьян

Крестьянские дети. Фотограф Е.В. Честняков. 1910-е гг.

с трёхмерным изображением, вызванным стереоэффектом, на мой взгляд, – часть большой программы художника-просветителя в составе созданной им универсальной крестьянской культуры, программы, способствующей более полному восприятию жителями деревни окружающего мира.

Можно также уверенно говорить о том, что знакомство жителей с его собственными живописными произведениями, дополненное сеансами «волшебного фонаря», было ни чем иным, как просветительским методом, направленным на развитие у крестьян способностей к художественному мышлению, к восприятию и пониманию прекрасного. Именно с тем, чтобы облегчить это понимание и поселил Честняков в стереофотографии своих же шабловских однодеревенцев и соседей из ближних селений.

Редкая российская деревня могла похвалиться своим фотографом, шабловские – могли. В известном четверостишии Ефим Васильевич сжато рисует свою деятельность:

Фим трудился многи годы,

Окружённй хором муз.

И носился по народу

С грузом созданных искусств!

В хоре муз, окружавших «Фима», была и муза фотографии, снимки же, «груз» светописный – портреты современников – устраивались благодарными людьми в крестьянских рамках альбомах.

Степень серьёзности отношения Ефима Васильевича к светописным делам постоянно росла. Два аппарата, бывшие в собственности, по-видимому, не удовлетворяли его, и он вновь поразил общество – приобрел третью камеру. Аппарат английского производства (не более 15 руб.) ящичного вида с магазином кассет на двенадцать кадров размером 9x12 см. Последнее качество составляло главное достоинство прибора. Теперь набор камер деревенского любителя фотографии мог изумить всякого горожанина, знавшего толк в светописных занятиях.

И всё-таки Ефим Васильевич, приобретя немалый опыт практического светописания в деревне, очевидно, ощущал некую неудовлетворенность, отчего решился на покупку ещё одного прибора, работавшего с пластинками 13x18 см. К сожалению, сей «закатный» аппарат не сохранился. Я думаю, что это была добротная светосильная профессиональная камера ценой от 35 руб., ибо с пластинками такого размера работали лишь состоятельные фотографы-любители или профессионалы. В пользу такого предположения говорит и отсутствие в его вещах самой камеры: она, по скудости средств, могла быть продана самим владельцем или, возможно, досталась знающему человеку после смерти Честнякова как лучший из всех аппаратов.

Семья Черногузовых. Проводы сына в армию. Фотограф Е.В. Честняков. 1914 г.

Две последними приобретённые камеры более других служили Ефиму Васильевичу. Посредством их он исполнил самые замечательные кадры своего собрания, где более всего места, как и в живописи, занято портретными работами. В большинстве снимки представляют групповой портрет. Это и постановки самого автора на фоне грубой холстины или специально исполненного темперой задника.

Детские изображения на портретах самые удачные. Вот одно из них: группа разновозрастных крестьянских детей устроилась на крыльце дома. Четырнадцать босоногих мальчиков и девочек в простой по-крестьянски одежде. Быть может, и фотографа с камерой видят они впервые, а потому и держатся всякий по-своему. На их лицах – любопытство, настороженность, сосредоточенность, улыбка, смущение, удивление и даже некоторая игра. Почти все смотрят в объектив, но от этого естественность кадра отнюдь не утрачена, а, напротив, весьма выигрышает. Чудный портрет – живой, добрый, светлый! Такие кадры в фотографии называют моментом истины.

На бледном, пожелтевшем от времени снимке изображены девочки, идущие вдоль реки с корзинками. Казалось бы, ничего примечательного, все обыденно. На какую-то долю секунды привлёк их внимание фотограф, расположил к себе, щёлкнул затвор камеры, – и миг остановлен. Результат – первоклассный репортажный снимок, от которого исходит человеческое тепло.

Картинами деревенских событий светопись российская вообще небогата. «Крестный ход в Шаблово» – редкостная фотография, достойная высшей оценки. Самых высоких похвал заслуживает и проникновенный литературный труд «Ручеёк», вышедший из под пера Честнякова-писателя, в котором он с поразительной точностью описал картины шабловской жизни. Снимок «Крестный ход» – это блестящая иллюстрация к одной из них:

«Наступил жаркий солнечный день, и, когда солнышко поднялось до полудня, через ручеёк проходили нарядные люди: мужики и бабы, старики и старушки, девицы, ребята и малые дети – все нарядно одетые. Красные, алые, голубые, белые платочки. Фартуки и сарафаны – во всяких нарядах стояли на лужке у часовни. Одни входили в часовню, другие вставали кругом на лужайке лицом к часовне, и все без шапок. Скоро собралась вся деревня и те, которые пришли в гости на праздник, – все стояли нарядные и молились Богу. Потом вынесли из часовни крест, иконы, хоругви и пошли вокруг полей и вдоль деревни крестным ходом».

Фотографическое наследие Честнякова численно невелико, однако в нём есть некоторые образцы, о которых должно сказать особо. Как известно, Ефим Васильевич в совершенстве

владел и искусством лепки. Умелые руки его сочиняли «глинянки»-фигурки и разноцветно тонируют их. Поначалу это были просто персонажи его сказок, а затем привлекательные глиняные актеры стали давать представления в детском передвижном театре.

Апофеозом глиняного сочинения стал огромных размеров город Кордон. Город с домами, дворцами, улицами населяли дети и взрослые – «свыше 800 фигур». Когда руки создателя прикасались к нему, град оживал. Немногим свидетелям посчастливилось наблюдать действия в многолюдном Кордоне... Нынче от него осталось десятка три фигур. В авторской полноте Кордон остался только на фотографиях. Ефим Васильевич снял панораму города, составив её из трёх снимков.

В годы Первой мировой войны светописные занятия Честнякова прекратились: не стало фотопродуктов. В архиве Ефима Васильевича В. Я. Игнатьев обнаружил неиспользованную коробку с пластинками в фабричной упаковке. По причине отсутствия материалов в советское время Честняков оставил занятия светописью навсегда.

Подтверждает это письмо-черновик к писателю И. М. Касаткину, написанное в 1920-х годах. Из письма следует, что Иван Михайлович просит прислать фотографии с работ. Честняков, не могущий сам исполнить снимки, предполагает «заполучить в гости фотографа Вас-ва» (А. П. Васильев – владелец фотографии в Кологриве), но тут же оговаривается: «Пешком, верно, он не пойдёт – от меня же подвода, редьки с квасом в гостях кушать тоже верно не будет, и мне неловко, что нечем больше попотчевать».

Сегодня в печатных изданиях опубликовано не более половины светописных работ Ефима Васильевича. Большая часть хрупкого стеклянного наследия, сохраняемого в музейных покоех, требует серьёзной реставрации, авторские работы нуждаются в восстановлении, специальной обработке. На бледных, жёлтых снимках затухают изображения. Если сегодня всерьёз не озаботиться их состоянием, то через два-три десятилетия светопись в стёклах разрушится, а с бумажных экземпляров исчезнут портреты и виды. Давайте поспешим! Надо сберечь труд величайшего земляка Ефима Васильевича Честнякова!

*Глифоскоп. Фирма Ж. Ришар (Франция).
Перв. пол. XX в.*

КРЕСТЬЯНСКИЙ ФОТОГРАФ. С. А. ОРЛОВ

По-разному входили люди в светописное дело. Одних привлекала новизна и необычность занятий, другие видели в этой деятельности способ добычи средств для существования, третьи осваивали светопись по каким-то своим соображениям.

С. А. Орлов, крестьянин Солигаличского уезда Костромской губернии, оказался в фотографическом деле по обстоятельствам семейным.

Местность солигаличская входила в те земли Костромской губернии, которые издавна считались отходными. Не жаловала крестьян тех мест скудная земля, урожаи были лишь едва прокормными. Труд крестьянский, хлебоборный малопроизводительный, привлекал немногих. Мужское население Солигаличского и соседних уездов искало больше занятий ремесленных, кустарных, оставляя земледельческие работы бабам.

Эта губернская сторона возвращала и ставляла в другие российские районы, больше северо-западные – в Питер – местных мастеров-специалистов. По умению исполнять свое дело ценились они высоко. Плотников, каменщиков, столяров, паркетчиков, маляров и еще множество мастеровых людей с жизненно важными профессиями отдавала губерния на чужбину.

Тысячи вёрст отделяли работников от родных домов, семей. Навещали дом редко, обычно раз в году. Остальное время связь с родными поддерживали по почте, которая вместе с известиями издали, случалось, приносила в семьи и прожиточные деньги.

«Питерщиками» становились по наследству. Не миновала отходная судьба и Сергея Александровича Орлова (1867–1919), «крестьянина Костромской губернии Солигаличского уезда Корцовской волости деревни Сандобы».

Когда Сергею вышел возраст, отец-маляр увез сына в столицу приобщаться к делу: постигать малярное искусство. Несколько сезонов провёл он с отцом в Петербурге, наезжая домой лишь по зимам: стал настоящим «питерщиком». В столице освоил он и живописное искусство – делал росписи. Детская страсть к рисованию пригодилась.

Однажды, по окончании сезона, который сложился вопреки ожиданиям неудачно – при расчёте работодатель сделал какие-то удержания, и на руки вышла мизерная сумма – отец принял решение остаться в зиму. Так делали многие в сезон малых заработков. Отец определился истопником, а Сергей, приискивая место, оказался в прислугах у фотографа.

Не дошли до нас, к сожалению, ни имя мастера-фотографа, ни адрес его фотопавильона. Известно лишь, что малярное искусство с той поры отошло на второй план, а фотографическое дело увлекло и обворожило крестьянского юношу, целиком подчинив своему влиянию. Началось долгое фотографическое учение. Через несколько лет, пройдя все ученические ступени на светописной лестнице – прислуга, мойщик посуды, копировщик, ретушёр – состоялся фотограф.

Выйдя из учения, он начинает практическую работу в найме у разных фотографов, мечтая открыть в родных местах собственное фотографическое заведение. Домой приезжает нечасто. В одну из таких побывок происходит событие, которое, увы, приостанавливает осуществление его планов, – он женится.

Скудость средств не позволяет ему сразу начать своё дело. Деревенские порядки предписывали, женившись, обустроить собственный дом, стать самостоятельным хозяином. Он возвращается к прежним питерским малярно-художественным занятиям.

Только в 1902 году, будучи уже зрелым мужчиной, отцом семейства, он смог осуществить свою мечту. В селе Корцове, в двадцати четырёх верстах от уездного Солигалича, при собственном доме он открыл своего фотографию.

Съёмочный павильон со стеклянным потолком и двумя стенами пристроил к дому. Декорации и вывеску написал сам. Внутри павильона печь с длинным дымоходом поддерживала теп-

С. А. Орлов. Нач. XX в.

С.А. Орлов с детьми. Нач. XX в.

до в холодную погоду. Обязанности истопника исполнял сын Николай – первый помощник и будущий фотограф.

Слух об открытии фотографии моментально разнёсся по округе. К заведению стали протоптываться дорожки крестьянской клиентурой из многих волостей уезда. Потребность в нём давно стала насущной у местных жителей.

Если «питерщики» в сезоне имели возможность в столицах пользоваться услугами любого фотографа на предмет получения собственного изображения для отсылки домой, то их домашние, особенно жители уездных глубин, этого были лишены. Конечно, потребность в фотографии частично удовлетворяли путешествующие фотографы. Неудобство для крестьян состояло в их внезапном появлении и таковом же исчезновении.

Удовлетворить все запросы жителей они не могли по той причине, что главными фотографическими клиентами были женщины, занятые тяжёлым крестьянским трудом и воспитанием детей. Да и погожий летний будний день (фотографы предпочитали летний период), столь дорогой в деревне, не позволял по приезду светописцев переменить одежды на праздничные и отправиться на дело, хоть и нужное, но все же не жизненно необходимое. Открытие своей деревенской фотографии давало возможность воспользоваться услугами павильона всем и в удобное время.

В практике любого фотографа, а провинциального особенно, передвижения необходимы. Поэтому и Орлов совершал такие поездки в моменты затишья, долгого неприхода клиента. Он добирался в малодоступные места Солигаличского и соседних с ним уездов, делая там светописные портреты «на воздухе», тем самым оказывая услугу людям, лишённым по разным обстоятельствам возможности личного прихода к фотографу.

В лесу. Фотограф С.А. Орлов. Нач. XX в.

Не могу утверждать, но, скорее всего, именно в таких путешествиях по губернии родилась у него мысль об обстоятельной фиксации окружающей жизни – быта, событий, людей, состояния памятников церковной старины. Ясно одно: «Коллекция фотографа Орлова» – а именно такой оттиск ставил мастер на обороте выполненных им фотографий – состоялась! Для этого потребовался не один год разъездного фотографического труда. По уездам Буйскому, Галичскому, Солигаличскому, Чухломскому путешествовал Орлов с увесистым набором аппаратуры и нелёгким грузом фотопластинок.

Об этом уникальном собрании фотографий можно написать порядочного объёма труд, что, несомненно, и будет сделано позже, а сегодня я лишь в нескольких фразах постараюсь рассказать о нём.

У Орлова нет случайных кадров. Убедиться в этом просто, достаточно просмотреть его фотографии. Самый большой раздел его коллекции – снимки архитектурные, это главным образом монастыри, храмы, часовни. Особую ценность представляют фотографии деревянных культовых зданий, которые на сегодня утрачены целиком. Немало в коллекции и интерьеров церквей, снятых с большим умением. Богата этнографическая серия – здесь и снимки типов жителей, и групповые портреты, и фотографии, представляющие занятия уездных обитателей.

В предреволюционные годы семья Орловых переменила место жительства в деревне на уездный Галич. Здесь он продолжил фотографическую практику вплоть до последних дней своего бытия. Он умер в 1919 году.

Ещё задолго до смерти Сергей Александрович высказывал тревогу за судьбу своего собрания. Его беспокоило будущее хрупкого стеклянного архива, обращение с которым предполагалось отменно аккуратное. В голодное неустоявшееся время все его попытки пристроить детище

в надежное место не реализовались. Судьбе было угодно распорядиться по-своему.

После смерти отца дочь, Анна Сергеевна, бывшая при нём во время его скоротечной болезни, понимая важность сохранения отцовского наследия и исполняя его предсмертный наказ, решает на шаг чрезвычайный – посылает телеграмму Ленину: «ОТЕЦ УМЕР ПОЛОЖЕНИЕ КРИТИЧЕСКОЕ ПРОПУСКА НЕТ РАЗРЕШИТЕ ПРИЕХАТЬ МОСКВУ ПРЕДСТАВИТЬ ВАМ ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ АРХЕОЛОГИИ И ПЕРЕГОВОРИТЬ ВАМИ ПРОШУ НЕ ОТКАЗАТЬ ПРОСЬБЕ ОРЛОВА ОТВЕТ ГАЛИЧ ФОТОГРАФИЯ ОРЛОВА ОРЛОВОЙ». Ответа по указанному адресу не последовало.

Значительная часть коллекции фотографа Орлова исчезла. Около сотни негативов – то, что осталось к его переезду в Галич, сохранил сын – Н. Орлов. После его смерти и эта драгоценная для нас часть коллекции, попав не в те руки, могла исчезнуть. Но, слава Богу, случилось иначе.

Ответственное хранение «орловского архива» принял на себя Е. А. Шилев. Он из тех добропорядочных галичан, которым небезразлична история и которые всей душой и всем сердцем переживают утраты прошлого. Он и сам изрядных знаний и умений фотографических, и сегодня благодаря его участию мы имеем возможность видеть некоторые кадры из «коллекции фотографа Орлова», которые он любезно

Галич. Трактир Петроград. Фотограф С.А. Орлов. Сер. 1910-х гг.

приготовил с авторских негативов нарочно для помещения в альманахе.

Отдельные, неизвестные ранее экземпляры фотографий С. А. Орлова встречаются и сегодня у коллекционеров, в государственных хранилищах и просто у случайных людей. Придёт время и, я надеюсь, труд С. А. Орлова, его «коллекция» примет первозданный вид и во всей своей полноте придёт и откроется новому зрителю, который с благодарностью помянет крестьянского фотографа из костромской глубинки.

Домашняя маслобойка. Дер. Соболево Великовской вол. Солигаличского у. Фотограф С.А. Орлов. Нач. XX в.

ПОСАДСКИЕ СВЕТОПИСЦЫ РЮМИНЫ

Майским днем 1911 года на Большой Посадской, главной улице Парфентьева, во дворе дома Мусиных случились перемены. Мужики-плотники, потрудившись день, соорудили в хозяйском сарае лёгкое тесовое помещение, особенностью которого был стеклянный потолок в половину кровли, да одна стена была исполнена в виде огромного окна.

На другой день к полудню во двор въехала телега, с избытком гружёная всякой кладью. Сопровождал воз одетый по-городскому мужчина лет тридцати – новый постоялец, незадолго до того снявший для семьи квартиру в правом крыле нижнего этажа хозяйского дома.

Тележная поклажа состояла из всяких странных вещей: больших холстов, свёрнутых в трубки, весьма необычного вида мебели, массивной чугунной печи, а также других непонятных предметов. Все это перекочевало внутрь новоустроенного помещения. К вечеру владелец стеклянного сарая утвердил над входом небольшую вывеску, где печатными буквами было выведено: «Фотография Н. Ф. Рюмина».

От сего вечера у ворот дома толкалась любопытствующая публика, обсуждавшая новое дело мало кому известного мусинского постояльца. Пройдёт совсем немного времени, и фамилия Рюмина зазвучит в обывательских речах, а Николай Фёдоровича и его жену, Прасковью Алексеевну, будет знать не только посадский и волостной люд.

Жители Парфентьева познакомились с фотографией ещё в XIX веке. «Сниматься на карточку» приходили к разным заезжим фотографам, из которых более всего знали А. И. Перепёлкина, чухломского фотографа и часовых дел мастера. Александр Иванович – благоуспешный служитель светописы – четверть века не оставлял вниманием жителей лесного посада. Однако с годами, за возрастом, он сузил круг разъездов и, в конце концов, прекратил практиковать во все.

После него фотографический рынок Парфентьева занял тоже чухломич Н. А. Шебреньев. В отличие от своего предшественника, который практиковал в случайных местах посада, он с 1907 года держал постоянное фотографическое заведение. Сколько времени служил жителям Парфентьева Николай Александрович, в точности неизвестно, но к 1911 году никаких фотографических заведений в посаде не было. Заведение Рюмина ликвидировало брешь в удовлетворении фотографических потребностей обывателей посада. Дело, как он и ожидал, по-

Посад Парфентьев. Нач. XX в.

шло успешно: доверие клиентов к своему, местному уроженцу, было особое.

Сведения из начальной жизни Николая Фёдоровича, к сожалению, весьма скудны. Он родился в 1883 году в семье крестьянина-отходника (отец владел плотницким ремеслом). В родовом гнезде Рюминых – в деревне Ермолино, бывшей невдалеке от волостного села Потрусова, жили, как и все крестьянские семьи в ближней и дальней округе, традиционной отходной местности. Взрослое мужское население со вскрытием рек вслед ледоходу и сплаву леса отбывало по Нее и Унже в отход, в столичный работный сезон. Он по обыкновению заканчивался в октябре, домой мастеровые старались прибыть к Покрову.

Отец Николая, Фёдор Рюмин, после полугодовой столичной работы возвращался домой, праздновал неразгульно разную степень сезонной удачи и, коротко отдохнув, принимался за хозяйственные поправки, требующие приложения мужских сил. В отсутствие мужиков всё домашнее устройство и дела по обработке земли ложились на домашние женские плечи и зависели от усилий баб да погоды, что спал Господь.

Николай сызмальства отведал крестьянского труда на малопродуктивной кологривской земле, тогда же отметил для себя в сём способе жизни весьма малый прок. Он видел, что главные средства существования семьи добывались отцом. Из его же рассказов городская жизнь представлялась иным миром, в котором можно жить намного лучше, да только «грамоте надо знать недурно».

Будучи в малом возрасте, Николай впервые увидел фотографический портрет отца, приготовленный в питерском ателье в один из удачливых сезонов. Быть может, в ту пору и родился в кологривском деревенском мальце, рассматривавшем чудо на бумаге, будущий светописец парфентьевской стороны.

В 1880–1890-х годах фотографические портреты, по большей части столичного происхождения, начали занимать почётные места в

избах крестьян-отходников. Поначалу потратиться на «патрет» мастеровой люд позволял себе только от добрых заработков. К такому расходу подбивало чувство хвастовства, желание похвалиться перед однодеревенцами, изумить их. В городской щеголеватой одежде крестьяне представляли «достаточными горожанами» с непременно выставлением напоказ цепочки от часов, что по разумению крестьянскому представляло верх благополучия. Крестьянский отход принёс в деревенскую культуру немало скверных привычек, вообще дурного, но вместе с тем имел и положительные стороны, к которым, безусловно, можно отнести приобщение к фотографии.

С юных лет Николай приложил все усилия, чтобы не жить от крестьянского труда. По семейным сведениям, он окончил двухклассное училище в Парфентьеве, выдержал экзамены и некоторое время учительствовал в одном из начальных училищ Кологривского уезда. В 1904 году женился, взяв за себя девицу Прасковью Звереву из деревни Плешунино, бывшей в двух верстах от Ермолина. На другой год его призвали в армию. Грамотный, расторопный новобранец с прекрасным почерком был определен на канцелярскую службу писарем.

В то время в России вообще наблюдался расцвет занятий фотографией в кругах обывательских, но в особенности среди просвещённых слоёв населения. И в армии среди офицеров многие были увлечены светописью. Для одних фотография была средством развлечения, другие следовали моде, третьи были подлинными фотографами-любителями.

К счастью писаря Рюмина, последние в пограничном полку, что стоял на батумском побережье, были. От них выучился Николай Фёдорович светописным хитростям. Будучи по натуре человеком прилежным и аккуратным, трезвым, честно исполнявшим служебный долг, он получил звание унтер-офицера. Из жалованья откладывал деньги – скопилась некоторая сумма, которая дала ему возможность открыть первое дело.

По окончании службы Рюмин вернулся домой, но пробыл недолго, уехал на побережье Азовского моря. Там, где-то в районе Генчесска (в точности место мне неизвестно. – А. А.), он открыл фотографическое заведение. Повидимому, молодой предприимчивый ум позволил ему принять верное решение, и в приазовской местности он оказался неслучайно: оно было определено заранее как возможное для успешного ведения дела в случае неблагоприятных обстоятельств в родной стороне.

Обстоятельства же были таковы: в Парфентьеве действовало заведение Щебрёнёва, и второй фотографин в малонаселённом посаде не требовалось, да и весь фотографический рынок имел устойчивый вид. Возможно, что были

какие-то места для устройства дела, но, вероятно, они не сулили больших барышей.

Предпринимательское чутьё не подвело Николая Фёдоровича, расчёт его оказался верен, дела в дачном и курортном Приазовье пошли претолочно, клиенты посещали заведение с весны до поздней осени. Однако к холодам публика разъезжалась, оставались лишь местные жители, заказов было до крайности мало. Осенью Рюмин закрывал заведение и уезжал зимовать домой. Весной отец отправлялся на заработки в столицу, Николай отъезжал в «фотографический отход» в азовские края. 1910 год был последним южным сезоном Рюмина.

В 1911 году он с семьёй (сыну Николаю шёл шестой год) переехал в Парфентьев и открыл фотографию. Судя по всему, азовская практика дала Рюмину неплохой доход: в фотографическом отношении он был экипирован отлично, имея превосходную немецкую камеру размером 24x30 см с набором объективов, что по тем временам было доступно только состоятельному фотографу.

Начав работать, заведение быстро набрало силу, пошёл доход. И вскоре на средства, скопленные на юге и дома, Николай Фёдорович покупает у помещика Дубровина участок земли в пять десятин леса возле реки Никши у деревеньки Ложково, в полтора верстах от посада по кологривскому тракту. Лес вырубил, часть земли распахали, и новый землевладелец Николай Рюмин начал возводить собственный хутор. Правда, сам хозяин занимался только фотографией, а всё хуторское хозяйство вела жена, Прасковья Алексеевна. За два года семья Рюминых пополнилась сыновьями: Владимиром (1911 г.) и Сергеем (1912 г.).

Фотография давала хороший доход, Рюмин много работал, но тяжелее приходилось Прасковье Алексеевне, она разрывалась между детьми и хутором. В 1913 году Рюмины переехали в собственную усадьбу. Теперь ранними утрами и вечерами можно было видеть шагающего по кологривской дороге Николая Фёдоровича, имевшего вид сельского интеллигента.

Весьма часто случалось, что, придя в фотографию, клиенты заставляли её закрытой, а на дверях находили извещение, в котором хозяин приносил извинения и сообщал, что ожидает почтенную публику в такие-то часы. Это было время выходов и выездов к клиентам. Более всего выездов случалось в помещичьи усадьбы. Для таких заказных съёмок всегда подавался экипаж – свою единственную лошадь Рюмины берегли, она трудилась только в хозяйстве.

Архив стеклянных негативов фотографа накапливался быстро. Негативы хранились, и люди приходили заказывать с них снимки даже спустя годы. По воспоминаниям младшего сына фотографа, Сергея Николаевича, камера отца зафиксировала «всю парфентьевскую интелли-

генцию, духовенство, земских начальников, купечество, помещичий и крестьянский быт, немало было панорам и бытовых сцен посада».

В конце 1914 года Николая Фёдоровича призвали на военную службу – несколько месяцев ученья, и в 1915 году, перед отправкой в войска, прапорщик Рюмин прибыл домой в отпуск. Из офицерской жизни его известно, что он проходил службу на румынской границе при штабе и в боевых действиях не участвовал. Он и там продолжал фотографические занятия, снимки из военной жизни присылал домой. В середине 1916 года его уволили из армии по состоянию здоровья.

Несмотря на отсутствие хозяина его павильон продолжал принимать посетителей, с делом успешно справлялась Прасковья Алексеевна. Она – безграмотная крестьянка, женщина скромная, усердная, особой трудолюбивости – обладала сильным характером и, главное, разумом практической жизни. В занятиях мужа она сперва участвовала редко, да и то как подсобное лицо: исполняла простейшие работы по оформлению и отделке фотографий. Фотографическую работу постигала больше наблюдательно, училась делу урывками, на ходу, не имея свободного времени из-за хозяйственных дел.

К павильонному опыту добавились несколько уроков мужа. Он от фотографической деятельности жены успехов не ждал, считал её страдающей недалёкостью ума и вообще неровней себе. Она же, энергичная и умница, загруженная хозяйственными и семейными заботами, к удивлению не только мужа, прекрасно управлялась с делом. К моменту своего приезда в отпуск Рюмин нашел заведение в полном расцвете.

С началом Первой мировой войны все фотографические заведения России были завалены работой. В парфентьевском павильоне также было дел с избытком. Прасковья Алексеевна и дети-помощники едва справлялись с заказами. Мужики, уезжая в армию, увозили с собой компактные снимки на память.

Николай Фёдорович вернулся к мирной жизни, и предпринимательская жилка снова не давала ему покоя. Он продолжал работу в павильоне и, раздобыв где-то напрокат ручной проекционный аппарат, устраивал в Парфентьеве и Ефремовской школе синемаграфические сеансы. Прасковья Алексеевна участвовала в новом предприятии в качестве билетёра.

В материальном отношении семья Рюминых окрепла. Николай Фёдорович вошел в компанию по проектированию автодороги Парфентьев – Николо-Полома. Собирался вложить часть средств в это предприятие, но революция нарушила его деловые планы.

Началась гражданская война, и офицера Рюмина мобилизовали в новую армию, правда, теперь рядовым. В 1919 году больной,

перенёсший тиф, страдающий язвой желудка, исхудавший, он вернулся домой. Во время его службы фотография продолжала действовать трудами Прасковьи Алексеевны. Только заказов теперь стало совсем мало. Рюмин устроился на службу делопроизводителем в «Заготзерно». Днём он – совслужащий, вечером – частный фотограф.

Учреждение «Заготзерно» возглавлял бывший офицер, некто Потехин. Вскоре его обвинили во вредительстве, началось следствие. Рюмина также как бывшего офицера на всякий случай арестовали, но за отсутствием улик спустя два месяца освободили. Николай Фёдорович службу бросил, занимался фотографией да еще любимым делом – пчеловодством. Здоровье после сего случая расстроилось, и он уехал на юг делать операцию.

После нэпа предпринимательский дух Рюмина остыл. Новая власть старалась ликвидировать частника, вводила непосильные налоги. Содержать павильон год от года становилось всё трудней. При желании можно было поставить артельное дело, но об этом Николай Фёдорович и слышать не хотел.

Южные вояжи Рюмина на предмет поправки здоровья участились и приобрели регулярный вид. В фотографии теперь больше работала Прасковья Алексеевна, ей помогали дети. Отношения в семье, где и так жили не в ладу, всё более портились. К 1929 году людская молва донесла истинные причины отъездов Николая Фёдоровича: в поездках за здоровьем на юг он завёл вторую семью. Отношения с Прасковьей Алексеевной расстроились окончательно, и Рюмины решили разойтись, разделив имущество.

Фотографию закрыли, распродают всё обзаведение. Так же поступили и с хутором. Семья распалась, дети уехали в ученье. Прасковья Алексеевна перебралась в Парфентьев. Николай Фёдорович уехал к новому семейному очагу, который не принёс ему счастья. Фотографий он больше не открывал, во вторую половину жизни он отдался давней, ещё юношеской, страсти – пчеловодству.

Жизненный путь Н. Ф. Рюмин закончил в Крыму в 1959 году на 76-м году жизни. Прасковья Алексеевна долго страдала многими болезнями и тихо скончалась в Парфентьеве в 1964 году.

ГАЛИЧСКАЯ НАХОДКА. М. Я. ДМИТРИЕВ И А. Н. СОЛОВЬЁВ-НЕЛЮДИМ

Поездка в Галич для меня – событие радостное. Вид старика-города, озёрного провинциала, приятен мне во всякую пору. В городе у меня немало излюбленных мест, встречи с которыми доставляют истинное удовольствие. Среди них – улица Подбельского. Мы давние знакомые.

Прошлым летом дела потребовали моего присутствия в Галиче. Не изменил я привычке и на этот раз: сделал визит милой взору улочке. Встреча с ней закончилась неожиданно приятно: случилось открытие... Прогуливаясь по улице, я, как обычно, подошел к дому № 6. Это чудное сооружение, без сомнения, принадлежит к лучшим образцам галичской уездной архитектуры.

Одноэтажная, с двумя великолепными стройными башенками по углам усадьба начала века приветливо смотрела на меня. На этот раз я

не удержался и постучал в калитку. Её открыл молодой человек и любезно предложил мне ступить во двор. Павел Сененко – так звали хозяина – на мой вопрос о доме рассказал, что бывшая хозяйка умерла, дом продан, а он с семьей владеет частью его.

Я посвятил Павла в мои увлечения. Не скрыл и заветного желания: осмотреть дом, а главное – чердак с башенками. Помещения эти представлялись мне населенными живыми таинственными обитателями. Павел выразил полное понимание предмета моих увлечений. Он оставил домашние работы. Мы поднялись на чердак.

Тут царил редкостный чердачный порядок: хаоса, свалки, как водится в таких местах, не было. Всё – коробки, ящики, свёртки и прочие предметы обильно покрывала пыль. Мне показалось, что чердачные вещи лежали так, будто вынесли их сюда временно, за обстоятельствами, и они ожидают какого-то удобного случая, чтобы возвратиться в дом.

Отдав хранилище в полное моё распоряжение, хозяин оставил меня в совершенной тиши...

Я использовал разрешение «смотреть, что угодно» и начал с осмотра книг. Их было много. Они аккуратными разновысокими стопками

А. Н. Соловьёв-Нелюдим. Фотограф М. М. Смодор. Перв. четв. XX в.

лежали повсюду. В башенках, бывших летних апартаментах, тоже лежали книги. Все они оказались изданиями 20–30 годов, и лишь небольшая их часть – из лет предреволюционных. Это был книжный чердачный склад специальной литературы по всем отраслям знаний.

Когда я основательно наглотался книжной пыли, а лицо и руки напоминали о занятиях угольщика, я перешёл к осмотру бумаг. Просматривая их, я обнаружил довольно много фотографий. Семейные снимки, забытые здесь потомками, представили мне, по крайней мере, три поколения бывших домовладельцев. Большинство фотографий галичского происхождения: павильон М. Смодора в 1910-1920 годах располагался на этой улице.

Я разобрал чердачный архив – справки, накладные листы, страховые полисы, личные документы... Вдруг среди них обнаружилась тонкая картонная папка. Содержимое её составлял один лист, сложенный вчетверо, с рукописным текстом. Я развернул его и стал читать:

Михаилу Яковлевичу Дмитриеву

Миша, друг, не забудь
О годах минувших,
О товарищах лихих,
Головы не гнуших.

Ведь бывали времена –
Годы лихолетья,
Не забудет их народ
Целые столетья.

Холод, голод и нужда,
Груды денег гнутых,
И апостолов труда,
Нищих и разутых.

Голодали ведь и мы,
С небольшой уловкой
Не носили лишь сумы
С исполком-столовкой.

Но конинку ели всласть:
Жарили, варили,
Не считая за напасть...
Эх и славно жили!

Хорошо тогда жилось,
Жарче кровь кипела,
И для каждого нашлось
По призванью дело.

Перепапки, споры, смех
Без нытья и сплина.
Сколько всяческих утех,
И семья – едина.

А теперь? Во всем расчёт,

Сухость, чинодральство,
Волокита и учёт...
Что ни шаг – «начальство».

«Деловитость»: строгий вид
Завков искажённых,
И явилось много «гнид»,
Временем рождённых.

Где ни глянешь – пустоцвет
Красно-лепестковый.
Забирается в совет
Всё народ толковый.

Пожалеешь прежних дней
С идеалом чистым
И погаснувших идей
В царстве водянистом.

Голодовки даже жаль,
Даже жаль конины.
Часто видишь ныне шваль,
Чести мало ныне.

Разменялось на деньгу
Всё, во всём и каждый,
К деньгам рвутся, не солгу,
С ненасытной жаждой.

Не узнаешь в наши дни,
То, что к свету рвалось.
От советов-то почти
Вывеска осталась...

Нелюдим

Первое чувство, возникшее после прочтения этих строк, привело меня в замешательство... Стихи казались настолько свежими и так точно рисовали состояние общественной жизни, что я подумал о современном их написании. Поразмыслив над автографом, я вспомнил знакомый почерк. Без сомнений, автограф принадлежал А. Н. Соловьёву, галичскому самобытному поэту и журналисту. Его дарственных надписей на поэтических сборниках мне приходилось видеть довольно много. Однако и псевдоним – Нелюдим – не помог мне сразу определить авторскую принадлежность, поскольку прочитанный текст никак не укладывался в моё представление о поэте-правдисте, революционере-большевике.

Алексей Николаевич Соловьёв-Нелюдим (1888–1931) после долгих странствий, фронта в 1918 году вернулся в родной Галич. К тому времени он уже известный поэт. Его стихи печатала большевистская «Правда» еще в 1914 году.

С приездом на родину Соловьёв посвящает себя становлению и укреплению советской власти в Галичском крае. Работает редактором местной газеты «Известия исполнительного комитета», затем в газете «Плуг и молот». В то время он много пишет. Его статьи, фельетоны, сти-

Президиум галичского ЦИКа. Фотограф М.М. Смодор. 1926, 15 сентября.

хи охотно печатает местная пресса. В Галиче он издаёт три своих поэтических сборника.

Сразу по приезде в Галич Алексей Николаевич заводит обширные знакомства с людьми из всех социальных слоев. Особые дружеские отношения сложились у него с местной интеллигенцией. Ближайших из них назову: художник И. И. Каликин, фотограф М.М. Смодор, служащий М. Я. Дмитриев. Дружбу с ними продолжал Соловьёв и по отъезде на жительство в Ленинград в 1927 году: друзья переписывались.

«Друг Миша», которому адресован автограф, – Михаил Яковлевич Дмитриев – после революции заведовал уездным финансовым отделом. Впоследствии так и служил по финансовой части на разных предприятиях Галича.

В дмитриевском доме, тогда на Богоявленской, Соловьёв бывал частым гостем. Возможно, это откровенное послание к товарищу написано в один из частых визитов, в момент дружеского застолья. Характер автографа как раз и указывает не на домашнюю заготовку, а именно на экспромт, исполненный не без изъёнов и графически неряшливо.

Об этом периоде жизни Соловьёва упоминает галичский краевед В. В. Касторский, который в предисловии к сборнику его стихов (1957 г.) пишет: «Были у Нелюдима и идейные срывы, особенно в первый период нэпа»...

«Срыв» или нет строки найденного автографа Соловьёва? А может быть, авторские убеждения, трезвая оценка тогдашнего положения? Оставим этот вопрос для разбирательства будущим исследователям творчества Нелюдима, а сами поищем ответа в строках самого автора, приложенных им к сборнику «Полёты» (1920 г.). В них автор сообщал читателю: «Я писал мои стихи так, как диктовал мне мой внутренний голос и окружающая меня жизнь, порою грубая до смешного, и порою смешная до слёз, но неотвратимая и реальная, её всегда приходилось и приходится испытывать на себе».

Литературное наследие его довольно обширно. Напечатана лишь малая толика его трудов. Это обстоятельство не позволяет объективно судить о личности поэта, журналиста, о подлинном его мировосприятии. Надеюсь, со временем отыщутся всякие произведения Соловьёва-Нелюдима, и те, что не предназначены автором для общественного употребления, написанные для небольшого круга друзей-единомышленников, и те, что по тем или иным обстоятельствам не публиковались раньше. Когда это случится, и труды, известные и неизвестные, соберутся под одной обложкой новой книги А. Н. Соловьёва, вот тогда мастер предстанет во всей полноте своего творчества, а читатель разберётся, каковых свойств был наш земляк, галичанин по рождению.

ПОДАРОК КРАЕВЕДА. Г. И. ЛЕБЕДЕВ

Имя чухломского краеведа Георгия Ивановича Лебедева известно далеко за пределами нашей области. Он стоял у истоков основания Солигаличского музея. Более сорока лет возглавлял Чухломский музей, целиком посвятив себя делу изучения своего края. В 1919 году в Чухломе образуется отделение Костромского научного общества по изучению местного края, где председателем стал Л. Н. Казаринов, который привлёк Лебедева к работе в отделении.

В этом же году краеведы организовали свой музей местного края – первый уездный музей в Костромской губернии. Экспонаты добывались усилиями членов общества. Фотографические материалы – старые снимки и стеклянные негативы – начали поступать из помещичьих усадеб и от владельцев частных фотографий в Чухломе. Тогда же Л. Н. Казариновым было положено начало созданию фотографического архива музея.

В начале 20-х годов в Чухлому на раскопки стоянки первобытного человека приезжает В. И. Смирнов, председатель Костромского научного общества. «И мне, – вспоминал Лебедев, – дарит фотоаппарат «Кодак», фотокамеру ящичного типа на 12 пластинок. Радостям и восторгам не было предела – своя фотокамера в те годы была доступна человеку обеспеченному, а тут мне, получающему мизерное жалование, привалило эдакое счастье».

Став обладателем аппарата, он принимается за основательное изучение приёмов фотосъёмки и техники обработки материалов. В то время приобрести какую-либо фотолитературу не представлялось возможным, и он обращается к местному фотографу, обучавшемуся фотографии в Москве и Петербурге, владельцу собственного фотоателье Д. П. Июдину. Дмитрий Павлович и стал фотографическим педагогом молодого краеведа, уроки которого Лебедев пронёс через всю жизнь.

Объектив фотокамеры Лебедева фиксирует уходящий быт, социалистическое строительство в городе и уезде, выполняет научные съёмки памятников истории родного края. Во всяких походах, экскурсиях – а их множество, камера сопровождает краеведа. Отснятый и обработанный материал он передаёт в свой Музей местного края.

В 1926 году СНК принял постановление «О сдаче фотоснимков в архивы...». В постановлении говорилось: «передать в архивы все негативы фотоснимков и кинофильмов, отражающих общественно-политические явления и имеющие историко-революционный интерес...».

Г.И. Лебедев. 1920-е гг.

Тогда члены Чухломского отделения научного общества Л. Н. Казаринов, Г. И. Лебедев и фотолобитель Н. Н. Лапкин, сделавший немало фоторабот для нужд общества, разобрали негативы частных фотографий в Чухломе. Из работ А.И. Перепёлкина, А. Н. Шебрёнёва отобрали шестьдесят негативов исторического и этнографического содержания, а из архивов фотографов Д. П. Июдина и А. М. Попова приобрели восемьдесят два негатива снимков историко-революционных событий.

А «кодак» продолжал служить верой и правдой краеведу, фиксирующему окружающую жизнь теперь уже в Солигаличе, куда в 1923 году назначен был он директором местного музея. Фотографического архива здесь не было, имелось лишь несколько стёкол-негативов да десятка полтора снимков – портретов неизвестных лиц.

Новый директор быстро свёл знакомство с местными фотографами-профессионалами И. И. Хохряковым, В. М. Черепановым и И. И. Шестаковым. По его просьбе фотографы поначалу неохотно, не сразу, но передали в музей негативы – убедил их Лебедев – и открытки с видами города, выпущенные разными издательствами

в 1900–1915 годах по негативам фотографов М. Д. Дмитриева и И. И. Хохрякова.

В 1934 году Г. И. Лебедев возвратился в родную Чухлому, стал там директором краеведческого музея. Вновь снимал родные места, столь близкие и знакомые с детства. Снимал много. Вероятно, от частого употребления в походных условиях аппарат начал сдавать и уже однажды отказал, но оживлённый руками местных умельцев вновь заработал.

«Меня охватило беспокойство, – вспоминал Г. И. Лебедев, – как бы не остаться без фотокамеры. Я предпринимал попытки приобрести второй, запасной, но безуспешно. Аппараты предлагал мне Д. П. Июдин, но его камеры были больших размеров и меня не устраивали, да и дорожке обходился к ним фотоматериал. И как раз в это время появились «обязательства»».

В 1931 году увидел свет первый массовый фотоаппарат «Фотокор», но обеспечить новой техникой всех желающих не было возможности, и Совнарком СССР выпустил постановление «о фотообязательствах», которое предусматривало приобретение фотоаппаратуры через сберкассы. Владелец «фотообязательства» ежемесячными взносами в течение определенного времени отчислял через сберкассу сумму, равную стоимости аппарата. По накоплении необходимой суммы вкладчик получал извещение с указанием срока и места получения аппарата.

Свой «фотокор», который и заменил испортившийся вскоре «кодак», Г. И. Лебедев получил в Костроме, а уже изрядно потёртая в походах кожаная «кодаковская» сумка-футляр продолжала сопровождать фотолюбителя-краеведа в научных путешествиях по району, наполненная стеклянными пластинками теперь уже для новой камеры. Позднее Г. И. Лебедев работал

Г. И. Лебедев с участниками фотокружка при доме пионеров Чухлома. 1957 г.

А. А. Анохин и Г. И. Лебедев. 1986 г., январь.

самыми разнообразными фотоаппаратами советского производства от «туриста» до многочисленного семейства «зенитов».

В годы Великой Отечественной войны фотосъёмка приостанавливается, но фоторабота продолжается. Лебедев ездит по селениям района и собирает фотографии и материалы о чухломских участниках войны, награждённых орденами и медалями. Через «избачей» (сельских культработников) или просто людей, посещавших Чухлому по собственной надобности, он узнаёт о таких людях и пешком (редко удавалось устроиться на попутной телеге) добирается до самых отдалённых деревень, где записывает нужные сведения, прикладывая к ним фотографию владельца награды.

Шла война, и какой-нибудь деревенский парень, отличившийся при защите Родины, даже подумать не мог, что его фотография вместе с биографической справкой уже хранится в местном музее. Сколько сёл и деревень обошёл он так, Г. И. Лебедев уже не помнил. «Сбился со счёта», – говорил он. После войны работа с фотокамерой, «вылазки на съёмку» возобновились. Они закончились в 80-х годах, а причиной тому было ослабевшее зрение.

За три года до смерти, в 1985 году, Лебедев вместе с рукописями, краеведческими трудами передал в фонд Государственного архива Костромской области и свой личный фотоархив, насчитывающий более двенадцати тысяч негативов послевоенных съёмок.

Труд краеведа-фотолюбителя по отысканию, съёмке, систематизации фотографий стал значительным вкладом в изучение края посредством фотографии, который, конечно же, не останется без внимания краеведов-последователей, историков местного края. А началось всё с подарка главного краеведа...

ФОТОГРАФ ИЗ «ЭЛЕКТРИЧКИ».

А. П. ЛЮБИМЦЕВ

Если открыть семейные альбомы костромичей и пролистать их страницы с наклеенными и вставленными фотографиями, то перед нами предстанут люди разных поколений, связанные родством, их друзья и знакомые. Снимки сделаны в разное время разными фотографами в моменты значимых для изображаемых лиц событий, семейных и общественных. Среди любительских снимков без труда найдём выполненные в городских фотографиях. На фоне традиционных драпировок и рисованных задников изображения людей всяких возрастов, сделанные в разные годы и собранные под единой крышкой, составляют основу альбомов. Они, став неотъемлемыми семейными атрибутами, бережно сохранялись, передавались по наследству, со временем обретая статус фамильных.

Младшие поколения, продолжатели рода, хорошо знали фотографические изображения

своих предков, дополняли их своими фотографиями, обогащая тем семейную хронику, и, казалось бы, процесс этот должен был идти бесконечно. Но на известном временном отрезке растеряли мы эти традиции. Причин тому мало. Быть может, одна из них – упадок домашней культуры и наша лень, настойчиво не дающая продолжать иллюстрировать родословное древо. А потому ныне уж редко встретишь настоящий фамильный альбом со снимками зачатей и продолжателей рода, да и обычный простенький семейный застанешь вовсе не в каждой семье.

Уходят люди-хранители, а вслед им и семейные альбомы. Их бытование переносится в лучшем случае в сарай, чуланы, чердаки, а то и в мусорные ямы, в огонь – они попросту уходят в небытие. А, между тем, по определению академика Д. С. Лихачева, домашний альбом есть наглядное пособие морального воспитания детей, да и взрослых.

Сегодня стоит вспомнить тех, чей фотографический труд заполнял страницы наших семейных альбомов павильонными портретами, создавая наглядные пособия для будущих поколений. Я расскажу об одном таком человеке – Алексее Павловиче Любимцеве, чей путь в фотографии был начат ещё в довоенную пору.

Синематограф «Современный театр». Нач. XX в. Слева калитка, которая вела к зданию «Электрички».

Родился он в Костроме в семье служащих, а первое прикосновение к фотографии случилось у него ещё в детстве. Семилетним мальчишкой, раздобыв руководство по фотографическим самоделкам, построил свой фотоаппарат. Правда, был он из фанеры и обыкновенного очкового стекла, но первые снимки получились вполне сносными. На них были изображены родители, уличные мальчишки-соседи, школьные товарищи. Учился тогда Алексей в школе им. Н. И. Бухарина на углу улиц Пятницкой и Первого Мая, но, не окончив последнего класса, из-за тяжелого материального положения в семье оставил учебу и начал свой ранний трудовой путь.

Мать определила его, тринадцатилетнего мальчишку, к кроватных дел мастеру, мастерская которого находилась по соседству с их домом, на Рабочей улице. Здесь, в мастерской, он проработал молотобойцем два с половиной года. В 1932 году счастливый случай привёл его в фотографию, где юный фотограф-лаборант навсегда выбрал для себя профессию.

Фотография находилась на Советской улице, в доме № 21, и была в ведении Деткомиссии. Основана она была в 1900 году под вывеской «Большая Московская фотография Г. П. Куракина». В 1930 году старый мастер закрыл своё дело в связи с отъездом, а помещение вместе с обстановкой и аппаратурой передал городу.

К приходу Любимцева фотографией заведовал М. И. Милецкий, отличный фотограф и ретушёр, который взял на себя заботу о начинающем фотографе. Под наблюдением Милецкого Любимцев прошёл все стадии обучения фотографической науке. Начал лаборантом. Промывал негативы, фотографии, отделявал готовые снимки, раскладывал по заказам. Затем освоил ретушь.

Прежде чем усадить ученика за ретушёрный станок, Милецкий его сфотографировал. Затем тот на собственном изображении постигал технологию ретуши. Приём этот с успехом использовали старые мастера при обучении новичков, и он считался наиболее эффективным. Изменяя и искажая свой лик, Любимцев много часов потратил, пока не добился требуемых результатов. Закрепив полученные навыки на заказах клиентов, он был допущен в павильон, где для него начались главные практические занятия.

Весь интерьер заведения в то время целиком сохранял тот вид, что и при его владельце-основателе. Павильон располагался в дворовой пристройке второго этажа (сейчас жилая квартира) и имел застеклённый потолок-фонарь с занавесями для регулировки освещения. Оснащение павильона – куракинское: фоны с изображением времен года, шкуры животных, всевозможная мебель, в том числе и бутафорская. Главным предметом обстановки был, конечно, старый, громоздкий аппарат – гордость любой фотографии. Он покоился на массивной дубо-

вой подставке-штативе, которая в основании имела колёса для передвижения. Здесь же для удобства клиентов стояло зеркало огромных размеров, которое с окончанием рабочего дня использовалось служащими для глянцеваания фотоснимков.

Первые ученические часы в павильоне Любимцев только наблюдал за действиями и манипуляциями наставника. Учился управлять светом «во всякую погоду» посредством занавесей потолочного фонаря и установкой экранов, регулируя боковой оконный свет.

Умело подобранное освещение – залог успеха любого портрета вообще, а поиск нужного освещения в фотографии, работающей только на естественном освещении, задача вдвойне сложная. Чтобы лучше понять «мягкий восточный свет», по выражению учителя, приходилось до открытия фотографии едва ли не каж-

Памятник В.И. Ленину готов к открытию. Автор снимка неизвестен. Весна 1928 г.

дый день очищать наружные стёкла фонаря и окон от грязи и пыли, а в зимнее время убирать снег.

Любимцев наблюдал все кажущиеся мелочи, без которых, по убеждению Милецкого, нет фотографа. А потому немало времени было потрачено на освоение искусства «принять» клиента: коротко на ходу выспросить его о желаемом портрете и, возможно, не согласиться с ним и предложить свой вариант, при этом ни в коем случае не ошибиться.

Дальше, следуя практическим советам учителя, необходимо: грамотно разместить свет вокруг модели, уйти от резких световых переходов или смягчить их, дать жизнь портрету хотя бы едва ощутимым движением лица, рук. Милецкий учил работать над собой, развивать вкус портретиста, овладевать фотографической культурой поведения, без которой, по его убеждению, «немыслима работа подлинного фотографа». Любимцеву пригодились занятия живописью – он неплохо копировал картины

русских художников. Страстное желание учиться и работать самостоятельно, а также атмосфера самого заведения, жившего ещё укладом старого фотографа-частника, которую поддерживал Милецкий, – всё это положительно сказалось на ученике.

Начались обычные павильонные будни – работа с клиентом, поиск света, перемежающиеся с работой «на выходах». На выходах случалось быть Любимцеву свидетелем трагических событий – исчезновения городских храмов: он по заявке соответствующих учреждений фотографировал их до и после разрушения. В память того «культурного переустройства» сделал он макет-копию соборного ансамбля, что прежде украшал волжский берег города.

В 1936 году Любимцева переводят помощником заведующего в «электрофотографию». Её открыли весной 1933 года. Это деревянное здание по соседству с кинотеатром «Современный» (позже «Малый», разобран в 1963 году), поставленное на бойком месте, фасадом выхо-

Мы не знаем имени этого костромского фотографа 1920-х гг. Автор, вероятно, знал...

дило на улицу Бульварную. Оборудованная по типу лучших московских ателье, она быстро завоевала расположение публики и утвердила репутацию лучшей фотографии города. Работала она только на электроосвещении, о чём и сообщала приходящим броская вывеска при входе, а потому и служащие, и клиенты любовно называли её «электричка».

«Работать приходилось много, – вспоминает Любимцев, – вероятно, людям нравился удобный график работы – до 10–11 часов вечера – и отменное обхождение с клиентом. Заказами мы были завалены, но качество держали». С приходом в «электричку» для Любимцева начался новый творческий этап, связанный с работой на электроосвещении. Пришлось переучиваться. «В те времена при бедности наших творческих возможностей, – говорит Любимцев, – сделать мастером фотопортрета в условиях довлеющего над тобой плана и нескончаемого потока клиентов было непросто. Но желание быть настоящими фотографами или хотя бы приблизиться к этому высокому званию, жило во мне и в моих товарищах. Каждая съёмка – эксперимент, поиск нового, а прежде всего себя. Ведь твоя работа над портретом, в конечном итоге, отражение себя самого...». В заключение он добавил: «Насколько хороши или неудачны мои работы, сделанные мною за всю жизнь – судить не мне. Но кое-какие снимки – их немного – вспоминаю неравнодушно и сейчас».

В «электричке» проработал Любимцев до 1939 года. В 1936 году его должны были призвать в армию, но не призвали, а как отличного стрелка оставили при Осоавиахиме, где он руководил подготовкой «ворошиловских стрелков» из числа призывников города. В это время, не прерывая работы в фотографии, он заканчивает курсы танкистов и в 1939 году призывается в армию. За отличную службу его направляют в полковую школу младших командиров, которую он заканчивает с присвоением ему звания сержанта. А дальше война...

О ней он рассказывает скупо, в общем, будто не было контузии, ранения в штыковом бою, боевых наград. Войну закончил под Берлином. В 1946 году старшина Любимцев вернулся домой.

В военное время и к моменту его возвращения по окончании службы «электричка» не работала, и он устроился в фотографию, принадлежавшую комбинату им. В. И. Ленина. Работа была неинтересная – делали снимки для пропусков, и через полгода он ушёл оттуда, получив приглашение во вновь открывавшуюся «электричку».

Любимцев рассказывает: «За годы войны она обветшала, фотографическое хозяйство растащено. Исчезли софиты освещения, мебель, из фотокамер чудом сохранился старый дореволюционный аппарат. Помещение не отопли-

валось, пропиталось сыростью, отвыкло от людей. Требовался ремонт. Начали всё сначала, укомплектовали штат, подремонтировали, заказали осветительное оборудование. Я по памяти сделал эскизы бывшей куракинской мебели, и нашёлся мастер за рекой Костромой, который по ним и сделал её из ивняка».

Фотография начала работать, постепенно укрепилось её хозяйство, начали поступать новые аппараты. Она восстанавливала былую репутацию, а вот название «электричка» потерялось, и называли её так только фотографы да сотрудники других фотографий. Сменилась и вывеска на обычную – «Фотография».

В годы работы в «электричке» Любимцев всегда считался одним из ведущих её мастеров, и в 1957 году областная газета поместила его фотографию, сопроводив подписью «Лучший фотограф города». Летом 1963 года «электричку» закрыли, и он перешёл на работу в КБО, где и прослужил фотографом до выхода на пенсию в 1976 году.

За честный, добросовестный фотографский труд к военным наградам Любимцева прибавились медали «За трудовое отличие», «Ветеран труда», а в 1974 году он был награжден орденом «Трудового Красного знамени».

Костромичи! Сегодня, в год 150-летия фотографии, откройте Ваши семейные альбомы и вспомните тех, кто создавал Вашу зримую память: костромских служителей светописи, где почетное место занял и А. П. Любимцев – фотограф из «электрички».

ИЗ СОБРАНИЯ СТАРОГО ФОТОГРАФА. Л. И. АНДРЕЕВ

В 1972 году случайная встреча с костромским старожилом Л. И. Андреевым положила начало моему неожиданному увлечению. Я стал собирать старые почтовые открытки с видами Костромы. Всё произошло стремительно: уличное знакомство, короткая беседа, и я оказался в его квартире. Он жил рядом, в Сенном переулке.

Во время знакомства я узнал, что Леонид Иванович в прошлом фотограф и «портретный художник» (по раскраске портретов), а сейчас пенсионер и вообще свободная личность. Я не заметил, как за разговорами мы оказались у дверей его дома. «Вот и пришли. Посмотрим настоящую Кострому, чайку скушаем. На старуху мою обижаться не следует. Она, хоть и сварливая, но не вредная и даже, пожалуй, добрая», – подготовил он меня.

На наше появление «древняя» его жена пробурчала: «Опять кого-то привёл», – и тут же скрылась за дверью. Хозяин сам «охлопотал» чай. Мы устроились за его письменным столом, за которым он некогда имел занятия живописные. Стены комнаты, где мы сидели, были плотно увешаны собственными портретами и семейными фотографиями.

«Вот соборы...» Открытка нач. XX в.

Портреты имели вид необычный: чёрно-белые снимки в рамах под стеклом, раскрашенные талантом и стараниями моего нового знакомого в необыкновенно яркие густые цвета, смотрелись весьма оригинально. Артистическим жестом он указал на них и торжественно представил: «Прошу осмотреть!»

Предложенную продукцию мне приходилось встречать и раньше, но здесь, в личных авторских экземплярах владельца, вероятно, от переизбытка чувств к собственным изображениям было положено столько краски, что несомненно хватило бы на целую галерею подобных «произведений». «Каково?» – полюбопытствовал он. Мне не хотелось расстраивать старика, и я дал одобрительный отзыв его искусству. Печать приятности возникла на его лице.

Мы покончили с чаем, и на столе появился альбом с «городом». Я впервые так близко смотрел в историю. Домашний альбом – не музейная витрина: я вынимал с его разрешения открытки из альбома, внимательно разглядывал обе стороны. Большинство открыток имели письменные сообщения и почтовые штампы.

Потёртые, довольно ветхие экземпляры открывали глазам до того не виданный город. На фото он был неузнаваем. Некоторые места были настолько переустроены, что в их нынешнем состоянии кроме чувства ужаса ничего другого не вызывали. Сделалось грустно.

Одному разобраться в увиденном мне было не под силу, а Леонид Иванович объяснениями не спешил. Наконец он заговорил:

– Узнаётся?

– Почти нет, – ответил я.

– Тогда позволим для Вас «комментарий», – сказал он и лихо подкрутил усы. «Комментария» обернулась двухчасовой лекцией о жизни старой Костромы.

Рассказ его не был простой констатацией – «прежде-теперь». Я выслушал вполне профессиональное литературное произведение горожанина-старожила со множеством метких характеристик людей, событий и случаев из городской бывальщины, участником и наблюдателем которых частенько приходилось бывать самому моему рассказчику.

Я пролистал альбом еще раз: некоторое отдалённое понимание сюжетов стало проявляться во мне.

Мы расстались тепло, по-дружески. Я благодарил его за знакомство и показ открыток, за содержательный интересный костромской рассказ и особенно восхитился его знаниями. «Наживное, – ответил он, – всегда заходи. Я или дома, или на пруду».

Заглядывать к нему я стал часто. Всякий раз, уходя, я уносил с собой несколько подаренных им открыток и новый рассказ из прежней городской жизни. Общение с ним доставляло удовольствие. Он никогда не был хмурым, раздражённым и, мне казалось, усталым. Улыбка присутствовала на его лице всегда. Возрастом под восемьдесят, а неиссякаемой его энергии, общительности и живости натуры мог позавидовать любой молодой человек. В речи его то и дело проскакивали рифмованные «штучки», начинённые необычными словами и оборотами, – он сочинял их на ходу и, прищепётывая, выдавал. Ну, а когда он картинно, по-молодецки подкручивал свои седые усы, то, без всякого сомнения – вам являлся актер.

Я заметил: после общения с ним действительно проходила усталость. Стихотворных поговорок и «высказок» я выслушал не одну сотню. Всякий раз, когда я получал от него открытки, – а это было настоящее действие – непременно звучали его «штучки-высказки» сообразно открыточным сюжетам и по их количеству.

Вручает, скажем, он мне открытку с видами соборов – следуют строки: «А вот держи соборы – их слизали воры».

Если на открытке была изображена церковь, ныне отсутствующая, декламировал: «Пришел хам – сделал срам».

Тексты его не были постоянными. Они варьировались, изменялась их форма, но верный, точный смысл оставался всегда. Эти сочинения как будто не были закончены, автор не договаривал, предоставляя слушателю возможность для собственных размышлений.

Скоро всё его небольшое, но дорогое собрание картинок перекочевало в мои альбомы. Отдавая последние «городские памятки», Леонид Иванович произнёс целую речь о пользе со-

бирательства, закончив её словами: «Собирай дальше. Добро сделаешь!»

Отношения наши продолжались. Я, как и прежде, навещал его, а он, как мог, способствовал моим находкам. Вспоминал старых знакомых, у кого были открытки, или высказывал соображения о месте их возможного нахождения. Часто, не помня адресов, он рисовал мне план, и я без труда находил нужного человека. Об успехах всегда сообщал ему. Он с удовольствием просматривал новые, иногда не виденные им ранее экземпляры.

Вскоре зрение его ухудшилось настолько, что он не мог прочитывать открыточные изображения. Но мы приспособились. Я рассказывал ему содержание открыток, и, если встречался новый для меня городской уголок, я слушал «комментарий».

Через три года мы расстались навсегда – Леонид Иванович умер. По прошествии нескольких месяцев скончалась и его жена – «невредная женщина».

Незадолго до её кончины я зашел к ней. Я ощущал в себе внутреннюю потребность бывать в этом доме – иногда хотелось просто на несколько минут очутиться в интерьере их квартиры.

Вдова-старуха молча протянула мне небольшого размера потрёпанную книжечку. Это был путеводитель по Костроме издания 1913 года. Я стал благодарить её, но она, не меняя грустного выражения лица, сказала тихим усталым голосом: «Иваныч оставил тебе в память. Иди с Богом». Я снова поблагодарил её и ушел. Вскоре её не стало. В их квартире в доме на Сенном переулке поселились незнакомые люди.

С уходом Леонида Ивановича продолжали действовать пути поиска, им определённые к исполнению. Я следовал по указанным адресам и планам. Знакомые его отсылали меня к своим знакомым и родственникам, цепочка эта иногда обрывалась, но затем восстанавливалась. Коллекция пополнялась. Появились двойные экземпляры – сложился обменный фонд. Обменивая открытки из этого фонда, я получал недостающие в коллекции экземпляры.

Я помню сегодня всех старых костромичей, кто отдавал или способствовал возможности приобрести открытки. Список этот мог бы выглядеть довольно внушительным. Я бы указал всех, кто участвовал в создании коллекции, но малый объём публикации не позволяет этого сделать.

Дарители расставались с открытками непросто: почти всегда с грустью, с беспокойством за их будущее. Равнодушных не было. Приходилось прибегать к уговорам, нередко затяжным. Убеждал и получал нужные экземпляры из рук владельцев, отдающих мне их для дела. Случалось, не убеждал...

За годы собирательства я свёл знакомство со многими людьми. С кем-то подружился, со мно-

гими поддерживаю тёплые отношения и по сей день.

Постепенно наладились и утвердились связи с коллекционерами из других городов. Завязалась переписка. Пожалуй, почтовые контакты с иногородними собирателями и дали в коллекцию основной приток открыток. Личные встречи и добрые товарищеские отношения с ленинградскими коллекционерами оказали на меня благотворное влияние.

Знатоки в своем деле, в высшей степени специалисты в вопросах филокартии и обстоятельнейшие люди – Н. С. Тагрин, С. И. Самуйлович, к сожалению, рано ушедшие из жизни. Немало сделали для меня и ныне здравствующие ленинградцы – В. Н. Горский и В. Я. Гинзбург, их добрые советы и помощь позволили значительно пополнить коллекцию. Коллекционеры-корреспонденты из многих городов России приложили немало труда для отыскания открыток с костромской тематикой и присылки их в мой адрес.

Параллельно с собирательской работой шёл и другой процесс – накопления знаний. Поначалу, конечно, в связи с открыткой. Я втянулся в краеведческие занятия. Рассказы, положенные в основу моим открыточным наставником, стали первой ступенью на краеведческой лестнице. Постепенно собирался материал по истории создания открыток, об их авторах – художниках и фотографах, издателях, типографах. Начался процесс изучения Костромского края через старые открытые письма.

С благодарностью вспоминаю то время, когда обратился к трудам В. Н. Бочкова – талантливого исследователя-архивиста, знатока костромской истории. Его статьи, книги, радиоочерки дали изначальные сведения о городе, крае и помогли разобраться во многих вопросах краеведения.

Посчастливилось мне познакомиться в начале 1970-х годов с А. А. Григоровым, человеком неординарным, мастером-исследователем, учёным, личностью цельной и светлой. Страсть к истории и подлинно научные занятия во многих областях позволили ему создать блестящие труды-исследования и стать примером должно-го служения делу.

Немало помощи в становлении коллекции получил я от старшего товарища-книжника Н. И. Лапина. Книжник, знаток краеведческой литературы, он обладал феноменальной памятью в части костромской библиографии, почтение к которой передал и мне.

Могу с уверенностью утверждать: встречи с такими людьми, как В. Н. Бочков, А. А. Григоров, Н. И. Лапин и виновник моих увлечений Л. И. Андреев, оказали на меня самое сильное влияние, а их труды, советы и наставления поставили моё коллекционирование на исследователь-

ский путь. Так я выбрался из чистого собирательства, а это удаётся далеко не всем.

Спустя десять лет к теме «Костромская открытка» прибавилась еще одна – «История фотографического дела в Костромской губернии», под-сказанная искусствоведом В. Я. Игнатьевым, и она открыла для меня мир старой костромской фотографии.

Сегодня моё домашнее собрание состоит из почтовых открыток Костромы и Костромской губернии, старых фотографий – видовых и портретных, стеклянных и плёночных негативов, выполненных любителями и профессиональными фотографами моего края. Накоплен значительный материал о жизни и деятельности светописцев костромской земли.

Собрание постоянно пополняется. Правда, прошла погоня за подлинниками: копии с открыток и фотографий я с успехом использую для заполнения пустот в коллекции, для учёта и регистрации кадров костромской светописной галереи. В этой галерее – виды деревень и сёл, уездных городов и губернского центра с их жизнью, бытом, праздничными и будничными событиями, снимки, представляющие типы населения, его повседневные и традиционные занятия, его обычаи.

И открытки, и фотографии, и негативы – вся коллекция – есть часть исторического знания, накопленного костромской культурой, знания так необходимого поколениям настоящим и будущим.

В последние годы собранный материал начинает являться зрителю. Он иллюстрирует краеведческие статьи и публикации не только на страницах местной печати, но и пробивается в издания столичные, центральные. Возможно, со временем такие коллекции, собранные воедино, послужат для составления и издания Рос-сийского изобразительного архива. Так долж-но случиться.

Рассказ о коллекции, начатой с собирания старого фотографа, окончен. Жалею об одном: не сохранил этих открыток-первенцев, потёртых и ветхих – заботился об улучшении качества материалов.

***

Любезный читатель!

Вы перечитали страницы книги, увидели картины былого и людей, составлявших малую часть России – Костромской губернский дом. Жизнь этого дома находилась под пристальным вниманием его светописцев, которые делали слепки с губернской действительности, останавливали время.

Мы надеемся, что предложенный вашему вниманию труд сможет хотя бы отчасти удовлетворить интерес к прошлому и в чём-то обогатить ваши знания о провинциальной жизни России ушедшей поры.

О Б АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Времена меняются, и Кострома меняется вместе с ними... При этом в каждое мгновение многовековой истории с ней неуловимо связаны её жители, которые дожились спать и просыпались утром в этих домах, спешили по делам или на службу, шагая по улицам этого города, праздновали на его площадях, вздыхали на Муравьёвке, целовались «в четырнадцатом "К" на Фестивальной»... Эти мгновения запутывались в памяти, всплывали в разговорах с внуками, превращались в стихотворные строчки. Город во все времена был окутан надеждами и воспоминаниями.

Однако было время, всего несколько десятилетий, когда люди воспоминаниями боялись делиться. В ту пору, когда за принадлежность к «чуждому» классу можно было оказаться очень далеко от Костромы, а то и вовсе расстаться с жизнью, уничтожались семейные архивы и альбомы, старики прикусывали языки, чтобы не проговориться при детях... Так выросло несколько поколений, убеждённых в том, что всё хорошее началось в СССР, а всё плохое осталось в «проклятом прошлом» – в России...

К одному из таких поколений принадлежал и мальчик, которого фотограф в мае 1955 года запечатлел на постаменте памятника между Лениным и Сталиным на Советской площади Костромы. Лицо серьёзно и исполнено важности

Андрей Анохин. 1955, май.

*А. А. Анохин с сыном Сашей.
Фотограф С. Н. Калинин. 1990 г.*

момента. Мальчику четыре года, его зовут Андрюша Анохин, и он ещё не знает, что когда-то не станет памятника, а он будет писать о старой, ушедшей Костроме.

Андрей Александрович Анохин родился в Костроме 9 марта 1951 года, когда XX век едва вступил в свою вторую половину. Дед, тоже Андрей, крестьянин-отходник из-под Парфеньева, был репрессирован в 1937-м. Когда пришли чекисты, отец, инженер-механик на обувной фабрике, думал, что это за ним, но с Александром Андреевичем обошлось, – так он и проработал до пенсии заместителем главного механика на «X Октябре», там же работала и мама, Анна Андреевна. Их сын рос – как все, обычным советским человеком. Школа, технологический институт, армия, работа на инженерных должностях...

Но в 1972 году состоялась встреча со старым фотографом Л. И. Андреевым – она подробно описана в последнем очерке этой книги. С тех пор молодой человек что-то проектировал, служба в проектно-сметном бюро, но в свободное от службы время открывал для себя старую Кострому – как Атлантиду.

Новый знакомый своими открыточными дарами положил начало коллекции Андрея Анохина и направил его по нужному пути – к старикам.

Они не только помогли пополнить собрание, но рассказами своими оживили изображённый на картоне мир, совсем не похожий на Россию школьных учебников. Встречи с генеалогом А. А. Григоровым, книжником Н. И. Лапиным, историком В. Н. Бочковым повлияли на молодого собирателя, по его собственному признанию, поставили его «коллекционирование на исследовательский путь». О последнем А. Анохин писал: «Книги, статьи, радиоочерки, созданные Виктором Николаевичем, поселили во многих его читателях и слушателях интерес и любовь к истории, к краю, заставили о многом задуматься, помогли по-другому взглянуть на устройство существующего общества».

В начале 1980-х огромное влияние на молодого коллекционера оказал В. Я. Игнатъев, о котором А. Анохин пишет как о «выдающемся человеке, талантливом искусствовед, гениальном чиновнике», мэтре «художественной жизни костромского края». Он подсказал собирателю ещё одно направление поиска – история фотографического дела в крае.

Знания в этой области пригодились в 1986 году, когда сотрудники Костромского музея-заповедника, доверившись первому тёплому ветру перемен, начали работу над выставкой «Старая Кострома в фотографиях». Построенная в условиях безденежья, эта выставка поражала не оборудованием или дизайном, а прорывом в запретный прежде мир старого губернского города. Она пользовалась огромным успехом у костромичей и приезжих, книга отзывов пополнялась автографами – сам Д. С. Лихачёв вписал туда добрые слова... Воспоминания – впервые за семь десятилетий! – получили право на публичное существование.

Жизнь становилась всё трудней, а краеведение – всё более востребованным. Закрывались предприятия, сгорали сбережения, а краеведческие статьи печатались в воссозданных «Костромских ведомостях», «Костромской старине», и в совсем новых изданиях – «Костромской земле», «Губернском доме». Даже московский альманах «Памятники Отечества» в 1991 г. подготовил выпуск, полностью посвящённый Костромской области.

Коллекция Андрея Анохина шла нарасхват. Открытками и фотографиями из неё иллюстрировалось всё. Но после смерти последнего из старых краеведов, В. Н. Бочкова, ушедшего в марте 1991 года, стало очевидно, что надо начинать писать уже самому. Он стал работать в архивах и библиотеках Костромы и Петербурга, любимым историческим источником его исследований была старая периодика.

И вот на страницах современных газет и журналов стали появляться статьи нового автора, который пристально вглядывался в лица, изображённые на снимках, пытался раскрыть особенности ситуации, в которой действовал

светописец. Летом того же года увидел свет альбом «Губернский город глазами костромских фотографов». Московское издательство, открыв для себя краеведа и коллекционера, заказало ему книгу об истории костромской фотографии, но, видимо, превратности времени не позволили осуществить этот замысел. Рукопись сохранилась, она опубликована в этой книге («Провинциальная светопись»).

Однако наряду с историей фотографов вдруг на первый план стал выходить ещё один герой – костромской обыватель. Когда-то слово это было ругательным, ведь со второй половины XIX века в цене были герои, деятели, творцы... Но на фоне всеобщей разрухи «лихих девяностых» XX столетия вдруг обнаружилась непреходящая ценность обычной жизни обычных людей, которые в поте лица добывают свой хлеб, не думая о том, чтобы разрушить всё «до основанья» в заботе о всеобщем благе... Тем более, что в это время уже видно было, что бывает «а затем»... Статьи, напечатанные в различных изданиях, бережно собраны друзьями в этой книге.

Но было ещё несколько обстоятельств в жизни автора, о которых надо сказать. В конце 1990 года он повредил на работе правую руку, и работать по специальности уже не мог. Кроме того, прогрессировал недуг, сгубивший в России многие талантливые головы. Андрей стал искать другую службу, долго нигде не задерживался, и писание статей в периодические издания постепенно стало одним из способов заработать на жизнь. В трудовой книжке замелькали записи: «корреспондент», «ст. н. сотрудник по издательской деятельности», «технический редактор», однако все они неизменно перемежались записью: «уволен по собственному желанию».

Тем не менее, во многом именно его стараниями подготовлены к печати и проиллюстрированы книги ушедших краеведов – «Старая Кострома» В. Н. Бочкова (1997), «Деревни, сёла и города Костромского края» Д. Ф. Белорукова (2000). Те, кто работал с ним, вспоминали о том, как трепетно он относился к качеству вёрстки, к деталям оформления... Можно только представлять себе, как бережно и с каким знанием дела он издал бы тогда эту книгу, если бы такая возможность ему представилась...

Он умер в рождественский сочельник, 6 января 2007 года. А издание книги состоялось только сейчас...

Лариса Сизинцева

СЛОВАРЬ НЕКОТОРЫХ ЗАБЫТЫХ И НЕЧАСТО УПОТРЕБЛЯЕМЫХ СЛОВ

Автохром – цветной диапозитив.

Аршин – старинная русская мера длины, равная 0,71 м.

Бечевник (*бичевник, бечевая*) – от бечевы, при помощи которой тянули суда вверх по реке бурлаки сухопутная дорога вдоль берега водного пути (реки или канала), предназначенная для буксирования людьми (бурлаками) или лошадьми судов на канате, называемом бечевой или бичевой.

Благовест – звон в один колокол, возвещающий о начале церковной службы. Также звон во время службы.

Боров – дымовой канал печи.

Вершок – старинная русская мера длины, равная 4,4 см

Выбойка – хлопчатобумажная или льняная ткань с вытисненным одноцветным рисунком.

Гарнитур – шёлковая ткань, выделяемая в г. Туре во Франции

Глазет – род парчи, у которой основа шёлковая, а уток золотой или серебряный, гладкий без рисунка.

Голк – веник из прутьев.

Дагерротипия (*дагеротипия*) – первый практически пригодный способ фотографии, использовавший иодид серебра, с получением позитивного изображения.

Дровяник – сарай для хранения дров.

Дощаник, дощанка – большая плоскородная подка, часто с палубой.

Желтобилетница – женщина, торгующая собой, которой вместо паспорта выдавался т.н. «жёлтый билет», подтверждающий её профессию.

Завозня – большая подка для перевозки людей и грузов.

Закранна – полоса воды между берегом и кромкой льда в весеннюю пору.

Зимогор (*подлодочник, беспашпортник*) – бездомный, бродяга, живущий случайными заработками, занятый летом на разгрузке барж и пароходов.

Казёнка – казённая винная лавка, питейное заведение.

Каламенок – гладкая пеньковая или льняная ткань.

Камлот – плотная грубая хлопчатобумажная или шерстяная ткань из коричневых или чёрных нитей.

Кампан – старинное название колокола.

Кандейка – (от слова *кандея* – церковный сосуд). В советское время – народное название ларька, где торговали спиртным в разлив.

Катер (здесь) – перевозное гребное судно.

Кисея – лёгкая прозрачная бумажная ткань полотняного переплетения.

Красный товар – ткани, мануфактура.

Крючник – рабочий, переносивший грузы с помощью металлического крюка. Крючники широко использовались на разгрузке хлеба в Рыбинске.

Курень – пекарня, пряничная, калачная.

Люстрин – тонкая блестящая шерстяная или бумажная с шерстью ткань.

Миткаль – суровая тонкая хлопчатобумажная ткань.

Мокрый коллоидный способ – способ изготовления фотографий, при котором фотопластинку покрывают слоем коллоида – вещества, состоящего из мелких частиц, рассеянных в другой среде, и служащего светочувствительным материалом. Достаточно трудоёмкий процесс.

Мясоед – время, свободное от поста, когда по православному церковному уставу разрешена мясная пища.

Назём – навоз (род. п. – *назьма*).

Наслудь (*наслуд*) – вода, выступающая поверх льда.

Окладной лист – документ, извещающий налогоплательщика о сроках и сумме налоговых платежей.

Отход, отхожий промысел – сезонный уход крестьян на заработки в города или другие местности.

Отходник – крестьянин в отхожем промысле.

Очапной колокол – колокол с очапом – длинной жердью, с помощью которой он приводился в движение.

Питерщики – отходники, уходившие на сезон по преимуществу в Петербург.

Платинотипия – способ фотографии с использованием солей платины.

Плис – хлопчатобумажная ткань с ворсом, из неё шили недорогую верхнюю одежду и сапоги.

Полок – закрытая палатка с ларём.

Пошевни – широкие сани, обитые лубом или тёсом.

Пуд – старинная русская мера веса, равная 16 кг.

Раёк – ящик с передвижными картинками, показ которых сопровождался прибаутками. *Раёшник* – тот, кто показывает раёк.

Ренский (ренковский) погреб – лавка или магазин, где торговали виноградными винами.

Розвальни – низкие широкие сани без спинки и сидения.

Сажень – старинная русская мера длины, равная трём аршинам или 2,13 м.

Святки – праздничные дни от Рождества Христова (7 января) до Крещения (19 января). Были ещё «зелёные святки» на девятой неделе по Пасхе, после Троицы.

Скит (здесь) – старообрядческий монастырь или уединённое старообрядческое поселение.

Стамед – лёгкая шерстяная материя, употреблявшаяся для оконных занавесей и обивки мебели.

Стопа – пачка бумаги в 1.000 листов.

Тафта – тонкая материя из варёного шёлка, вытканная, как полотно.

Тенишевец – учащийся Тенишевского коммерческого училища в Петербурге.

Тесница – доска.

Торговая баня, купальня – общественная баня, купальня.

Уставница скитская – блюстительница устава в старообрядческом ските.

Фунт – старинная русская мера веса, равная 400 г.

Часы боевые с полчасьем и перечасьем – часы с боем, отбивавшие полчаса и четверть часа.

Шиннок (здесь) – место подпольной продажи спиртного в недозволенное время.

Штоф – декоративная гладкокрашенная ткань со сложным крупным тканым рисунком.

УКАЗАТЕЛЬ СТАРЫХ НАЗВАНИЙ УЛИЦ И ПЛОЩАДЕЙ ГОРОДА

Александровская (с конца XVIII в. – Благовещенская) часто называвшаяся Никольской) – ул. Свердлова.

Алексеевская – ул. Катушечная.

Банковская – ул. Князева.

Богословская – ул. Горная.

Богоявленская – ул. Симановского, 1-й квартал.

Васильевская – ул. Наты Бабушкиной.

Верхняя Набережная (Верхне-Набережная) – ул. 1-го Мая.

Власьевская – ул. Симановского (со 2-го квартала).

Вознесенская (она же **Троицкая**) – ул. Комсомольская.

Вознесенский пер. – Мельничный пер.

Вологодский тракт – Сушёвское шоссе.

Воскресенская – ул. Поддипаева

Воскресенская пл. – с 1918 года пл. Советская. В наст. время Воскресенская

Всехсвятская – ул. Дзержинского, 2-й Всехсвятская ул. – ул. Юношеская.

Всехсвятская 2-я (Всехсвятский пер.) – ул. Юношеская.

Гимназический пер. – ул. Лермонтова.

Дворянская – ул. Овражная.

Дебринская – в советское время ул. Кооперации.

В наст. время – ул. Нижняя Дебря.

Дмитривская – ул. Маршала Новикова.

Есенинская – ул. Ленина.

Ильинская – ул. Чайковского.

Загородная – ул. Беговая

Кинешемская (она же **Русина**) – ул. Советская.

Кирпичная – ул. Терешковой.

Козьмодемьянская – ул. Долматова.

Козьмодемьянский пер. – Сенной пер.

Лазаревская – ул. И. Сусанина.

Марьинская – ул. Шагова.

Молвитинский тракт – Сусанинское шоссе.

Московская (она же **Мшанская**) – ул. Островского.

Нижняя Набережная (Нижне-Набережная) – ул. Песная.

Никольская (она же **Александровская, Благовещенская, ул. Чрезвычайки**) – ул. Свердлова.

Никольский пер. – пер. Короткий.

Ново-Троицкая – ул. Козуева.

Павловская – пр. Мира.

Покровская – ул. Энгельса.

Рождественская – ул. Галичская.

Русина (она же **Кинешемская**) – ул. Советская.

Сенная (она же **Павловская**) пл. – пл. Мира.

Сергиевская – ул. Красноармейская.

Соборная пл. – площадь перед Успенским и Богоявленским соборами (взорваны в 1934 г.). В наст. время территория центрального парка.

Солдатская – ул. Борьбы.

Старо-Троицкая – ул. Юных пионеров.

Спасская – ул. Депутатская.

Сусанинская (она же **Екатеринославская**) пл. – Центральная площадь города. В советское время – пл. Революции. В наст. время – Сусанинская пл.

Царевская (Константиновская) – пр. Текстильщиков.

УКАЗАТЕЛЬ УПОМИНАЕМЫХ В ТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ МЕСТ КОСТРОМЫ

Андреевская слобода – слобода на правом берегу р. Костромы неподалёку от Ипатьевского монастыря.

Городской бульвар (городской сад), находился на территории совр. центрального парка, на месте аллеи, ведущей к детским аттракционам.

Гостинный двор – торговые Красные ряды.

Запрудня (Запруденка) – речка в фабричном районе, прежде впадавшая в р. Кострому.

Каткина гора – возвышенная часть улицы Горной, где расположена церковь Иоанна Богослова.

Козьмодемьянский пруд. Находится на пересечении ул. Долматова (Козьмодемьянской) и ул. Шагова (Марьинской).

Крестовоздвиженское кладбище, находилось в конце Ново-Троицкой ул.

Малый бульвар, проходит по древнему крепостному валу вдоль ул. Чайковского от Соборной горы до беседки Островского.

Михинская фабрика – бумагопрядильная фабрика, основанная И. С. Михиным в конце Власьевской улицы. В советское время ф-ка «Знамя труда».

Молочная гора – улица, ведущая от бывш. плаца между Гостиным двором и Большими Мучными рядами к Московской заставе, ул. 1 Мая (Верхней Набережной).

Московская застава – въезд в город со стороны Волги напротив Молочной горы.

Муравьёвка – живописная местность, ступенчато поднимающаяся от Нижней Дебри к ул. Дзержинского (Всехсвятской) с террасой посредине и аллеей вверх, занимает пространство от ул. Крестьянской (Борисоглебской) до ул. Овражной (Дворянской). Получила название по имени костромского губернатора В. Н. Муравьёва, при котором стала красивейшим местом города.

Нескучный сад, находился в квартале между ул. Шагова (Марьинской) и пр. Мира (Павловской).

Павловская застава – въезд в город с северо-восточной стороны, с Молвитинского и Галичского трактов. Находилась на месте пересечения пр. Мира (Павловской) и Калиновской улицы.

Соборная гора, кремлёвский холм – возвышенное место, часть территории совр. центрального парка, где до уничтожения в 1934 году стояли Успенский и Богоявленский соборы, а в средние века – костромской кремль.

Спасо-Никольская слобода – слобода на правом берегу Волги в районе Спасской церкви.

Циклодром – спортивное сооружение для занятий велосипедным спортом. Находился на месте совр. станции переливания крови на пр. Мира.

Чижевские училища – низшее и среднее химико-технические училища.

Яблочная (Фруктовая) гора – верхняя часть спуска от торца Табачных рядов к ул. 1 Мая (Верхней Набережной). Часть горы ниже Яблочной, а иногда и весь спуск именовались Зелёной горой, которая завершалась Нижней базарной (Нижне-Базарной) площадью.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Кострома от Пасхи до Пасхи	Летописец Волги. М. П. Дмитриев.....
Беликие хлопоты великого праздника	Светопись Шмидта.....
Весна в Костроме.....	Хроника провинциального фотографа. Д. И. Пряничников .....
Мартовская гастроль 1912 года	Фотография из февраля 1908 года.
Подочные сюжеты городского лета	Н. А. Карякин..... 00
Лето – время купальное	Искусник типографского мастерства М.Ф. Риттер .
Как мороженое в Костроме начиналось.....	Фотография с выставки. А. А. Макаревский .....
Господа дачники.....	Фотограф озёрного края. М. М. Смодор.....
В ясные осенние вечера	Светописец Ефим Честняков.....
Осень в старой Костроме	Крестьянский фотограф С. А. Орлов.....
Как уходила Волга зимовать	Посадские светописцы Рюмины .....
Зимняя Волга	Галичская находка. М. Я. Дмитриев, А. Н. Соловьёв-Нелюдим .....
Тепло для народа и морозные знаки	Подарок краеведа. Г. И. Лебедев.....
Городские катки.....	Фотограф из «электрички». А. П. Любимцев .....
Кострома рождественская	Из собрания старого фотографа. Л. И. Андреев.....
Госпожа В. – первая красавица Костромы	Об авторе этой книги .....
Святочный чай	Словарь некоторых забытых и нечасто употребляемых слов.....
Масленичный город.....	Указатель старых названий улиц и площадей Костромы .....
Весенний торг.....	Указатель упомянутых в тексте исторических мест Костромы .....
Будни губернской Костромы	Примечания.....
Звоны над городом.....	
Бессловесный сотрудник почтового ведомства	
Слуховой телефон держать плотно приложенным к уху.....	
Легковой извоз – дело давнее.....	
Костромские трубочисты.....	
Откуда дровишки.....	
Полоскательные предприятия	
Торговая баня: «в номер» или в отделение?	
Распивочно и на вынос	
Кострома пила шкаликами, мерзавчиками и даже вёдрами	
Цервелат, салами, варёная с чесноком.....	
Сюрпризы наших кондитеров	
Рекламная тропа.....	
Костромской парфюм.....	
Из жизни «артистичных» механизмов, или Поющие и горящие машины	
Этот безумный XIX век, или Циклисты в городе.....	
Гонщик «Чёрная смерть».....	
Дело о собаках	
Ретирады	
Жизнь и нравы «золотой роты».....	
Часовые обывательского покоя.....	
Прогулки по Костроме	
История «сковородки» как народного сквера.....	
Судьба памятника	
Город с часами без времени.....	
Из жизни беседки	
Торговые пространства Костромы.....	
Городская дума – друг торговцев.....	
Г. Н. Вотников и его сквер	
Старый «Старый двор»	
Площадь в Кузнецях.....	
Дом на Муравьёвке	
Преображение Костромы (1903–1913)	
Юбилейный городок.....	
Домашний музей И. П. Папина.....	
Парковый проект 1915 года.....	
В годы всероссийского бедствия	
Губернские светописцы.....	
Провинциальная светопись	
Фотографический вернисаж	
Свидетели прошлого	
Нижегородские светописцы.....	
	Фотографии из сети Интернет
	С. 55.
	Дуэт фигуристов. 1908.
	URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Edgar_Magde_Syers.jpg
	С.116-117.
	Е.Э. Паприц (Линёва). Кон. XIX в.
	URL: http://www.liveinternet.ru/users/kakula/post146767794/
	С. 117.
	Э. Карузо у фонографа. Нач. XX в.
	URL: http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/6/6f/Caruso_with_phonograph2.jpg
	Изобретатель фонографа Т.А. Эдисон. 1878 г.
	URL: http://marinni.dreamwidth.org/609764.html
	С. 131
	Золотарь. Нач. XX в.
	URL: http://www.elfikarussian.ru/wp-content/uploads/2012/04/1308824164_zolotar.jpg
	С. 133
	Колокольчик «Золотарь». Торговый Дом «Русская бронза», XXI в.
	URL: http://www.sun-gift.ru/product/5127/category/73/
	С. 137.
	Колотушка сторожа. URL: http://img-fotki.yandex.ru/get/4300/nataly-pest.7/0_45393_4eacb3e0_L.jpg
	С.230-231.
	А.О. Карелин. Кон. XIX – нач. XX вв. URL: http://www.karelin.nino.ru/
	Девушки с альбомами. Фотограф А.О. Карелин. 1870-1880 гг. URL: http://www.karelin.nino.ru/
	С.232-233.
	1. М.П. Дмитриев. Кон. XIX – нач. XX вв.
	URL: http://www.pravmir.ru/cherno-belaya-carskaya-rossiya/
	3. Ложкарный базар в городе Семёнове. Фотограф М.П. Дмитриев. 1897 г. URL: http://www.pravmir.ru/cherno-belaya-carskaya-rossiya/

Художественный редактор И. Ю. Соглашасва.
Компьютерная верстка Ю. Б. Орловой.
Корректор Г. Д. Неганова.

Подписано в печать .....2013.

Формат .....

Гарнитура Benguiat Rus

Уч.-изд. л. ....

Тираж .....экз.

Заказ № .....

ООО «Костромаиздат»
156000, г. Кострома, ул. Горная, 20А, (4942) 31-61-30
Отпечатано: ИД «Линия График Кострома»
156000, г. Кострома, ул. П. Щербины, 9А

АНДРЕЙ АНОХИН

КОСТРОМА

В БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

